

Министерство образования Республики Беларусь
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
« ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЫ»

СМЕНА ПАРАДИГМ

В ИСТОРИОГРАФИИ

XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Сборник научных статей

(к 60-летию профессора А.Н. Нечухрина)

Гродно : ГрГУ, 2012.

**ПОСТИЖЕНИЕ ИСТОРИИ ЧЕРЕЗ ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ
(к 60-летию профессора А.Н.Нечухрина)**

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Гродненского государственного университета имени Янки Купалы Александр Николаевич Нечухрин приобрел заслуженную известность в образовательной и научной сферах не только в Республике Беларусь, но и за ее пределами. 30 сентября 2012 года научная и педагогическая общественность отметит его 60-летний юбилей. В связи с этим представляется повод рассмотреть основные вехи биографии профессора А.Н.Нечухрина, отразить его вклад в развитие исторической науки и исторического образования.

Александр Николаевич Нечухрин родился 30 сентября 1952 г. в городе Томске. После окончания школы в 1969 г. поступил на историко-филологический факультет Томского государственного университета на отделение «История». Этот выбор был предопределен гуманитарными наклонностями молодого человека в сочетании с аналитическим складом ума, способного оценить захватывающую широту и многообразие истории как науки. Немаловажным было и то, что его отец, Николай Прокопьевич, преподавал историю в Томском университете и способствовал формированию у сына интереса к историческим знаниям.

В годы обучения в аспирантуре Александр Николаевич работал над темой кандидатской диссертации «Проблема соотношения истории и современности в русской либеральной историографии (80-е г. XIX в. – 1917 г.)». Его научным руководителем являлся известный российский методолог и историограф Б.Г.Могильницкий. Историографическая проблематика – одна из самых трудных в исторической науке, так как она требует от автора глубочайшей профессиональной эрудиции, аналитического и критического склада ума, концептуального мышления, ответственности в оценочных суждениях. Но избранная тема оказалась по плечу Александру Николаевичу. В возрасте 26 лет он блестяще защитил кандидатскую диссертацию в Томском государственном университете.

С сентября 1979 г. А.Н.Нечухрин продолжил преподавательскую деятельность на кафедре всеобщей истории Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Несмотря на свою молодость, Александр Николаевич сразу приобрел в университетском сообществе высокий авторитет благодаря обширнейшим знаниям, самостоятельной взвешенной позиции во всем, стремлению к новым достижениям. Его перспективность как ученого,

организатора была очевидна, и в возрасте 32 лет он возглавил кафедру всеобщей истории, придав новый импульс не только ее развитию, но и развитию высшего исторического образования на факультете.

В чем же состоял этот импульс?

Во-первых, повышался уровень исторического образования, углублялось его содержание. Начало работы А.Н.Нечухрина в ГрГУ имени Янки Купалы совпало с преобразованием нашего учебного заведения из педагогического института в университет (1978 г.). Требовался более высокий уровень преподавания, его тесная связь с научной теорией. В свою очередь университетский уровень преподавания истории невозможен без освещения историографии любой значимой проблемы, без научной методологии. Курс историографии (русской и советской) и раньше преподавался студентам. Но важно отметить, что А.Н.Нечухрин привнес на факультет традиции признанной в России томской историографической школы, основателем которой являлся академик А.И.Данилов [1, с. 78]. Александр Николаевич разработал курс по историографии всеобщей истории, значительно расширивший историческую эрудицию будущих специалистов-историков.

Большое внимание стало уделяться научно-теоретической подготовке студентов, овладению ими методологией истории. А.Н.Нечухрин начал читать спецкурс «Основы методологии истории», а несколько позже – курс «Философия истории». При разработке нового поколения учебных планов курс «Методология истории» стал обязательным для изучения по специальности «История». Совместно с преподавателями кафедры источниковедения и музееведения БГУ (заведующий кафедрой, доктор исторических наук, профессор В.Н.Сидорцов) А.Н.Нечухрин разработал первую типовую учебную программу по курсу «Методология истории» (издана в Минске в 1995 г.) а также первое на постсоветском пространстве учебное пособие – «Методология истории» (Минск, 1996 г.). Данное пособие стало использоваться не только на исторических факультетах вузов Беларуси, но и в ряде вузов России, Украины [1, с. 79].

Позднее авторским коллективом в составе А.Н.Нечухрина, В.Н.Сидорцова, Я.С.Яскевич и др. были разработаны учебные пособия «Постижение истории: онтологический и гносеологический подходы» (Минск, 2003) и «Методологические проблемы истории» (Минск, 2006) для студентов, магистрантов и аспирантов исторических и философских специальностей учреждений, обеспечивающих получение высшего образования. Последнее получило гриф Министерства образования Республики Беларусь.

А.Н.Нечухрин принял также участие в создании учебного пособия «Вялікае княства Літоўскае. Метадалогія і метады даследавання» (СПб, 2003), предназначенного магистрантам и аспирантам.

Во-вторых, А.Н.Нечухрин в значительной мере способствовал расширению и усложнению проблематики научных исследований на факультете. Постепенно набирало силу историографическое направление.

В 1993 году Александр Николаевич успешно защитил в БГУ докторскую диссертацию по теме «Смена парадигм в российской историографии всеобщей истории (80-е г. XIX в. – 1917 г.)». В 1995 г. ему было присвоено ученое звание профессора по кафедре всеобщей истории.

Историографические исследования активно проводил и Дмитрий Владимирович Карев. В 1996 г. он успешно защитил в Институте истории Национальной академии наук Беларуси докторскую диссертацию по специальности «07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования» по теме «Белорусская историография конца XVIII – начала XX в.». Появление на кафедре всеобщей истории двух докторов наук – А.Н.Нечухрина и Д.В.Карева – стало определяющим фактором для открытия в ГрГУ им.Я. Купалы аспирантуры по специальности «07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования» (1994 г.). С 2008 г. в целях эффективной подготовки кадров высшей квалификации по историографии и методологии истории ВАК Беларуси разрешил в действующем при ГрГУ им. Я.Купалы Совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук проведение защит по специальности «07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования».

В монографии А.Н.Нечухрина «Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е г. XIX в. – 1917 г.)» показаны выдающиеся достижения российской исторической науки рассматриваемого периода в сфере теории и практике конкретных исследований. Однако главное внимание автор уделил выявлению сущности кризиса историографии начала XX в., анализу ее дальнейшей эволюции с точки зрения смены научных парадигм. А.Н.Нечухрин представил убедительные аргументы того, что ведущим течением в российской историографии второй половины XIX – начала XX в. являлось позитивистское направление. Его оформление и доминирование в исторической науке приходится на 80-е гг. XIX в. Мировоззрение российских историков формировалось под воздействием успехов естествознания, вплоть до попыток прямого перенесения методов и норм естественных наук в исторические исследования. Позитивистская историография ориентировалась на идеал исследования, из которого исключались все элементы, связанные с субъектом и процессами его познавательной деятельности. Требование объективности становится важнейшим принципом историографии второй половины XIX в.

А.Н.Нечухрин сопоставляет взгляды выдающихся историков конца XIX – начала XIX в. П.Г.Виноградова, П.Н.Милюкова, М.М.Ковалевского, В.О.Ключевского, Н.И.Кареева, Р.Ю.Виппера и других. Он показывает, что

большое влияние на историческое познание оказывала позитивистская социология, опиравшаяся на опыт развития естественных наук. Именно через нее историческая наука усвоила ряд основополагающих онтологических и гносеологических понятий, была сориентирована на познание законов общественного развития. Важнейшим элементом позитивистской парадигмы в истории стала убежденность в существовании определенных законов в развитии общества. Подчеркивалось социальное и научное значение знания законов истории, выдвигалось требование строго им следовать [2, с. 20]. Однако четкого определения исторических законов позитивистская историография не предлагала. История многомерна, любое историческое явление является результатом взаимодействия различных внутренних и внешних сил. Поэтому Ключевский понимал исторические законы как законы взаимодействия исторических сил. Тем не менее, еще одним неотъемлемым элементом позитивистской парадигмы являлось признание наличия в истории прогресса.

А.Н.Нечухрин подчеркивает слабость, недостаточную теоретическую разработанность позитивистской теории прогресса, что, по его мнению, в немалой степени способствовало развитию кризисной ситуации в историографии России. Более подробное обоснование теории прогресса было дано только Н.И.Кареевым и М.М.Ковалевским, совместившими в себе качества и интересы историка и социолога.

Особое внимание в монографии А.Н.Нечухрина уделяется научному наследию Н.И.Кареева. Учёный подчеркивает, что труды Кареева содержат важнейшее теоретическое обоснование позитивистской парадигмы. В то же время Н.И.Кареев пытался преодолеть ряд существенных недостатков исторического позитивизма. По мнению А.Н.Нечухрина, Н.И.Кареев может считаться первым профессиональным методологом истории в России и одним из первых в Европе [2, с. 32]. Ему принадлежит приоритет в постановке целого ряда проблем философии истории. Он являлся также крупным социологом. Однако, как считает А.Н.Нечухрин, вклад Н.И.Кареева в развитие исторической науки остался недооцененным. Кареев предостерегал против перенесения образца естественных наук в науки социальные, но в атмосфере господства сциентистских настроений был обвинен в пропаганде субъективистского подхода к истории. Главные методологические заслуги ученого, считает А.Н.Нечухрин, связаны с попыткой обосновать специфику исторического познания. Кареев отмечал, что изменение исторической интерпретации часто зависит не от накопления нового материала, а от изменений самого общества. В связи с этим историю исторической науки невозможно рассматривать вне учета тенденций жизни общества, философских и моральных доктрин соответствующих эпох [2, с. 57].

Под влиянием классической науки, в которой объект изучения выступает как малая система с небольшим количеством элементов и

детерминированными связями, в рамках позитивизма сложился факторный подход к истории. Реальное единство исторического процесса расчленилось на составляющие элементы. Это придавало исследованию большую конкретность и усиливало его фактологическую сторону. В то же время выделение и самостоятельное изучение отдельных исторических факторов способствовало формированию представлений об обществе как некоем механизме, подчиняющемся законам социальной статики и динамики. Такой механистический подход в рамках позитивистской парадигмы уживался с трактовкой общества как организма.

В монографии А.Н.Нечухрина проанализированы сильные стороны позитивистской парадигмы истории: теоретико-познавательный оптимизм, утверждение единства научного познания, требование строгого объективизма в науке, ее ориентация на поиск определенных законов общественного развития. Однако ориентация истории на исследовательские принципы, нормы и даже методы естествознания лишала ее специфики как науки. Игнорирование особенностей и теоретико-познавательных проблем исторического познания сужало познавательные возможности историка. Позитивистская теория прогресса сыграла положительную роль в осмыслении истории как единого временного и географического пространства, но привела к упрощенному представлению о ходе всемирной истории [2, с. 243].

С середины 90-х гг. XIX в. позитивистская парадигма истории вступает в теоретико-методологический кризис. Его сущность А.Н.Нечухрин связывает с формированием нового релятивистского взгляда на мир, получившего свое выражение в науке в третьей глобальной научной революции. В России к этому добавился острый мировоззренческий кризис, обусловленный крахом политических идеалов русского либерализма. Под влиянием социальных потрясений начала XX века разрушалось представление ученых об обществе как о разумном общественном организме, ставилась под сомнение идея прогресса. В рамках позитивистской историографии формируется «критический позитивизм». Главное внимание «критические позитивисты» сосредоточили на разработке теоретико-методологических проблем истории. Они видели выход из кризиса через пересмотр важнейших категорий исторической науки в сфере методологии и переход от теории прогресса к эволюционной сравнительно-исторической точке зрения в изучении всемирной истории. Считая Р.Ю.Виппера наиболее радикальным критиком прежних схем и понятий, укоренившихся в исторической науке в XIX веке [2, с. 244], А.Н.Нечухрин рассматривает формирование новых парадигмальных установок «критического позитивизма» прежде всего в его работах. Однако не обделены вниманием исследователя и другие выдающиеся историки начала XX века: Д.М.Петрушевский, Е.В.Тарле, В.П.Бузескул, Н.А.Рожков, А.К.Дживелегов, М.И.Ростовцев, М.М.Хвостов, Е.Н.Щепкин. Подчеркивая глубину и широту взглядов данных историков, невозможность их укладывания в некую жесткую

схему, А.Н.Нечухрин выделил то общее в их теоретико-методологических представлениях, что позволило объединить их в одно направление «критического позитивизма». Всем им был свойственен пристальный интерес к теоретико-методологическим вопросам истории, что способствовало оформлению методологии истории в самостоятельную дисциплину. Все они выдвигали субъект познания как активное творческое начало в процессе познания, признавали его детерминированность исторической эпохой, в которой данный субъект действует. Не отрицая единства научного знания, представители «критического позитивизма» отстаивали специфику истории как общественной науки. Они были привержены принципу релятивизма, считали, что исторические истины носят относительный характер в зависимости от социальной практики современности. Признавалась повторяемость основных элементов и стадий в общественно-историческом процессе. Подчеркивалась важная роль общих понятий в историографии. Приоритет отдавался социально-экономическому фактору исторического развития как структурообразующему. Одновременно «критические позитивисты» решительно отказывались от монизма и «экономического детерминизма» в истории. Они не разделяли теорию исторического прогресса, сосредоточив внимание на сравнительном социологическом изучении отдельных культур и народов. Вслед за европейскими учеными представители «второго позитивизма» в российской историографии всеобщей истории модернизировали древнюю историю [2, с. 245].

Обширные знания в области методологии и философии истории позволили А.Н.Нечухрину осуществить глубокий анализ исторических трудов выдающихся российских историков второй половины XIX – начала XX в. В его монографии дан полный, глубокий анализ позитивистского направления в российской историографии 80-х г. XIX в. – 1917 г., выделены его основные черты. Убедительно обосновано складывание в начале XX столетия нового течения – «критического позитивизма». Признание ценности сделанных А.Н.Нечухриным обобщений и выводов выражается в том, что ссылки на его монографию и статьи содержатся во многих российских учебниках по историографии, методологии и философии истории.

В 2001 – 2006 г. А.Н.Нечухрин являлся деканом исторического факультета. Понимание им близости истории и социологии, важности социологических теорий для понимания исторического процесса стало одним из факторов, определивших его позицию по открытию специальности «Социология». По его инициативе и при его непосредственном активном участии на факультете с 2002 г. началась подготовка по этой специальности. Было налажено сотрудничество с отделением социологии Университета в Белостоке. Специалисты из Республики Польша читали курсы лекций для первых наборов студентов-социологов.

В период с 2006 по 2008 гг. А.Н.Нечухрин являлся первым проректором Гродненского государственного университета имени Янки Купалы и внес весомый вклад в его развитие. Это было время открытия новых факультетов, кафедр и специальностей, увеличения набора студентов, становления магистерской подготовки. Александр Николаевич прилагал много усилий для решения вопросов, связанных с кадровым обеспечением новых специальностей, для расширения связей университета в области образовательной и научной деятельности с другими вузами, в том числе зарубежными.

Научные контакты А.Н.Нечухрина способствовали расширению сотрудничества факультета с высшими учебными заведениями России, Украины, Польши. Он является членом редакционной коллегии периодического сборника «Studia Podlaskie» (Университет в Белостоке, Республика Польша). Кафедра всеобщей истории организовывала проведение открытых лекций ведущих профессоров и доцентов Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К.А.Тимирязева, Историко-архивного института ГОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет», Института современной истории Чешской Республики. При участии А.Н.Нечухрина подписаны договоры о международном сотрудничестве ГрГУ им. Я.Купалы с Институтом всеобщей истории Российской Академии наук, Институтом истории Ягеллонского университета.

По инициативе А.Н.Нечухрина были организованы и проведены международные и республиканские научные и научно-практические конференции и семинары. Так, в ноябре 2011 г. состоялась международная научная конференция «Развитие методологических исследований и подготовка кадров историков в Республике Беларусь, Российской Федерации и Республике Польша», в которой приняли участие более 50 ученых из Республики Беларусь, России, Украины, Польши.

Александр Николаевич Нечухрин – один из основателей центра историографических исследований в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы. Под его руководством был подготовлен и защищен ряд кандидатских диссертаций по историографической проблематике. В кандидатской диссертации Е.И.Мелешко «Исторические взгляды П.О.Бобровского» (2002 г.) представлена научная и общественная деятельность уроженца Гродненской губернии, известного историка и военного деятеля второй половины XIX – начала XX в. Павла Осиповича Бобровского, раскрыта мировоззренческая основа его трудов. В кандидатской диссертации Э.В.Русь (2005 г.) проанализирована постановка германского вопроса в исторической мысли ФРГ и ГДР во второй половине XX в. В 2007 г. была защищена диссертация Т.М.Тохиян «Становление белорусской государственности в 1917 – 1922 гг. в оценке отечественной историографии», в

которой проанализированы основные подходы к обоснованию белорусской государственности в национально-демократической, советской и современной историографии. В 2008 г. была успешно защищена кандидатская диссертация Р.Б.Гагуа «Великая война с Тевтонским орденом (1409 – 1411): источники и историография». В работе раскрыты основные направления и результаты изучения Великой войны в зарубежной и отечественной исторической науке, осуществлена классификация опубликованных источников по их видовым признакам и тематике, дана их глубокая характеристика. Защита диссертации А.В.Демидовича «Культура эпохи Возрождения в ВКЛ в российской и белорусской историографии второй половины XIX – начала XX в.» состоялась в 2009 г. В работе раскрыты теоретико-методологические основы и конкретно-историческое содержание основных концепций и воззрений по избранной проблеме в российской и белорусской историографии рассматриваемого периода.

В 2010 г. в совете ГрГУ им. Я.Купалы состоялась защита кандидатской диссертации Ю.И.Курстака «История славянства в творчестве А.С.Будиловича (1846 – 1908 гг.)». В работе впервые представлен анализ исторических взглядов такой спорной фигуры в российской дореволюционной историографии, как А.С.Будилович, отражены его позиции по проблемам истории ряда славянских народов.

В 2011 г. была успешно защищена кандидатская диссертация С.В.Заневского «Вхождение шляхетского сословия белорусско-украинских земель в состав российского дворянства источниковедение и историография проблемы (вторая половина XIX – начало XX вв.)».

А.Н.Нечухрин выступал в качестве научного консультанта при подготовке докторской диссертации Б.М.Лепешко «Эвристическая роль аналогии в историческом познании» (Брестский государственный университет имени А.С.Пушкина) по специальности «07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования». Докторская диссертация была успешно защищена в 2001 г. [1, с. 80 – 82].

Под руководством А.Н.Нечухрина кафедра всеобщей истории активно включилась в проектную деятельность в рамках государственных исследовательских программ. А.Н.Нечухрин выступал руководителем шести госбюджетных тем, финансируемых Министерством образования Республики Беларусь и Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований: «Историческая наука в Республике Беларусь» (1998 – 2000 гг.), «Проблемы цивилизационного развития Беларуси и России в белорусской и русской исторической мысли XIX – XX вв.» (2001 – 2005 гг.), «Актуальные методологические проблемы российской и белорусской историографии на современном этапе» (2006 – 2010 гг.) и др. [1, с. 82].

Особой сферой приложения сил Александра Николаевича является журнал «Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы». С

1999 г. А.Н.Нечухрин является членом редакционного совета, с 2010 г. – заместителем главного редактора журнала.

Александр Николаевич является членом Экспертного совета Высшей аттестационной комиссии Беларуси по историческим наукам, членом совета по защите диссертаций К 02.14.03 при ГрГУ им. Янки Купалы по специальности 24.00.01 – теория и история культуры, руководит научным семинаром факультета истории и социологии. Регулярно выступает экспертом и оппонентом по кандидатским и докторским диссертациям. Является автором программ – минимум кандидатских экзаменов по специальностям 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования, 24.00.01 – теория и история культуры. Выступает экспертом образовательных стандартов по историческим специальностям Республики Беларусь.

Много внимания Александр Николаевич уделял и уделяет становлению молодых преподавателей и ученых. Его советы и замечания всегда очень глубоки и полезны. Он умеет заметить все положительные моменты в деятельности членов кафедры, проявляет большое внимание к совершенствованию преподавания закрепленных за кафедрой учебных дисциплин. Благодаря его стилю руководства на кафедре сложилась деловая и дружественная обстановка. Он всегда открыт к научным спорам, способен воспринимать возражения и конструктивную критику.

Значительный вклад А.Н.Нечухрина в развитие исторического образования Республики Беларусь отмечен многочисленными наградами. Он награжден почетными грамотами Национального собрания Республики Беларусь, Министерства образования Республики Беларусь, Гродненского областного исполнительного комитета, Президиума Гродненского областного Совета депутатов, нагрудным знаком «Отличник образования», знаком Всесоюзного общества «Знание», а также Дипломом Министерства образования Республики Беларусь за качественное руководство научными исследованиями студентов. Распоряжением Президента Республики Беларусь за выдающийся вклад в социально-экономическое развитие республики в 2006 г. ему были установлены ежемесячные персональные надбавки.

Творческий потенциал Александра Николаевича Нечухрина огромен. Его дальнейшая реализация будет обеспечивать повышение уровня подготовки кадров историков, в том числе высшей квалификации. Именно такие деятельные ученые составляют фундамент Гродненского государственного университета как ведущего регионального вуза, способствуют его признанию на международной арене.

Список литературы

1. Нечухрин, А.Н. Формирование центра историографических исследований в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы / А.Н. Нечухрин // Развитие методологических исследований и подготовка кадров историков в Республике

Беларусь, Российской Федерации и Республике Польша: сборник научных статей; под науч. ред. проф. А.Н. Нечухрина. – Гродно: ГрГУ, 2011. – С. 76 – 84.

2. Нечухрин, А.Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е г. XIX в. – 1917 г.) / А.Н. Нечухрин. – Гродно: ГрГУ, 2003. – 349 с.

Мартен Майя Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории факультета истории и социологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

УДК 94 (092 А.Н. Нечухрин)

С.А. Габрусевич

**ПРОФЕССОР АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ НЕЧУХРИН
(штрихи к портрету)**

Профессор А.Н.Нечухрин – человек уникальный. У людей близко знающих его, на этот счет сомнения не возникают. Влияние Александра Николаевича на научную и учебную деятельность факультета истории и социологии и университета, на интеллектуальный и духовный климат университетского сообщества в последние 30 лет весьма значительны. И чтобы понять истоки этого влияния, нужно разобраться в соотношении внешних и знаменательных черт его характера.

Даже в ограниченном по самым высоким меркам созвездии историков нашего университета, интеллектуальная и нравственная звезда профессора А.Н.Нечухрина светит выразительным и уникальным светом. Этот свет легко узнаваем на фоне таких признанных звезд исторической науки как профессора Б.М.Фих и Я.Н.Мараш, доктор исторических наук М.А.Ткачѳв.

Немногим из историков нашего университета удалось дотянуться до этих звезд, а тем более стать вровень с ними. Я имею в виду, конечно же, не количество публикаций. В наше время историк, обладающий нюхом на спонсоров, способен превзойти по этому показателю любого гения. Я имею в виду интеллектуальный и нравственный уровень ученого, его научную ответственность и щепетильность, его способность высечь из всегда достаточно сложного и неоднозначного исторического материала искру истины.

Профессор А.Н.Нечухрин не только сумел стать вровень с самыми яркими представителями исторической науки нашего университета, но и выделиться среди них научной и личностной уникальностью. Сознаѳт ли это сам Александр Николаевич? Есть достаточно указаний на то, что да, сознаѳт.

Уже в статье 2002 года «Современная белорусская историография: общие тенденции» он ставит отечественной историографии нелицеприятный,

но объективный анализ: «Образовавшийся (после развала СССР – С.Г.) теоретический вакуум историки стали заполнять самыми разнообразными идеями и концепциями, заимствованными из арсенала не только современной западной науки, но и историографии второй половины XIX – начала XX вв. Наблюдается интенсивное возрождение позитивистского понимания истории, традиционного для досоветской российской науки. Достигнутое в итоге «многообразие» на месте прежнего «единомыслия» вовсе не свидетельствует о высоком научном уровне исследований» [1, с. 5]. И далее: «... отечественная историография переживает в своём развитии сложный и противоречивый период, который можно охарактеризовать как кризисный» [1, с. 6].

Своё участие в преодолении этого кризиса профессор А.Н.Нечухрин обозначает достаточно скромно. Оно укладывается в содержание статьи «Проблема кризиса исторической науки» (в соавторстве с С.П.Рамазановым) и учебного пособия «Методология истории» (1996), подготовленного совместно кафедрами всеобщей истории нашего университета и кафедрой источниковедения Белорусского государственного университета.

Спустя десять лет А.Н.Нечухрин публикует обзорную статью «Формирование центра историографических исследований в Гродненском государственном университете им. Янки Купалы» [2]. Эта статья резко отличается от статьи 2002 года в части самооценки сделанного им в области методологии и философии истории.

«За период образования ГрГУ им. Я.Купалы в 1978 году на базе педагогического института, – пишет А.Н.Нечухрин, – на факультете истории и социологии успешно формируется центр методологических и историографических исследований. Начало формирования центра было положено в 1979 году, когда на кафедру всеобщей истории ее заведующим И.Ф.Дешко были приглашены два молодых преподавателя. Первым из них являлся Д.В.Карев, носитель традиций факультета архивного дела Московского государственного историко-архивного института» [2, с. 76].

Первая часть статьи посвящена оценке научной деятельности профессора Д.В.Карева и его учеников. Кстати сказать, оценка эта достаточно высокая и вполне заслуженная. Вторая часть статьи – это подведение итогов сделанного А.Н.Нечухриным, его коллегами по кафедре и учениками за последние тридцать лет.

Статья выявляет характерную черту Александровича Николаевича как солидного ученого. Во многих отношениях он альтруист. Но это не касается авторства или приоритета. И это вполне естественно, поскольку в этой сфере полного безразличия, видимо, вообще не бывает. Тем более в данном случае, в контексте того, что сделано профессором А.Н.Нечухриным для становления отечественной методологии и философии истории.

В начале 80-х годов XX столетия профессор А.Н.Нечухрин был одним из первых белорусских историков, предложивших студентам спецкурсы «Основы

методологии истории» и «Основные тенденции развития западноевропейской исторической мысли в XIX в.», а позднее и курс «Философия истории». Ему принадлежит первенство в разработке (совместно с профессорами БГУ В.Н.Сидорцовым и Я.С.Яскевич) первых учебных программ и учебных пособий по курсу «Методология истории».

Для первого издания (1996) учебного пособия «Методология истории» Александр Николаевич написал блестящее «Введение», в котором очертил предмет и задачи курса, с энциклопедической строгостью и ясностью раскрыл историю становления методологии истории как науки, описал основные современные методологические концепции в историческом исследовании. Его перу принадлежат важнейшие главы пособия: «Субъектно-объектные отношения в исторической науке и специфика исторического познания. История и современность», «Социальные функции исторического познания», «Структура исторического исследования», «Принципы исторического познания» [3]. Он автор ключевых разделов главы «Методология исторического познания» учебного пособия «Методологические проблемы истории» (2006) [4].

Но что означает методология истории для профессора А.Н.Нечухрина? В определенном отношении история сродни искусству, а методология истории технике художника. В Лувре хранится одно из надгробий великого Микеланджело. Центральными в нём являются две статуи «Восставший раб» и «Умиравший раб», задуманные как противопоставление, с одной стороны, прекрасного и сильного юноши, пытающегося разорвать оковы, с другой стороны, столь же прекрасного юноши, бессильно повисающего в них. Композицию дополняют четыре статуи рабов, которых зодчий оставил незавершенными. По ним хорошо виден процесс работы Микеланджело над изваянием: скульптор не обрабатывает блок равномерно со всех сторон, но, как бы видя в еще неотесанном камне будущее произведение, углубляется в блок в одном месте, оставляя другие почти не обработанными.

Нечто подобное выполняет в исторической теории мировоззрение исследователя. «Корни исторической теории, которой руководствуется ученый, – считает А.Н.Нечухрин, – обнаруживаются в его мировоззрении. В этом отношении оно задает исследователю соответствующий угол зрения на материал, влияет на его категориальное формирование, на компоновку фактов и их оценку» [4, с. 129 – 130].

Но поскольку это так, то сказать своё слово в методологии может только практикующий историк. С другой стороны, историк, не владеющий научной методологией, обречен на создание исторических сюжетов, а не истории народа. Не исключено, что найдутся спонсоры, которые оплатят издания этих сюжетов, возможно, автор получит гонорар натурой, т.е. экземплярами своих книг.

Подобная практика в наше время не является редкостью. Причина этого видится во всё возрастающем в научной жизни господства узкого практицизма. Даже ученые с устоявшейся научной репутацией начинают чувствовать, что им нужно почаще писать на горячие темы, если они хотят продвинуться на тщательно проградированной шкале научного авторитета.

Как ученый, профессор А.Н.Нечухрин счастливо сочетает в себе качества эксперта в области методологии и философии истории и практикующего историка. Он автор ряда оригинальных работ по отечественной историографии: «Отечественные историки – уроженцы Гродненщины», «Историки Гродненщины», «Е.Ф.Орловский как краевед», «Историки Западной Беларуси XIX – начала XX вв.», «Павел Осипович Бобровский: учёный, реформатор, педагог» (в соавторстве с Е.И.Мелешко), а также исследований по проблемам социальной и политической истории Беларуси: «Этнасацыяльныя і палітычныя працэсы ў заходнім рэгіёне Беларусі ў 1921 – 1939 гг.» (в соавторстве), «Деятельность политических партий и объединений в Западной Беларуси в 1921 – 1939 гг.» (в соавторстве), «Деятельность политических партий и объединений в Западной Беларуси (историографический обзор)», «Экономическая и этносоциальная политика Речи Посполитой в отношении Западной Беларуси 1921 – 1939 гг.» и ряда других.

Однако сфера неизменных интересов профессора А.Н.Нечухрина – это методология и философия истории. Насколько это важно в условиях кризисного состояния отечественной историографии не требуется особых доказательств. Во фрагменте к «Введению в курс лекций по русской историографии второй половины XIX в.» В.О.Ключевский пишет: «Русская история не занимает особенно видного места в ряду умственных интересов русского образованного общества. Интерес к ней посредственный, живой, но сдержанный, ближе к недоумению, чем к равнодушию: источник его в естественном любопытстве ко всему родному, отечественному, между прочим и к отечественной истории, но без отчетливой мысли, на что бы еще она могла понадобиться» [5, с. 364].

Сказано 110 лет тому назад о русской истории, а между тем, эта мысль М.О.Ключевского в полном объеме применима к характеристике современной белорусской исторической науки. «Чтобы проникнуть в общественное сознание и в нём укрепиться, – пишет далее М.О.Ключевский, – научно-историческая идея должна встретиться с умственными или практическими потребностями общества, найти себе место в ряду средств, к которым оно обращается для разрешения занимающих умы вопросов или ставших на очередь житейских задач. Такая встреча возможна при двух условиях: если идея получила разработку, приспособленную к обычным способам усвоения идей общественным сознанием и если само общество подготовлено к

историческому размышлению, как практически полезному средству общения» [5, с. 365].

Есть еще одно условие, о котором не говорит М.О.Ключевский. Исторические исследования должны быть объективными, их содержанием должно быть то, что прожито и пережито народом. Для М.О.Ключевского это было само собою разумеющимся, как впрочем, и для профессора А.Н.Нечухрина.

Список литературы

1. Нечухрин, А.Н. Современная белорусская историография: общие тенденции / А.Н. Нечухрин // *Studia Podlaskie*. – Т. XII. – Białystok, 2002. – S. 5 – 22.
2. Нечухрин, А.Н. Формирование центра историографических исследований в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы / А.Н. Нечухрин // Развитие методологических исследований и подготовка кадров историков в Республике Беларусь, Российской Федерации и Республике Польша: сборник научных статей; под науч. ред. проф. А.Н. Нечухрина. – Гродно: ГрГУ, 2011. – С. 76 – 84.
3. Методология истории: Учебное пособие для студентов вузов / Гуманитарно-экономический негосуд. ин-т Республики Беларусь; Белорус. ветвь ассоц. «История и компьютер»; под ред. А.Н. Алпеева [и др.]. – Минск: НТО ОО «ТетраСистемс», 1996. – 240 с.
4. Методологические проблемы истории: учеб. пособие / под общей редакцией В.Н. Сидорцова (соавтор). – Минск: НТООО «ТетраСистемс», 2006. – 352 с.
4. Ключевский, В.О. Неопубликованные произведения / В.О. Ключевский. – М.: Наука, 1982. – 416 с.

Габрусевич Сергей Александрович, кандидат философских наук, профессор, профессор кафедры белорусской культуры и регионального туризма факультета туризма и сервиса Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

УДК 94 (092 А.Н. Нечухрин)

Т.А. Бадюкова

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ НЕЧУХРИН

О некоторых людях писать очень легко – в их жизни происходят невероятные события, жизнь проделывает с ними самые различные казусы, они попадают в сложные ситуации. Но как рассказать о спокойных людях, жизнь которых течет размеренно, которые построили свою жизнь по определенному порядку, которые имеют очень твердые и понятные жизненные ориентиры и не отклоняются от них? Попробую...

Александр Николаевич Нечухрин появился на кафедре всеобщей истории довольно неожиданно. Уроженец Томска, окончивший знаменитый

Томский университет и получивший отличное историческое образование. Ему прочили хорошую карьеру в университете, молодой кандидат наук. Но можно догадаться, что молодому человеку хотелось самостоятельности. Отец – известный ученый в Томском университете, как бы быть самостоятельным – всё равно он сын, только сын.

И Александр Николаевич вместе с молодой женой и маленькой дочкой совершает поступок, который и сейчас поставил бы многих в недоумение, а тогда... Тогда у нас была единая большая страна, без границ, которые теперь ее разделили. Тогда можно было написать в далекий Гродненский пединститут, который готовился стать университетом. И через всю огромную страну – СССР – приехать в совершенно незнакомый город, где жили люди с немного другим менталитетом и укладами, остаться в нем, прожить там жизнь и сделать многое, за что можно гордиться. Мужской поступок, не правда ли?

Я познакомилась с Александром Николаевичем в 1981 году, когда после целевой аспирантуры и защиты кандидатской диссертации в БГУ вернулась работать на кафедру всеобщей истории. Мне сказали, что у нас новый преподаватель, сибиряк, из Томска. Мы одногодки, с тех пор мы работаем на одной кафедре и по жизни съеден не один пуд соли.

Что можно сказать о характере Александра Николаевича? Самое первое впечатление – это глубоко нордический характер, как говорилось в знаменитом советском сериале о разведчике. Он выдержан, невозмутим, всегда размеренная речь, все эмоции спрятаны глубоко. Ко всем одинаково приветлив, вежлив. Это его внешние качества. Но если посмотреть в ретроспективе лет, прошедших с тех пор, когда Александр Николаевич появился на нашей кафедре, то понимаешь – не все так просто и безмятежно было в его жизни.

Молодая семья некоторое время жила в общежитии, пока ей не выделили отдельную квартиру. И в этих условиях Александр Николаевич работал, занимался наукой, писал монографии и статьи – и в конечном итоге защитил докторскую диссертацию. Это большой труд, понятный всем универсам, понятный нам, сотрудникам его кафедры.

И логичным было то, что наш заведующий кафедрой, Иван Федорович Дешко, который очень долго руководил кафедрой, на склоне лет передал кафедру именно Александру Николаевичу, который до теперешнего времени её возглавляет.

За годы руководства кафедрой Александр Николаевич подготовил много учеников – молодых кандидатов наук. Часть из них работает на нашей кафедре, а многие работают в вузах Беларуси и за рубежом. Но никто не забывает родную кафедру и своего учителя – звонят, приезжают на конференции, присылают статьи и монографии.

В научной жизни Александра Николаевича большой период связан с польской научной исторической школой. Сложились хорошие контакты с

польскими историками из Белостока и Варшавы, был постоянный обмен научной информацией и статьями. Александр Николаевич, помимо руководства кафедрой, долгое время был деканом исторического факультета. При нем был налажен постоянный обмен студентов с Белостокским университетом, который продолжается и сейчас.

Руководство историческим факультетом – это тоже непростая страница жизни. Студенты, учебные планы, организация учебного процесса, научная жизнь, воспитательная работа – это всё непростые стороны работы декана. И Александр Николаевич достойно справлялся со всеми сложностями и проблемами организации жизни факультета.

Его организаторские качества не остались без внимания руководства университета. Александру Николаевичу предложили пост первого проректора. Я в то время работала под его руководством как проректор по учебной, воспитательной работе и социальным вопросам. И могу уверенно сказать, что его личные качества, а именно – спокойствие, выдержка, интеллигентность и мудрость, сыграли большую роль в работе на этом ответственный посту. Он не обижал никого, не кричал, не выходил из себя, хотя порой труднейшие ситуации могли провоцировать и такое поведение. Да, Александр Николаевич очень требователен, в первую очередь, к себе, поэтому и с других он требует по максимуму. Не всем это нравится, но это важное качество для руководителя. Он был и есть достойным человеком на любой должности.

И когда приходит время юбилейной даты – всегда как бы подводишь свой жизненный капитал, который удалось накопить. Что в сокровищнице у Александра Николаевича? Большой научный капитал, доктор наук, профессор, почетный профессор Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, отличник образования, награжденный множеством грамот и наград. Ученики – молодые кандидаты наук, аспиранты магистранты, дипломники. Постоянное руководство научными темами и проектами республиканского финансирования. Постоянные научные контакты с ведущими учеными – историками Москвы, Томска, Минска. Работа в экспертном совете ВАК. Стопки книг, множество статей...

Большой организационный опыт заведования кафедрой до настоящего времени, опыт руководства факультетом и университетом, опыт руководства научным журналом «Вестник ГрГУ».

И самое главное – огромный опыт жизни. Жизни правильной, с принципами, с твердой позицией. Замечательная семья, верная и умная жена Наталья Максимовна, которая во многом повлияла на жизненную позицию Александра Николаевича. Замечательная дочка Вика и нежная внучка Сашенька. Это крепкий тыл Александра Николаевича.

А разве не огромный капитал – уважение и любовь окружающих тебя людей – сотрудников, студентов, преподавателей?

От всего сердца желаю Александру Николаевичу ещё многих лет жизни, плодотворной научной деятельности, многих жизненных свершений!

Бадюкова Татьяна Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории факультета истории и социологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

УДК 930 (092 А.С. Лаппо-Данилевский)

А.Н. Нечухрин, С.П. Рамазанов

**МИР АБСОЛЮТНЫХ ЦЕННОСТЕЙ:
АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ**

Видное место в отечественной исторической науке конца XIX – начала XX вв. занимал А.С.Лаппо-Данилевский. Ученый прославился не только конкретными исследованиями по истории России, но и своими изысканиями в области методологии истории, историографии и источниковедения. Он являлся признанным лидером неокантианского течения в отечественной исторической науке. Для методологических воззрений историка были характерны и присущая неокантианцам направленность на выявление специфики исторического исследования, и стремление преодолеть те положения концепции немецких мыслителей, которые по существу расходились с задачами научного знания современной эпохи. Он широко опирался на традиции русской философско-исторической мысли.

В разное время неодинаковые элементы научного наследия А.С.Лаппо-Данилевского привлекали к себе внимание историографов. Его теоретико-методологические взгляды получали на разных этапах развития нашей науки диаметрально-противоположные оценки, которые не были свободны от конъюнктуры и политических пристрастий их авторов.

А.С.Лаппо-Данилевский не был обойден вниманием своих коллег при жизни. Практически все его крупные работы вызывали по выходу пристальный интерес и споры [1]. В честь двадцатипятилетия его научной деятельности учениками и товарищами по работе был издан специальный сборник статей, посвященных его творчеству, с указанием трудов исследователя [2]. Однако подлинный всплеск интереса к научному наследию Лаппо-Данилевского наблюдается по смерти исследователя 7 февраля 1919 года [3].

В послереволюционные годы в обстановке гражданской войны, всеобщей разрухи и голода смерть буквально косила ряды ученых. Историческая наука потеряла таких корифеев, как В.В.Берви-Флеровский, Н.Ф.Каптерев, И.В.Лучицкий (1918), В.И.Герье, М.А.Дьяконов (1919),

Д.И.Иловайский, Д.А.Корсаков, И.С.Пальмов, Б.А.Тураев, В.М.Хвостов, М.М.Хвостов, А.А.Шахматов, В.Н.Щепкин, Е.Н.Щепкин (1920) и др.

Но и на этом пиршестве смерти кончина Лаппо-Данилевского была воспринята особенно остро и приобрела, по сути, символическое значение. Как писал А.Е.Пресняков: «Носитель и деятель старой зрелой культуры, А.С. сошел с житейской сцены в минуту ее глубокого кризиса. И невольно думается, что при сей безвременности и жуткой роковой случайности этой кончины есть в ней трагическое соответствие историческому моменту, переживаемому нашей родиной вместе со всем цивилизованным миром... И сам он крайне тяжело переживал распад той культуры, которая его вскормила» [4, с. 96]. В свою очередь И.М.Гревс указывал, что Лаппо-Данилевский был поражен войной и революционной бурей, поскольку «насилие всегда было недопустимо для его нравственного сознания». Мыслитель был погружен в жесткую муку и «может быть, смерть его, неожиданная и преждевременная явилась протестом против свершавшегося, разливавшегося кругом зла, мрака, невежества, хаоса, насилия, кровопролития» [5, с. 78 – 79].

Если в академических кругах смерть историка вызвала чувство невосполнимой утраты, подчеркивались его заслуги как теоретика, исследователя прошлого России XVI – XVIII вв. и руководителя научного семинара в Петербургском университете, то руководство советской наукой отнеслось к этой трагедии равнодушно. Более того, в рецензии на посмертное издание «Методологии истории» (Вып. 1. Пг., 1923) Лаппо-Данилевского М.Н.Покровский пренебрежительно заявил, что «как теоретическая работа она никакого интереса не представляет», а может быть использована лишь в качестве справочного пособия [6, с. 190 – 196].

К великому сожалению, это отношение к методологическим поискам ученого, составлявшим важнейшую часть его научного наследия, на многие годы закрепились в советской историографии. Исследователи его творчества подчеркивали значение трудов историка в области теоретического источниковедения, обращая внимание на мастерство исторического анализа и тонкость его источниковедческих приемов, создание собственной школы в этой области [7]. При этом особое внимание в последние годы обращалось на вклад ученого в разработку методологических проблем источниковедения. Широко поставлен вопрос о Лаппо-Данилевском как историографе, одном из основателей историографии русской истории [8]. Безусловно, признается огромное значение трудов исследователя по социально-экономической и политической истории России, хотя до комплексного их рассмотрения так дело и не дошло. Намечен подход к анализу исторической концепции ученого, его методологии истории [9]. Однако как раз здесь остается более всего спорных моментов и пробелов в изучении. В связи с этим, рисуя исследовательский портрет А.С.Лаппо-Данилевского, следует больше места уделить его методологическим воззрениям. Тем более что оформление методологии

истории в самостоятельную дисциплину являлось главным проявлением развития отечественной исторической мысли в условиях научного кризиса рубежа веков. Такой подход позволит более адекватно определить место ученого в истории исторической науки и понять особенности его творчества.

Научную биографию исследователя и его духовный облик позволяет реконструировать составленная им для Словаря действительных членов Академии наук автобиография [10, с. 405 – 413] и воспоминания современников. А.С.Лаппо-Данилевский родился 15 января 1863 года в имении Удачное при селе Мало-Софиевке Гуляйпольской волости Верхнеднепровского уезда Екатеринославской губернии, где и прошли его детские годы. Судьба была к нему благосклонна, хотя период российской истории второй половины XIX – начала XX вв. отмечен не только бурным общественным прогрессом, но и острыми коллизиями, приведшими к трагическому исходу.

Отец будущего историка – Сергей Александрович, несколько трехлетий отправлял должность Верхнеднепровского предводителя дворянства, а затем вице-губернатора Таврической губернии. Он не имел возможности постоянно проживать с семьей в Удачном, поэтому воспитание сына взяла на себя мать – Наталья Федоровна, рожденная Чуйкевич (из дворян той же губернии). Культурная обстановка состоятельной и образованной семьи позволила развиться блестящим разносторонним способностям ребенка. Он получил хорошее домашнее образование, проявив равные склонности как к гуманитарным наукам, музыке, так и к математике. Около полутора лет семья Лаппо-Данилевских провела в Швейцарии, что способствовало расширению кругозора Александра Сергеевича. По возвращении на Родину он поступил в Симферопольскую гимназию, курс которой окончил в 1882 г. с золотой медалью.

На складывание мировоззрения молодого человека сильное воздействие оказал его глубокий интерес к религии и философии. Как отмечал Гревс, Александр Сергеевич с ранней юности сильно и глубоко был проникнут «религиозностью, не ходячею, поверхностною, а глубокою, постоянно владевшую им мыслью о Боге, неослабном стремлении озарить повседневность образами высшего, вечного, встать под покровительство абсолютного начала» [5, с. 49]. Для вольнодумства и всеразъедающего скептицизма общества пореформенной России такая установка была весьма нетипичной.

С другой стороны, по труду Льюиса юноша знакомится с философией позитивизма Конта и Милля, а под влиянием Тейлора, Спенсера и Грота обнаружил склонность к изучению первобытной культуры и античного мира. Характерно, что у Лаппо-Данилевского, по-видимому, никогда не наблюдался конфликт между религией и наукой.

Направление интересом Александра Сергеевича определило его поступление осенью 1882 г. на историко-филологический факультет Санкт-

Петербургского университета, где он проявил себя как очень добросовестный студент. По словам Гревса, «с самого начала основным центром его занятий стала русская история, хотя не забывались и другие, уже сделавшиеся любимыми области: история всеобщая, философия, археология...» [5, с. 54]. Уже на студенческой скамье определенно проявилась и такая сторона мироощущения Лаппо-Данилевского, как настороженное отношение к политической деятельности. Увлечению революционными идеями, свойственному молодежи 80-х гг., он предпочитает участие в студенческом научном литературном обществе, которое противопоставило научную работу «как карьеризму, так и преждевременному политиканству и революционерству» [5, с. 59].

На старших курсах университета, который он окончил в 1886 г., молодой историк стал заниматься историей Московского государственного строя. По собственному признанию Александра Сергеевича, выбор темы определился под непосредственным влиянием видных представителей историко-юридической школы Б.Н.Чичерина и А.Д.Градовского [10, с. 406]. Однако первая крупная работа исследователя была посвящена скифским древностям [11] и выросла из студенческого сочинения Лаппо-Данилевского. «Скифские древности» основывались на свидетельствах греческих авторов (в первую очередь Геродота) и результатах археологических раскопок скифских курганов. Молодой исследователь по существу первым попытался дать синтетическую картину истории, быта, культуры и социальных отношений скифских племен. Огромное внимание он уделил тому, что сегодня называется «историей повседневности» занятия, пища, жилища, одежда, утварь, вооружение, нравы и обычаи, семейные отношения, верования скифов, – и к чему приковано внимание современной науки. Лаппо-Данилевский стремился выделить этапы и особенности путей исторического развития западных и восточных скифов, показать их взаимоотношения с греческими колониями в Северном Причерноморье.

Как и для более поздних работ ученого, для «Скифских древностей» характерна тяга раскрыть животворящий дух изучаемого народа, без которого, по словам Александра Сергеевича, «жизнь перестает быть жизнью, народ – народом» [11, с. 149]. Скучность источников, на которую обоснованно жаловался исследователь, не позволила ответить ему на ряд вопросов и определила спорность некоторых выводов. Например, Лаппо-Данилевский считал скифскую культуру вторичной, обусловленной греческим образцом. Он не признавал самостоятельного «звериного стиля» в искусстве скифов, образцами которого гордятся сегодня богатейшие музеи мира. Но в целом труд историка стал серьезным вкладом в развитие русской скифологии.

Подающий большие надежды выпускник университета был оставлен при нем кандидатом для подготовки к профессорскому званию. Темой будущей магистерской диссертации была определена «Организация прямого

обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований». В 1890 г. работа была завершена и вышла отдельной книгой (СПб., 1890), вызвав пристальный интерес маститых авторов. Обширную рецензию на нее по поручению Академии наук составил П.Н.Милюков. Рецензент справедливо отмечал, что этот труд «представляет достоинства, которые не часто приходится встречать в нашей ученой литературе» [12, с. 1]. Автор его собрал огромное количество как печатного, так и рукописного материала не только впервые изученного, но и самостоятельно обнаруженного в архивах и введенного в научный оборот. Лаппо-Данилевский продемонстрировал выдающийся кругозор, солидное знакомство с европейской, историко-юридической и историко-экономической литературой. Тема его исследования отвечала наиболее современным интересам и потребностям науки [12, с. 1 – 2].

Историк поставил своей задачей изучить специфические особенности истории русского народа как особого национального типа [13, с. 1]. Но Лаппо-Данилевский полагал, что «развитие великорусской национальности (в XIV – XVIII вв. – *Авт.*) было довольно односторонним. Оно сказывалось, главным образом, в прогрессивном росте правительственных органов и их функций, а не в разностороннем историческом движении всей совокупности народных сил» [13, с. 501 – 502]. То есть на первый план у него выдвигается история государства. В свою очередь, если зародыши Московского государства как определенного типа виделись ему в XIV – XV вв., то лишь в XVI веке оно, по его мнению, формируется как цельное явление. Однако уже со следующего столетия национальные черты в нем бледнеют под влиянием западноевропейской цивилизации. Поэтому именно на XVII веке в истории Московского государства ученый сосредоточил свое внимание. В правительственной же истории этого времени главное он усмотрел в финансах и войске. Поскольку войско не может существовать без финансов, то их исследование заняло центральное место в работе [13, с. 1 – 11, 503, 505].

Обоснованно считая, что финансовая политика Московского царства XVII столетия обеспечивала, прежде всего, казенный интерес, а не поощрение предпринимательской деятельности, Лаппо-Данилевский сосредоточился на вопросе об организации прямого обложения, как наиболее важном источнике пополнении казны [13, с. 111]. Автор попытался выявить социально-экономические условия, на почве которых складывалась организация прямого обложения, показать принципы ее функционирования и влияния на общественный строй. Изучаемые явления были представлены в их динамике в виде живой, развивающейся ткани соотношений, определяемых местными условиями древнерусской жизни [13, с. 111]. Историк пришел к выводу, что определенная система налогов оформилась лишь к концу XVII в. [13, с. 30].

Между различными классами населения в государстве, утверждал Александр Сергеевич, сложилось разумное распределение обязанностей: одни

служили, другие выполняли податные обязанности, платили прямые налоги [13, с. 45, 76]. Среди последних главным классом являлось крестьянство, объединенное в общины-волости. Складывание общины, в свою очередь, было в немалой степени вызвано полицейскими и фискальными интересами государства [13, с. 77 – 78, 82]. Но исследователь видел и общность экономических интересов у общины. На почве тягла складывалось и мирское самоуправление [13, с. 112]. Под воздействием тягловых интересов спланировалась и посадская община [13, с. 127, 132], интересы которой далеко не всегда совпадали с крестьянской [13, с. 164].

Весьма подробно ученый проанализировал систему расклада податей со стороны правительства и мира, организацию взимания податей царской администрацией, движение податных сумм из областных в центральные учреждения. Все попытки царской власти в XVII в. по созданию строгой системы центральных органов финансового управления Лаппо-Данилевский признавал малоэффективными, так как «во главе народа русского не стояло еще гениального ума, который сумел возвыситься над потребностями минуты до более общего плана административных реформ...» [13, с. 500]. Последнее оказалось под силу лишь Петру I.

Нетрудно заметить ряд спорных моментов в самой теоретической конструкции исследователя финансовой теории Московского государства, отмеченных еще рецензентами. Проблематичным являлось само выделение особой русской национальной идеи и тем более ее воплощение в характерных особенностях государственного строя XVII в. Александр Сергеевич перекликался здесь с представлениями о сущности исторического процесса теоретиков немецкого историзма, а в рамках русской историографии прежде всего с представителями «государственной школы». К концу XIX столетия отечественная наука уже в основном отказалась от таких построений. Не избежал историк и известной формализации в подходе к материалу. Так, стремясь к «юридической определенности», он отказался от изучения косвенных налогов, важных для финансовой истории страны, хотя и избежать этого процесса полностью не смог. Терминология, применяемая автором к XVII в., была построена на изучении государственных финансов XIX столетия и поэтому не всегда точно отражала суть явлений.

Следует согласиться с М.А.Дьяконовым, что Александр Сергеевич как историк был в крайне невыгодном положении, поскольку ему «приходилось оперировать над материалом XVII в., не имея подготовленной почвы в исследованиях о предшествовавших эпохах» [14, с. 377]. Вопросы государственного хозяйства Московской Руси были вообще мало изучены, и труд Лаппо-Данилевского являлся крупным вкладом в сокровищницу науки. Милюков имел все основания причислить его к числу «самых замечательных явлений в русской исторической литературе последнего времени» [12, с. 154]. Академия Наук присудила за эту работу ее автору премию графа Уварова.

Защита магистерской диссертации позволила Лаппо-Данилевскому с 1890 г. начать чтение лекций по русской истории в Санкт-Петербургском университете [15] в звании приват-доцента (в коем он до конца и оставался) и в Историко-филологическом институте, где он в 1891 г. был избран в экстраординарные профессора. Параллельно ученый преподавал специальный курс по истории первобытной культуры человека в частной гимназии Л.С.Таганцевой, заслужив высокие отзывы выпускниц гимназии [16]. Принял он участие и в работе Тенишевского училища, для которого, в частности, подготовил план преподавания истории человечества.

Наряду с русской историей Александр Сергеевич читал в университете курс русской историографии, которой постепенно стал все более отдавать свое исследовательское время. Как отмечает Р.А.Киреева, Лаппо-Данилевский в своем курсе стремился дать периодизацию русской историографии, выявить направления в науке, обратить внимание своих слушателей на историю самой историографии. Он постоянно совершенствовал свои лекции, расширяя понимание предмета историографии и хронологические рамки отечественной историографии, которую стал начинать с XI – XII вв. Им был поставлен вопрос о «школах» и «направлениях» в исторической науке, о месте историографии в общей системе наук. Для его понимания истории науки был характерен эволюционизм, акцент на внутренних импульсах в ее развитии [8, с. 67 – 70].

Занимаясь историографией в течение всей своей педагогической деятельности, ученый так и не создал обобщающего историографического труда, оставив после себя ряд неоконченных, но чрезвычайно интересных материалов, среди которых рукопись трех частей «Очерка развития русской историографии». Его имя прочно встало в ряд с такими корифеями отечественной историографии, как С.М.Соловьев, М.О.Коялович, В.О.Ключевский, К.Н.Бестужев-Рюмин, В.С.Иконников, П.Н.Милюков, Д.И.Багалей и др.

Впоследствии к названным курсам, читаемым Лаппо-Данилевским в стенах университета, присоединились спецкурсы и семинары по дипломатике частных актов [17], теоретическим проблемам исторического источниковедения, философским проблемам общественных наук («Основные проблемы обществоведения», «Систематика социальных явлений разных порядков», «Практические занятия по теории эволюции в применении к обществоведению и истории», «Критический разбор главнейших учений о случайности», «Критический разбор главнейших учений, касающихся проблем чужого я» и др.). С 1906 г. Санкт-Петербургский университет установил обязательный курс «Методологии истории» и поручил его читать Александру Сергеевичу. Курс сопровождался семинарскими занятиями [18, с. 42 – 43]. С начала и до конца своей педагогической деятельности он являлся бессменным руководителем научного кружка историко-филологического факультета. Влияние Александра Сергеевича испытали на себе многие будущие крупные

ученые. Его учениками были и считали себя историки С.Н.Валк, Б.Д.Греков, А.Е.Пресняков, Б.А.Романов.

Научный кружок и семинарии Лаппо-Данилевский по оценке В.Р.Лейкиной-Свирской представляли из себя новую, более высокую ступень организации научного труда. Для нее характерно сближение сопредельных наук с возникновением на их стыке новых проблем и первые шаги от прежних методов индивидуального исследования к созданию исследовательских коллективов, объединенных вокруг научного руководителя и выполнявших сообща конкретные задачи [19, с. 94].

Безусловно, был прав Пресняков, утверждавший, что в лице Лаппо-Данилевского «в университет вошла крупная научно-исследовательская сила» [20, с. 24]. Однако положение историка среди коллег по университету было непростое: по свидетельству Преснякова, Александр Сергеевич, отличаясь замкнутостью характера, никогда не искал живого общения и личного сближения. Он был склонен к упорному самостоятельному кабинетному труду [20, с. 16]. Само его увлечение теоретическими проблемами общественнонаучной истории выделяло его из университетской среды, ставя в обособленное положение: «Он, можно сказать, не вошел в историческую школу Петроградского университета, а поставил рядом с нею свою, особую, казавшуюся многим не исторической, а теоретической, выпадавшей из строя факультетского преподавания русской истории» [20, с. 24 – 25]. Александр Сергеевич, несмотря на весь свой авторитет, так и не стал полноправным и влиятельным членом в направлении факультетской деятельности.

Широта преподавательской работы сочеталась у ученого с многосторонностью научно-исследовательских интересов, которыми в значительной степени и определялся круг его педагогических занятий. Им был создан ряд крупных работ по экономической истории России XVII – XVIII веков, истории крестьянства, внимание к которой подогревалось остротой аграрного вопроса в стране и приближающимся в 1911 г. юбилеем реформы 1861 года. Среди работ этого круга следует выделить «Русские промышленные и торговые кампании в первой половине XVIII века» (1899), «Розыскания по истории прикрепления крестьян в Московском государстве XVI – XVII вв.» (1901); «Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России» (1905); «Служилые кабалы позднейшего типа» (1909).

В своих трудах Лаппо-Данилевский отмечал сложность положительного освещения поставленных вопросов из-за отрывочности и пробелов наших источников, плохой археографии предмета исследований. В работах по истории крестьянства он выступал против резкой сословной градации и необоснованных привилегий, полученных дворянством, по его мнению, после ревизии 1718 – 1727 гг. К этому же времени историк относил и образование основных «родов крестьянства» [21, с. 13, 77], которые им были достаточно подробно рассмотрены. Особое осуждение частновладельческого характера

собственности дворян на крепостных крестьян вызывало у историка то обстоятельство, что манифестом от 18 февраля 1762 г. императрицы Екатерины II они освобождались от обязательной службы [21, с. 97]. Тем самым разрушалось гармоничное распределение обязанностей среди общественных классов, и привилегии дворянства становились необоснованными, считал исследователь. Лаппо-Данилевский вскрыл рост деспотизма господ по отношению к крепостным и подчеркнул, что этот гнет «послужил одною из причин крестьянских волнений против помещиков» [21, с. 123]. В частности, по его убеждению, «в Пугачевском бунте движение крепостных против помещиков играло, конечно, существенную роль...» [21, с. 126]. Тем самым Александр Сергеевич достаточно критично оценивал своекорыстную политику сословия (к которому сам принадлежал) в послепетровскую эпоху. Постепенно центр научных интересов Лаппо-Данилевского перемещался из области исследования истории учреждений и общественных классов в сферу истории идей. Его внимание привлек, главным образом, период царствования Екатерины II. Он задумал написать докторскую диссертацию на тему «История политических идей в России в XVIII века в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики» [22]. Но этот труд так и остался незавершенным, хотя появился ряд статей в этом направлении.

Екатерининская эпоха привлекла внимание исследователя, поскольку в ней он видел истоки формирования в русском образованном обществе идеи эмансипированной личности, чему способствовало влияние западноевропейского просвещения. К этому же времени он не без оснований относил первые проекты формирования российского общественного строя, в частности, освобождения крестьянства [23, с. 163 – 190].

Ученый вскрыл глубоко противоречивый характер самой личности Екатерины II и сути ее правления. Александр Сергеевич довольно определенно разделил общественные идеалы и намерения императрицы и ее реальные внутривластные действия. Взойдя на престол, она сознавала необходимость заботы о простом народе, стремясь к общей цели – «счастью своих подданных». В этой связи она поставила крестьянский вопрос и предала его гласному обсуждению русского общества [24, с. 163 – 164]. Отзываясь на идеи просветителей, она писала о невозможности делать людей невольниками и необходимости освобождения крепостных. Высказывания Екатерины II вызвали живую реакцию среди наиболее просвещенных слоев дворянства, например, в Вольном экономическом обществе [24, с. 164 – 166]. Вопрос о крестьянах был даже вынесен на Большую комиссию, созданную для составления проекта нового уложения, в работу которой, однако, не вошли депутаты от владельческих крестьян [24, с. 169 – 170]. Но до радикальных реформ дело так и не дошло.

Под влиянием в целом крепостнически настроенного дворянства, интересы которого императрица боялась сколько-нибудь серьезно затрагивать,

видя в нем опору монархии, она стала думать не о постепенном осуществлении реформы, а только об ограничении крепостного права [24, с. 166 – 167]. В итоге, пишет Лаппо-Данилевский, дело свелось к секуляризации церковных имений и приравниванию прикрепленных к ним крестьян к государственным, а также к сокращению источников попадания в крепостное состояние с оставлением без перемен способов его прекращения [24, с. 168 – 176]. Крепостной строй Екатериной II не только был реформирован, но и укрепился и распространился на новые территории. Власть помещика над крестьянами приблизилась к частновладельческой [24, с. 177 – 188]. Восстание Пугачева вместо того, чтобы побудить правительство к реформе, вызвало применение насилия и преобладание реакционного элемента в политике по крепостному вопросу. Были ограничены и права гражданина в самом обсуждении этого вопроса, свидетельством чего является участь Радищева. Надежды большинства населения на просвещенного монарха не оправдались [24, с. 189 – 190].

Создавая свои труды на широком архивном материале, Лаппо-Данилевский стремился ввести в научный оборот как можно более широкий круг малодоступных исследователям письменных источников. Это направление научной деятельности имело результатом публикацию и критику им целого ряда важных документов XV – XVIII вв.

Научные заслуги ученого были должным образом оценены, и 4 декабря 1899 г. в 36-летнем возрасте Александр Сергеевич избирается в действительные члены Императорской Академии Наук (и вскоре прекращает чтение лекций в Историко-филологическом институте). В звании адъюнкта, а затем экстраординарного (6 апреля 1902 г.) и ординарного (5 февраля 1905 г.) академика он принимает самое широкое участие в научной деятельности Академии. Под его руководством были изданы неоконченные труды, написанные академиком А.А.Куником. Лаппо-Данилевский встал во главе громадного издания «Сборника грамот бывшей Коллегии Экономии» и «Памятников Русского законодательства» и др. Он помогал и контролировал научную деятельность губернских Ученых Архивных Комиссий, постоянно участвовал в различных академических комиссиях по присуждению премий.

Одновременно Александр Сергеевич являлся членом (с 1894 г.) Императорской Археографической комиссии министерства Народного просвещения, состоял одно время секретарем, а затем председателем секции Русской истории Исторического общества, созданного по инициативе Н.И.Кареева при Санкт-Петербургском университете и секретарем Отделения Русских и Славянских древностей Императорского Археологического общества. Талантливый исследователь неоднократно принимал участие в археологических съездах России, а также в международных предприятиях, свидетельствующих о его огромном авторитете. Лаппо-Данилевский состоял членом Международной Ассоциации Академий, председательствовал и

выступал с докладами на международных исторических съездах. В 1916 г. Александр Сергеевич был удостоен звания почетного доктора права Кембриджского университета, куда он приглашался для чтения цикла лекций по истории научной мысли в России (лекции вышли отдельным изданием в Кембридже в 1917 г. на английском языке).

Успеху в исследованиях по истории способствовал широчайший общенаучный кругозор мыслителя. Как указывает Р.А.Киреева, Лаппо-Данилевский изучал не только юридические и экономические науки, но и физику, химию, астрономию, самостоятельно прошел полный курс математического факультета – в его архиве сохранились рукописи по теории вероятности, дифференциальному исчислению и тому подобное [8, с. 67].

Ученый отстаивал самоценность науки и считал несовместимыми объективно-научные и социально-политические интересы. По свидетельству Преснякова, «он жил только наукой и для науки» [20, с. 46]. Ученик Александра Сергеевича Б.А.Романов в речи, посвященной двадцатипятилетнему юбилею научной деятельности Лаппо-Данилевского, произнесенной 27 октября 1915 г. на заседании исторического кружка при Санкт-Петербургском университете, вспомнил лишь один случай, когда учитель открыто высказался о политической борьбе. Это произошло, по словам Романова, в 1908/1909 учебном году во время студенческой забастовки, когда ученый, придя на очередную лекцию по методологии, застал в аудитории всего 6 – 7 человек. Отказавшись от чтения лекции, он предложил слушателям обменяться взглядами по поводу происходящего, ставя вопрос не о целесообразности забастовки, а о ее «допустимости» в стенах храма науки. «Вы настаивали на том, – говорил выступавший, обращаясь к Александру Сергеевичу, – что нельзя объективные культурные ценности нести в жертву иным целям, что эти ценности должны существовать, как таковые, неприкосновенно и непрерывно» [25, с. 185].

Действительно, достаточно длительное время Лаппо-Данилевский был далек от какого-либо непосредственного участия в общественно-политической жизни. Однако 1905 год стал для него переломным в этом отношении. И.М.Гревс писал в этой связи, что не терпевший политики Александр Сергеевич тем не менее «считал долгом отдавать дань служению родине и народу, которых он всегда любил и почитал. Скрипя сердцем, он принял избрание в Государственный Совет во время Первой Думы» [25, с. 78]. В этот орган власти историк вошел в 1906 г. в качестве представителя от Академии наук и университетов и выбыл из него незадолго до закрытия первой его сессии.

Совместно с академиком А.А.Шахматовым Лаппо-Данилевский составил записку «О свободе печати», принятую общим собранием Академии 12 марта 1905 г. А в первые месяцы после Февральской революции 1917 г. он вошел в комиссию по выработке избирательного закона в Учредительное собрание,

возглавляемую Ф.Ф.Кокошиным. По свидетельству Гревса, Александру Сергеевичу «хотелось поддержать благородный опыт Временного правительства спасти родину и ее честь, сохранить культуру, организовав свободу» [25, с. 78 – 79]. Однако с политической деятельностью ученому явно не везло, да она была чужда самому складу его характера. Последующие события, связанные с Октябрьским переворотом, могли только углубить его неприязнь к политике.

Не оставалось застывшим и мировоззрение исследователя. С течением времени оно вбирало в себя различные напластования и углублялось, чему в немалой степени способствовали его занятия философией и методологией истории. Вообще, как верно подметил Пресняков, существенной чертой воззрений Лаппо-Данилевского как историка было «сознание необходимой связи исторической науки с общими философскими проблемами, с социологической ориентировкой ее заданий, с вопросами личной и общественной этики» [25, с. 82]. Принципиальные вопросы методологии исторической науки «были естественным центром всего научного размышления и творчества Александра Сергеевича» [25, с. 87]. Рассматривая теорию познания как основу методологии наук, он справедливо утверждал, что «без теории познания нет возможности обосновать систему принципов научного мышления и его методов» [26, с. 3]. Выработке последних были посвящены его многолетние усилия.

Вплоть до революции 1905 г. будущий лидер неокантианского течения в отечественной науке сохранял верность основополагающим принципам позитивистской теории исторического исследования. На защите своей магистерской диссертации предмет исторической науки он определял как «изучение норм общественного развития, общих всему человечеству» [27, с. 284].

В преподавании истории он придавал первостепенное значение общим понятиям для уяснения процесса исторического развития [28, с. 88 – 90]. В духе традиций отечественного позитивизма им решался тогда и вопрос об оценке в истории. Признавая необходимость нравственной оценки явлений прошлого, ученый ратовал за «резкое разграничение» научного подхода к историческим фактам и этического к ним отношения [28, с. 100]. Лаппо-Данилевский признавал факторный подход к истории. Однако, в отличие от школы В.О.Ключевского, он исходил из утверждения о решающей роли идей и государства в историческом процессе [29, с. 146 – 151].

На рубеже веков в русской философской и обществоведческой литературе разворачивается критика норм позитивистской парадигмы. Важным звеном в этой критике, претендующим на подведение определенных итогов, явился объемный сборник «Проблемы идеализма» под редакцией П.И.Новгородцева, подготовленный в 1902 г. Московским Психологическим обществом. Участники сборника заявили, что они исходят «из критического

отношения к недавнему прошлому нашей мысли, связанному с господством позитивизма» [30, с. VII]. Позитивистская концепция не устраивала их из-за ее догматического отношения к вопросам теории познания и неспособности решить морально-этические проблемы [30, с. VII – IX].

Единственным профессиональным историком в коллективе авторов «Проблем идеализма» был А.С.Лаппо-Данилевский, представивший в сборник фактически небольшую монографию «Основные принципы социологической доктрины О.Конта». В одной из рецензий отмечалось, что статья Александра Сергеевича была «едва ли не самой ценной частью книги» [31, с. 340].

В своей работе Лаппо-Данилевский раскрыл ограниченность философской системы основоположника позитивизма. Историк обвинил Конта в «грубом реализме», догматическом утверждении тождественности социальных и естественных законов, недоучете значения психологии в истолковании общественной жизни [32, с. 404 – 408, 415, 423 – 427, 435 – 436]. Ученый метко вскрыл логическую несогласованность ряда контовских философских построений [32, с. 409 – 410, 428, 456 – 457, 476]. Он усматривал основную причину внутренней противоречивости Конта в его попытках уложить обществоведение в «прокрустово ложе» канонов позитивизма и объяснить «без остатка» человеческую жизнь действием механических процессов [32, с. 480].

Вместе с тем, в отличие от большинства участников сборника Лаппо-Данилевский не столько стремился отказаться от позитивистской концепции, сколько усовершенствовать ее, считая, что философия Конта до сих пор еще не утратила своего социально-этического интереса [32, с. 394 – 395]. Исследователь полагал возможным решить противоречия, присущие этой доктрине, посредством сознательного применения психологии к объяснению социальных фактов и обращения к теории познания О.Конта [32, с. 404 – 406, 448], что, по его мнению, способствовало бы превращению «социальной физики» в «особую науку, отличную от наук физических» [32, с. 489]. Аналогичным образом Александр Сергеевич в своей работе не столько выступал с отрицанием существования законов истории, сколько с критикой контовских утверждений о всеобщем значении и постоянстве социальных законов за их необоснованность [32, с. 414, 485 – 486].

Можно согласиться с Н.И.Кареевым, который заметил, что Лаппо-Данилевский в своей критике Конта осуждал «не научную положительность его стремлений и инициативу основания новой положительной науки, социологии, а то, что первой он не дал прочного обоснования, а ко второму приступил без обоснованных предпосылок» [33, с. 118].

Решающее значение на формирование методологических позиций ученого оказала философия баденской школы неокантианства. Однако доминирующее влияние неокантианской теории в мировоззрении Лаппо-Данилевского сочеталось с сохранением более ранних пластов, связанных с

позитивизмом, и открытости для принятия ряда идей «философии жизни». Такой сплав внешне противоречивых идейных влияний в мировоззрении исследователя обусловил глубоко оригинальное содержание его теоретико-методологической концепции. В отличие от Г.Риккерта, в воззрениях русского методолога не воздвигалась непроходимая стена, с одной стороны, между историей и естествознанием, а с другой – между философией и историей, а метод отнесения к ценностям не считался им единственным приемом исторического исследования.

Прежде всего после 1905 г. меняется оценка Александром Сергеевичем возможностей реализации обобщающей работы в исторической науке. Если прежде ученый признавал первенствующее значение обобщающей деятельности для понимания сути исторического процесса, то в «Методологии истории» он уже заявлял, что «законов истории» в строгом смысле слова никому еще не удалось установить: историкам, стремящимся к открытию их, в лучшем случае приходится довольствоваться гадательными эмпирическими обобщениями» [26, с. 154 – 155].

Лаппо-Данилевский выделил два типа причинно-следственной связи: логически-необходимую и причинно-необходимую – и говорил о том, что историк может иметь дело только с последним типом, который «лишь указывает на некоторую вероятность повторения той же последовательности и в будущем» [26, с. 153 – 154, 166 – 168]. Трактую закон как познавательную конструкцию, исследователь не усматривал объективной основы исторической закономерности [26, с. 127]. Поэтому едва ли можно говорить, что протест Лаппо-Данилевского против законов истории «принципиально не противоречит признанию специфически исторических законов как законов тенденций» [34, с. 98 – 99]. Понятию закономерности методолог противопоставил категорию ценности как критерий выбора исторических фактов.

Александр Сергеевич принял неокантианское понимание предмета истории как «науки о культуре» [35, с. 292]. Он также в целом разделял и неокантианскую классификацию наук. Ученый писал: «По теоретико-познавательным точкам зрения, целям познания, а не по познаваемым «предметам» или «процессам» познания стали различать науки обобщающие от наук индивидуализирующих. Таким образом получился двойной ряд наук: одни из них строятся с номотетической (натуралистической) точки зрения, характеризующей естествознание в широком смысле, другие – с точки зрения идеографической (чисто исторической), такова история в широком смысле, то есть история природы и человечества» [26, с. 66]. По его мнению, номотетическое построение истории оказывается недостаточным как с теоретической, так и с практической точки зрения. С теоретической – поскольку оно произвольно ограничивает задачу исторической науки, не дает знания индивидуального, столь ценного для истории и не устанавливает критерия выбора исторических фактов. С практической – поскольку оно не может

выполнять воспитательную функцию, не будучи в состоянии удовлетворить наш интерес к действительности, без знания реальных условий которой человек не в состоянии поступать правильно [26, с. 162 – 165]. Марксизм, в частности, Лаппо-Данилевский относил к номотетическому построению истории и рассматривал как метафизическую и противоречивую доктрину, которая не способна «установить этические предпосылки своего учения и решить поставленную проблему обновления социального строя» [26, с. 114, 117 – 118].

Из критического анализа номотетического построения исторического знания Лаппо-Данилевский делал заключение о «закономерности» идеографической точки зрения на историю, которая имеет цель приблизиться к прошлой реальности и изучает объекты как таковые [26, с. 177, 224].

Таким образом, исследователь проводил разграничение между целями и методами естествознания и истории. Первое, по его мнению, выбирает объекты по степени общности их содержания; история же придает значение самому объекту как таковому. Объект тем важнее для историка, указывает Александр Сергеевич, чем более индивидуальный характер он имеет, что не позволяет в историографии заменить один объект другим [26, с. 235].

Учение о ценности ученый относил к числу «важнейших проблем социологического и исторического знания» [36, с. 4 – 5]. Он критиковал построения философов и историков, в которых отрицалось, либо должным образом не учитывалось, с его точки зрения, понятие ценности в истории.

По мнению Лаппо-Данилевского, историк изучает индивидуальные события. Но «действительность, – писал он, – слишком разнообразна для того, чтобы можно было изобразить ее во всей полноте ее индивидуальных черт» [36, с. 233]. Поэтому историк, как и естествоиспытатель, замечал Александр Сергеевич, нуждается в критерии, с помощью которого он бы мог упрощать свой материал и «выбирать из многоплановой действительности то, что имеет историческое значение». Такой критерий должен иметь всеобщее значение [26, с. 234].

Для признания всеобщего значения факта, полагал методолог, надо признать его ценность с точки зрения познавательной, этической или эстетической. Таким образом, объекты получают в наших глазах соответствующее положительное или отрицательное значение [26, с. 239]. «Само индивидуальное, – указывал в этой связи Лаппо-Данилевский, – нельзя признать существенным вне отнесения его к какой-либо ценности... История изучает человека, поскольку он содействует (или препятствует) реализации социальных, политических ценностей и т.п.; то же самое можно сказать и про событие. Таким образом, в отнесении данного факта к данной ему культурной ценности историк-ученый получает критерий для выбора фактов из многосложной действительности: он оценивает объект путем отнесения его к

культурным ценностям, как наука, нравственность и искусство, церковь и государство, социальная организация и культурный слой и т.п.» [26, с. 244].

Исследователь противопоставлял ценностный подход поиску закономерной обусловленности исторического процесса, характеризуя аксиологическое суждение не как субсуммирование под какое-либо общее понятие, а как определенное отношение историка к объекту, взятому в его конкретности. В основании такого отношения, по его мнению, лежит не общее понятие, а понятие о ценности. «С такой точки зрения, – резюмировал Александр Сергеевич, – и следует различать подведение под общее понятие или под закон... от «подведения» под общую ценность, путем отнесения к ней индивидуального объекта...; оно, очевидно, служит не для того, чтобы отвлечь от объекта черты общие ему с другими объектами, а для того, чтобы, напротив, построить его индивидуальность, то есть ту именно комбинацию его особенностей, которая и получает ценность» [26, с. 240].

Наряду с попыткой определить подлинные познавательные цели историографии Лаппо-Данилевскому было присуще и общее всему неокантианскому течению стремление элиминировать из исторического исследования оценку фактов прошлого. Вполне определенно он различал субъективную по своей природе оценку от метода отнесения к ценностям, обладающего, по его убеждению, характером всеобщности. То есть историк, полагал Александр Сергеевич, придает индивидуальности соответствующую ценность, но не должен подвергать свой объект одобрению или порицанию [26, с. 239 – 240, 244, 249].

Задачу по обоснованию ценностей, которыми руководствуется в своей практике историк, методолог относил к компетенции философа.

Например, философ, с точки зрения Лаппо-Данилевского, установив абсолютную ценность нравственного начала, научного знания, «облагораживающее» значение искусства, оценивает, исходя из этих принципов, и деятельность государства по обеспечению свободы мысли, свободы печати и пр., считая государство «наилучшим формально-политическим условием для осуществления нравственности в человеческом обществе» [26, с. 241 – 242]. Историк же признает ценность государства уже обоснованной и только рассматривает деятельность человека с точки зрения ее пользы для государства как культурной ценности [26, с. 244].

Вместе с тем, желание связать цели исторического познания с решением общенаучных задач определило иную по сравнению с немецким неокантианством трактовку Александром Сергеевичем вопроса о соотношении истории и теории. Если Риккерт резко противопоставлял философию и историю, то русский ученый допускал, что историк может и сам приняться за обоснование ценностей, если не считает их обоснованность установленной: Правда, в этом случае историк, по мнению Лаппо-Данилевского, будет решать философскую задачу [26, с. 244 – 245].

Фактически исследователь не отрицал и правомерности функционирования в историческом исследовании оценочных понятий, допуская в него категорию прогресса.

Историк, указывая Лаппо-Данилевский, относит к ценности саму цель исторического развития, на базе чего он допускает возможность судить о степени прогрессивности или регрессивности данной эволюционной серии или ее частей [37, с. 233]. Только через признание «постоянного осуществления некоего должествования», в истории, считал он, она может получить «совершенно особое, самостоятельное по отношению к природе значение» [37, с. 283]. Методолог был вынужден признать, что понятие прогресс образуется «не без некоторого субъективизма». Однако такое его признание было направлено не на дискредитацию идеи прогресса в истории, а служило задаче предостережень историка от «гопистазирования» цели исторического развития [37, с. 283].

Декларируя абсолютный характер ценностей, отечественный ученый, в отличие от Риккерта, признавал их зависимость от человеческого сознания [37, с. 168 – 169]. Это позволило ему выделить два типа ценностей – обоснованные (или абсолютные) и общепризнанные – и соответственно два типа ценностного подхода в историческом исследовании. Такое выделение в известной степени обеспечивало преодоление антиисторизма аксиологического учения баденской школы. Лаппо-Данилевский ставил перед исследователями прошлого важную задачу: выяснить, в какой мере обоснованные ценности стали исторической действительностью, то есть реализовались в ней [37, с. 245 – 249, 287 – 288].

Постановкой вопроса о необходимости отнесения исторических фактов к общепризнанным ценностям Александр Сергеевич пытался связать концепцию неокантианства с принципами немецкой «философии жизни». Со ссылкой на В. Дильтея он писал: «Итак, отнесение к общепризнанной данной общественной группой ценности сводится, прежде всего, к психологическому анализу тех критериев оценки, которыми данное общество действительно руководилось или руководится для того, чтобы выяснить, какой из них оказывался общепризнанным или в большей или меньшей мере признанным... Словом, историк будет пользоваться найденными таким образом критерием для того, чтобы с точки зрения самого общества судить о значении фактов, его касающихся» [37, с. 247].

Вместе с тем, стремясь преодолеть крайности субъективизма дильтеевского метода «понимания», Лаппо-Данилевский подчеркивал, что с отнесением к общепризнанным (относительным) ценностям «историческую работу нельзя ...признать окончательной» [37, с. 244 – 245]. Он справедливо полагал, что без обоснования общепризнанные ценности «оказываются результатами субъективной оценки, только с тем различием, что она произведена целой группой, а не отдельной личностью; но коллективная оценка может быть гораздо более субъективной, чем личная: психический

уровень массы часто бывает ниже среднего, особенно в области отвлеченной мысли...» [37, с. 247 – 248]. То есть два типа ценностного отношения в истории должны друг друга взаимно дополнять и контролировать.

Одновременно Александр Сергеевич пытался сблизить свою концепцию научно-исторического знания с определенными установками методологии позитивизма. Как и некоторые ученые позитивистской ориентации, он признавал наличие ценностных отношений не только в истории, но и в естествознании. Однако Лаппо-Данилевский справедливо отмечал не только большую широту функционирующих в исторической науке ценностей, но и большую глубину проникновения в нее ценностного подхода. В отличие от естествознания, указывал он, в истории к ценности относятся не только знания об объектах, но и сами объекты, притом ценность их определяется историком как с познавательной, так и с этической, эстетической и других точек зрения [37, с. 241].

Будучи историком-практиком, Лаппо-Данилевский не мог не признать, что ценностный подход не является единственным критерием отбора фактов в нашей науке.

Кроме определения «ценности» индивидуального, он предлагал учесть «историческое значение» факта, то есть численность его последствий, повлиявших на развитие человечества [37, с. 238].

Значение «собственно исторического факта» в глазах историка, писал Александр Сергеевич, получает лишь такой факт, которому он приписывает ценность, действенность и длительность его последствий [35, с. 325].

Так, личность, по Лаппо-Данилевскому, может иметь «очень большую ценность» и почти не иметь исторического значения, и, напротив, не особенно сама по себе ценная личность при определенных обстоятельствах может получить сравнительно большое историческое значение. Для второго случая характерный пример он видел в Робеспьере [26, с. 238, 252].

Таким образом, делал вывод ученый, «лишь комбинируя понятия о ценности и действенности индивидуального, историк получает основание признать за ним историческое значение; такое сочетание и служит ему в качестве критерия выбора исторических фактов» [26, с. 238 – 239].

Русский методолог критиковал в этой связи представителей немецкого неокантианства за их пренебрежение к различению между понятиями о «всеобщем значении» индивидуальности и о ее «историческом значении» [26, с. 288 – 289].

Так Лаппо-Данилевский в определенном отношении преодолевал абстрактный подход к прошлому Риккорта, по сути дела игнорировавшего вопрос о зависимости человеческих ценностей от пространственно-временных координат истории, и подходил к осознанию необходимости исследования причинно-следственной обусловленности и взаимосвязанности исторического процесса [26, с. 254 – 255].

Осознание необходимости каузального анализа в историческом исследовании по существу означало признание Александром Сергеевичем включения в арсенал историка методов общенаучного характера. Выступая против смещения номотетической и идиографических точек зрения, методолог допускал, что в действительности историк «может соединить их в своей работе» [26, с. 291].

Однако и генерализация, и поиск причинно-следственных связей играли в теории исторического познания Лаппо-Данилевского второстепенную роль. Обобщения, утверждал он, не составляют цели исторической науки [26, с. 226].

По его мнению, историк обращается к общим понятиям лишь «для индивидуализирующего понимания действительности» [26, с. 231].

А изучение каузальных связей в истории подчинялось теоретиком базирующемуся на абсолютных нормах ценностному отношению к ней.

Именно отнесение к ценности, с его точки зрения, «дает основание выбрать из многообразия действительности те факты, которые затем подлежат изучению с причинно-следственной точки зрения» [26, с. 254].

Если учесть понимание природы ценностей Лаппо-Данилевским, то характер отбора фактов, отстаиваемый им, будет всегда до известной степени субъективным.

Резюмирующим понятием в концепции Александра Сергеевича была категория исторического целого. Она заменяла собой в его методологии истории понятие общего, свойственного номотетическому подходу. К образованию категорий исторического целого, по мнению мыслителя, и стремится идеографическое построение истории, нацеленное на изучение конкретной действительности в ее индивидуальности [26, с. 276 – 277].

По мнению методолога, понятие об историческом значении индивидуального, предполагающее выяснение исторической связи фактов с вызвавшими их причинами и порожденными ими следствиями, служат историку для объединения его представлений о прошлом. Оно позволяет установить «те важнейшие центральные факты, с высоты которых он может усмотреть группы и ряды второстепенных фактов и разместить их вокруг главных» [26, с. 253 – 254]. Вместе с тем, объединение представления историка о действительности, понятие об исторической связи между смежными фактами, по Лаппо-Данилевскому, дает возможность осмыслить историю как непрерывный процесс [26, с. 275 – 276]. Таким образом, писал он, исследователь образует понятие о целом, признавая, «что каждый отдельно взятый исторический объект входит в одно целое, вместе с другими такими же объектами, и что каждый из них тем самым определяется в своей индивидуальности, как незаменимая часть целого» [26, с. 276 – 277].

Всякое целое ученый рассматривал как некую индивидуальность. В то же время он противопоставлял понятие «целое» и «общее», поскольку в целом всякое индивидуальное сохраняет свое самостоятельное значение. С такой

точкой зрения, в качестве индивидуальности, как «единичное в своем роде целое», может выступать все «культурное» человечество, частями которого являются отдельные «исторические» народы [26, с. 277 – 279].

«Предельным» понятием у Александра Сергеевича выступало «мировое целое», то есть целостная действительность, части которого он называл относительно целыми. Среди таковых было и человечество. Основываясь на понятии о человечестве как историческом целом, историк, по Лаппо-Данилевскому, и может установить историческое значение каждого отдельного факта. «Вообще, – писал он, – рассуждая об истории человечества [26, с. 277 – 278, 283 – 284], историк прежде всего характеризует его некоторым реальным единством его состава: человечество состоит из индивидуальностей, способных сообща сознавать абсолютные ценности, что и может объединить всех; по мере объединения своего сознания человечество все более становится «великой индивидуальностью»; она стремится опознать систему абсолютных ценностей и осуществить ее в истории... Такое воздействие предполагает, однако, наличность цели общей для всех по своему значению, существование общей воли и проявление объединяющей и организованной деятельности членов целого, создающих культуру человечества» [35, с. 333]. С такой точки зрения, по его мнению, историк и конструирует исторический процесс, в котором человечество приобретает все большее историческое значение благодаря постепенно возрастающему единству человеческого сознания [35, с. 334].

Учение Лаппо-Данилевского об историческом целом отвечало его религиозному мироощущению. В известной мере, такое учение отразило растущее влияние отечественной религиозной философии на историографию России. Одновременно оно проецировалось и на разделяемые ученым социально-политические идеи. В условиях усиления революционной борьбы в обществе концепция о возрастающем единстве человеческого сознания была созвучна призывам к единению и социальному миру. Она противостояла марксистской теории классовой борьбы.

Эти идеи нашли выражение и в конкретно-исторических трудах Лаппо-Данилевского. Так, утверждая, что идея государства носит нормативный характер и «содержит понятие о том отношении, которое должно быть между государством и подданными», исследователь усматривал ее прогрессивное развитие в сознании русскими людьми необходимости единения с абсолютной монархией [38, с. 5, 38].

Не случайно, что в неокантианский период творчества ученого центр его научных интересов постепенно переместился из области исследования истории учреждений в сферу истории идей.

Вместе с тем, сравнение конкретных трудов по близкой тематике, созданных историком в позитивистский и неокантианский периоды его деятельности, позволяет сделать заключение об их принципиальном сходстве.

Так, выводы работ Лаппо-Данилевского о внутренней политике Екатерины II, написанных в 1898 и 1911 годах, по существу одни и те же – о заботе императрицы о благе народа, осуществляемой на основе принципов разумной политики сообразно исторической обстановке. Более сдержанной становится лишь оценка Екатерины II [23, с. 163 – 190].

О неразрывной связи мировоззрения и исследовательской практики Александра Сергеевича свидетельствовали его коллеги и ученики. Так, А.Е.Пресняков писал даже, что «его специальные работы по русской истории служили экспериментальными этюдами к существенным теоремам исторического анализа и построения» [39, с. 87].

Из общих методологических построений Лаппо-Данилевского непосредственно вытекала его теория исторического источника. Под источником мыслитель понимал «реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением»; отмечая при этом, что не всякий «след» мысли или действия человека можно назвать историческим источником, а «лишь такой след, который нужен для восстановления факта, историческое значение которого предпосылается или уже обосновано» [35, с. 371, 375]. А поскольку понятие исторического значения являлось производным, по мнению исследователя, прежде всего от категории ценности, то, следовательно, выступает или не выступает что-либо в качестве источника, устанавливалось им аксиологическим способом. Под критикой источника он также понимал «только теоретическое отнесение данного объекта к общезначимой ценности», подразделяя ее на научную, моральную и эстетическую, смотря по тому, к какой ценности относит субъект изучаемый им объект, «то есть будет ли он судить о нем с точки зрения истины, добра или красоты» [35, с. 518]. Весьма основательно ученый разработал методику работы с источником.

Значение исторических источников Александр Сергеевич видел в том, что они позволяют историку познать прошлое и помогают ему действовать в современности, «соучаствовать в культурной жизни человечества» [36, с. 765].

Несмотря на идеалистический характер учения методолога об историческом источнике, в своих наиболее существенных чертах оно имело научно-плодотворный характер [34, с. 142].

Таким образом, А.С.Лаппо-Данилевскому принадлежит выдающееся место в истории исторической науки не только как крупнейшему исследователю конкретных проблем российского прошлого, организатору, историографу и источниковеду отечественной науки, но и как оригинальному теоретику, в трудах которого методология истории превратилась в самостоятельную отрасль исторического знания. Его работы в этой области содействовали осознанному обращению историков к сложным методологическим вопросам своей науки и, тем самым, – повышению теоретического уровня науки истории.

Круг проблем, которыми занимался Лаппо-Данилевский, свидетельствует о широте его творческих интересов. Всесторонняя профессиональная подготовка исследователя, прекрасное знание архивных фондов, высокий теоретический уровень его трудов сохраняют их значение для современной исторической науки.

Список литературы

1. Мищенко, Ф.Г. [Рецензия] / Ф.Г. Мищенко // ЖМНП. – 1888. – № 9. – Отд. 2. – С. 211 – 221. – Рец. на кн.: Лаппо-Данилевский, А.С. Скифские древности / А.С. Лаппо-Данилевский. – СПб., 1887); Дьяконов, М.А. [Рецензия] / М.А. Дьяконов // ЖМНП. – 1890. – № 8. – Отд. 2. – С. 370 – 380). – Рец. на кн.: Лаппо-Данилевский, А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований / А.С. Лаппо-Данилевский. – СПб., 1890; Кареев, Н.И. [Рецензия] / Н.И. Кареев // Исторический журнал. – 1913. – № 1. – С. 64 – 69. – Рец. на кн.: Лаппо-Данилевский, А.С. Методология истории / А.С. Лаппо-Данилевский. – СПб., 1910. – Ч. 1.; СПб., 1913 – Ч. 2.
2. Сборник статей, посвященных А.С.Лаппо-Данилевскому. – Петроград: Тип. М.М. Стасюлевича, 1916. – XVI, 312 с.
3. Болдырев, Н.В. А.С.Лаппо-Данилевский / Н.В. Болдырев // Мысль. – 1922. – № 1. – С. 152 – 153; Валк, С.Н. Воспоминания ученика / С.Н. Валк // Русский исторический журнал. – 1920. – Кн. 6. – С.189 – 199; Веретенников, В.И. Памяти дорогого учителя / В.И. Веретенников // Русский исторический журнал. – 1920. – Кн. 6. – С. 200 – 206; Гревс, И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (Опыт истолкования души) / И.М. Гревс // Русский исторический журнал. – 1920. – Кн. 6. – С. 44 – 81; Дьяконов, М.Л. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863 – 1910) / М.Л. Дьяконов // Известия Российской Академии Наук. 6 серия. – Пг., 1919. – Т. 13. – № 8 – 11. – С. 359 – 366; Кареев, Н.И. Историко-теоретические труды А.С.Лаппо-Данилевского / Н.И.Кареев // Русский исторический журнал. – 1920. – Кн. 6. – С.112 – 131; Кизеветтер, А.А. Некролог А.С.Лаппо-Данилевского / А.А. Кизеветтер // Голос минувшего. – 1920 – 1921. – С. 164 – 167; Ольденбург, С.Ф. Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии Наук / С.Ф. Ольденбург // Русский исторический журнал. – 1920. – Кн. 6. – С. 164 – 180; Памяти А.С.Лаппо-Данилевского // Исторический архив. – Петроград, 1919. – Кн. 1. – С. 521 – 523; Пресняков, А.Е. А.С.Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель / А.Е. Пресняков // Русский исторический журнал. – 1920. – Кн. 6. – С. 82 – 96; Пресняков, А.Е. Труды А.С. Лаппо-Данилевского по русской истории / А.Е.Пресняков // Русский исторический журнал. – 1920. – Кн. 6.– С. 97 – 111; Пресняков, А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский / А.Е. Пресняков. – Петроград: Колос, 1922 – 94 с.; Романов, Б.А. Лаппо-Данилевский в университете. (Две речи) / Б.А.Романов // Русский исторический журнал. – 1920. – Кн. 6. – С.181 – 188; Шилов, А.А. Лекции и практические занятия А.С.Лаппо-Данилевского в Петроградском университете / А.А. Шилов, А.И. Андреев // Русский исторический журнал. – 1920. – Кн. 6. – С. 42 – 43; Материалы для биографии А.С. Лаппо-Данилевского. Очерки по истории знания. – Л.: Изд-во АН СССР, 1929. – 58 с.
4. Пресняков, А.Е. А.С.Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель / А.Е.Пресняков // Русский исторический журнал. – 1920. – Кн. 6. – С. 82 – 96.

5. Гревс, И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (Опыт истолкования души) / И.М. Гревс // Русский исторический журнал. – 1920. – Кн. 6. – С. 44 – 81.
6. Покровский, М.Н. О книге академика Лаппо-Данилевского / М.Н. Покровский // Под знаменем марксизма. – 1923. – № 4 – 5. – С. 190 – 196.
7. Черепнин, Л.В. А.С. Лаппо-Данилевский – буржуазный историк и источниковед / Л.В. Черепнин // Вопросы истории. – 1949. – № 8. – С. 30 – 51; Очерки истории исторической науки в СССР: в 5 т. / под ред.: М.В. Нечкиной (гл. ред.) и др.; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – Т. 3. – 830 с.; Хмылев, Л.Н. А.С. Лаппо-Данилевский и проблемы теоретического источниковедения / Л.Н.Хмылев // Методологические и историографические вопросы исторической науки. – Вып. XI. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1976. – С. 108 – 117.
8. Киреева, Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционный России с середины XIX в. до 1917 г. / Р.А. Киреева. – М.: Наука, 1983. – 216 с.
9. Ковальченко, И.Д. Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX – начале XX века (итоги и задачи изучения) / И.Д. Ковальченко, А.Е. Шикло // Вопросы истории. – 1982. – № 1. – С. 18 – 35; Рамазанов, С.П. Методологические воззрения А.С.Лаппо-Данилевского и неокантианская теория ценностей в историческом познании / С.П. Рамазанов // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 14. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1980. – С. 77 – 89; Сеницын, О.В. Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX – начале XX века: неокантианское течение / О.В. Сеницын. – Казань, 1990; Хмылев, Л.Н. Проблемы методологии истории в русской историографии в период империализма: историографические очерки / Л.Н.Хмылев. – Л., 1986; Шапиро, А.Л. Русская историография в период империализма. Курс лекций / А.Л. Шапиро. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. – 235 с.
10. Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии Наук. – Петроград: Императорская Академия наук, 1915. – Ч. 1. – С. 405 – 413.
11. Лаппо-Данилевский, А.С. Скифские древности / А.С. Лаппо-Данилевский. – СПб.: тип. О. Елеонского и К^о, 1887. – 193 с.
12. Милюков, П.И. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства / П.И. Милюков. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1892. – 183 с.
13. Лаппо-Данилевский, А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований / А.С. Лаппо-Данилевский. – СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1890. – 557 с.
14. Журнал Министерства народного просвещения. – 1890. – № 8. – С. 377.
15. Лаппо-Данилевский, А.С. Лекции по русской истории / А.С. Лаппо-Данилевский. – СПб., 1891.
16. Стасова, Е.Д. Воспоминания / Е.Д. Стасова. – М.: Мысль, 1969. – 285 с.
17. Лаппо-Данилевский, А.С. Очерк русской дипломатии частных актов. Лекции / А.С. Лаппо-Данилевский. – Петроград: 2-я Гос. тип, 1918. – 188 с.
18. Шилов, А.А. Лекции и практические занятия А.С.Лаппо-Данилевского в Петроградском университете / А.А. Шилов, А.И. Андреев // Русский исторический журнал. – 1920. – Кн. 6. – С. 42 – 43.
19. Лейкина-Свирская, В.Р. Русская интеллигенция в 1900 – 1917 годах / В.Р.Лейкина-Свирская. – М.: Мысль, 1981. – 285 с.
20. Пресняков, А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский / А.Е. Пресняков. – Пб.: Колос, 1922. – 94 с.

21. Крестьянский строй. Сборник / Изд-е кн. П.Д. Долгорукова и С.Л. Толстого, при участии ред. газеты «Право». – СПб.: Беседа, 1905. – Т.1. – 445 с.
22. ЛО А РАН СССР. – Ф.Ш. Оп.1. – Д. 68 – 85.
23. Лаппо-Данилевский, А.С. Очерки внутренней политики императрицы Екатерины II / А.С. Лаппо-Данилевский. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1898. – 62 с.; Лаппо-Данилевский, А.С. Екатерина II и крестьянский вопрос / А.С. Лаппо-Данилевский // Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание. – М.: Т-во И.Д. Сытина, 1911. – Т. I. – С. 163 – 190.
24. Лаппо-Данилевский, А.С. Екатерина II и крестьянский вопрос / А.С. Лаппо-Данилевский // Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание. – М.: Т-во И.Д. Сытина, 1911. – Т. I. – С. 163 – 190.
25. Романов, Б.А. Лаппо-Данилевский в университете. (Две речи) / Б.А. Романов // Русский исторический журнал. – 1920. – Кн. 6. – С. 181 – 188.
26. Лаппо-Данилевский, А.С. Методология истории / А.С. Лаппо-Данилевский. – СПб.: Тип. В.Безобразова, К.Васильева, 1910. – Вып. 1. – Ч. I – II. – 291 с.
27. Лаппо-Данилевский, А.С. Речь перед магистерским диспутом по русской истории 9 мая 1890 г. / А.С. Лаппо-Данилевский // Историческое обозрение. – СПб.: Тип. Стасюлевича, 1890. – Т. 1. – С. 284.
28. Лаппо-Данилевский, А.С. Материалы для плана общеобразовательного курса по истории человечества / А.С. Лаппо-Данилевский // Памятная книжка Тенишевского училища в С.-Петербурге за 1900/01 учебный год. Год 1-ый. – СПб., 1902. – С. 88 – 90.
29. Цамутали, А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Историографические очерки. – Л.: Наука, 1985. – 331 с.
30. Проблемы идеализма / Под ред. П.И. Новгородцева. – М.: Изд-во Моск. психол. об-ва, 1902. – IX, 521 с.
31. Вопросы философии и психологии. – 1903. – Кн. 67 (I). – С. 340.
32. Лаппо-Данилевский, А.С. Основные принципы социологической доктрины О.Конта / А.С. Лаппо-Данилевский // Проблемы идеализма. – М.: Изд-во Моск. психол. об-ва, 1902. – С. 404 – 436.
33. Кареев, Н.И. Историко-теоретические труды А.С. Лаппо-Данилевского / Н.И.Кареев // Русский исторический журнал. – 1920. – Кн. 6. – С. 112 – 131.
34. Хмылев, Л.Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX вв. / Л.Н. Хмылев. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1978. – 172 с.
35. Лаппо-Данилевский, А.С. Методология истории / А.С. Лаппо-Данилевский. – СПб.: Тип. В. Безобразова, 1913. – Вып. II. – 802 с.
36. Материалы для биографии А.С. Лаппо-Данилевского. Очерки по истории знания. – Л.: Изд-во АН СССР, 1929. – 58 с.
37. Лаппо-Данилевский, А.С. Методология истории. Лекции, читанные студентам С.-Петербургского университета в 1908 – 1909 академич. году / А.С. Лаппо-Данилевский. – СПб.: Лит. Богданова, 1909. – Ч. 2.
38. Лаппо-Данилевский, А.С. Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времен смуты до эпохи преобразований / А.С. Лаппо-Данилевский // Голос минувшего. – 1914. – № 12. – С. 5 – 38.
39. Пресняков, А.Е. А.С.Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель / А.Е.Пресняков // Русский исторический журнал. – 1920. – Кн. 6. – С. 82 – 96.

Нечухрин Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории факультета истории и социологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

Рамазанов Сергей Павлович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии факультета естественных и гуманитарных наук Волжского гуманитарного института (филиала) Волгоградского государственного университета.

УДК 930

Л.П. Репина

ИСТОРИЯ ИСТОРИОГРАФИИ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Знание истории своей дисциплины является условием *sine qua non* высшего профессионального образования во всех науках, и прежде всего – в социальных и гуманитарных науках, и даже в их многочисленных появившихся относительно недавно субдисциплинах, значительно повысивших свой академический статус в течение второй половины XX века. Такого рода учебные курсы непременно присутствуют во всех государственных образовательных стандартах. Вместе с тем нельзя не заметить, что в дисциплине «история» ситуация отличается некоторым «отягчающим обстоятельством», а само наименование «история истории» (или «история историографии») выглядит откровенной тавтологией. Между тем, при ближайшем рассмотрении картина оказывается гораздо более сложной и требующей углубленного анализа.

Хотя изучение истории историографии как академической дисциплины находится сейчас на подъеме, на этом пути приходится преодолевать многие препятствия¹. Очевидные трудности имеются в определении самого предмета истории исторической науки. В общем-то все академические дисциплины идентифицируются и именуется по своему особому предмету исследования: например, социология – как система знаний об обществе, психология – о психике и так далее. В некоторых определениях научных дисциплин присутствует отношение к предмету: например, философия – любовь к мудрости, филология – любовь к слову. Во всех этих случаях, такие выражения как история социологии или история философии имеют прямой смысл, заключающийся в так или иначе представляемом прошлом соответствующей системы знаний, или истории учений в соответствующей области познания, и в

---

¹ В статье использованы результаты проекта «Формирование дисциплинарного поля в социальных и гуманитарных науках в XIX – XXI вв.», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2011 – 2012 гг.

специальных разъяснениях не нуждаются. Напротив, в поисках дефиниции изучения истории как дисциплины мы попадаем в семантический капкан, поскольку обнаруживаем, что история, в отличие от всех других дисциплин, не имеет отдельно идентифицируемого референта.

Термин «историография» многозначен и в самом общем своем значении указывает на вербальную форму историописания, изложение материала в форме исторического нарратива. В результате оказывается, что понятие «история историографии» не проводит различия между корпусом работ, выполненных в соответствии с установленным кодексом исследовательских правил, и другими формами исторических сочинений. И если по отношению к историческим произведениям отдаленных эпох – античности, средневековья, Возрождения и Просвещения – этот термин может быть вполне уместен, то для более позднего периода, когда историописание было подчинено строгой системе процедур, направленных на изучение прошлого, поставлено под контроль правил исследовательской практики и специальных исторических методов, для периода, характеризующегося все возрастающей профессионализацией историков предпочтительнее все же, изучая развитие и состояние исторической науки пользоваться понятием дисциплинарной истории, которая ориентируется на анализ сложившейся в этой области знаний дисциплинарной практики: концептуальных разработок, исследовательских стратегий, познавательных процедур, организационных схем, и конечно, научных результатов. Конвенционально сложившееся определение истории как некоей науки о прошлом уже является частью и следствием превращения истории в академическую дисциплину. Именно недостаточность определения истории как «исследования прошлого» вызвала хорошо известные, регулярно возобновлявшиеся внутридисциплинарные споры о том, что должно быть в фокусе исторического исследования – государство или общество, воплощения духа или институты культуры.

Конечно, речь должна идти не об изолированном процессе профессионализации истории, но также о контроле со стороны общества и о взаимоотношениях с историографической практикой вне профессии. Кроме того, приходится иметь в виду, что процесс сциентизации и академической институционализации имел свою цену – задачи поддержания дисциплинарной идентичности требовали зарезервировать за историей, как за всякой уважающей себя наукой, четко обозначенное место во все более усложняющейся системе знаний. Совершенно ясно, что историю исторической дисциплины следует рассматривать в контексте динамично развивающейся системы гуманитарных наук. Короче, история исторической науки должна быть описана в трех измерениях, или тремя моделями.

Во-первых, это модель упорядочения и непрерывной коррекции исторической памяти, оказывающей дисциплинирующее воздействие на подвижную и преходящую культурную память общества или какой-либо

референтной группы. Не менее важное место отводится модели дисциплинарности, в фокусе которой оказывается самоидентификация истории как науки, а предметом обсуждения становятся те когнитивные и институциональные стратегии (противостояния или приспособления), которые применяются ею в ответ на вызовы со стороны сменяющих друг друга концепций научного знания и так называемых образцовых наук, которые формируют в тот или иной период познавательный идеал. Наконец, речь может идти о модели междисциплинарности, в которой история как когнитивная исследовательская деятельность включается в процесс демаркации и реконфигурации дисциплинарных территорий. Все эти три модели не сменяют друг друга, а сосуществуют и взаимодействуют, возможно, лишь меняя свои роли с первой на вторую или третью, и наоборот. Процессы демаркации дисциплинарных территорий и процессы междисциплинарного взаимодействия – это, по сути, две стороны одной медали.

Сегодня в результате методологической и эпистемологической революций второй половины XX столетия все чаще история исторической науки и в целом история историографии, с ее гораздо более объемным предметным пространством и неизмеримо более длительной темпоральной перспективой, рассматривается как неотъемлемая составляющая интеллектуальной истории. В области истории исторического знания, как и в других его субдисциплинах, произошло основательное переопределение предмета, проблематики и концептуального аппарата исследований. Поскольку современная интеллектуальная история ориентирована на реконструкцию исторического прошлого каждой из областей и форм знания (включая знания донаучные и паранаучные) как части целостной интеллектуальной системы, переживающей со временем неизбежную трансформацию, постольку и в истории историографии на первый план выступает задача выявления исторических изменений фундаментальных принципов, категорий, методов и содержания познания, изучения процессов становления и развития исторического сознания и исторической культуры, стиля исторического мышления и историописания, средств и форм научного исследования – в общем контексте духовной культуры, социально-организационных и информационно-идеологических условий конкретной эпохи.

Долгое время история историографии сводилась, главным образом, либо к истории исторической мысли в самом общем виде, либо к историографии отдельных тем и проблем. Безусловно, оба эти ракурса исследования имеют важное значение, а каждый из них – свою, достаточно обширную, сферу применения. Так называемая проблемно-тематическая историография носит преимущественно инструментальный характер, она реализуется в рамках того или иного конкретного исторического исследования и служит решению поставленных в нем проблем, сопоставляя различные концепции (обычно с учетом воздействия мировоззрения историка на его работу), определяя

границы их применения, выявляя еще неизученные или нерешенные вопросы, и, таким образом, задавая необходимые ориентиры дальнейшему развитию научно-исторических исследований.

Но, что весьма важно отметить, оба подхода обнаруживают упрощенное представление об историографическом процессе как линейном поступательном развитии, при котором каждая последующая стадия неизбежно располагается на более высокой ступени, чем все ей предшествующие. Тем самым утрачивается понимание специфики историографической динамики (последняя не укладывается в «прокрустово ложе» концепции прогресса и дихотомии категорий преемственности и разрывов в исторической традиции), неоднозначной роли культурных и междисциплинарных взаимодействий в изменениях конфигурации исследовательского пространства исторической науки, а также природы самого исторического знания.

Между тем, в последней трети XX века представление о том, что история историографии научно описывает путь последовательного продвижения человечества к некоему абсолютно истинному знанию о своем прошлом, подверглось радикальному пересмотру. Именно в это время происходит становление и расширение «сферы влияния» нового социокультурного подхода, который проложил себе путь и в ареал историко-историографических исследований, выведя их, по существу, на новую более высокую орбиту. В современной историографии место этой области исторического знания, которую иногда называют «интеллектуальной историей истории» (*intellectual history of history*), все больше ассоциируется с некой пограничной линией между историей науки и анализом коллективных представлений, отраженных в разнородных текстах – сохранившихся фрагментах гипертекста утраченной реальности. Цель такого анализа – осмысление исторического прошлого в культурном контексте настоящего, установление взаимосвязи между текстами и миром человеческого опыта.

История во всех формах ее репрезентации (в виде мифологического, религиозного, художественно-эстетического, научно-рационального знания) и их многообразных актуальных (нередко причудливых) сочетаний рассматривается как атрибут любой культуры, как способ самопознания общества, определяющего через осмысление прошлого свою идентичность. В этом контексте, будучи призвана отвечать потребностям современного общества и все новые вопросы, которые формулирует и проецирует на прошлое действительность настоящего, история неизбежно оказывается обреченной на постоянное переписывание и вовлекается в процесс непрерывной трансформации эмпирической базы и предметного поля, смены ракурсов и методов изучения, ключевых понятий и оценочных критериев.

В своем обновлении современная история исторического знания, как и история социогуманитарного знания в целом, идет (как обычно, со

значительным опозданием) по стопам истории естествознания, которая отказалась от «презентизма» и «интернализма», представлявших историю науки как непрерывную череду открытий, воплощающих прогрессивное движение человечества к познанию истины, и от интерпретации знаний прошлого исключительно с точки зрения современной научной ортодоксии. Новая историография науки рассматривает ее (и другие области знания) как одну из форм общественной деятельности и часть культуры, которая не может исследоваться в изоляции от социального, политического и других аспектов интеллектуальной истории. Произошла легитимизация не только «социальной», но и «культурной истории науки», важнейшей предпосылкой которой является признание культурно-исторической детерминированности представления о «науке» и «псевдо-науке», о том, чем отличается знание «естественнонаучное», от «социального» и «культурного». Соответственно, исходной предпосылкой современной истории историографии, как и истории науки, и интеллектуальной истории в целом, является осознание неразрывной связи между историей самих идей и концепций, с одной стороны, и историей условий и форм интеллектуальной деятельности – с другой, что позволяет избежать искажений, проистекающих от ретроспективной оптики, «идола истоков» и опасностей модернизации, столь часто подстерегающих нас при описании долговременной пред-истории любых явлений прошлого и настоящего.

Итак, современная историографическая ситуация создала огромное новое исследовательское поле для интеллектуальной истории в направлении, связанном с историей исторической культуры, которая включает в себя весь комплекс представлений о прошлом и способы его репрезентации. Постмодернистская программа, в значительной степени обоснованно, сосредоточила внимание на изменчивости представлений о прошлом, на роли исторической концепции, которая интерпретирует исторические тексты, исходя из современных предпосылок, и действует как силовое поле, организуя хаотический фрагментарный материал.

Представив саму реальность прошлого как конструкт, создаваемый текстом историка [1], эта программа пошла по пути релятивизации истории значительно дальше того, что подразумевалось тезисом об обусловленности постоянного поиска «новых путей» в историографии столь же постоянным изменением тех вопросов, которые мы задаем прошлому из настоящего. Но именно в результате «преодоления крайностей» появилось новое отношение в историческим текстам. Сторонники «средней линии» стали подчеркивать, что хотя отсутствие прямого контакта с прошлой реальностью лишает нас возможности познать какой-то ситуативный опыт прошлого в отдельности, его можно понять в более широком контексте, в комплексной картине исторического опыта, включающей самые разные его интерпретации, поскольку в субъективности источников, которые мы изучаем, отражены

взгляды, предпочтения, система ценностей людей – авторов этих свидетельств или исторических памятников.

Как люди воспринимали события (не только их личной или групповой жизни, но и Большой истории), современниками или участниками которых они были, как они их оценивали, каким образом хранили информацию об этих событиях – все это представляет огромный интерес. Речь идет не о сознательных искажениях (хотя и о них тоже нельзя забывать), а о системе восприятия людьми того, что они наблюдают. Реальность преломляется их сознанием, и ее искаженный, односторонний или расплывчатый образ запечатлевается в их памяти как истинный рассказ о происшествии. И все же, с учетом механизма переработки первичной информации в сознании свидетеля, это не может быть непреодолимым препятствием для работы историка.

Субъективность, через которую проходит и которой отягощается соответствующая информация, отражает культурно-историческую специфику своего времени; представления, в большей или меньшей степени характерные для некой социальной группы или для общества в целом. Таким образом, текст, который «искажает информацию о действительности», не перестает быть историческим источником даже когда проблема интерпретации источников осознается как проблема интерпретации интерпретаций. И это в полной мере относится к собственно историческим сочинениям, которые анализирует историограф, реконструирующий и интерпретирующий воззрения своих предшественников.

Переосмысление предмета исследования интеллектуальной истории и истории историографии как ее части опирается на эпистемологические и методологические принципы современного социокультурного подхода, усвоившего уроки постмодернистского вызова и предложившего ему альтернативу – проект «новой культурно-интеллектуальной истории». Ее наиболее перспективная теоретическая модель позволяет включить в исследовательское поле истории историографии и анализ разнообразного мыслительного инструментария, конкретных способов концептуализации (субъективности «интеллектуалов» разных уровней), и изучение всех форм, средств, институтов (формальных и неформальных) интеллектуального общения, а также их все усложняющихся взаимоотношений с «внешним» миром культуры.

Целостный подход к изучению истории исторической науки может быть направлен на последовательный и систематический анализ конкретных форм существования истории как социально-гуманитарного знания, как определенной интеллектуальной системы, которая, сохраняя свое специфическое качество, тем не менее, переживает со временем неизбежную трансформацию. Ярким примером являются те метаморфозы, которые претерпело содержание понятия междисциплинарности, составлявшей (наряду с проблематизацией истории, признанием активной роли историка в диалоге с

источником и отказом от монофакторного анализа) одну из опорных установок знаменитой французской школы «Анналов» и «новой исторической науки» в целом.

Поскольку интеллектуальная история стремится преодолеть оппозицию между «внутренней» и «внешней» историей идей и текстов, между их содержанием и контекстом, в истории исторической науки стала заметна тенденция сосредоточить внимание скорее не на доктринах и теориях, а на изучении реально стоявших перед учеными проблем (а также конвенций, практик и стратегий, вовлеченных в их постановку и решение), раскрыть диапазон рассматриваемых ими вопросов, восстановить более общий интеллектуальный контекст, организационные структуры (институты) и межличностные коммуникации в научной среде, структуры знания и профессионального образования (отраженные, например, в справочных изданиях и учебных программах), не забывая о материальной форме бытования и способах трансляции выраженных в текстах идей – о книгах, а также о читателях, которые их воспринимали, интерпретировали, обсуждали, отвергали или «присваивали».

В историю историографии вводится практика историко-антропологических исследований (их иногда называют «интеллектуальной историей снизу»), направленных на изучение не одних лишь «сияющих вершин», а всего разноуровневого «интеллектуального ландшафта» того или иного исторического периода. Особое внимание отводится, с одной стороны, выяснению того, что из более ранних исторических концепций и интерпретаций воспринималось и удерживалось (пусть избирательно и непоследовательно) не претендующим на оригинальность массовым сознанием. А с другой стороны, исследуются пути и способы распространения новых идей, в частности через публицистику, популярную и художественную литературу, драматическое и изобразительное искусство и т.п.

Под влиянием «лингвистического поворота» и в результате конструктивной реакции на него история историографии расширила свою проблематику и отвела центральное место изучению дискурсивной практики историка, не ограничивая, однако, свою исследовательскую задачу текстологическим анализом и опираясь на разнообразные подходы к интерпретации текста, в том числе на герменевтический, который направлен на постижение смысла текста как сообщения, адресованного потенциальному читателю, и структурно-семиотический, нацеленный на его «раскодирование».

В рамках «новой культурно-интеллектуальной истории» она получила шанс стать по-настоящему самостоятельной и самоценной исторической дисциплиной, которую сегодня, стремясь обозначить ее новое качество в самом имени, предпочитают называть клиографией, или – в сочетании с изучением методологических и эпистемологических проблем исторической науки – клиологией. Формируется весьма перспективное направление

исторической критики, все дальше уходящее от инвентаризации исторических концепций и школ к анализу, главным предметом которого становятся не только результаты профессиональной деятельности и методы исторического познания, но профессиональная культура в целом, отражающая качественные перемены в исследовательском сознании, в творческой и коммуникативной практике (формах общения) историков и в самом способе историописания. Речь идет о совмещении разных исследовательских традиций в особом предметном поле, которое можно условно определить как «историю историографии в человеческом измерении».

История историографии как часть интеллектуальной истории – это и не дисциплинарная история исторической науки, и не философская история исторической мысли, и тем более не вспомогательная проблемно-тематическая историография, а прежде всего история исторической культуры, история исторического познания, сознания и мышления – история исторических представлений и концепций, образов прошлого и «идей истории», задающих интерпретационные модели и выступающих как мощный фактор личностной и групповой идентичности, общественно-политических размежеваний и идеологической борьбы. Речь идет об изучении проблем исторической памяти (способов производства, сохранения, передачи исторической информации и манипулирования ею), то есть памяти социума и отдельных его групп о своем прошлом, в том числе ключевого и малоисследованного вопроса о соотношении индивидуального и коллективного исторического сознания и их роли в формировании персональной, социальной, национальной идентичности, а также воздействия на этот процесс исторической науки и исторической публицистики, о научном анализе качественных сдвигов, произошедших в понимании задач истории как академической дисциплины, в историографической практике и в исторической новеллистике на рубежах XVIII – XIX, XIX – XX и XX – XXI веков.

Рассматривая историю историографии (исторического знания) как интеллектуальную историю, можно говорить о трех уровнях ее изучения, которые в той или иной мере соответствуют тем основным направлениям обновленной методологии истории, которые выделил выдающийся французский ученый Жак Ле Гофф как общее наследие истории, развивающейся в русле «Анналов», и прежней истории идей: а) история интеллектуальной жизни, которая представляет собой «изучение социальных навыков мышления», б) история ментальностей, т.е. история коллективных автоматизмов в ментальной сфере. в) история ценностных ориентаций. В этой связи чрезвычайно значимой представляется утверждение Ле Гоффа о том, что «понятие ценностных ориентаций... позволяет учитывать при изучении истории динамику, изменение; оно восстанавливает феномен человеческих желаний и устремлений, оно восстанавливает этику...» [2, с. 26]. Эти три

направления могут составить три уровня историографического исследования, изучения идейного наследия того или иного историка.

Разрабатывая полномасштабный историко-историографический проект в рамках современной интеллектуальной истории, необходимо учитывать взаимосвязанность всех его составляющих, в том числе и относительно традиционных: изменения в проблематике исторических исследований, развитие и смена научных концепций, подходов, интерпретаций должны быть рассмотрены в контексте личных судеб и общественных процессов, сквозь призму индивидуального, группового и профессионального восприятия как социально-политических и идеологических коллизий, так и интеллектуальных вызовов эпохи.

Список литературы

1. Ankersmit, F.R. The reality effect in the writing of history. The dynamics of historiographical topology / F.R. Ankersmit. – Amsterdam: Noordhollandsche, 1989.

2. Ле Гофф, Ж. С небес на землю / Ж. Ле Гофф // Одиссей-1991. – М.: Наука, 1991. – С. 25 – 44.

Релина Лорина Петровна, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской Академии наук, заместитель директора Института всеобщей истории РАН, президент Общества интеллектуальной истории, главный редактор журнала «Диалог со временем».

УДК 330.34.01

С.В. Синяков

ИДЕАЛЬНАЯ КОМПОНЕНТА В СТРУКТУРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Обычно теории, объясняющие экономическое поведение индивидов, являются экономическими теориями, а не философскими или культурологическими концепциями. Разделение труда между учеными привело к тому, что экономисты занялись изучением сугубо экономических отношений, а философы и представители гуманитарного комплекса наук – этической, ценностной, культурной стороной процесса человеческой деятельности. Такое одностороннее, суженное рассмотрение экономической деятельности людей ведет к существенным недостаткам при решении вопроса о мотивах и целях экономического поведения. Следовательно, возникает необходимость в целостном, интегрирующем подходе к решению этой проблемы.

Экономическая среда включает в себя мыслящих и действующих людей, а также значительное количество ценностей, целей и норм поведения.

Экономическое поведение людей всегда обусловлено рядом социокультурных факторов, главными из которых являются психологические, политические, социологические, религиозные, мировоззренческие и другие идеологические представления. Современная экономическая теория, когда она описывает экономические процессы, кризисы, явления, конфликты, не может не учитывать эту проблематику, получившее известное обсуждение в социологии, политологии, исторической науке, социальной философии [7].

В современных экономических системах идеологические ценности очень разнообразны. Некоторые из мировоззренческих ценностей восприняты и разделяются целыми социальными группами; другие, напротив – узким кругом индивидов. Разнообразие и относительная автономия мировоззренческих идей – достаточно давний факт в экономической истории общества. Каждая система экономических ценностей может быть соединена с разными идеологическими представлениями. Эти различия могут существовать одновременно в едином экономическом пространстве или возникнуть в определенной исторической последовательности. Они конкурируют друг с другом, стремясь подчинить себе определенную экономическую группу: так возникают конфликты экономических ценностей – капитализм и коллективизм, рыночные и антирыночные ценности и т.д. Между ними возможны конкуренция, противостояние и конфликты: моральные, этические религиозные идеи могут входить в противоречие с экономическими принципами.

Можно попытаться объяснить экономическую активность людей воздействием идеологических факторов, ценностей. Однако сами эти ценности не могут рассматриваться в изолированном виде. Они сами порождаются и обуславливаются социокультурной средой, хотя в свою очередь помогают понять, переосмыслить и преобразовать ее.

Экономическая наука, как и другие общественные науки, не может существовать в философском вакууме, полностью игнорируя все философские проблемы, в том числе и проблему идеального. Несмотря на то, что последняя сформировалась в философии еще во времена Платона и Аристотеля, активно обсуждалась в немецкой классической философии XVIII – XIX вв., в последнее время она заявила о своем существовании в экономической науке.

Идеи, «идеальное», образы – характерные черты и главный признак сознания, обусловленный социальной природой общественных феноменов. Идеи не являются только лишь пассивным отражением социальной среды, в них заложен преобразующий характер; по своему существу они активны и конструктивны. Идеальную компоненту в экономическом процессе можно определить как исторически сложившуюся систему фиксированных экономических отношений, развивающихся форм экономического взаимодействия. Подчеркивая проективную сущность идей в экономическом сознании, следует выяснить, каким образом такая их черта как целеполагание

способствует решению экономических задач. Важным экономическим аспектом проблемы идеального является исследование взаимодействия идеального и материального в экономических процессах. Причем эта задача является не только теоретической проблемой, но имеет вполне практическое значение, предметную область применения.

В работах, посвященных обоснованию теории и методологии экономического познания, прослеживается мысль, согласно которой изучение экономических явлений сегодня возможно лишь в широком социокультурном контексте [14]. Однако, осуществить это невозможно, оставаясь на позициях традиционных представлений о природе экономических феноменов. Выходом из сложившейся ситуации может быть построение новой экономической онтологии, гносеологии и логики, конструирование новой системы интерпретаций и оценок, учитывающих теорию культурной детерминации экономического поведения субъектов. Сказанное приводит к необходимости расширения представлений об объектах экономической науки за счет включения их в более глубокую область культуры, образа и стиля мышления, особенностей мировосприятия, привычек, традиций, уверенности в правдивости, лживости или несправедливости экономических действий. Отсюда возникает необходимость использования междисциплинарного подхода, сотрудничества экономистов, юристов, культурологов, философов, социальных психологов и др. ученых. Следует отметить, что такой опыт уже имеется в нашей научной литературе. Например, предпринимается попытка ввести идеальную духовную компоненту в структуру экономического объекта и в понятийный аппарат экономической науки [3, с. 27 – 46]. При анализе региональной экономики регион рассматривается как духовная единица, в которую закладываются социокультурные отношения [6].

Систематическое исследование региона становится невозможным на основе традиционных представлений о нем, как только экономической, территориально-административной структуре. При использовании понятий «духовное» или «метафизическое» пространство как интегральных категорий удастся охватить такие виды человеческой деятельности, которые способны не только преобразовывать, но и создавать новые условия существования, реализуясь в политике, культуре, экономике.

В экономическое «идеальное», на мой взгляд, можно включить: стереотипы поведения, потребления, образа жизни, ценностно-мотивационное отношение к труду, понимание сути богатства, накопления, форм стоимости и т.д. В данном аспекте содержание идеального совпадает с содержанием культуры, поскольку доминирующий компонент в культуре – «идеальное». Культура наполняет экономическим содержанием хозяйство, она пронизывает социальную среду, в которой реализуется хозяйственная деятельность. Вне процесса культурного творчества невозможно представить великие

достижения человечества во всех проявлениях человеческого духа, в том числе и в экономической сфере.

Культура включается в результаты и продукты хозяйственного развития; она закрепляет нормы и правила взаимодействия людей в хозяйственной жизни, опосредует принципы организации труда людей, формы производства и воспроизводства общества. В понимании культуры мы идем вслед за В.С.Степиным, который рассматривает культуру в качестве информационного аспекта жизни общества, как социально значимую информацию регулирующую деятельность, поведение и общение людей. Эта информация, выступающая как совокупный, исторически развивающийся социальный опыт, частично может осознаваться людьми, но весьма часто она функционирует как социальное «подсознательное». Ее передача от поколения к поколению возможна только благодаря закреплению в знаковой форме в качестве содержания различных семиотических систем [9, с. 345]. Что касается экономической сферы жизни общества, то в роли таких систем обычно выступают любые факторы хозяйственной деятельности, приобретающие функции знаков, которые фиксируются в программах хозяйственной деятельности, экономического поведения и взаимодействия. Такими факторами являются системы норм, принципов, символов, обеспечивающие хозяйственный процесс. В качестве особых знаков нередко функционируют хозяйственные объекты, созданные людьми, в которых содержится накопленный социальный и экономический опыт.

В экономической концепции Ю.М.Осипова человеческое сознание справедливо рассматривается как источник хозяйства, а не наоборот. Хозяйство, хозяйственная деятельность есть реализация сознания. На такой основе делается вывод о субъективной природе хозяйства и его идеологической обусловленности, «Сознание создает идеологию, а идеология правит воем сознанием» [11, с. 16]. Идеология закономерно предшествует хозяйственной деятельности, придает ей смысл, цели и направление. Основными причинами благосостояния сегодня являются идеи: экономика знаний, экономическая инициатива, инновации, высокий уровень образования, квалификации и т.д.

Экономика сегодня, безусловно, является управляемой экономикой. Процесс глобализации приводит к возрастанию роли финансовых центров в управлении мировым хозяйством. Финансово-экономические методы управления хозяйством дополняются внеэкономическими, так сказать волевыми инструментами вмешательства. Современная эпоха принципиально отличается от политических и экономических отношений прошлого общественного устройства. Сформировались новые институты экономики и общества, изменились принципы и нормы жизни людей. «К XXI веку история подошла уже с ощущением своего собственного конца, т.е. некоторой объективностью, заданностью, вязкостью. История вырвалась из истории:

теперь стало возможным творить все без всякой оглядки на объективность, природность, сакральность, даже на прошлое, которое потеряло свое ограничительное и воспитательное значение» [13, с. 3]. Нынешний финансовый и экономический кризис не оставляет уже места мифам об эффективности чисто финансовых и экономических способов управления хозяйством, иллюзиям о самодостаточности и эффективности рыночной экономики в целом.

Такая неутешительная ситуация в мировой экономике не могла не получить отражения в экономической науке: все чаще можно увидеть скептическое отношение как к экономической теории, так и к экономической политике [5, с. 152 – 160]. Появилось убеждение в том, что современная экономическая мысль испытывает затруднения в объяснении событий, происходящих в реальном мире, а также в осуществлении анализа пригодного для экономической политики. Происходит частичный отказ от концепции экономических субъектов как рациональных деятелей, что сказывается на методологии экономического исследования. Некоторые ученые считают причиной неудач господство дедуктивизма в экономической теории и концепции науки вообще [8].

Анализируя проблему «идеального» в экономической науке, нельзя не остановиться на вопросе иррациональности экономических субъектов.

Как известно, согласно концепции психоанализа, «рациональное» составляет достаточно небольшой пласт в психике человека. Остальное пространство занято «иррациональным». Если этот вывод перенести на сознание субъектов хозяйственной деятельности и экономических отношений, то здесь формируется немалое количество малоисследованных проблем. Кризисные явления выявили множество аспектов реализации иррациональных действий в экономической сфере жизни общества.

Иррациональное поведение противоположно рациональному, «целерациональному» (М.Вебер). Если для первого характерна увязка целей с осознанием интересов, конструированием плана действий на основе расчета баланса возможных достижений и издержек, то иррациональное поведение этого лишено. В его основе лежат психологические механизмы, косвенно связанные с трезвым расчетом. Совершая такое действие, человек не контролирует себя рациональным разумом, и лишь потом, когда он успокоится и восстановит способность к трезвому анализу, поймет всю свою неадекватность и свои ошибки. В экономической сфере жизни общества остается гораздо меньше пространства для иррациональных действий, чем в других областях. Однако и тут, особенно в период экономического и финансового кризиса, создаются механизмы иррационального поведения. Например, потребительское поведение людей на основе механизма подражания воспроизводится без каких-либо размышлений. Индивиды не задумываются, что надо делать в стандартных ситуациях: они ведут себя так,

как это делают окружающие. Во время финансового кризиса механизм подражания уже не реализуется в покупке ненужных вещей, следованию моде и т.д., а осуществляется в операциях с вкладами, денежными депозитами и различными ценными бумагами. Во время повышения курса твердой валюты (доллара, евро, фунта стерлинга и др.) финансовые субъекты начинают их интенсивно скупать, в периоды снижения курса такой валюты – быстро обменивать ее на национальные денежные знаки. С точки зрения рационального расчета, трезвого экономического анализа все надо делать как раз наоборот. Такие ситуации нередко объясняются словом паника.

Термин «паника» происходит от имени греческого бога Пана, покровителя пастухов, пастбищ и стад. Его гневу приписывалась «паника» – безумие стада, бросавшегося в пропасть, в воду из-за незначительной причины. Возникновению паники способствует ряд факторов. Ими могут быть усталость, депрессия, голод опьянение, долгая бессонница или предшествующие психические потрясения, но не только. К панике приводят такие психологические феномены, как крайнее удивление, большая неуверенность, сознание собственного бессилия перед неотвратимой опасностью, утрата доверия к лидерам, банковской системе, государственным институтам. Паника начинается с появления шокирующего стимула: резкого понижения курса национальной валюты, гиперинфляции или политических потрясений, активно влияющих на экономику. Она вызывает потрясение и восприятие экономической ситуации как кризисной. Состояние замешательства может усиливать попытка интерпретировать и оценивать события в рамках личного опыта путем припоминания аналогичных ситуаций, например, финансового кризиса 1998 г. или хаоса в Украине в 2004 г. Острая необходимость быстрого объяснения стимула и немедленного действия мешает логическому осмыслению кризисной ситуации и вызывает страх. В этом случае может произойти резкое увеличение «критической массы»: страх одних экономических субъектов отражается другими, что в свою очередь усиливает страх первых. Страх ведет к уменьшению уверенности и способности коллективно противостоять кризисной ситуации, создает ощущение обреченности. Неверие в возможность государственного организованного спасения вызывает желание спастись индивидуально. Паника в кризисной ситуации – это индивидуалистическое и эгоцентрическое поведение экономических субъектов, направленное на спасение финансов и активов любой ценой: найти в банке своих людей, поделиться с финансовыми чиновниками, отдав половину сбережений ради спасения другой половины. В процессе паники субъекты часто действуют однотипно, например, обманутые инвесторы бросаются в двери одного офиса, ищут нужных людей способных им помочь и т.д. Все это является результатом циркулярной реакции внушения, заражения, подражания. Если один человек побежал, то все побежали за ним, надеясь, что впереди бегущий знает выход. Поэтому паника,

как правило – групповое поведение. Несмотря на то, что оно имеет целью индивидуальное спасение, результатом является то, что спасающиеся таким образом индивиды нейтрализуют усилия каждого, буквально топят друг друга. Так, банковская паника ведет к тому, что слегка пошатнувшийся банк тонет как торпедированный корабль.

Важную роль в распространении форм иррационального экономического поведения играет механизм заражения. Люди заражаются вирусами и бактериями какой-либо болезни, но точно также они могут при определенных условиях заразиться чужим настроением, копируя соответствующие формы поведения. Нередко в экономических Грошах встречается механизм взаимного заражения. В этом случае все участники группы заражают друг друга определенными чувствами, переживаниями, эмоциями, настроениями. Даже в условиях рыночной экономики время от времени реализуется иррациональный потребительский спрос – население, вдруг, под воздействием сплетен и слухов бросается скупать соль, сахар, спички, гречку и т.д. Внушение есть метод, способствующий некритическому восприятию внешней информации и в дальнейшем осуществлению иррациональных экономических действий. Субъектами внушения могут быть те лица, которые обладают необходимым для данного индивида или группы авторитетом. Причем, чем выше авторитет, тем неопровержимее кажутся доказательства внушающего.

В условиях огромной концентрации населения в больших городах резко интенсифицируется неформальная информация, которая часто касается важных аспектов потребительского рынка. Демократизация средств массовой информации превращает их в разносчиков слухов со ссылкой на информированные круги. Развитие телевидения, рекламы, интернета создало мощные средства манипуляции поведением миллионов людей. Они могут одновременно получить информацию, толкающую их на однотипные иррациональные действия.

Профессор из Кельна-Оккенфельд, автор концепции «игровые теории», экспериментально продемонстрировал то, что во время аукционов в Кельне участники, сидящие на первых рядах, завышает стоимость выставленных товаров примерно на 5 – 6 евро, а сидящие на задних рядах наоборот занижают стоимость этих же товаров на 2 евро. Рационально эту ситуацию объяснить очень сложно. Профессор Оккенфельд полагает, что классическая экономическая наука игнорирует экспериментальную составляющую. Он ее называет стратегической психологической стороной экономики. Классическая экономическая наука исходила из того, что экономический человек является эгоистом и рационалистом. С точки зрения Оккенфельда люди перед решением важных экономических задач переживают иррациональные состояния, которые влияют на их последующие действия.

Об ограниченной рациональности в экономической науке говорит и профессор института Санта Фе (США) Б.Артур. Он критически анализирует

метод рациональной дедукции в экономической науке и предполагает, что данный тип рациональности, будучи чрезвычайно полезным для решения теоретических задач, предъявляет слишком большие требования к человеческому поведению. «Мы сталкиваемся с вопросом о рациональности экономического субъекта» [2, с. 8], – подчеркивает он. Б.Артур ставит под сомнение таковую и связывает это с ограниченной возможностью экономических агентов по переработке информации и трудностью идентифицировать ситуации при подборе шаблона вида действия способом соответствующим шаблону [2, с. 12]. В связи с таким предположением он предлагает исследовать ситуацию, связанную с посещением ночного клуба, подчеркивая недостатки способа создания модели ожидания потенциальных посетителей, «Пусть N людей, – пишет он, – еженедельно решают независимо друг от друга, идти ли им в определенную ночь в бар, предлагающий развлекательные программы, мероприятия, или нет. Для упрощения предположим, что $N = 100$. Помещение бара ограничено, и вечер будет приятным, если в этом баре не будет столпотворения, конкретнее, – если там будет находиться меньше 60% из возможных 100%. Нет способа заранее определить, сколько людей наверняка придет. Поэтому лицо, или агент, идет в бар – считает, что стоит пойти, – если ожидает появление в баре меньше 60 человек, или останется дома, если ожидает появление в баре больше 60 человек. На выбор не влияют предыдущие визиты, нет сговора или предшествующего общения агентов между собой, и единственная доступная информация – количество людей, которые пришли на прошлых неделях. В данном случае невозможно создать четкую модель, которую все агенты могли бы использовать для прогнозирования посещаемости и для обоснования своих решений и, таким образом, дедуктивная модель или решение невозможны. Не зная, какую модель ожидания выбрали другие агенты, данный агент не может сделать свой выбор четко определенным образом, Дедуктивно-рациональное решение не существует, так как нет правильной модели ожиданий Дело в том, что если все предполагают, что несколько человек пойдут в бар, то все туда пойдут; аналогично, если все полагают, что в бар пойдет большинство народа, то никто не пойдет [2, с. 12 – 14]. Выход, по его мнению, состоит в создании «динамических или индуктивных моделей на основе экспериментальной экономической науки» [2, с. 14].

На близких к Б.Артуру методологических позициях стоит другой известный исследователь – Т.Лоусон. Он также весьма скептически оценивает экономическую дедукцию в решении ряда вопросов экономического исследования. Им предлагается иная модель экономических знаний и методологии познания, учитывающая невозможность создания представлений о постоянных связях между событиями. И когда позитивные результаты будут отвергнуты, подчеркивает он, «их место займет трансцендентально – реалистическая парадигма экономической теории», которую «с легкостью

можно будет трансформировать в направлении более адекватного анализа, пригодного для экономической политики» [8, с. 98]. Так изменение представлений о природе экономических объектов, структуре субъекта хозяйственной деятельности с необходимостью ведет к созданию новой экономической эпистемологии.

В основе неоклассической экономической теории лежали три основные идеи: идея равновесия, идея возможности строгой математической интерпретации экономических явлений и идея «чистой» экономической науки. Последняя предполагала исключение из ее предметного поля «всяких ненаучных теорий» мифологизации и строгое предметное разграничение с другими общественными дисциплинами» [1, с. 228]. Однако представление об экономической реальности изменяется и это требует новых форм теоретического описания явлений и процессов. Эти перемены можно считать существенным шагом вперед в деле описания хозяйственной жизни по сравнению с прежними неоклассическими теориями. Объектом неоинституциональных теорий перестал быть рациональный экономический человек, ориентированный на получение максимальной прибыли и минимизации расходов. На его место приходит человек не всегда рациональный и нередко иррациональный. Этот человек является продуктом конкретной социокультурной среды, имеет массу особенностей, принадлежит к определенной этнической, национальной или реферативной группе, придерживается какой-то системы ценностей, идеалов и норм, моральных и стилевых принципов. Такой человек многое меняет в традиционных финансовых и экономических отношениях влияет на функционирование институтов хозяйства и общества. Последствиями его решений и действий могут быть финансовые игры или отсутствия таковых, финансовые спекуляции и биржевые крахи международных игроков, их неверные представления о стабильности и нестабильности денежной системы.

Наиболее адекватной изменившемуся объекту системой экономических знаний, на мой взгляд, является сегодня – философия хозяйства. Если экономическую теорию, учитывая ее дедуктивную направленность, можно расценивать как идеологическую форму, конструирующую определенную экономическую картину мира, то философскую теорию хозяйства можно считать более фундаментальным видом знаний. Если экономическая теория имеет нормативный характер, то она не выполняет сегодня часть своих задач и функций, необходимых людям. Одна из причин этого состоит в том, что хозяйство «обладает самостоятельным онтологическим и широким социальным смыслом, тогда как экономику надо понимать лишь как одну из исторических форм хозяйствования» [1, с. 110]. Кроме того, философия хозяйства конструируется с максимальным учетом идеальной компоненты в структуре экономической реальности, преодолевает узкий экономизм, расширяет горизонты представлений о хозяйственной деятельности. В

экономике есть не только закономерность и упорядоченность, но есть случайность и хаос. Люди нередко, например, в экстремальных ситуациях игнорируют институциональные требования и действуют свободно и целенаправленно, часто используют образ мышления и опыт поведения других людей в подобных ситуациях. Экономика, когда ею занимаются свободные активные люди и государство не препятствует их деловой активности, способна вести себя как самоорганизующаяся система. Теория хозяйства, наряду с современной институциональной теорией, являются наиболее перспективными познавательными конструкциями для изучения экономического сознания и поведения хозяйственных субъектов. «Философия хозяйства – это и не философия и не экономика, не их смесь и не промежуточное связывающее звено, – пишет В.М.Осипов. Мало того, это и не философия в экономике – тут все иначе: философия хозяйства – вытянутое из самой реальности, в которой также и человек, и его сознание, и его мысли, а не одни лишь окружающие человека вещи, метанаучное знание – размышление, не отделимое ни от мира, ни от всей доступной человеку идеальности» [12]. Очень важной особенностью теории хозяйства есть то, что она, будучи философской рефлексией по своему характеру, абстрактной по своей природе, лишена всякой спекулятивности, схематичности, догматизма, избыточной дедуктивной рациональности; по сути дела она учитывает все особенности своего объекта – хозяйства. «Философия хозяйства есть не столько философия на предмет, сколько философия из предмета, ибо хозяйство – это действующее, производящее, говорящее о себе...» [10]. Небывалая виртуализация общества и финансов, тотальная информатизация общества во всех его сферах жизнедеятельности потребовала осмысления этих явлений в совершенно новой научной форме, которая бы преодолела бы, с одной стороны, спекулятивность философии, с другой стороны, познавательную ограниченность только экономического исследования хозяйственных процессов. Новая теоретическая концепция по своей природе является не только рефлексией над хозяйством, его смыслом, задачами и структурой, она также критически анализирует существующее экономическое знание, что позволяет переосмыслить принципы, понятийный аппарат экономической науки и общественнознания в целом. Плюрализм в экономических исследованиях и методологии науки гораздо выгоднее, плодотворнее и совершеннее монизма. Это шаг вперед по сравнению с тем, что было раньше. Он повышает уровень научной культуры и эффективность теоретических исследований. Экономика – это способ взгляда на те явления, которые возможно изучаются другими общественными и естественными науками, поэтому альтернативный подход к анализу различных социальных и хозяйственных феноменов представляется востребованным и эффективным. Экономическая теория способна проникать в сущность и видеть малое и больше в том случае, когда она обращается к более глубинным структурам

для обоснования собственно экономических процессов. «Важно иметь в виду, – пишет Ю.М.Осипов, – что философия хозяйства возникает и развивается в особые исторические сроки. Когда тихоголосая философия уже пережила свой апогей, надежно превратившись в кладезь собственной мудрости – в историю самой себя, а громкоголосая наука находится в состоянии триумфальной эйфории, за которой уже маячит и неожиданное отрезвление...» [12, с. 6]. Концепция философии хозяйства является эффективным инструментом в борьбе с догматизацией и мифологизацией экономических знаний уже потому, что она не скованная узкими рамками какой-то одной науки, по преимуществу опирается на реальную хозяйственную деятельность как объект познания.

Постановка проблемы о роли сознания в осуществлении экономических процессов будет неполной характеристикой взаимодействия субъекта и объекта в хозяйственной деятельности. Анализ соотношения субъекта и объекта в экономических процессах раскрывает активность сознания хозяйственных субъектов в формировании экономики. И это понятно, так как экономическая реальность, ее законы и структура в обществе существует через деятельность людей и отношений групп людей. Поэтому экономика как объект не может быть исследована, если она перед исследователем не предстанет в качестве субъекта со всеми идеальными характеристиками. Одна из них – опосредованность объективного субъективным в самой реальной хозяйственной деятельности. Я имею в виду то обстоятельство, что экономический процесс совершается при активности сознания экономических субъектов. Следующим шагом может быть познание механизмов перехода объективного в субъективное и наоборот – объективного в субъективное. Такой анализ возможен только при выявлении тенденций экономического развития хозяйственной деятельности людей, в ходе которой осуществляется реализация самих целей. В познании экономических явлений цель не просто выражает программу экономической деятельности, но и тесно связана с самой хозяйственной реальностью. Следовательно, в экономическом исследовании целеполагание не только задает программу познания, но и прямо представляет собой матрицу экономического объекта в его развитии от этапа выдвижения цели до ее реализаций. Здесь выявляется степень соответствия цели и результата, удостоверяется степень адекватности субъектом тенденций развития, конечных результатов экономической деятельности. Целеполагающий характер экономического развития означает проявление активности сознания субъекта еще в одном аспекте: знание, позволяющее сформировать адекватную будущему результату экономической деятельности цель, зависит от сложности изучаемых процессов.

Например, сегодня сформировалась новая глобализированная экономика, во многом отличная от прежней – финансовая система, которая принесла иные принципы хозяйствования. Все это потребовало нового научного осмысления. Новые формы знаний пока не имеют строго очерченного

предмета, конкретной методологии исследования и не всегда опираются на прежние научные традиции. Но свершилось главное – размежевание со старой системой знаний, что с необходимостью вызывает генерацию новых идей в науке, ведет к острым дискуссиям среди ученых – представителей разных областей знаний. Зафиксировать происходящие перемены – первый шаг в развитии нового экономического знания, «Осознать мысль – значит признать, что мысль состоялась во времени как эмпирический факт» [4, с. 221]. Процесс философской рефлексии уже развернулся в экономических науках: идет переосмысление алгоритма трансформации как финансовой и экономической систем, так и самого экономического знания в XXI веке. Дополняя теоретико-экономическое исследование социологическим, историческим и культурологическим подходами, следует учитывать факт изменения, обновления, а также выдвижения новых ценностей.

Список литературы

1. Андреев, А.Л. От экономической идеологии к философии хозяйства / А.Л.Андреев // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2009. – № 1. – С. 107 – 111.
2. Артур, Б. Индуктивное мышление и ограниченная рациональность / Б. Артур // Terra Ecolomicus: сб. статей российских и зарубежных экономистов начала XXI века. – М.: Наука-Спектр, 2008. – 672 с.
3. Быстряков, И.К. Метафизика экономики: реальность и виртуальность / И.К.Быстряков // Философия экономики. – К., 2002.
4. Гиренок, Ф.И. Экзистенциальная антропология / Ф.И. Гиренок // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2003. – № 2. – С. 221 – 233.
5. Дунаев, С.А. Мировая экономика и кризис парадигмы / С.А. Дунаев // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2009. – № 5. – 145 – 168; Мамедов, О. Экономическая теория: нестранное знакомство с методологией / О. Мамедов. – Ростов-на-Дону: Из-во Рост. гос. ун-та, 2006. – 127 с.
6. Зинков, Е.Г. Философия поля: философские и социально-экономические аспекты взаимосвязи земельных и политических отношений в России / Е.Г. Зинков. – Краснодар, 2002.
7. Коллингвуд, Р.Дж. Идея истории. Автобиография / Р.Дж. Коллингвуд. – М.: Наука, 1980. – 485 с.; Хайдеггер, М. Разговор на проселочной дороге / М. Хайдеггер. – М.: Высшая школа, 1991. – 190 с.; Блок, М. Апология истории или ремесло историка / М.Блок. – М.: Наука, 1986. – 254 с.; Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб.: Наука, Санкт-Петербургская издательская фирма, 2001. – 377 с.; Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс. – М.: Акад. проект, 2002. – 830 с.
8. Лоусон, Т. Современная «экономическая теория» в свете реализма / Т. Лоусон // Вопросы экономики. – 2006. – № 2. – С. 75 – 98.

9. Новейший философский словарь / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – Минск: Скакун, 1999. – XVIII, 877 с.
10. Осипов, Ю.М. Курс философии хозяйства: Примерная программа / Ю.М.Осипов. – М.: МАКС Пресс, 2003. – 88 с.
11. Осипов, Ю.М. Сознание и хозяйство, и философия хозяйства тоже / Ю.М.Осипов // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2009. – № 2. – С. 9 – 20.
12. Осипов, Ю.М. Философия хозяйства как познание / Ю.М.Осипов // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2005. – № 4 – 6.
13. Осипов, Ю.М. Вместо предисловия. Не в одном слове дело / Ю.М.Осипов // Экономика Постмодерна / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова; Центр обществ. наук [и др.]; Под ред. Ю.М. Осипова [и др.]. – М.: Экономистъ, 2004. – С. 3 – 6.
14. Цивилизационные модели современности и их исторические корни / Ю.Н.Пахомов, С.Б. Крымский, Ю.В. Павленко; под ред. Ю.Н. Пахомова. – Киев: Наукова думка, 2002. – 632 с.; Философия экономики / отв. ред. С.В. Синяков. – Киев: Альтерпрес, 2002. – 384 с.; Введение в институциональную экономику: учебное пособие по специальности «Менеджмент организации» / Д.С. Львов [и др.]; под ред. Д.С.Львова. – М.: Экономика, 2005. – 638 с.; Институциональная экономика. Новая институциональная экономическая теория: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по экономическим специальностям / [В.Л. Тамбовцев [и др.]; под общей редакцией А.А. Аузана. – Москва : Инфра-М, 2007. – 415 с.

Синяков Сергей Васильевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и педагогики Национального транспортного университета (г. Киев).

УДК 930

Б.М. Лепешко

О ВОЗМОЖНОСТИ ЭТИЧЕСКОГО СМЫСЛА ИСТОРИИ

Первый и главный вопрос: зачем вообще искать в истории какой-то смысл? Есть логика исторического процесса, есть определённая последовательность событий, есть то, что, мы называем эмпирией, есть детерминизм, причинно-следственные связи, какая здесь вообще может быть метафизика? Тем более что сама постановка вопроса о смысле истории предполагает, прежде всего, философско-исторический контекст, метафизический контекст. Какой смысл в революциях, в гибели государств, в смерти героев, если мы можем ясно и чётко сказать о «причинах» революции, и её «следствиях», о том, кто убил героя и почему, какие предпосылки привели к разрушению Карфагена и почему варвары взяли Рим. Вопросы такого характера имеют популярность как реакция на метафизику, как форма скрытого недовольства профессиональных историков попытками внести элемент философии в предмет науки истории. Достаточно вспомнить в этой

связи известное замечание В.О.Ключевского, требовавшего строго разграничить предмет истории и философии истории [1, с. 61].

И всё же разговор о смысле истории можно вести и вести в нескольких смысловых полях. Во-первых, в значении смысла замысла (зачем всё это) и цели. Если исключить смыслообразующий элемент из истории, то история может выглядеть бессмысленной. Существование жилого дома определяется той функцией, которую выполняет этот объект, мы понимаем связь между намерением и фактом. Историческое событие тоже имеет некую причину (следствие), которые могут лежать вне этого исторического события, и потому мы видим идеальную причину (следствие) этого исторического явления. Скажем, революция совершается во имя справедливости, но осуществление этого идеала справедливости может быть реализовано лишь в будущем. И, таким образом, историческому событию придаётся функция будущности (временности). Революция имеет смысл, справедливости вовсе не потому, что этот смысл имманентно присущ революции, а потому, что мы сами придаём ей этот смысл. Нравственное значение смерти героя формируется нами, а не самим фактом его гибели. Вспомним интерпретацию поступка пионера Павлика Морозова, «сдавшего» властям своего отца-кулака. Смысл поступка меняется вместе с изменением наших представлений о должном, что, к слову, связано и с пониманием бесперспективности неких абсолютных, нравственных оценок (исключая контекст мировых религий, о которых отдельный разговор). Но что есть и в рамках именно такого понимания истории, так это представление о цели. Карл Маркс говорил о коммунистическом обществе как цели и об этом же говорил В.Ленин. Но об этом же (цели) говорили и адепты христианского исторического понимания: если начало истории связано с появлением Богочеловека, то завершение – с его вторым пришествием. А диалектическое движение мировой идеи Гегеля, не из этого же смыслового ряда?

Во-вторых, о смысле истории можно говорить тогда, когда мы рассуждаем о «всемирности» истории и ищем некие концептуальные постулаты, призванные обосновать смысл истории как целостного явления. Смысл можно находить в «круговращении живых форм», в смене формаций, в развитии цивилизаций, культурном генезисе, даже в «отрицательных формах» развития, связанных с пониманием регресса культуры, знания, нравственности. Конечно, «мировая история» многими концептуалистами не воспринимается, как целостность, достаточно вспомнить в этой связи классические строки Николая Данилевского и Освальда Шпенглера. Однако даже в этих случаях смысл мог находиться, правда, в иных теоретических конструкциях и иных дефинициях. Любая «новая» историческая концепция претендует на некий «смысл», очевидно, в силу осознанности того простого факта, что иначе носить имя «концепции» её не будет позволено. Вот даже в рамках формирования социальной модели современного белорусского государства мы говорим о «сильном и процветающем государстве» как

концепции. Сам лозунг заставляет предполагать, что это именно цель, причём цель, не реализованная в прошлом и цель, которая должна быть реализованной в будущем. Предполагается, что тогда, в новом будущем, вместо этой цели будет сформулирована и новая цель, дезавуирующая старую. Но подобного рода «круговорот целей» неудовлетворителен и заставляет нас искать новый теоретический выход, либо на пути понимания единства будущего, либо в рамках его релятивности.

В-третьих, говорить о смысле истории мы можем в рамках поиска идентичности, история в этом аспекте либо «подтверждает» наше понимание самих себя, либо «вносит» аргументы, исключаящие ту или иную постановку вопроса. Кроме того, надо учитывать, что «универсальная мораль, (даже если она первоначально может утверждаться в ограниченной форме утилитаристской частной этики) больше не в состоянии строить ясные групповые идентичности на наивной дифференциации «внутреннее – внешнее» между теми, кто принадлежит к роду (или государству) и чужими» [2, с. 285]. Так писал Юрген Хабермас и здесь важно заметить, что сами проекты философии истории, сами концептуальные проекты того или иного рода были призваны решить эту самую проблему идентичности. Самый блистательный пример – русская историософия прошлых веков, к анализу которой мы ещё обратимся. Ведь можно с большой долей смелости утверждать, что поиски восточными славянами своей идентичности во многом вылились в «проекты» как западного, так и славянофильского толка, а что здесь «первично», а что «вторично» – дело второстепенное. Пока второстепенное. Здесь теория выступает катализатором усилий, связанных с пониманием и собственной истории, и характера её развития, и специфики её смысла. Вот, скажем, тема: «Владимир Соловьёв, общественная среда и смысл истории». Очевидно, что понимание истории, её смысла как активно христианской по существу неразрывно связано, в частности и с призывом мыслителя пощадить убийц Александра II, и самой возможностью такого рода убийства, и реакцией общества, как на убийство, так и на его последствия.

Далее, если мы вынесли в заголовок суждение, в основе которого попытка этического истолкования смысла истории, то, очевидно, есть и иные попытки такого рода истолкования? Очевидно, это так и попробуем очертить круг основных проблем, связанных с такой постановкой вопроса. Первое, на чём необходимо остановиться, это характеристика соответствующих исторических типов. То есть, характеристика античного, средневекового, просвещенческого взгляда и иных подходов в части обозначенной нами проблемы. Здесь нет единства во взглядах у исследователей. Скажем, распространена точка зрения, что мы в этом вопросе движемся регрессивно, в частности, профессор А.Панарин полагает, что «если в области естествознания наша мысль шла от Птолемея к Копернику, от геоцентризма к телеоцентризму, то в сфере исторического зрения мы скорее шли обратным

путём: от Коперников античной исторической классики к Птолеям провинциально-самоуверенного прогрессизма» [3, с. 116]. Интересующихся более подробным изложением вопроса адресуем к тексту указанной монографии, а сами ограничимся общим замечанием. Античный взгляд ближе к действительной картине мира; произошла подмена историзма, утверждавшего достоинство человека в истории, унижающей нас всех карикатурой, главным образом, либеральной; порядок бытия вовсе не монолитный, вовсе не гармоничный, рациональный и чуждый мистицизму, скорее – всё наоборот. Просвещение, например, учит скорее формальной логике, оно основано на формальной логике, а вот марксизм связан не только с логикой, он связан и с мессианскими идеями, с воплощением телеологических предначертаний, пассионарной энергетикой порабождённых классов. С другой стороны, выдающийся учёный Р.Дж.Коллингвуд полагает, что всё же существовала логика развития исторического знания, в рамках которой мы можем выделить теократическую историю и миф на первом этапе, творения Геродота и Фукидида, христианскую идею истории, идеи Декарта и антикартезианство и т.д. Для нас важно подчеркнуть, что у истории есть внутренняя логика развития, пусть это будет «логика мысли», логика экономических явлений, логика бессознательного. Но это – именно логика.

Кроме этого, мы наблюдаем постоянную апелляцию к истории, связанную с христианским взглядом на суть вещей, взглядом, близким пониманию истории как этической истории. Это важная констатация. Поскольку большинство концептуальных построений или были напрямую связаны с христианскими идеями, или вдохновлены ими, или формулировали теологические по сути идеи. Конечно, такому подходу оппонировал логический позитивизм и его последователи, различные типы умствований постмодернистского толка, однако христианская традиция имеет существенное влияние на формирование теоретико-исторических взглядов и сегодня.

Христианский взгляд на историю составляет «сердцевину» христианской веры, многие исследователи вообще отрицают существование какой-то особенной христианской философии истории или христианской этики истории. Во всяком случае, современный английский историк Кристофер Досон называет предпосылку такого подхода: «христианство, как и религия Израиля, из которой оно возникло, в известном смысле – историческая религия, на что не может претендовать ни одна из других мировых религий – даже ислам» [4, с. 249]. То есть, слова «христианская вера» и «христианский взгляд на историю» тождественны. Характерные черты такого подхода связаны так же с пониманием духовного единства всего исторического процесса; с осознанием его унитарности (история имеет начало, конец, центральное событие); с его интерпретацией в категориях вечности. Отсюда смысл истории не надо искать в существовании мировых империй, они лишь средство, но никак не цель, «сокровенный смысл истории надо искать во внешне незначительном развитии

богоизбранного народа» [4, с. 252]. Общая духовная цель объединяет народы и сметает барьеры между ними. Здесь происходит перенесение центра тяжести из внешнего мира исторических событий во внутренний мир духовного развития и, тем самым, реализуются смыслообразующие потенции исторического развития. Важно и то, что христианская философия истории эсхатологична, она содержит учение о конце истории, о завершении и разрешении мировой истории. В этом смысле эсхатология есть учение о смысле истории. Известна точка зрения (Н.Бердяев), что история вообще эсхатологична и что вне эсхатологии не может быть истории. Этот взгляд основывается на той точке зрения, согласно которой история всегда имплицитно содержит в себе исход, катастрофу, новое качество жизни, новый мир.

Христианское толкование смысла истории не связано с прогрессистскими концепциями разного рода. Прогрессистские идеи побуждали к историческому действию, формировали чёткие и ясные цели исторического движения, однако факт и то, что ни одна из такого рода концепций, включая просвещенческую, не привели к позитивным эвристическим результатам. Прогрессизм мог принять формы бесконечного движения к идеальной цели, мог выглядеть и как утопия, имеющее некое географическое, хронологическое «завершение», однако и в одном, и в другом случае эти идеи не выглядят обоснованными. И здесь могут быть приведены самые различные аргументы, подтверждающие эту точку зрения. Скажем, две кровопролитные мировые войны XX столетия, беспрецедентные по жестокости военные столкновения уже нынешнего века показывают: сами по себе идеи прогресса никого ни в чём не убеждают и не снимают проблему нравственной состоятельности (не состоятельности) общества. Да и наш собственный опыт, связанный с мессианским предчувствием коммунизма и – одновременно – его теоретическим («научным») обоснованием свидетельствует о том же. Мы могли сколько угодно апеллировать к прогрессу, движению к неким сияющим вершинам, убеждать себя в том, что наконец-то найдены те основания, которые подтверждают научность такого подхода, однако практика оказалась выше подобного рода мечтаний и пророчеств. Собственно, это касается не только нашего социального опыта, но и опыта западных демократий, в частности, либеральных упований на всемогущество разума, с одной стороны, регулятивной функции рынка, с другой и саморегулированием общественных отношений, с третьей. Либерализм призывал максимально использовать стихийные силы общества, как можно меньше прибегать к принуждению, осуществлять классический принцип *laissez-faire*. А что получилось на практике? Вновь заговорили о важности регулирующей функции государства, его укреплении, вмешательстве даже в деликатную банковскую сферу. Ф.А.Хайек в своей известной книге «Дорога к рабству», жёстко антикоммунистической по существу, критиковал либеральные доктрины не

только за склонность к схематизму, за жёсткую целостность системы, но и за то, что понимание будущего, стремление к прогрессу выглядело столь же схематичным и централизованным. Но он же утверждал, что «Вне сферы личной ответственности нет ни добра, ни зла, ни возможности проявить свои высокие моральные качества, ни шансов доказать силу своих убеждений, жертвуя собственными желаниями ради того, что считаешь правильным» [5, с. 228]. Это справедливая постановка вопроса, вот только либерализм вовсе не доказал исключительную возможность именно таких поведенческих стереотипов.

Карл Ясперс обратил внимание ещё на одну возможность понимания смысла истории, эта возможность определяется им как целостность истории. «В попытке достигнуть, единство истории, то есть мыслить всеобщую историю как целостность, отражается стремление исторического знания найти свой последний смысл» [6, с. 254]. Вопрос о единстве человечества здесь является определяющим. Если вера всегда апеллировала к некоей цели, причинно-следственным связям, то мысль о единстве истории «искала» объяснение историческим событиям в конкретной истории. И находила в этой истории понимание, её единства, более того, оправдывало эту историю, её единством.

А сейчас возникает закономерный вопрос такого порядка: как понимать содержание словосочетания «этический смысл истории»? Здесь исходить, вероятно, надо из той констатации, согласно которой судьба человека – это не только собственно историческая судьба. В конечном счёте, здесь всё определяется нашим пониманием сути человека, пониманием сути его устремлений, его личных и общественных целей. Мы не можем утверждать, что вот здесь начался «исторический человек», вот здесь он пережил некий катарсис, а вот здесь его путь закончился, причём финализм такого рода может принять самые разные формы. Для нас намного важнее иное: каков характер человека, живущего в истории и трансформирующего её? Ведь судьба человека – не только судьба земная, но и судьба метафизическая, здесь сегодня противоречий нет. Слово «судьба», в частности, неизбежно преследует человека на протяжении всей его истории. Что в центре этой метафизики, этой «земли»? Полагаем, что всё же этика, именно этика, понимаемая не только в христианском ключе, понимаемая как универсальная форма существования человека, содержащая предпосылки его, человека, жизни и совершенствования. История – форма существования человека, но этого утверждения мало. История – форма существования этического человека, но уже, поэтому сама история приобретает по преимуществу этический характер.

Можем ли мы представить себе историю вне этики? На первый взгляд, в этом нет ничего неосуществимого. Скажем, вне этики – те многочисленные исторические факты, которые мы пытаемся понять. Изучить беспристрастно, как «голый» факт, как факт, существующий исключительно постольку,

поскольку он имел место, но факт, не перегруженный нашими размышлениями о его сути, его предпосылках и фантазмах относительно того, мог ли он вообще не быть. Что этического в самом факте начала войны или в факте революции – например, в выстреле башенного орудия крейсера «Аврора», какое там «добро» или «зло» содержится в факте строительства пирамиды Хеопса или «чайном бунте» в Североамериканских Штатах? Как моральный кодекс (тот или иной) влияет на саму возможность морских путешествий и открытия новых стран, а изобретение денежного знака – где здесь заложена имманентная справедливость или такая же несправедливость? Но, может эта самая нравственность – ментального характера и наша предрасположенность к поиску этических констант истории связана с такими категориями, как «душа», национальность? Говорил же Н.Бердяев в своём «Самопознании», что «всякий истинно русский человек интересуется вопросами о смысле жизни и ищет общения с другими в искании смысла» и что «русские всегда считают себя призванными быть нравственными судьями над ближними» [7, с. 282 – 283]. К этой – последней теме мы ещё вернёмся ниже, а пока заметим, что историю представить вне этики (в теоретическом аспекте) можно, очевидно, лишь тогда, когда во главу угла ставятся исключительно рационалистические подходы, когда мир движется вокруг признания исключительно научного статуса истории. Возьмите, к примеру, блестящий труд английского мыслителя Р.Дж.Коллингвуда, его «Идею истории». Из каждой страницы текста следует, что перед нами «история мысли», перед нами полное усвоение методологических предписаний Ф.Бэкона и Р.Декарта, перед нами история, которая в статусном отношении стоит уже вровень с естествознанием, которая преодолела все «детские болезни» мифологического, теократического периода своего развития. Существующее до сих пор понимание данности (фактов), которое делает акцент на эмпирии, Коллингвуда не удовлетворяет, он «включает» активность историка в гносеологический процесс, утверждая познавательную активность субъекта, что, кстати, чревато субъективизмом интерпретации, но не об этом сейчас речь. Важно, что перед нами один из лучших образцов того осмысления истории, которое оперирует термином «автономия истории» и фактически исключает этический компонент из круга основных методологических постулатов. Профессор М.Киссель, размышляя о сути методологических исканий выдающегося английского мыслителя, замечает, что «Поскольку история является наукой, её методология совпадает с методологией естествознания». Причём нет противоречия между, условно говоря, «школой Коллингвуда», утверждавшего, что методология едина у всех наук и школой Риккерта – Виндельбанда, постулировавших известную противоположность между науками о природе и науками, об обществе. Для нас же важно, что говорить о смысле истории как этической истории здесь невозможно, это исключено самой постановкой методологических и последующих конкретно-исторических вопросов. Этика – это принципы

долженствования, возведённые в теоретическую систему, но это и система ценностей, причём та система, которая имеет исторический характер, а потому о какой науке в этом контексте можно вести речь? И в самом деле, о какой?

Если мы исключаем рациональность как смыслообразующий элемент в понимании истории, то, очевидно, должны представить некие иные элементы, которые могут претендовать на этот статус. Чтобы быть понятным, приведём аналогию. Академик А.Лосев, рассуждая о специфике русской философии, как раз говорил о том, что эта философия не была рационалистической в указанном смысле, то есть рациональность не выдвигалась как базисное требование любых философских спекуляций. Учёный говорит о «мистицизме» русской философской мысли, об отсутствии систем (даже у Владимира Соловьёва, который лишь «подходил» к системе), но это вовсе не исключает восторженных оценок этой философии, поскольку вовсе не «рациональность» определяет её значимость. Формальная логика, при всей её важности, не исчерпывает содержание научного аппарата ни философов, ни историков, а логические методы вовсе не дезавуируют то же дильтеевское «понимание». Но то же – в истории. Собственно, нельзя утверждать, что теоретики истории, рационалисты, совсем игнорировали этот подход. У того же Р.Дж.Коллингвуда читаем: «Мысль тем отличается от непосредственного переживания, что она двойственна, субъективно-объективна по своей природе, более того, в своей объективности она не теряет качества субъективности. Это значит, что она никогда не может быть «просто» субъективной или только объективной» [8, с. 444]. Мы можем утверждать, что подобный механизм, понимание данного эвристического механизма может быть применено к тем проблемам, о которых мы ведём речь. То есть, этический смысл истории, вне сомнений, коренится в теории ценностей, как бы мы эту теорию не называли. Однако квалифицировать её исключительно в категориях субъективности было бы неверным и один из аргументов здесь на виду. Речь идёт именно о «взаимопроникновении» субъективного и объективного подходов, когда одно сложно отделить от другого. Определение смысла истории как этического, по существу, означает, что мы на первый план в философско-исторической проблематике выдвигаем субъективный фактор. Но значит ли это, что данный фактор полностью изолирован от объективных процессов и явлений? Нет, и здесь не просто игра слов. Попробуем проиллюстрировать сказанное в рамках какого-нибудь примера. Скажем, наши попытки понять итоги затеянного одним известным деятелем явления, вошедшего в историю под именем «перестройки», может основываться на этическом компоненте, как приоритетном в системе наших методологических подходов. Выводы могут быть вполне определёнными и основываться на нашем понимании добра и зла, совести и справедливости. Будут ли эти выводы научными? Исходя из известных требований Ф.Бэкона и Р.Декарта, нет, не будут. Но они могут стать таковыми, если мы выстроим систему предпочтений, основанную не только на

абстрактных принципах добра и зла, но и на таких принципах добра и зла, которые найдут понимание, как у профессионалов, так и у широких масс людей. Суть ведь в том, что характер понимания «добра», в том числе и «перестроечного», основан на реальных процессах и анализе объективных тенденций в обществе. Да, та или иная группа людей, тот или иной субъект может высказать субъективное мнение о перестройке, но оно, это мнение, коренится не только в личных переживаниях, личном опыте, но и опыте страны, социальной группы, класса, страты, где мнения в итоге «объективируются», отражают уже внеличный характер мироощущения и миропонимания. Ещё пример: оценочный характер (причём преимущественно позитивный) действий И.Сталина в обществе, имеющий место до сих пор, основан ведь он на сугубо субъективном понимании ценностей, но ведь кто будет возражать, что это понимание объективно, по сути? Объективность связана не с заявленной методологической программой, не с желанием субъекта, пассивного или активного, сколько с самим характером формулирования мнений. Эти мнения в итоге «очищаются» от мимолётного, от временного, от наносного (в рамках столкновений мнений, в рамках споров и отстаивания своей точки зрения, в рамках социальной практики) и мы в итоге имеем тот субстрат, который можно рассматривать в системе координат объективного знания. Конечно, ошибается и класс в целом, ошибаются страты, даже народ – но это уже иной разговор, разговор, связанный с релятивностью знаний, относительностью нашего представления, как о сущем, так и об идеалах.

Однако говорить об эвристическом механизме познания, как о полностью разработанном, ясном и недвусмысленном, как о чётко очерченном механизме мы в указанном выше контексте всё же не можем. Есть понимание того, что субъективно-объективные тенденции подвергнуть иерархическому анализу сложно, критерии истины часто размыты, и мы можем легко вступить на скользкий путь предположений и догадок, упуская из виду привычный механизм верификации. Всё это так. Однако есть понимание и иного: говорить о смысле истории как этическом, по преимуществу, мы можем не только в рамках очерченных (или недостаточно очерченных) гносеологических рамок. Аргументы здесь могут быть выстроены и в иных плоскостях. Скажем, в плоскости метафизической: у нас слишком мало полноценных альтернатив для того, чтобы мы исключили этический компонент из круга тем наших размышлений. Мы испытываем постоянное недовольство предложенными формами понимания предмета. Дефицит этической проблематики – это не просто дефицит нравоучительных максим, речь идёт именно о возможности этического понимания смысла истории.

Несколько слов надо сказать и о «душе», о «национальности» в контексте нашего разговора. Помнится, Николай Бердяев, давая оценку великолепной философии Василия Розанова, говорил о «вечно-бабьем» в

нашей философии. Её, национальную философию, не раз квалифицировали по половому признаку, называя «женской». Что уж тут говорить о национальном факторе, факторе, связанном с ментальностью, традицией, всей нашей историей, как она есть. Здесь признано, что ментальность определяет специфику истории, однако процесс этот обоюдный, то есть и история определяет специфику ментальности в полной мере. Говорить об этом надо потому, что возможность этического понимания истории определяется и этими факторами тоже. Если всё наше мышление обьявляется по преимуществу нравственным, то как здесь не искать и не находить этического смысла? Если все наши крупнейшие национальные теоретики (А.Хомяков, П.Чаадаев, В.Соловьёв, С.Булгаков, П.Флоренский, А.Ильин и многие иные) рассматривали этическую проблематику как проблематику основополагающую, то где будет находиться словосочетание «этика истории» в иерархии ценностей? Очевидно, на первом месте. Но эта констатация – лишь часть проблемы.

Этический контекст, предполагает слово «любовь», слово «сопереживание», слово «самоотверженность». Если задуматься о характере этих понятий применительно к национальной, интеллектуальной традиции, то надо признать: они реализованы в полной мере. Смысл истории, понимаемой как этическая история, призывает любить не только истину, но и страну, народ, быть самоотверженным в деле национального служения. Классический пример – жизнь и судьба А.Хомякова: как известно, это был блестящий офицер, богатый помещик, интеллектуал, поэт, центр притяжения всех лучших сил, бывших тогда в России, автор глубокой «Семирамиды». И, вместе с тем, человек, который не гнушался одевать сапоги и ходить из одной крестьянской избы в другую, лечить, просвещать, любить людей не абстрактно, как это проповедовал А.Герцен со своей далёкой Пикадилли, а конкретно, ежедневно. Да и ушёл А.Хомяков из жизни, заболев во время своих очередных посещений «народа». Тут ведь вот такая закономерность: абстракции привлекательны до тех пор, пока не понимаешь их ограниченность, именно в силу их абстрактности. Возможность этического смысла истории провоцирует не только гносеологическую активность, она провоцирует общественную активность, активность социальную и примеров тому достаточно много. Сложно говорить об «этическом смысле истории во Франции», «этическом смысле истории в Германии», но легко – об этическом смысле истории у нас. Как говорил Н.Бердяев: «французскому национализму свойственно крайнее самомнение и замкнутость, слабая способность проникать в чужие, культурные миры», у немцев нет ксенофобии, «но национализм их агрессивный и завоевательный, проникнутый волей к господству» [7, с. 270]. А если говорить о нашей национальной душе? Для неё характерно отсутствие аффектации, бесхитрость, особый (грубый) демократизм, это душа, грешащая и постоянно кающаяся, это странническая душа и душа религиозная, причём она

постоянно жаждет высшего света, высших знаний, высшей правды. Всё это проявляется в этических стремлениях, «этической» наполняемости самых различных сфер бытия и история – здесь не исключений, но правило.

Список литературы

1. Ключевский, В.О. Методология русской истории / В.О. Ключевский // Собрание сочинений: в 9 т. – М.: Мысль, 1989. – Т. 6. – 476 с. [Ключевский писал: «Философия истории и история – это две различные сферы ведения, которые никогда не сойдутся; здесь господствуют различные начала и различные методы изучения: философия истории есть философия, а не история; история, следовательно, должна быть сама собой, не переходя в философию»].
2. Хабермас, Ю. О субъекте истории. Краткие замечания по поводу ложных альтернатив / Ю. Хабермас // Философия истории. Антология. – М.: Аспект Пресс, 1995. – С. 283 – 289.
3. Философия истории / под ред. А.С. Панарина. – М.: Гардарики, 1999. – 432 с.
4. Досон, К. Христианский взгляд на историю / К. Досон // Философия истории. Антология. – М.: Аспект Пресс, 1995. – С. 248 – 261.
5. Хайек, Ф.А. Дорога к рабству / Ф.А. Хайек. – Лондон: Нина Карсов, 1983. – 288 с.
6. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М.: Политиздат, 1991. – 534 с.
7. Бердяев, Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии / Н.А. Бердяев. – М.: Книга, 1991. – 446 с.
8. Киссель, М.А. Р.Дж. Коллингвуд – историк и философ / М.А. Киссель // Р.Дж. Коллингвуд. Идея истории. Автобиография. – М.: Наука, 1980. – С. 418 – 459.

Лепешко Борис Михайлович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры философии Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина.

УДК 930

В.Н. Сидорцов

НАУЧНЫЙ ЯЗЫК ИСТОРИКА КАК ПРОБЛЕМА

Язык, выработанный людьми и отличающий их от животного мира, – не только средство общения между ними, или способ управления ими. Он и язык науки (научный язык), то есть система понятий, знаков, символов, созданная и используемая в той или иной области научного познания для получения, обработки, хранения и применения знаний [1].

В сфере исторической науки язык также инструмент познания прошлого во временном и пространственном измерении, фактор достижения исторической истины. Язык является основополагающим понятием в методологии истории, раскрывающей пути и приёмы изучения человеческой

истории. Без его невозможно воспринять и осмыслить ни концептуальные установки, ни методы исторического познания. В условиях практико-ориентированного подхода к образовательному процессу в высшей школе значение этого фактора неизмеримо возрастает, особенно в сфере обучения истории.

Историкам хорошо известны принципы исторического познания, а именно: объективности, историзма, системности и ценности в истории. Правда, в практике отмечается отрицательная тенденция к их сужению до объективности и историзма или, чаще всего, до историзма и объективности, по данным рефератов и самих кандидатских диссертаций. Как ни притягательно для молодого историка звучит принцип историзма, все же на первое место следует ставить принцип объективности, без соблюдения которого бессмысленно всякое научное исследование. Более того, историзм является принципом любого научного труда, не только исторического. Напомним, объективность достигается, прежде всего, разнообразием исторических источников (подтверждением одних другими) и доказательностью выводов, что достигается адекватностью (источникам и задачам) избранной совокупности методов их анализа. При этом в любом случае, если мы касаемся науки, архиважным является точное для всех знание понятийного аппарата, употребление слов, выражений, семиотических знаков и артефактов.

Допускаемое свободное употребление понятий в научных трудах по истории вылилось в последнее время в своеобразное «шоу», особенно в области методологии исторического исследования, представление которой остается обязательным в соответствии с инструкцией ВАК РФ. Однако этому сюжету посвящается какая-то небольшая часть одной страницы текста кандидатской диссертации, без каких бы то ни было сносок на источники или литературу, и эта краткость переносится в резюме на трех языках, в том числе английском. Налицо полное игнорирование методологии истории как научной и как учебной дисциплины. Для новоиспеченных кандидатов исторических наук их не существует, у каждого своя методология познания, история – не наука и даже не искусство, если под ним понимать индивидуальное творчество, так или иначе отражающее действительность. На вопрос автору исторического труда, может ли он доказать правомерность сделанных выводов, как правило следует однозначный ответ, что работа написана им на основе опубликованных и неопубликованных (архивных) материалов.

Автор данной статьи далек от мысли считать не нужными защищенные и защищаемые диссертации. Несомненно, они имеют свою ценность. В большинстве своем это – работы информационно-познавательного характера. Если руководствоваться имеющейся классификацией научных исследований – 1) теоретические, 2) аналитические, 3) фактографические, — то их следует отнести к абсолютному большинству фактографических (фактологических) работ, которые могут быть опубликованы, поскольку так или иначе расширяют

наши исторические знания. Но, согласимся с тем, что их авторы не могут в принципе претендовать на ученые степени, так как их работы не носят научного характера, ибо наука – это точность, доказательность, новая концепция. Хотя мы, члены совета по защите диссертаций, голосуем «за», поскольку в этих работах имеется своя «изюминка», да и ВАК РФ пропускает эти работы.

Конечно, положение становится нетерпимым. Нам остается собственными усилиями «внедрять» научный механизм познания истории, опираясь на опыт коллег (например, Л.Н.Мазур, фундаментальный труд которой удостоен знака лучшего учебного пособия по гуманитарным наукам Российской Федерации за 2010 г., [3]) и на собственные наработки, созданные индивидуально, а также с участием аспирантов, вовлекаемых в большую науку [4]. И начнем с главного – научно-исторического аппарата, понятий, терминов и дефиниций.

Тезис о том, что каждый исследователь в области истории должен начинать с создания научного аппарата своего объекта (предмета) изучения не следует воспринимать в смысле создания своего научного аппарата. Заметим, что в историческом исследовании выделяют обычно три периода: 1) сбор и выборка информации, 2) систематизация материала, 3) научный анализ источниковой базы. Определение научного аппарата совершается во втором периоде исследовательской работы, т. е. когда производится систематизация источникового материала. И здесь важно выделить те понятия, которые станут ключевыми в окончательном изложении темы исследования. Несомненно, они должны базироваться на точно взвешенных общих понятиях такого ряда, как «функция», «исследование», «понятие», «период», «событие», «ситуация», «факт», «проблема», «цель», «гипотеза», «принцип», «концепция». С целью достаточно прочного усвоения этих общих понятий автором статьи был организован и проведен для студентов-историков 3-го курса факультатив «Студенческое творчество: от информации к исследованию». На занятиях широко использовались тесты, построенные на основе мягкой методики [см. Приложение А]. В сочетании с разработкой собственных курсовых работ они могли быть надежным инструментом в постижении научного языка историка.

Приведем некоторые примеры такого тестирования.

Вопрос: В чём состоит смысл слова «понятие»? (Осуществите ранжирование ответов по нисходящему тренду):

- а) представление о чём-либо;
- б) логическое суждение, в котором раскрывается цельность исследовательского объекта;
- в) идея, отражающая свойства и отношения конкретного объекта исследования;
- г) основная мысль об объекте, которая формируется в процессе эмпирической и научно-теоретической деятельности.

Очевидно, что ранжированию подлежат все ответы, однако более всего вопросу отвечает ответ под пунктом в), затем следуют пункты «б», «г», «а».

Вопрос: Цель научного исследования:

- а) выявление особенности изучаемого объекта;
- б) основная идея, предвосхищающая результат исследования;
- в) раскрытие характер исследуемых событий и явлений;
- г) представление изучаемого явления или процесса во всех их проявлениях и взаимосвязях.

Ответ однозначен: пункт «б».

Вопрос: Что такое «научная концепция»?

- а) система взглядов на изученное явление или процесс;
- б) то или иное понимание рассмотренного объекта;
- в) единый определяющий замысел исследования;
- г) ведущая мысль научного труда.

Ранжированию подлежат лишь два ответа и в следующей последовательности: «г», «б».

К сожалению, проведенный эксперимент дал минимальные результаты. Из 20 студентов, изъявивших желание посещать факультативные занятия, верными оказались только четверо. Факультатив не был включен в расписание занятий; традиционный подход оказался всесильным.

Для магистрантов и аспирантов нами предлагаются тесты такого же характера, но сугубо по методологии истории с учетом ошибок и недостатков, содержащихся в каждой из кандидатских диссертаций и отчасти в докторских диссертациях. И подобное имеет место, несмотря на наличие и доступность в настоящее время соответствующей литературы, и авторских работ [4]. К ним будет добавлена и работа, написанная в соавторстве с аспирантом И.А.Кандыбой «Беларусь в Первой мировой войне: источники и методы исследования», находящаяся в издательстве. Она представляет собой модель разработки по специальности 07.00.09. – Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Продемонстрируем это на примере кандидатской диссертации Л.В.Гавриловец «Политика Польской Народной Республики по германскому вопросу в 1955 – 1970 гг.», защищенной в 2012 г. в совете БГУ (Д 02.01.05).

Досконально анализируя реферат названной диссертации с позиции такого научного механизма исторического исследования, как методология истории, приходится констатировать, что: во-первых, сформулированная в ней цель не содержит основной идеи, предвосхищающей результаты изучения темы; во-вторых, из пяти положений, вынесенных на защиту, лишь второе, третье и отчасти четвертое можно считать в определенной мере отвечающими дефинициям; в-третьих, методологический аппарат диссертации несовершенен (налицо недопонимание его автором); в-четвертых, не ясно, что нового внес соискатель ученой степени в разработку этой темы как таковой

(его заявление «впервые в белорусской исторической науке» имеет лишь информационно-познавательное значение); в-пятых, рекомендации не носят строго целевой ориентации.

Вопрос: Укажите на научное определение понятия «положение» из предлагаемых ниже:

- а) ситуация, характеризующая исследуемый исторический объект (предмет);
- б) местоположение изучаемого явления в историческом пространстве;
- в) идея, на которую нацелено внимание читателя;
- г) та или иная позиция, занятая участником дискуссии.

Ответ на поставленный вопрос соответствует пункту «в». Однако в первом же положении нашего примера перечисляются основные направления (четыре) политики ПНР по германскому вопросу. Подчеркивается, что при их обсуждении польская дипломатия стремилась добиться максимального учета интересов своей страны, а затем называются конкретные действия в этом устремлении. Отмечается осложнение отношений с ГДР, что связывается с нежеланием восточногерманского правительства признать новое руководство Польши и избранный им курс общественного развития с констатацией конкретных шагов в действиях ГДР.

Исходя из найденного определения, следует сформулировать это положение как охранительная политика Польского государства, направленная против германского милитаризма и нашедшее отражение в самостоятельных действиях по <...>.

Вопрос: Смысл понятия «период»?

- а) промежуток времени, охватывающий какой-либо законченный процесс;
- б) этап исторического процесса, отражающий качественно обособленное своеобразие определенного отрезка исторического времени;
- в) стадия исторического развития общества, отражающая наиболее выраженное качественное своеобразие определенного временного отрезка;
- г) основная структурная единица общественного развития, отражающая качественное своеобразие определенного отрезка исторического времени.

Правильный ответ содержится в пункте «г». Соглашаясь с выделением периода от заключения Парижских соглашений 1954 г. и до подписания Варшавского договора 1970 г., нельзя признать правомерным его разграничение соискателем ученой степени на так называемые «этапы», ибо сделано это в нарушение принципов периодизации («этапы» в диссертации – ничто иное, как констатация фактических действий правительства ПНР).

Соответственно в данном случае период это историческое время с 1954 года (Парижские соглашения) по 1970 год (договоры с ФРГ и ГДР) с внутренним подразделением, приходящим на 1962 год.

Вопрос: Дайте определение слова «резюме»:

- а) обобщение определенной информации;
- б) заключительный итог чего-либо;
- в) краткое изложение сути написанного, сказанного, прочитанного;
- г) сжатая автохарактеристика сделанной работы.

Определение содержится в пункте «в». В переводе с французского языка «резюме» – суть, и ее не следует подменять информацией о том, о чём говорится в диссертации. Ключевые слова должны непосредственно характеризовать политику Польши по германскому вопросу, а цель не должна повторять название работы с определениями, не несущими смысловой нагрузки. Методология исследования должна опираться на разработанные в науке положения, а новизна относиться не только к белорусской исторической науке (ученый – и здесь и там). И желательно, чтобы рекомендации направлялись по конкретному адресу.

Сделанные замечания по диссертации, хотя и снижают, но не отвергают ценности проделанной работы. В ней мы видим не плохо систематизированный и оцененный материал, достойный для использования в различных областях деятельности. Его новизна, на наш взгляд, состоит в том, что, во-первых, в диссертации фактически проведен такой основополагающий принцип, как системность, и, во-вторых, в ней, так или иначе, осуществлен диахронический анализ в его элементарном виде.

С целью предупреждения подобных ошибок теоретико-методологического характера, углубления собственных знаний понятийного языка исторической науки советуем обратиться к Приложению Б. В отличие от Приложения А, в нем представлены некоторые тесты не общей, а более специальной направленности – по вопросам методологии истории как научной, так и учебной дисциплины.

Список литературы

1. Словарь по логике. – Москва: Изд-во Туманит, Изд. центр ЛАДОС, 1997. – 381 с.
2. Сидорцов, В.Н. Опыт периодизации отечественной истории / В.Н. Сидорцов // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. – Мінск: БДУ, 2012. – Вып. 7. – С. 165 – 169. [Если под дискуссионными работами «понимать» инновационные, то можно согласиться с такой дифференциацией. Однако парадокс заключается в том, что дискуссионными по существу является большинство защищенных диссертаций].
3. Мазур, Л.Н. Методы исторического исследования: учеб. пособие / Л.Н. Мазур. – 2-е изд. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 608 с.
4. Сидорцов, В.Н. Методология истории: количественные методы и информационные технологии: учеб. пособие / В.Н. Сидорцов. – Минск: БГУ, 2003. – 143 с.; Сидорцов, В.Н. Беларусь в XX веке: нетрадиционное представление истории / В.Н. Сидорцов, И.А. Кандыба, М.М. Равченко. – М.: МАКС Пресс, 2010. – 272 с.; Сидорцов, В.Н. Методология истории. Курс лекций / В.Н. Сидорцов. – Минск: БГУ, 2010. – 207 с.; Сидорцов, В.Н. Изучение личности в истории: ориентация на контент-

Приложение А

ТЕСТЫ – 1

Ранжируйте предложенные ответы, соответствующие поставленным вопросам

1. Смысл понятия «история»?

- а) рассказ о прошлом, повествующий о том, что исследовано;
- б) процесс развития общества;
- в) человек, человеческое сообщество во времени;
- г) прошлое, сохраняющееся в памяти людей.

2. Функция – это:

- а) круг обязанностей по выполнению работы;
- б) назначения, предусмотренные по занимаемой должности;
- в) роль объекта, выполняемая в обществе и определяющая в совокупности его социальную ценность.
- г) зависимая переменная величина.

3. Смысл понятия «событие»?

- а) то, что произошло;
- б) то или иное значительное явление;
- в) факт общественной или личной жизни;
- г) исходный элемент исторического времени.

4. Смысл понятия «ситуация»?

- а) положение, обстановка;
- б) система качественно отличающихся событий, образующих состояние деятельности и отношений;
- в) совокупность обстоятельств;
- г) множество индивидуальных событий, по длительности не превышающих жизни одного поколения.

5. Смысл понятия «факт»?

- а) действительное, вполне реальное событие, которое произошло;
- б) определенная информация о событии;
- в) элемент логической структуры исторической науки;
- г) сообщение исторического источника.

6. Постановка проблемы:

- а) формулировка теоретического вопроса, требующего решения;
- б) формулировка практического вопроса, требующего решения;
- в) формулировка теоретического или практического вопроса, требующего исследования;
- г) сомнительный вопрос.

7. Что такое «гипотеза» и нужна ли она в исследовании?

- а) это научное предположение, необходимое, чтобы не блуждать «впотьмах»;
- б) это условие применения требований к написанию научной работы;
- в) это положение, требующее опытной проверки;
- г) это синтез обстоятельств, вызывающих изучаемое явление.

8. Смысл понятия «подход»:

- а) путь, по которому приближаются к цели;
- б) характер отношения к кому-либо, к чему-либо;
- в) совокупность приёмов в изучении чего-либо;
- г) совокупность способов ведения дела.

Приложение Б

ТЕСТЫ – 2

Ранжируйте ответы по убывающему тренду

1. Как понимать словосочетание «методологизация мышления»?

- а) рефлексия (размышление, полное сомнений) человеческого мозга;
- б) научная рефлексия;
- в) анализ собственных психологических действий;
- г) допущения, оформленные в виде требований к научным работам и служащие ориентиром в работе историка.

2. Смысл понятия «категория»?

- а) разряд предметов, явлений, лиц, объединённых общим признаком;
- б) совокупность представленных одно другому грамматических значений;
- в) общее понятие, отражающее наиболее существенные свойства и отношения объектов;
- г) информационная модель для обозначения познавательной деятельности.

3. Смысл понятия «термин»?

- а) составной элемент суждения;
- б) форма понятия;
- в) бог – охранитель межей;
- г) слово или сочетание слов, обозначающее понятие.

4. Смысл понятия «дефиниция»?

- а) название термина;
- б) краткое определение понятия;
- в) толкование термина;
- г) ваше определение.

5. Смысл понятия «структура»?

- а) взаиморасположение и связь составных частей;

- б) элементы (ступени) изучения явления или процесса;
- в) модель компонентов научного познания;
- г) семантическое представление объекта исследования.

6. Ранжируйте понятия «век–стадия–эпоха–этап»

- а) этап – век – стадия – эпоха;
- б) век – эпоха – стадия – этап;
- в) век – эпоха – этап – стадия;
- г) стадия – эпоха – век – этап.

7. В чем сущность методов исторического анализа?

- а) они выступают в качестве средств познавательной деятельности;
- б) это совокупность приемов и операций, которые регулируют деятельность историка;
- в) это та совокупность приемов и операций, которая обеспечивает решение исследовательской задачи;
- г) в анализе исторических объектов как с позиции их внешнего, так и внутреннего представления.

8. Правомерно ли употребление такого словосочетания, как «методика исторического исследования»?

- а) поскольку речь может идти о совокупности методов работы;
- б) поскольку это – отрасль педагогики;
- в) поскольку она предполагает конкретную реализацию методологии истории;
- г) поскольку методика имеет самостоятельное значение и относится к области обучения истории.

9. Соотношение понятий «историческое исследование» и «обучение истории»?

- а) понятия тесно связаны между собой;
- б) обучать истории следует на основе ее исследования;
- в) методика это и есть обучение на материалах различных дисциплин, в данном случае на фактах истории;
- г) преподавать историю следует на основе методологии исследования с учётом достижений педагогики, психологии, конкретного состава аудитории.

10. Назовите методы поиска и выборки данных

- а) выборочный метод;
- б) методы библиографического и архивного поиска;
- в) контент-анализ;
- г) аналитико-синтетическая переработка информации.

11. Назовите методы анализа исторических источников (текста)

- а) метод унифицированной анкеты;
- б) информационно-целевой анализ;
- в) контент-анализ;
- г) дискурсивный анализ.

12. Назовите методы, заимствованные из политологии

- а) интервью;
- б) институциональный метод;
- в) исследование случая;
- г) метод предвидения.

13. Ранжируйте виды изучения личности в истории

- а) личность в истории;
- б) биографическая история;
- в) идентификация личности в истории;
- г) персональная история.

14. Смысл понятия «тип»

- а) человек, наделённый какими-либо характерными чертами;
- б) форма, обладающая существенными признаками;
- в) единица расчленения изучаемой реальности;
- г) представитель определённой группы людей.

Сидорцов Владимир Никифорович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета.

УДК 930 (47)

И.Р. Чикалова

**РЕАЛЬНОЕ И ВООБРАЖАЕМОЕ СООБЩЕСТВО
АНГЛОВЕДОВ ИЗ БЕЛАРУСИ В ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ**

История науки есть в значительной степени история групп интеллектуалов и их сообществ, история условий и механизмов их функционирования. Можно выделить несколько типов таких сообществ. Во-первых, это сообщества, объединённые межпоколенческими сетями, цепочками учителей и их учеников. «Интеллектуальные группы, цепочки «учитель – ученик» и линии соперничества между современниками вместе создают то структурное поле сил, в котором и происходит интеллектуальная деятельность. Причём существует путь от таких социальных структур к внутреннему опыту индивидуального разума» [28, с. 51 – 52]. Во-вторых, это переплетающиеся академические и университетские сообщества. До начала XIX в. в России они были представлены интернациональным по своему составу сообществом ученых Петербургской Академии Наук (из 110 академиков 67 немцев, 34 русских, 16 представителей других национальностей), профессурой Московского, а с начала века – Виленского, Дерптского, Казанского, Харьковского университетов. В-третьих, это неформальные сообщества партнёров по обсуждениям, тесные кружки

единомышленников, часто имеющие характерные черты социальных движений. В структуре последних выделяется организатор, который может, но не обязательно является интеллектуальным лидером, хотя теоретически должна быть успешна та группа, в которой присутствуют оба типа лидеров. Все эти сообщества определяются как реальные, ибо их участники на протяжении жизни встречаются и коммуницируют друг с другом. С другой стороны, некоторые сообщества могут быть рассмотрены как воображаемые. В отличие от реальных, воображаемые сообщества, если обратиться к Бенедикту Андерсону, отличаются тем, что они не могут быть основаны на регулярном общении его участников. Большинство членов таких сообществ могут не встречаться друг с другом, «в то время как в умах каждого из них живёт образ их общности» [1, с. 31], их участники удерживают в сознании ментальный образ своего сходства. Хотя Б.Андерсон говорит о «воображаемом» в применении к нации, мне кажется, такой же подход может быть использован для построения рассказа и об интеллектуальном сообществе. Как отмечает Рэндалл Коллинз, «группа присутствует в сознании индивида, даже когда он один: для индивидов, являющихся творцами исторически значимых идей, именно это интеллектуальное сообщество является первостепенным, когда он(а) находится в одиночестве» [28, с. 51 – 52].

Сообщество англоведов, члены которого связаны с Беларусью местом рождения или профессиональной деятельностью, может быть рассмотрено как реальное и как воображаемое одновременно. Важной и отличительной особенностью обоих сообществ было то обстоятельство, что все его участники профессионально реализовывались за пределами Северо-Западного края – при отсутствии крупных научных и образовательных центров для людей их уровня там просто не находилось достойных ниш приложения талантов. Связующим звеном между реальным и воображаемым сообществом белорусских англоведов во многом был И.Н.Гранат, как издатель энциклопедического словаря и профессор Московского университета.

Наиболее тесно интеллектуально сплоченной группой литераторов и исследователей с белорусскими корнями, реальным сообществом являлись З.А.Венгерова, С.А.Венгеров, Н.М.Виленкин (Николай Минский), В.Д.Спасович, Л.Ю.Шепелевич. Их объединяли родственные узы и давнишние знакомства: Семен и Зинаида Венгерова были братом и сестрой, Зинаида Венгерова и Николай Минский после многолетнего знакомства, уже после Октябрьской революции в эмиграции, стали мужем и женой. В.Д.Спасович и Николай Минский закончили одну и ту же гимназию – мужскую минскую, затем оба поступили и закончили юридический факультет Петербургского университета. Значительно старше их был Л.А.Полонский, тоже выпускник Петербургского университета, на постоянной основе сотрудничавший с Вестником Европы. В этом же журнале печаталась З.Венгерова и вела в нем отдел «Иностранной литературы». Всех участников данного сообщества помимо других занятий и

увлечений спланировал интерес к литературе как таковой и английской, в частности.

Воображаемое сообщество англоведов, связанных с Беларусью, представлено группой ученых, литераторов и публицистов, не знакомых между собой или крайне редко встречавшихся. С.И.Рапопорт жил в Англии, но публиковал свои очерки в тех же журналах, что и З.А. Венгерова – Северном вестнике, Мире Божьей, Образовании, Русской мысли и Вестнике Европы. Даже, если они и не встречались, то знали друг друга по журнальным публикациям. М.Я.Острогорский долго жил за границей, и можно только предполагать, что он был знаком с В.Д.Спасовичем, который был его значительно старше и ушел из жизни вскоре после возвращения М.Я.Острогорского в Россию. Оба они по образованию были юристами, выпускниками Петербургского университета. М.Я.Острогорский был знаком с Николаем Минским, поскольку был с ним ровесником и учился с ним в университете в одно время. Однако их профессиональные интересы лежали в разных плоскостях. Частью такого же, воображаемого, сообщества для меня будут являться уроженец Витебской губернии, переводчик с английского М.П.Вронченко, россияне П.И.Сумароков и Н.А.Жеребцов (1807 – 1868; виленский гражданский губернатор (19 сентября 1844 г. – 8 сентября 1846 г.), недолго проработавшие в должностях Витебского и Виленского гражданских губернаторов, а также историки-всеобщники, уроженцы разных белорусских мест М.С.Куторга и М.Н.Петров. Н.А.Жеребцову принадлежит опубликованный в 1862 г. двухтомный труд «Хозяйственные заметки об Англии и Шотландии» [26].

Интеллектуальным ядром Северо-Западного края до 1831 г. был Виленский университет. Его ректор И.Стройновский оказывал большое влияние на сферу управления Виленского учебного округа, первым попечителем которого стал большой англофил князь А.Чарторыйский. Университет выпустил в науку много знаменитых уроженцев белорусского края, но их профессиональные интересы лежали в стороне от того, что интересовало меня в поисках имен в контексте названной темы. Поэтому первым, на ком я остановлюсь, будет почетный член Виленского университета, представитель известного русского дворянского рода Павел Иванович Сумароков (1760 – 1846), назначенный на пост Витебского гражданского губернатора и отработавший в этом качестве с 1808 по 1812 г. П.И.Сумароков, племянник знаменитого драматурга и поэта Александра Петровича Сумарокова, и сам был писателем и историком. При жизни он пользовался довольно широкой известностью, был сенатором, действительным членом Академии наук. В 1817 – 1818 гг. путешествовал по Европе, вел в это время подробный дневник. В 1821 г. опубликовал в четырех частях воспоминания, назвав их «Прогулка за границу» [59]. Их третий том полностью посвящен Англии, в которой он пробыл несколько месяцев.

В годы губернаторства П.И.Сумарокова в местечке Копысь Витебской губернии проходило детство Михаила Павловича Вронченко (1802 – 1855), впоследствии ставшего военным геодезистом и географом, но приобретшего известность главным образом благодаря своей переводческой деятельности. Он получил среднее образование в Могилевской гимназии, учился в Московском (но не окончил его) и Дерптском университетах. В Московском университете особенно интересовался лекциями профессора русской словесности и поэта А.Ф.Мерзлякова, который разбирал с кафедры «неподражаемые красоты» трагедий А.П.Сумарокова и подшучивал над Шекспиром, Шиллером и Гете, как представителями «эстетического безвкусыя». Но М.П.Вронченко сделал свой эстетический выбор именно в пользу этих имен, занявшись переводами их произведений на русский язык. В 1827 г. М.П.Вронченко напечатал в журнале Московский Телеграф и в Невском Альманахе переводы отрывков из «Гамлета» У. Шекспира и «Манфреда» Дж.Байрона, а также байроновского стихотворения «Сон». В 1828 г. выполненные им переводы «Гамлета» и «Манфреда» были опубликованы отдельными изданиями. Достоинства этого перевода отметил В.Г.Белинский. На протяжении последующих лет М.П.Вронченко продолжал заниматься переводами английской литературы, последовательно публикуя их в журналах. Так, в 1829 г. он напечатал переводы отрывков из «Ирландских мелодий» одного из основоположников ирландского романтизма Томаса Мура в альманахе Северные Цветы и «Ночных мыслей о жизни, смерти и бессмертии» представителя английского сентиментализма Эдварда Юнга в Московском Телеграфе (№ 8). В 1831 г. Одесский Альманах опубликовал перевод отрывка «Сон Сарданапала» из поэмы Дж. Байрона «Сарданапал». Параллельно шла работа над переводом «Макбета» У.Шекспира. В 1833 г. М.П.Вронченко поместил в Московском телеграфе (№ 11) перевод его первого действия, а в 1837 г. полный перевод «Макбета» вышел отдельным изданием. В связи со смертью М.П.Вронченко в 1855 г. журнал Современник (№ 12) поместил некролог, в котором подводились итоги литературной деятельности переводчика: «Имя Шекспира в России связано с именем Вронченки», потому что ему принадлежат «лучшие русские переводы этого великого драматического писателя».

В год смерти М.П.Вронченко на свет появились еще два выдающихся деятеля культуры, связанные родовыми узами с Беларусью, а своей профессиональной деятельностью, помимо всего прочего, – с изданием комментированных собраний сочинений У.Шекспира и Дж.Г.Байрона. Это – С.А.Венгеров и Н.М.Виленкин (поэт Николай Минский). Первый их издавал, второй переводил пьесы Шекспира на русский язык. Но об этом позже... А пока вернемся в начало царствования Николая I.

Николай I, вступление на трон которого было омрачено восстанием декабристов, подавлял любые проявления вольнодумства, но понимал

необходимость развития лояльных трону учебных заведений и органов печати. В 1826 г. вышел цензурный устав, запрещалось печатать практически всё, что имело какую-либо политическую подоплеку. В связи с участием преподавателей и студентов в восстании 1830 г. были закрыты Варшавский (1831) и Виленский (1832) университеты, после чего местной молодежи за получением высшего образования в области истории, филологии, юриспруденции приходилось уезжать только за границу или в Петербургский, Московский, Харьковский, Киевский (образованный в 1833 г.) университеты. Последний, в частности, закончил уроженец Витебской губернии известный правовед, социолог, философ, депутат I Государственной думы Лев Иосифович Петражицкий, преподававший в Петербургском, а после революции – в Варшавском университете.

При Дерптском университете был создан Профессорский институт специально для подготовки отечественных преподавателей для высшей школы, в том числе по всеобщей истории. Институт дважды, в 1828 и 1833 гг., набирал слушателей и выпустил 22 преподавателя для университетов России. В числе его выпускников был уроженец Могилевщины Михаил Семенович Куторга (1809 – 1886), которого можно считать первым российским ученым, посвятившим себя разработке вопросов всеобщей истории. С 1835 г. М.С.Куторга преподавал в Петербургском и с 1869 по 1874 г. в Московском университетах; был избран членом-корреспондентом Петербургской Академии Наук. Он не занимался непосредственно историей Англии – его профессиональные интересы концентрировались в области антиковедения, но подготовил не одно поколение российских историков-всеобщников. В конце 1840-х гг. С.Куторга организовал у себя на дому семинар, на котором знакомил учеников с приемами исторической критики. Его лекции по курсу политической истории слушал Михаил Матвеевич Стасюлевич – будущий профессор Петербургского университета, западник и основатель Вестника Европы. С любимым университетским учителем Стасюлевич поддерживал отношения и после окончания университета: он писал ему весной 1857 г. из Лондона, где находился в двухгодичной поездке по европейским академическим центрам. Именно эта поездка окончательно превратила Стасюлевича в западника и убедила его во мнении, что опыт Европы с ее укрепляющимися институтами права и демократии следует перенимать в России. Журнал М.М.Стасюлевича превратился в важнейший центр англофильства и англоведения в России. Постоянным автором Вестника Европы был писатель, публицист и критик Леонид Александрович Полонский (1833 – 1913). Он происходит из дворян Виленского уезда, окончил Петербургский университет. Полонский до начала 1880 г. вел в Вестнике Европы отдел «внутреннего обозрения», опубликовал в нем очерки «Ирландия перед судом общественного мнения Англии» [41], «Английский радикал тридцатых годов» [42], «Европа и ее силы в 1869 году» [43], «Конец парламентской сессии в Англии и избирательный билль» [44],

«Иезуиты в современной Англии» [45], «Очерки английского общества в романах А.Троллопа» [46], «Женские типы в романах А.Троллопа» [47], «Детство и молодость Диккенса» [48], «Современный роман в Англии» [49].

1860-е годы открыли освободительную эпоху реформ Александра II, но ослабление цензурных ограничений стало заметно уже после окончания Крымской войны, что проявилось в возобновлении направления выпускников университетов в западные научные центры для стажирования. Одним из первых стажеров в Петербургском университете стал уже упоминавшийся М.М.Стасюлевич, а в Харьковском для заграничной поездки отобрали Михаила Назарьевича Петрова (1826 – 1887), закончившего историко-филологический факультет и ко времени стажировки получившего степень магистра всеобщей истории. М.Н.Петров родился в Вильно, закончил Виленскую гимназию, по окончании которой был отправлен в 1844 г. на казенный счет в Харьковский университет, с которым и будет связана его дальнейшая работа. О своей двухгодичной поездке (июль 1858 – июль 1860), охватившей научные центры Германии, Франции, Италии, Бельгии и Англии он подготовил и издал отчет [37]. Собранные в ходе командировки материалы легли в основу докторской диссертации «Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции» (1861) [38]; в ней даны характеристики историков: немца Л. фон Ранке, англичанина Т.Б.Маколея, француза Ф.Гизо и других. До 1886 г. М.Н.Петров занимал кафедру всеобщей истории в Харьковском университете, сочетая преподавательскую работу с написанием курсов лекций. Его «Очерки из всеобщей истории», впервые изданные в 1868 г., переиздавались четырежды, последний раз в 1904 г. [39]. Пятитомные «Лекции по всемирной истории», опубликованные уже после смерти автора, выдержали три издания [40].

Командировки российских выпускников университетов с целью приготовления к профессорскому званию окончательно вошли в обычай после принятия университетского устава 1863 г. Естественно, для стипендиатов было полезным еще до поездки познакомиться с историей и особенностями организации учебного процесса в западных университетах. И такая возможность имелась благодаря работам педагога Викентия Васильевича Игнатовича (1803 – 1869), которого можно считать первым русским историком западноевропейских университетов. Сам Игнатович закончил педагогический институт при Виленском университете, получив степень магистра, с 1824 г. работал в Могилевской гимназии, с 1834 г. – смотрителем Молодечненского уездного училища для дворян; с 1839 г. – инспектором Гродненской губернской гимназии. С 1849 г. и до конца жизни он занимал разные должности в Петербурге – директора первой Петербургской гимназии, старшего чиновника по особым поручениям при Главном управлении цензуры, чиновника особых поручений по делам книгопечатания. С 1867 г. преподавал педагогику в Императорском Историко-Филологическом институте. Параллельно писал

работы по истории европейских университетов. В 1846 г. выпустил книжку о Болонском университете, а через 15 лет в 1861 г. – вторую, посвященную истории английских университетов [27]. Хотя работы В.В.Игнатовича и не были основаны на самостоятельном изучении источников, извлекали сведения из новейших для того времени работ зарубежных авторов и носили компилятивный характер, для своего времени они представляли определенный интерес, поскольку знакомили русское общество с историей европейских университетов.

Особое место в этом сообществе англоведов принадлежит Владимиру Даниловичу Спасовичу (1829 – 1906). Он закончил с золотой медалью Минскую мужскую гимназию, затем – юридический факультет Петербургского университета, работал профессором кафедры уголовного права. В.Д.Спасович зарекомендовал себя в качестве крупного специалиста в нескольких областях – юриспруденции, литературоведении, истории, публицистике. Он способствовал опубликованию в 1866 г. в С.-Петербурге книги известного английского юриста Дж.Ф.Стифена «Уголовное право Англии в кратком очертании» [61], сделав перевод с английского и написав к русскому изданию предисловие. В.Д.Спасович был и активно практикующим адвокатом. В этом качестве он приобрел широкую известность благодаря многим выигранным процессам. Среди них – приобретшее широкий резонанс «Дело о почетном гражданине Петре Шапове». Предыстория его такова. В один год с изданием книги Дж.Ф.Стифена предприниматель и библиофил П.В.Шапов опубликовал двухтомник Луи Блана «Письма об Англии» [4]. В них автор освещал актуальные проблемы британского государства и общества. Однако цензура усмотрела в книге Л.Блана мысли и взгляды, «противные христианскому учению» и «монархическому образу правления», за что П.В.Шапов попал под суд, тираж был арестован и запрещен к распространению. Дело разбиралось в С.-Петербургской судебной палате. Издателя защищал В.Д.Спасович. Он выиграл дело, обвинение было снято, после чего книга в 1870 г. поступила в продажу.

Со временем Спасович завоевал репутацию не только выдающегося адвоката и общественного деятеля, но и публициста, литературного критика, историка. Он совместно с А.Н.Пыпиным написал историю славянских литератур [50], но его литературные интересы выходили за рамки славяноведения: им были прочитаны публичные лекции, которые затем были опубликованы отдельными изданиями, «Байрон и некоторые из его предшественник» [54], «Байронизм у Пушкина и Лермонтова» [55]. Они вошли в его 10-томное собрание сочинений, которое было переиздано дважды [56]. Уже в наши дни, в 1997 и 2000 гг., были опубликованы его избранные труды и речи [59, 62].

С В.Д.Спасовичем были хорошо знакомы Семен Афанасьевич (1855 – 1920) и Зинаида Афанасьевна (1867–1941) Венгеровы. Их детские годы

прошли в Минске. Их мать, Паулина Венгерова, (1833 г., Бобруйск – 1916 г., Минск) в 1850 г. вышла замуж за Афанасия Леонтьевича Венгерова (? – 1892), который работал директором Минского отделения Государственного банка. Семен Венгеров первоначально получил домашнее образование в Минске, с 1868 г. учился в гимназии в Петербурге, затем в Медико-хирургической академии. Окончил юридический факультет С.-Петербургского университета (1879) и экстерном сдал выпускной экзамен на историко-филологическом факультете в Юрьевском университете (1880). С 1882 г. служил в Минске в правлении Либаво-Роменской железной дороги. С 1890 г. целиком отдался историко-литературной и библиографической деятельности. С.А.Венгерову принадлежит выдающаяся роль в литературоведении. Он написал вводные статьи к вышедшим под его редакцией собраниям сочинений У.Шекспира [5, 6, 7, 8] и Дж.Г.Байрона [9], статью «Шекспир» для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона [10].

С Семеном Венгеровым тесно сотрудничал автор исследований по западноевропейской литературе, а также материальной и духовной культуре Беларуси Лев Юлианович Шепелевич (настоящая фамилия Лазаревич-Шепелевич, 1863 – 1909). Он родился в Витебске в 1882 г., окончил там гимназию. Высшее образование получил на историко-филологическом факультете Харьковского и Новороссийского университетов. Много бывал за границей. Стал доцентом, а потом и профессором Харьковского университета. Ему принадлежат предисловия к «Венецианскому купцу», «Королю Джону», «Генриху VIII» в издании сочинений У.Шекспира и «Пророчеству Данте» Д.Г.Байрона [3], выпущенных под редакцией С.А.Венгерова. В двухтомнике историко-литературных этюдов опубликовал статьи, посвященные «Сарданапалу» Дж.Г.Байрона и трудам В.Д.Спасовича о западноевропейских писателях.

Еще более весомый вклад в изучение английской культуры принадлежит сестре Семена Венгерова – Зинаиде Афанасьевне Венгеровой. Ей она посвятила многочисленные работы. З.А.Венгерова детство провела в Петербурге и Минске, где в 1881 г. блестяще окончила женскую гимназию. В 1882 – 1883 гг. жила в Вене и изучала там английский язык и литературу. В 1884 – 1887 гг. училась на историко-филологическом отделении Бестужевских курсов, специализируясь на изучении западноевропейской литературы. В 1887 – 1891 гг. в Сорбонне и в английских университетах слушала лекции по истории английской и французской литератур. З.А.Венгерова дебютировала статьей «Джон Китс и его поэзия» в Вестнике Европы в 1889 г. [11], в котором с тех пор печатала статьи по зарубежной литературе и с 1893 г. вела отдел «Новости иностранной литературы». Сотрудничала с журналами Северный вестник, Русская мысль, Северный курьер, Мир Божий, Образование, Новости и другими изданиями. Подолгу жила за границей, главным образом в Англии. Ее статьи 1890-х – начала 1900-х гг., опубликованные в периодических

изданиях, посвящены новым течениям в английском искусстве [12], английскому поэту и драматургу Роберту Браунингу, англо-ирландскому писателю и политику-либералу Ричарду Шеридану, ведущему писателю викторианской Англии Джорджу Мередиту [13], прерафаэлиту Уильяму Моррису [14, 15, 16], родоначальнику английского символизма Уильяму Блейку [17], писателю, поэту, художнику, теоретику искусства Джону Рескину [18] и другим западноевропейским деятелям культуры. Под общим названием «Литературные характеристики» в 1897, 1905 и 1907 гг. З.И.Венгерова издала свои наиболее значительные критические статьи: из англичан в них представлены Данте Габриэль Россетти, Уильям Моррис, Оскар Уайльд, Джордж Мередит, Роберт Браунинг, Вильям Блейк, Джон Рескин [19].

З.А.Венгерова перевела на русский язык более двухсот произведений, в том числе сочинения Бернарда Шоу, ряд книг по истории искусства и литературы. Она перевела и подготовила к опубликованию в 1895 г. в трех номерах журнала Северный вестник «Исповедь» известной общественной деятельницы Англии Анни Базант [2] – книгу, отмеченную «английской критикой теми разноречивыми отзывами, которыми в большинстве случаев встречаются произведения, носящие отпечаток сильной индивидуальности» [20, с. 218]. Для русского читателя «Исповедь» А.Базант могла сравниться только с другой известной женской автобиографией – дневником художницы Марии Башкирцевой. З.А.Венгеровой принадлежит первый русский перевод романа Дж.Мередита «Эгоист» (1894) и романа ирландско-английской писательницы Этель Лилиан Войнич «Овод» (1898). Венгерова также переводила на английский язык сочинения Льва Толстого, публиковала статьи о русской литературе в зарубежной прессе. В Англии она сотрудничала с Saturday Review (1902 – 1903), где вела рубрику о новых явлениях русской литературы. Вместе с братом Семеном Венгеровым (который, напомним, написал предисловия) снабдила примечаниями собрание сочинений У.Шекспира и Дж.Байрона. Являлась автором статей по иностранной литературе в Энциклопедическом словаре Брокгауза – Ефрона. Опубликованные в российской периодике статьи об английских писателях XIX в. составили первый том собрания сочинений З.А.Венгеровой (всего было задумано 10 томов, но продолжение издания не состоялось из-за политических катаклизмов в стране) [21]. Две статьи З.А.Венгеровой посвятила месту женщины в современном обществе – «Русская женщина» (Revue Mondiale, сентябрь 1897) и «Феминизм и женская свобода». В последней из них она пишет: «Англия – еще один пример того, что женская равноправность перед законом зависит от внутреннего сознания самой женщины. Английская женщина стала свободной, несмотря на обилие общественных предрассудков, существующих в среднем английском обществе. <...> Она всегда чувствует себя собою, не считает никакого дела выходящим из ее женской компетенции и не встречает нигде недоверия к себе, как к женщине» [22, с. 75].

После Октябрьской революции З.А.Венгерова работала переводчиком для издательства «Всемирная литература». В сентябре 1921 г. эмигрировала в Берлин, в 1923 г. переехала в Англию. В 1925 г. З.А.Венгерова вышла замуж за известного поэта-символиста и писателя-мистика Николая Минского (его настоящее имя Николай Максимович Виленкин, 1855 – 1937), с которым она была знакома еще 1890-х гг. Сам Николай Минский был уроженцем Глубокого Виленской губернии, происходил из обедневшей еврейской семьи, закончил Минскую мужскую гимназию, в стенах которой учился и В.Д.Спасович, о котором говорилось выше. В Петербургском университете получил юридическое образование. Хорошо владея новыми и древними языками, он перевел две главные поэмы родственного ему по духу одного из величайших английских поэтов XIX в. П.Шелли («Королева Мод» и «Аластор»), ряд пьес У.Шекспира, изданных в «Библиотеке великих писателей» под редакцией С.А.Венгерова. В 1927 г. З.А.Венгерова с мужем переселилась в Париж, где написала воспоминания о встречах с младшей дочерью К.Маркса, активной участницей социалистического, тред-юнионистского и женского движений Элеонорой Эвелинг, с которой она познакомилась в Лондоне. В 1937 г., после смерти Николая Минского, она переехала в Нью-Йорк, к любимой сестре – пианистке Изабелле Венгеровой, где и жила до своей кончины.

Наконец, еще один участник сообщества – журналист-англовед Семен Исаакович Рапопорт (1858 – 1920). Фактически единственным опубликованным источником информации о нем является небольшая прижизненная биографическая статья 1912 г., помещенная в «Еврейской энциклопедии» Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. Известно, что он родился в Пружанах Гродненской губернии, получил обычное образование еврейского мальчика, окончил в 1880 г. землемерно-таксаторские курсы при Горецком земледельческом училище. Вскоре он начал сотрудничать со столичными периодическими изданиями. Так завершился «белорусский период» жизни Рапопорта.

Новый – «русский» – этап его биографии, связанный с журналистской работой, охватил 1880-е годы. В определенной степени реконструировать его, выявить публикаторскую активность и разброс изданий, в которых участвовал Рапопорт, позволяет ценнейший источник информации – четырехтомный «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф.Масанова [31]. «Словарь» перечисляет псевдонимы (например, «Р – т, С. И.», «Р – ъ, С.»), которыми пользовался Рапопорт, и периодические издания, в которых он печатался. В течение 1880-х гг. он работал в русско-еврейской печати, сотрудничал с сатирическими иллюстрированными журналами. В 1886 – 1890 гг. публиковался в Русском Вестнике. Был сотрудником изданий Новости, Неделя, Слова, Страна, Вестник финансов и друг их. Множество псевдонимов, которые использовал. Рапопорт, – а это было весьма характерно

для дореволюционных писателей и журналистов – затрудняет поиск его публикаций, но не делает задачу безнадежной.

С 1891 г. начинается «английский период» в жизни Рапопорта. Жизнь в Англии, куда он переселился в 1891 г., дала богатейший материал, с которым он стал делиться с российскими читателями, опубликовав множество очерков об Англии и ее жителях в разных периодических изданиях России (Северный вестник, Восход, Вестник Европы, Мир Божий, Образование, Русская мысль). Северный вестник стал первым ежемесячным журналом, в котором Рапопорт под псевдонимом «Рыбаков, С.» начал публиковать очерки о лондонской жизни и английских учреждениях под общим названием «Письма из Англии» (1893 – 1895 гг.). Первый очерк в Северном вестнике «Лондонская ежедневная печать» был опубликован в двух последних номерах журнала за 1893 г. Продолжение начатой темы состоялось на следующий год, когда также в двух номерах этого журнала был опубликован очерк «Лондонская еженедельная и ежемесячная печать». В 1894 г. в Северном вестнике появился очерк «Лондонские сцены», посвященный театральной и музыкальной жизни Лондона. Сотрудничество С.И.Рапопорта с Северным вестником завершилось в 1895 г., опубликованием в нем двух очерков «Школьная борьба в Англии» и «Бедность и благотворительность».

Наиболее долговременное сотрудничество у Рапопорта сложилось с журналом Вестник Европы. С 1897 г. в течение 13 лет под своим именем и под псевдонимами «Ра – т, С.», «Р – р – ь, С.», «Р – т, С.» он регулярно публиковал в этом журнале яркие по форме изложения, глубине и остроте наблюдения материалы об Англии. Всего за все годы сотрудничества в Вестнике Европы появилось 22 очерка журналиста. По два очерка об английской жизни в 1902 и 1903 гг. были напечатаны в журнале Образование. С 1905 по 1909 г., Рапопорт печатал «Письма из Лондона» и очерки под общим названием «Строители английской жизни» в Мире Божьем (с сентябрьского номера 1906 г. журнал получил название Современный мир). Всего в журнале ему принадлежит 16 публикаций. Его «Письма из Лондона» – по два – три за год – появлялись в 1908 – 1910 гг. в журнале Русская мысль.

В 1910-е гг. Рапопорт в основном публиковался под псевдонимом «С. И. Р.» в органе партии кадетов ежедневной газете Речь (1909 – 1915) и в самой распространенной в России ежедневной газете Современное слово (1912 – корреспонденции из Лондона). Печатался он и в английских изданиях – Globe и Independent Review, подписываясь псевдонимом «Rybakov, S.». Последняя обнаруженная мною публикация Рапопорта – «Литература и милитаризм в Англии» – опубликована в Вестнике Европы в сентябре 1915 г. В 1900 – 1903 гг. очерки Рапопорта были изданы отдельными книгами «Народ-богатырь» [51], «Деловая Англия» [52] и «У англичан в городе и деревне» [53]. Рапопорт также собрал материалы для книги «Русские о евреях», но по цензурным

соображениям она не вышла в свет. Он ушел из жизни 8 ноября 1920 г. Варшаве.

Уникальна роль в российской культуре и в сообществе англоведов, связанных с Беларусью, Игнатия Наумовича Граната (1863 – 1941). Будучи родом из Могилева, окончил в 1886 г. юридический факультет Московского университета, в котором впоследствии работал профессором политической экономии. И.Н.Гранату принадлежит фундаментальный труд «К вопросу об обезземеливании крестьянства в Англии» [25], защищенный в 1908 г. в Московском университете как магистерская диссертация по политической экономии. Гранат, прекрасно владевший иностранными языками, сбор материалов проводил в Англии. Эта книга сохранила познавательное значение до сегодняшнего дня. В период английской командировки И.Н.Гранат познакомился с технологией составления и издания «Британской энциклопедии». Это дало побудительный импульс к основанию вместе со старшим братом Александром знаменитого издательского товарищества «Гранат», главным детищем которого стал Энциклопедический словарь. С его 7-го издания, начавшегося в 1910 г. после большой подготовительной работы, он с полным правом назывался «Энциклопедический словарь Гранат» и должен был состоять из 58-ми томов. Если словарь Брокгауза и Ефрона создавался на основе популярной немецкой энциклопедии, то словарь братьев Гранат стал первым русским образовательным словарём XX века, большая часть статей которого была написана лучшими русскими авторами. В него вошло множество англоведческих материалов. До 1917 г. вышло 33 тома, потом издание продолжал «Русский библиографический институт Гранат» и издательство «Советская энциклопедия», куда влился этот институт. Завершилось издание (58 томов) в 1948 г. уже после смерти его основателей.

Выдающееся место в сообществе англоведов принадлежит родившемуся в Бельском уезде Гродненской губернии Моисею Яковлевичу Острогорскому (1854 – 1921). Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, но в 1883 г., оставил службу в России, выехал за границу, где в последующие двадцать лет жил преимущественно во Франции и Англии, лишь время от времени совершая поездки в университеты разных стран. Закончил парижскую Свободную школу политических наук, где защитил диссертацию «О происхождении всеобщего избирательного права» (1885). Непосредственно продолжала его диссертацию изданная им в 1892 г. в Париже работа «Женщина с точки зрения публичного права»: распространение политических прав на женщин было главнейшей составной частью проблемы всеобщего избирательного права. Книга была отмечена юридическим факультетом Парижского университета премией, ее перевели и издали на английском, немецком и польском языках.

Наиболее заметным итогом научных изысканий М.Я.Острогорского за границей стал выдающийся по обилию фактического материала, свежести,

новизне и глубине выводов труд «Демократия и политические партии». Он посвящен описанию развития и роли в государственной и общественной системе политических партий в Англии и в США. В 1903 г. книга впервые появилась на французском языке в Париже, параллельно рукопись перевели на английский язык и опубликовали в Лондоне, затем в переработанном виде в 1910 г. – в Нью-Йорке и в 1912 г. – вновь в Париже. В центре труда стоит вопрос об общих характеристиках политических партий в условиях демократии и политического равенства. М.Я.Острогорский на примере политических партий двух стран показал процесс превращения традиционной партии в консолидированную организацию, не имеющую никакой другой цели кроме собственного роста. М.Я.Острогорский считал, что политические партии, вместо выполнения своей ключевой функции посредника между гражданским обществом и государством стали орудием реализации во властных структурах групповых интересов партийных элит.

К главному труду ученого примкнула серия его статей о новейшей эволюции английского государственного строя, опубликованная в четырех номерах Вестника Европы за 1913 г. [33] и составившая основу его книги «Конституционная эволюция Англии в течение последнего полувека» [34]. Она, по словам М.Я.Острогорского, явилась идейным продолжением опубликованного в России сочинения Вальтера Беджгота «Английская конституция». Опыт Англии, пишет Острогорский, еще более утверждает мысль об исторической оправданности лишь такой революции, которая совершалась бы «не катастрофически», а проходила через ряд этапов, когда «каждое движение вперед делалось с оглядкой назад» [34, с. 65].

Как политический мыслитель, М.Я.Острогорский получил признание на Западе раньше, чем в России, он оказал существенное влияние на мировую политическую мысль XX века. Наряду с Максом Вебером и Робертом Михельсом, он считается одним из основателей политической социологии, в первую очередь, такой ее области, как учение о политических партиях. В последние годы жизни, в 1919 – 1921 гг., Острогорский работал на кафедре государственного права в Петроградском государственном университете, так и не дождавшись издания своего знаменитого труда в России. На русском языке книга «Демократия и политические партии» появилась в двух томах только в 1927 и 1930 гг. [35] и была переиздана в 1997 г. [36]

Возможно, не обо всех выходах из Беларуси или связанных с ней своей профессиональной деятельностью англоведах мне удалось найти сведения. Однако благодаря усилиям всех, о ком шла речь в этой статье, стараниям в качестве переводчиков (М.П.Вронченко, З.А.Венгерова, Н.Минский, В.Д.Спасович), авторов курсов лекций (М.Н.Петров), научных трудов (И.Н.Гранат, М.Я.Острогорский), статей (Л.А.Полонский, В.Д.Спасович, З.А.Венгерова, С.А.Венгеров, Л.Ю.Шепелевич), популярных (В.В.Игнатович) и публицистических (С.И.Рапопорт) работ, издателей (И.Н.Гранат) и редакторов

(С.А. Венгеров) политическая, общественная и хозяйственная жизнь, культура, искусство и литература «Туманного Альбиона» становились ближе и понятней русскоязычному читателю. Впереди стоит самая трудная задача – реконструировать жизнь этого специфического сообщества англоведов. К ней мы только попробовали подступиться.

Список литературы

1. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. – 286, [1] с.
2. Базант, А. Исповедь / А. Базант // Северный вестник. – 1895. – № 1. – С. 215 – 241; № 2. – С. 229 – 247; № 3. – С. 222 – 262; № 4. – С. 209 – 238.
3. Байрон, Дж.Г. Пророчество Данте. Новый пер. О.Чюминой с предисл. проф. Л.Ю.Шелелевича / Дж.Г. Байрон // Байрон Д.Г. Полное собрание сочинений / Библиотека великих писателей под ред. С.А. Венгерова. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1905. – Т. 2. – 580 с.
4. Блан, Л. Письма об Англии: в 2 т. / Л. Блан; под ред. М.А. Антоновича. – СПб.: Изд. П.В. Шапова, 1866 – 1870. – Т. 1 (1866 – 1870). – 384 с.; Т. 2. (1866 – 1870). – 411 с.
5. Венгеров, С. Статья, предваряющая Полное собрание сочинений Шекспира / С. Венгеров // Шекспир В. Полное собрание сочинений / Библиотека великих писателей под ред. С.А. Венгерова. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1902. – Т. 1. – 1902. – 572 с.
6. Венгеров, С. Генрих VIII / С. Венгеров, Л. Шелелевич, Р. Бойль // Шекспир В. Полное собрание сочинений / Библиотека великих писателей под ред. С.А. Венгерова. – СПб.: Брокгауз-Ефрон. – Т. 4. – 1904. – С. 495 – 505.
7. Венгеров, С. Юношеские и приписываемые Шекспиру поэмы / С. Венгеров // Шекспир В. Полное собрание сочинений / Библиотека великих писателей под ред. С.А. Венгерова. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1905. – Т. 5. – 608 с.
8. Венгеров, С. Вильям Шекспир. Очерк / С. Венгеров // Шекспир В. Полное собрание сочинений / Библиотека великих писателей под ред. С.А. Венгерова. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1905. – Т. 5. – С. 437 – 496.
9. Венгеров, С. Статья, предваряющая Полное собрание сочинений Байрона / С. Венгеров // Байрон Д.Г. Полное собрание сочинений / Библиотека великих писателей под ред. С.А. Венгерова. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1904. – Т. 1. – 601 с.
10. Венгеров, С. Шекспир / С. Венгеров // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, 1903. – Т. 20. – С. 252 – 254.
11. Венгерова, З.А. Джон Китс и его поэзия / З.А. Венгерова // Вестник Европы. – 1889. – Кн. 10. – С. 539 – 573.
12. Венгерова, З.А. Новые течения в английском искусстве / З.А. Венгерова // Вестник Европы. – 1895. – Кн. 5. – С. 192 – 235.
13. Венгерова, З.А. Джордж Мередит. Критический очерк / З.А. Венгерова // Вестник Европы. – 1895. – Кн. 7. – С. 155 – 176.
14. Венгерова, З.А. Новая Утопия (Вильям Морис и его последняя книга) / З.А. Венгерова // Северный вестник. – 1893. – № 7. – С. 249 – 256.
15. Венгерова З.А. Английское искусство. Вильям Моррис и Алджернон Свинборн // Вестник Европы. – 1895. – Кн. 5. – С. 227 – 235.

16. Венгерова, З. Вильям Морис, певец «земного рая» / З. Венгерова // Северный вестник. – 1896. – № 11. – С. 155 – 163.
17. Венгерова, З. Родоначальник английского символизма / З. Венгерова // Северный вестник. – 1896. – № 9. – С. 81 – 99.
18. Венгерова, З.А. Джон Рёскин, 1819 – 1900 гг. / З.А. Венгерова // Вестник Европы. – 1900. – Кн. 6. – С. 674 – 692.
19. Венгерова, З.А. Литературные характеристики: Кн. 1 – 3 / З.А. Венгерова. – СПб.: Типо-лит. А.Э. Винеке, 1897 – 1910. – Т. 3. – 305 с.
20. Венгерова, З. Предисловие: Анни Базант. Исповедь / З. Венгерова // Северный вестник. – 1895. – № 1. – С. 218 – 219.
21. Венгерова, З.А. Собрание сочинений. Т. 1. Английские писатели XIX века / З.А. Венгерова. – СПб.: Кн-во «Прометей» Н.Н. Михайлова, 1913. – 191 с.
22. Венгерова, З. Феминизм и женская свобода / З. Венгерова // Образование. – 1898. – № 5 – 6. – С. 73 – 90.
23. Виноградов, П. Новая работа по социальной истории Англии / П. Виноградов // Русская мысль. – 1909. – № 9. – С. 78.
24. Григорьев, В.В. Императорский С.Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его / В.В. Григорьев. – СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1870. – 665 с.
25. Гранат, И. К вопросу об обезземеливании крестьян в Англии / И. Гранат. – М.: И.Н.Кушнарев, 1908. – 319 с.
26. Жеребцов, Н.А. Хозяйственные заметки об Англии и Шотландии. Ч. 1 – 2 / Н.А. Жеребцов. – СПб.: Тип. И. Маркова и К°, 1862. – Ч. 1. – [4], 141 с.; Ч. 2: Земледельческая промышленность. – М.: Тип. В. Готье, 1862. – [2], XIV, 375 с.
27. Игнатович, В.В. История английских университетов / В.В. Игнатович. – СПб.: Тип. И. Огризко, 1861. – 150 с.
28. Коллинз, Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / Р. Коллинз. – Новосибирск: «Сибирский хронограф», 2002. – 1281 с.
29. Константинова, А.Д. Жизнь и научная деятельность М.С. Куторги / А.Д.Константинова // Вопросы историографии всеобщей истории. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1967. – Вып. 2. – С. 80 – 122.
30. Левинсон, А. Рецензия: З.А. Венгерова собрание сочинений Т. I. Английские писатели XIX века / А. Левинсон // Современный мир. – 1913. – № 2. – С. 145.
31. Мадиссон, Ю. Молодой Куторга / Ю. Мадиссон // Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды историко-филологического факультета. – Тарту: Тартуский госуниверситет, 1956. – Вып. 43. – С. 3 – 37.
32. Масанов, И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. / подгот. к печати Ю.И. Масанов; ред. Б.П. Козьмин. – М.: Всесоюзная книжная палата, 1956 – 1960. – 4 т.
33. Острогорский, М.Я. Конституционная эволюция Англии (В течение последнего полувека) / М.Я. Острогорский // Вестник Европы. – 1913. – Кн. 9. – С. 174 – 205; 1913. – Кн. 10. – С. 174 – 200; 1913. – Кн. 11. – С. 149 – 170; 1913. – Кн. 12. – С. 153 – 170.
34. Острогорский, М. Конституционная эволюция Англии в течение последнего полувека (Посвящается памяти М.М.Ковалевского) / М.Я. Острогорский. – Пг.: Тип. П.П.Усова, 1916. – 183 с.

35. Острогорский, М. Демократия и политические партии. Том первый. Англия / М.Острогорский / под. ред. и с предисл. Е.Б. Пашуканиса; пер. с франц. А.М. Горовец. – М.: Изд-во Коммунистической академии, 1927. – 280 с.
36. Острогорский, М. Демократия и политические партии / М. Острогорский. – М.: РОССПЭН, 1997. – 784 с.
37. Петров, М.Н. Отчет о занятиях адъюнкта Харьковского университета М.Н.Петрова, в Германии, Франции, Италии, Бельгии и Англии с июля 1858-го по июль 1860-го года / М.Н. Петров. – Харьков: Унив. тип., 1861. – 76 с.
38. Петров, М.Н. Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции: Сравнит. ист.-библиогр. обзор. / М.Н. Петров. – Харьков: Унив. тип., 1861. – [6], VIII, 311 с.
39. Петров, М.Н. Очерки из всеобщей истории / М.Н. Петров. – Харьков: Унив. тип., 1868. – [6], 536 с.
40. Петров, М.Н. Лекции по всемирной истории: в 5 т. / М.Н. Петров; под ред. проф. В.К. Надлера. – Харьков: Д.Н. Полуехтов, 1888 – 1894. – 5 т.
41. Полонский, Л.А. Ирландия перед судом общественного мнения Англии / Л.А.Полонский // Вестник Европы. – 1868. – Кн. 4. – С. 870 – 901.
42. Полонский, Л.А. Английский радикал тридцатых годов / Л.А. Полонский // Вестник Европы. – 1869. – Кн. 8. – С. 794 – 841.
43. Полонский, Л.А. Европа и ее силы в 1869 году / Л.А. Полонский // Вестник Европы. – 1870. Государственные силы: Кн. 1. – С. 235 – 271; Общественные силы: Кн. 2. – С. 691 – 721; Литературное движение. Кн. 5. – С. 193 – 235.
44. Полонский Л.А. Конец парламентской сессии в Англии и избирательный билль / Л.А. Полонский // Вестник Европы. – 1871. – Кн. 9.
45. Полонский, Л.А. Иезуиты в современной Англии / Л.А. Полонский // Вестник Европы. – 1870. – Кн. 9. – С. 319 – 360.
46. Полонский, Л.А. Очерки английского общества в романах А. Тrollope / Л.А.Полонский // Вестник Европы. – 1870. – Кн. 8. – С. 613 – 675; Кн. 10. – С. 667 – 716.
47. Полонский, Л.А. Женские типы в романах А. Тrollope / Л.А. Полонский // Вестник Европы. – 1871. – Кн. 8. – С. 513 – 568.
48. Полонский, Л.А. Детство и молодость Диккенса / Л.А. Полонский // Вестник Европы. – 1872. – Кн. 7.
49. Полонский Л.А. Современный роман в Англии. Литературные очерки / Л.А.Полонский // Вестник Европы. – 1875. – Кн. 11. – С. 245 – 281.
50. Пыпин, А.Н. История славянских литератур: в 2 т. / А.Н.Пыпин, В.Д.Спасович. – 2-е изд., вновь перераб. и доп. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1879 – 1881. – 2 т.
51. Рапопорт, С.И. Народ-богатырь. Очерки политической и общественной жизни Англии / С.И. Рапопорт. – СПб.: Тип. М. Меркушева, 1900. – 376 с.
52. Рапопорт, С.И. У англичан в городе и в деревне / сост. С. Рыбаков [псевд.]. – М.: Тип. Вильде, 1900. – 112 с.
53. Рапопорт, С.И. Деловая Англия / С.И. Рапопорт. – М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1903. – VII, 291 с.
54. Спасович, В.Д. Байрон и некоторые из его предшественников: Публ. лекции / В.Д. Спасович. – СПб.: Тип. А. Тагов, 1885. – [4], 157 с.
55. Спасович, В.Д. Сочинения В.Д. Спасовича: в 10 т. / В.Д. Спасович. – СПб.: Кн. магазин бр. Рымович, 1889 – 1910. – 10 т.

56. Спасович, В.Д. Байронизм у Пушкина и Лермонтова / В.Д. Спасович. – Вильна: Сев.-зап. кн-во, 1911. – VIII, 88 с.
57. Спасович, В.Д. Сочинения В.Д. Спасовича: в 10 т. / В.Д. Спасович. – 2-е изд. – СПб.: [Изд.] кн. скл. «Право», 1913. – 10 т.
58. Спасович, В. Кореолан / В. Спасович // Шекспир В. Полное собрание сочинений / Библиотека великих писателей под ред. С.А. Венгерова. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1905. – Т. 4. – С. 134 – 144.
59. Сумароков, П.И. Прогулка за границу: в 4 ч. / П.И. Сумароков. – СПб., 1821. – 4 ч.

Чикалова Ирина Ромуальдовна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Белорусского государственного педагогического университета имени М.Танка.

УДК 93 (476) : 930 «1930 – 1941»

Д.В. Карев

**БЕЛОРУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ
БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА В 1930 – 1941 гг.
(основные тенденции развития)**

Изучение отечественной и зарубежной историографической традиции данного аспекта исследуемой проблемы свидетельствует о том, что она в значительной мере еще недостаточно исследована в работах предшественников. Наиболее капитальное исследование, посвященное истории исторической науки БССР 20 – 30-х гг. XX в., – монография В.Н.Михнюка, увидевшая свет в середине 1980-х годов, к нашему времени выглядит в достаточной степени морально устаревшим по своим методологическим подходам, а монография немецкого исследователя Р.Линднера уделяет этому периоду явно недостаточное внимание [7, 9].

Указанная проблематика оказалась в поле зрения белорусских историков уже в 30-е г. XX в. Изданные в те годы статьи, брошюры, книги, не имели научного характера, скорее их можно отнести к жанру политической, пропагандистской публицистики «разоблачительного характера». Развернутая с начала с 1930-х годов борьба против «национал-демократизма», сталинские репрессии, а также слабая источниковая база не способствовали созданию научных исследований, которые ставили целью объективное изучение происходящих в те годы в белорусской историографии процессов.

Только с конца 1950-х годов, когда началось системное изучение истории АН БССР и вузовской науки в республике, на основе введенных в научный оборот архивных источников были опубликованы сборники документов, статьи монографии, «юбилейного характера», в которых появились разделы,

посвященные истории исторической науки в БССР конца 20-х – 30-х гг. XX в. В 70-е – 90-е гг. были подготовлены и защищены диссертации по различным аспектам истории исторической науки в БССР послевоенного периода, в которых делались экскурсы, связанные с историей развития белорусской историографии межвоенного периода (Л.Храпко, В.Токарев, В.Леоновец, И.Шевчук, Г.Корзенко, В.Острога и др.) [5, 6, 11, 12, 13]. Однако история исторической науки в БССР и Западной Беларуси 1930 – 1941 гг. занимала в них явно периферийное, маргинальное место.

Между тем история отечественной исторической науки данного периода это наиболее сложный и трагический период для развития белорусской историографии. Причины этого положения объясняются социально-политической спецификой рассматриваемой эпохи – периода перманентного «большого террора», развернувшегося с установлением в СССР диктатуры нового вождя И.В.Сталина. Практически все наиболее видные историки этих лет стали жертвами политических репрессий 30-х гг. XX в. Естественно писать о деятельности репрессированного поколения белорусских историков в официальной советской историографии до середины 1980-х гг. было делом неблагоприятным и мало востребованным в официальной, культурной политике страны. Поэтому вплоть до 90-х гг. XX в. слабо разработанной была источниковая база проблемы. Большинство наиболее важных архивных фондов, связанных с этой проблематикой находились в режиме «спецхрана».

Только с середины 1980-х – начала 1990-х годов эта проблематика приобретает свою актуальность, и входит в поле внимания белорусской историографии. Однако рассматривалась она не комплексно, а весьма выборочно и тенденциозно. К началу XXI в. появилась объективная возможность на основе максимально полного возвращения в научный оборот и привлечения, во-первых, «репрессированного» наследия белорусских историков 30-х гг. XX в., и, во-вторых, рассекреченных документальных комплексов органов управления БССР, перешедших из режима «спецхрана» в режим открытого хранения, создать сбалансированную концептуальную версию процессов, характеризующих основные тенденции развития исторической науки в БССР этих лет. Изучение имеющейся историографической традиции проблем и ее источниковой базы позволяет прийти к следующим выводам.

1. Доминирующим фактором, влиявшим на возможности развития исторической науки в БССР в 30-е г. XX в., являлось изменение политического курса советского руководства в стране, связанного со сворачиванием идеологии мировой революции и реализации курса на возможность победы социализма в отдельно взятой стране. Ситуация «осажденного лагеря» диктовала и характерные черты внутренней политики: ужесточение методов репрессивного подавления всех потенциально инакомыслящих, а значит, и опасных сил. История белорусской историографии в 1930 – 1939 гг. была

историей ее ликвидации, по крайней мере тех форм ее существования, которые были характерны для 20-х г. XX в. Ликвидация курса на белорусизацию, как часть политики коренизации отразилась на судьбах тех лидеров белорусской исторической науки 1920-х годов, чьи взгляды были связаны с «нацдемовской» идеологией (М.В.Довнар-Запольский, В.М.Игнатовский, В.И.Пичета, А.И.Цвикевич и др.) [1, 4, 7, 14]. Во второй половине 1930-х гг. физическим репрессиям были подвергнуты руководители белорусской исторической науки, которые в начале 1930-х годов выступали в качестве «разоблачителей» поколения белорусских ученых-историков 20-х годов XX в.

2. В итоге на индивидуально-биографическом уровне в белорусской историографии неизбежно отразилось то, что можно было зафиксировать и относительно исследовательских институтов и научных исторических концепций. Советская система как идеологическое, культурное и ценностное сообщество начало функционировать только после полной смены поколений историков и получение опыта Великой Отечественной войны.

3. Коренные преобразования происходили в эти годы не только в сфере содержания, но и организации деятельности научных исследовательских учреждений гуманитарного профиля в целом, исторического в частности. Время формирования АН БССР приходится на начало периода, который в литературе удачно назван временем «великого перелома». Культурная революция, в качестве его составной части, непосредственно была сориентирована на перестройку такого социального института как наука. Первой его почувствовала гуманитарная интеллигенция и структуры, в которых они работали. Это направление имело важнейшее значение для исторических наук Беларуси и Украины – республик СССР, для которых характерной чертой являлось незавершенность процесса формирования наций. Как свидетельствуют опубликованные документы ОГПУ, связанные с процессами над лидерами «нацдемов» 1929 – 1930 гг., для руководства СССР больше не подходила политика развития реальных процессов национально-государственного строительства в Беларуси и Украине, которые в значительной степени иницировались и осуществлялись национальной научной и культурной элитой.

4. Структурные изменения, которые происходили в организации и деятельности научных институций исторического профиля в БССР в 1930-е годы шли в русле задач, определяемых новым социально-политическим контекстом эпохи. Смысл их заключался в том, чтобы подчинить функционирование гуманитарных наук в целом, а истории как наиболее важной части исторической идеологии в частности, потребностям социалистического строительства. Реализовывалась эта политическая установка через: 1) массовое производство «работников науки», и 2)

уничтожение носителей тех идей, которые, по мнению партийно-советского руководства СССР и БССР, могли повредить ожидаемым успехам.

5. Идеологические установки были главными мотивами в деятельности как института истории, так и в воссозданных с 1934 г. исторических факультетов вузов республики. Все это отрицательно сказалось как на «качестве» выпускаемой им продукции, так и на понижении в целом научного уровня белорусской историографии 1930-х годов, по сравнению с предшествующим периодом ее развития (20-е гг. XX в).

6. Одной из особенностей организационного становления и развития исторической науки в БССР и УССР с конца 20-х – 30-е гг. XX в. было открытие национальных научно-исследовательских подразделений в структурах Академий наук. Причем их работа была ориентирована на область гуманитарных наук, главным образом языка и истории «нацменьшинств» республик. Белорусская официальная позиция в этом вопросе предусматривала обстоятельства не столько научного, сколько политико-практического характера, о чем свидетельствует отчет АН БССР XI съезду Советов БССР (1934 г).

7. Репрессии 30-х годов коснулись самым существенным образом и развития краеведческого движения в БССР. С 1930 года оно стало рассматриваться как «направленное на идеализацию прошлого» Суть обвинений предъявленных краеведческому движению в республике можно коротко выразить следующим образом: не отвечает потребностям социалистического строительства, проводит взгляды самобытности и находится под влиянием национал демократов.

8. Красноречивым свидетельством реализации новых идеологических установок в сфере исторической науки стало создание в ноябре 1929 г. (просуществовал до конца 1937 г – Д.К.) Института истории партии и революционного движения, в деятельности которого в 1930-е годы широко практиковался такой жанр «исторического исследования», как политический донос.

9. Обстановка нестабильности, системных репрессий на протяжении всех 30-х годов XX в. порождала не только атмосферу тотального страха, который культивировал психологию приспособленчества и «социалистического» конформизма в исторической науке БССР, но и привела к существенному дефициту профессионально обученных кадров научных работников и преподавателей вузов, которые могли бы обеспечить должное качество научных исследований и подготовку кадров профессионалов-историков. Характеризуя в целом изменения, происходившие в исторической науке БССР в эти годы, можно сказать так: если «количество» этого периода и перешло в «качество», то качество это было, несомненно, по критериям профессиональной науки более низкого уровня, чем уровень развития белорусской историографии 20-х г. XX в.

10. Главным фактором, влиявшим на обстоятельства развития исторической науки в БССР в 1939 – 1941-х г. XX в., являлась ситуация, порожденная началом Второй Мировой войны и событиями 17 сентября 1939 г. (вхождением Западной Беларуси в состав БССР).

11. В конце 30-х г. XX в. на тяжелом состоянии исторической науки в БССР явно сказывались те физические репрессии, которым были подвергнуты ведущие представители белорусской исторической науки конца 20-х – 30-х годов XX в. Неслучайно этот период в белорусской историографии получил драматическое определение – «расстрелянной историографии».

12. Историческая наука в БССР и (вузовская и академическая) были целиком подчинены выполнению пропагандистско-политических задач, продиктованных партийными органами республики, исходя из понимания драматической предвоенной ситуации 1939 – 1941 гг., накануне прозных испытаний Великой Отечественной войны.

13. Идеологические установки тех лет были определяющими в деятельности центров исторической науки и отрицательно сказались на профессиональном уровне белорусской историографии 1939 – 1941 гг. в сокращении масштабов исследовательской работы, резком сужении круга исследовательской проблематики.

14. Характеризуя изменения, происходившие в исторической науке БССР в 1939 – 1941 гг., можно оценивать их как переход к «качеству» более низкого уровня, чем уровень развития белорусской историографии 20-х г. XX в. и даже начало 30-х гг. XX в.

15. Главным фактором, влиявшим на обстоятельства развития исторического краеведения и исторического сознания Западной Беларуси в 1930 – 1939-х г., являлась ситуация, порожденная жесткой и последовательной политикой полонизации и национально-культурной ассимиляции, проводимой правительственными кругами II Речи Посполитой на так называемых «восточных крессах» государства (Западная Беларусь, Западная Украина) [2; 3; 8; 10; 15].

16. В конце 1930-х г. на тяжелом состоянии исторического краеведения в Западной Беларуси, связанного с белорусским национально-культурным движением, сказывалось отсутствие в регионе белорусских академических и вузовских научных центров. Несомненно, отражались на замедленном характере развитие исторического национального сознания белорусов и те политические репрессии, которым были подвергнуты многие лидеры белорусского национально-культурного движения этих лет.

17. В первую очередь правительственными кругами II Речи Посполитой и администрации края поддерживались те центры культуры и исторического краеведения, которые способствовали пропаганде польской культуры и «польской цивилизации» в Западной Беларуси. Для польских краеведческих центров данного периода в силу такой ситуации было характерно

политическая ангажированность и тенденциозность в толковании основных моментов в истории белорусского этноса, что в свою очередь сказывалось как на профессиональном уровне публикуемых работ, так и на существенном сужении круга исследовательской проблематики.

18. Главным проводником – транслятором идеологии польской культурной и исторической доминанты в крае выступал, несомненно, Виленский университет им. С.Батория. Белорусские научные кружки и землячество университета существенного влияния на трансляцию идей белорусской национальной исторической идеологии в сфере массового исторического сознания белорусского населения края в силу слабости своей ресурсной базы не имели.

19. Основной научно-просветительской организацией белорусов региона в эти годы становится Белорусское Научное Общество (БНО). Хотя собственно историческая секция при БНО была создана только осенью 1932 года, тем не менее, само общество в своей работе всегда старалась придерживаться принципа исторической преемственности, формируя основные подходы в оценке собственного национального прошлого. Такой принцип нашёл своё выразительное воплощение в проведении различного рода юбилеев, посвящённых наиболее значимым событиям национальной истории. На протяжении нескольких лет БНО успел торжественно отметить: 400-летие белорусского книгопечатанья (1925), 400-летие Статута ВКЛ 1529 года (1929); 500-летие смерти Витовта (1930) и другие значимые даты.

20. Белорусское Научное Общество по существу единственная организация по эту сторону польско-советской границы, которая формировала общенациональный подход в определении исторического прошлого, в силу политических причин в значительной степени была ограничена в своих возможностях. Речь идет не только о свободной циркуляции исторических знаний и их интерпритации в духе национальной идеологии. Кроме перманентно усиливающегося давления со стороны польского государства и различных околосударственных структур, БНО приходилось всё время преодолевать внутринациональные разногласия, связанные с существенными отличиями политических взглядов ее лидеров.

Список литературы

1. Академик В.И.Пичета. Страницы жизни. – Минск: БГУ, 1981. – 128 с.
2. Вабішчэвіч, А. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921 – 1939 гг.) / А. Вабішчэвіч. – Брэст: БрДУ, 2008. – 416 с.
3. Загдулін, А.М. Нацыянальная палітыка ў адносінах да беларусаў у ІІ Рэчы Паспалітай (1921 – 1939) / А. Загдулін // Беларускі гістарычны часопіс. – 2004. – № 10. – С. 31 – 38.
4. Запруднік, Я. Гістарычныя і культурныя асновы беларускай нацыянальнай свядомасці / Я. Запруднік // Спадчына. – 1992. – № 2. – С. 7 – 9.

5. Корзенко, Г.В. Историки Беларуси в начале XXI столетия: библиографический справочник / Г.В. Корзенко. – Минск: Беларуская наука, 2007. – 470 с.
6. Леоновец, В.Т. Организация и развитие исторической науки в БССР (1961 – 1970): автореф. дис. ... канд. ист. наук / В.Т. Леоновец; ИИ АН БССР. – Минск, 1987. – 25 с.
7. Лінднэр, Р. Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX – XX ст. / Р. Лінднэр. – Минск, 2003. – 538 с.
8. Мазько, Э.А. Уплыў Беларускай хрысціянскай дэмакратыі на фармаванне культурнай сітуацыі ў Заходняй Беларусі ў 20 – 30 гады XX стагоддзя: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 24.00.01 / Э.А. Мазько; Установа адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы». – Гродна, 2003. – 21 с.
9. Михнюк, В.Н. Становление и развитие исторической науки советской Беларуси (1919 – 1941 гг.) / В.Н. Михнюк. – Минск: Наука и техника, 1985. – 284 с.
10. Свирид, А.Н. Национальный аспект деятельности униатской церкви в Западной Беларуси (1921 – 1939) / А.Н. Свирид // Славянскі свет: міжэтнічныя адносіны на мяжы трэцяга тысячагоддзя: зб. матэрыялаў міжнар. навук.-практыч. канф. студэнтаў і аспірантаў ВУНУ, 16 – 17 лістапада 2001 г. – Брэст: БрДУ імя А.С.Пушкіна, 2002. – С. 93 – 96.
11. Храпко, Л.П. Развитие исторической науки в БССР (1945 – конец 50-х годов): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Л.П. Храпко; ИИ АН БССР. – Минск, 1989. – 22 с.
12. Шаўчук, І.І. Гуманітарныя навукі ў сацыяльнай гісторыі Беларусі (20-я – 30-я гады XX ст.) / І.І. Шаўчук. – Брэст: БрДУ ім. А.С.Пушкіна, 2000. – 396 с.
13. Шевчук, И.И. Развитие исторической науки в БССР (70-е годы): автореф. дис. ... канд. ист. наук / И.И. Шевчук; ИИ АН БССР. – Минск, 1989. – 24 с.
14. Шчарбакоў, В.К. Класавая барацьба і гістарычная навука на Беларусі / В.К.Шчарбакоў. – Минск: Выд-ва Беларус. акад. навук, 1934. – 106 с.
15. Этнаграфія беларусаў. Гістарыяграфія. Этнагенез. Этнічная гісторыя. – Минск: Навука і тэхніка, 1985. – 201 с.

Карев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории факультета экономики и управления Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

УДК 94

В.Н. Черепица

ИЗ РОДА ГРИБОЕДОВЫХ

Более десяти лет тому назад, работая над книгой «Гродненский православный некрополь», я не мог не обратить внимания на могилу, надпись на надгробии которой гласила: «Николай Антонович Грибоедов (1866 – 1906). Подполковник отдельного корпуса жандармов. Убит 28 августа 1906 г.» Перечитывая эту надпись и вглядываясь в лицо человека в военной форме, запечатленное на овальном медальоне, я невольно подумал и о великом

однофамильце человека, упокоившимся на гродненской земле – об Александре Сергеевиче Грибоедове (1795 – 1829), авторе знаменитой комедии «Горе от ума».

Припомнилось, что известный писатель и дипломат в Отечественную войну 1812 года, будучи офицером гусарского полка, неоднократно бывал в ряде мест Гродненской губернии. Летом и осенью 1813 года его полк постоянно менял свое местопребывание и дислоцировался в Кобрине, Дрогичине, Слониме, Брест-Литовском, а также в окрестных деревнях. В Брест-Литовске корнет Грибоедов стал, по существу, на тот путь, по которому его повстречала мировая слава. Вначале он выступил в печати с корреспонденцией «Письмо из Брест-Литовска», где рассказал о праздновании в городе окончания войны. «Праздник, в котором участвует сердце» – так называл этот день Грибоедов – стал темой его первого выступления в печати. Затем была опубликована его другая статья в журнале «Вестник Европы» – «Об кавалерийских резервах». Однако молодой Грибоедов не был удовлетворен деятельностью публициста. Его все больше увлекала серьезная литературная работа и запас жизненных впечатлений, счерпнутых на Гродненщине, спустя годы нашел свое обращение в главном творении его жизни [1].

Тогда же над скромной могилой подумалось о возможном родстве Николая Антоновича и Александра Сергеевича Грибоедовых, однако поиски его по горячим следам не дали искомого результата. И потому в моей книге «Гродненский православный некрополь», вышедшей в свет в 2001 году, о Грибоедове, похороненном на старом православной кладбище в Гродно по улице Антонова, были написаны лишь следующие строки: «Грибоедов Николай Антонович (1866 – 1906), из потомственных дворян, родился в Вильно, окончил Псковский кадетский корпус, подполковник отдельного корпуса жандармов, с 1905 года – помощник начальника Гродненского губернского жандармского управления по Гродненскому, Слонимскому и Волковысскому уездам, с 1906 года – по Белостокскому и Сокольскому уездам. Убит террористами при исполнении служебных обязанностей 28 августа 1906 года» [2, с. 77].

В этих скупых строках была лишь та информация, которую удалось найти тогда в документальных материалах Национально исторического архива Беларуси (НИАБ) в г. Гродно. Неполнота ее была очевидной не только по главным вехам биографии погибшего офицера, но и по обстоятельствам постигшей его трагедии. Напрашивалась в подтверждение и мысль о степени родства двух Грибоедовых, ведь по утверждению ученых, занимающихся генеалогией (историей родов, родословием), все однофамильцы – это родственники, причем, как близкие, так и далекие.

И подтверждение этому в нашем случае, хотя и через ряд лет, мне все-таки удалось найти. В вышедшем в 1908 – 1911 годах в Петербурге в многотомном издании «Книга русской скорби» со спискам жертв

революционного террора в России я обнаружил среди множества имен уроженцев Беларуси, погибших при исполнении своих служебных обязанностей, не только имя героя нашего очерка, сведения об обстоятельствах его трагической гибели, но и указание на его родство с прославленным литератором.

Давайте полистаем странички этого печального очерка, почерпнутые из 4-го тома (выписка) упомянутого издания. На одном из них читаем: «Николай Антонович Грибоедов родился 13 октября 1866 года в известной дворянской семье родом от деда великого творца «Горе от ума». По прямой линии происходил от родного дяди писателя» [3, с. 25]. При проверке этой информации по «Русской родословной книге» (СПб, 1873) и трудам, посвященным истории семьи Грибоедовых, стало известным, что дедом писателя А.С.Грибоедова был Иван Никифорович Грибоедов (1721 – 1800), занимавший в свое время высокие военные и административные посты во Владимирской губернии. Судя по всему, помещиком он был небогатым – мелкопоместным. В принадлежащих ему владениях имелось всего «восемьдесят восемь душ мужского пола». Иван Николаевич Грибоедов имел сыновей Никифора, Сергея и дочь Екатерину. Никифор Иванович (1759 – 1806) после выхода в отставку из конной гвардии в звании поручика служил во Владимирском уездном суде заседателем в звании губернского советника. Его младший брат Сергей Иванович (1764 – 1814) стал отцом создателя комедии «Горе от ума», а это значит, что Никифор Иванович приходился писателю родным дядей, а наш Николай Антонович был для Никифора Ивановича вероятнее всего, внуком или правнуком [4, с. 76].

Обратимся теперь к основным вехам биографии Николая Антоновича Грибоедова. Выясняется, что свое образование, кроме как в Псковском кадетском корпусе, он также получал в Павловском военном училище, в которое был переведен из Николаевского, так как по состоянию здоровья не мог нести службу в кавалерии. В 1889 году он был произведен в офицеры 102-го Вятского пехотного полка, входившего в состав Гродненского гарнизона. В 1897 году Н.А.Грибоедов перевелся в отдельный корпус жандармов с назначением на должность Витебского ГЖУ (губернского жандармского управления). В 1900 году он возвращается в Гродно в качестве помощника начальника Гродненского ГЖУ по городам Гродно и Белосток, а также по вышеуказанным уездам губернии.

Политическая остановка здесь была весьма сложной. Особенно большое беспокойство властей вызывал г.Белосток, где действовал целый ряд политических организаций, включая деятельность анархистов-террористов. От их рук только за период 1905 – начала 1906 года было убито и ранено свыше тридцати представителей государственной власти, честно исполнявших свой служебный долг. Атмосферу того времени хорошо передал в своих воспоминаниях Гродненский губернатор М.М.Осоргин: «Было беспокойно,

революционеры обнаглели. Белосток особенно кипел. Телефонные звонки их Белостока чаще всего воспринимались с вопросами: «Что случилось? Кто убит?» Ввиду частых забастовок в городе ежедневно назначался наряд кавалерии и воинские части в помощь полиции... Когда я приехал в Белосток в связи с убийством исправника Ельчина, то собрать сведения по всем ближайшим больницам о поступивших за последние сутки больных с ранами от огнестрельного и холодного оружия. Но революционеры были умнее меня: они своих раненых лечили на дому, скрывали. В этот мой приезд я посетил семью убитого, отслужил панихиду у его гроба и главным образом, старался подбодрить упавший дух Белостокской полиции. Каждый из них думал, что скоро его черед настанет... Сам я уже не брал к себе в экипаж никого, не желая подвергать своего спутника опасности. Помню, как проезжая по городу в извозничьей коляске, я был удивлен, увидав незнакомую мне даму, которая вдруг остановилась и осенила меня широким крестом...» [5, с. 630].

Работая в Белостоке, Грибоедов, по мнению начальства, проявил себя с самой лучшей стороны. Несмотря на то, что он не имел юридического образования, все его следственные действия осуществлялись в «в самой строгой правильности, сначала удивившей прокуратуру Гродненского окружного суда, пока чиновники ее не привыкли к строгой закономерности дознаний, производимых этим офицером. Медлительность их с избытком восполнялась быстротой исполнимости действий, когда материал наблюдений указывал на своевременность энергичных мер».

С утра до глубокой ночи Грибоедов был в работе. Никакие угрожающие его жизни действия революционеров-террористов не ослабляли его ревностного отношения к службе. Тщетны были мольбы его домашних, уговоры сослуживцев и начальства об осторожности. Он бесстрашно и упорно делал свое дело. Летом 1905 года офицер настоятельно доказывал губернскому начальству необходимость введения в Белостоке и уезде военного положения, однако только в начале сентября оно было введено, что позволило сразу после этого раскрыть деятельность нелегальной типографии с готовым к выпуску прокламациями и хранящимся там оружием, включая и бомбы большой ударной силы. В ходе операции был арестован ряд деятелей анархических групп.

В отношении служебной деятельности Грибоедова, заигрывания с либерализмом, гродненская адвокатура распространяла слухи, что Николай Антонович бывал «жесток» и на допросах. Но в действительности то, что называлось жестокостью, было спокойной выдержкой и прозорливостью опытного следователя, не дававшего ввести себя допрашиваемыми в заблуждение.

Дорого обходилась Грибоедову эта выдержанность и постоянная напряженность в работе. К счастью его усилия были замечены: 6 декабря 1905 года вне очереди, за отличие, он был произведен в подполковники.

В феврале 1906 года нервы офицера оказались настолько натянутыми, что он стал временами жаловаться на невозможность работать «так, как привык». А 18 марта на жизнь жандармского офицера было произведено покушение. В помещение из двух комнат, где находилась канцелярия Грибоедова, террористами были брошены две ударные бомбы. В первой комнате от взрыва был убит унтер-офицер Рыбицкий, разбиравший почту и тяжело ранен вахмистр Никитевич. Во второй комнате, где в это время никого не было, была разрушена стена, свалены на пол все шкафы с документами. Н.А.Грибоедов в это время производил допрос в городском управлении полиции, где находилось арестантское отделение, а потому и уцелел.

Прибывшие к месту происшествия пиротехники сразу же обнаружили в парадных сенях помещения вторую бомбу с почему-то погасшим фитилем. По их мнению, эта бомба должна была взорваться через час после первого взрыва с тем, что бы жертв от этого было еще больше. Террористы явно целились в Грибоедова.

Убедившись в этом, в штабе корпуса жандармов предложили подполковнику Грибоедову перевод на такую же должность в г.Царицин. Дав согласие на этот шаг, офицер одновременно спросил разрешения остаться в городе до той поры, пока в нем не будет снято военное положение. И он также бесстрашно продолжал делать свое дело, принимая участие в усмирении погромщиков, в арестах террористов для вхождения жизни Белостока в нормальное русло.

После приезда в Белосток из Читы сменщика Грибоедова ротмистра Балабанова, он решил съездить в губернский Гродно, что бы проститься со своим начальством, сослуживцами и знакомыми. Организовав слежку за офицером, неизвестные злоумышленники подкараули его в то время (28 августа, в 4 часа пополудни), когда он шел на встречу со своими сослуживцами через многолюдный сквер между Софийским кафедральным соборами фарным костелом. Последнее совершенно не смутило обнаглевших до предела заговорщиков. Ввязавший в это гнусное дело террорист стрелял из браунинга наверняка в шею, что называется в упор. Об этом свидетельствовал прострелянный воротник кителя офицера, который оказался при осмотре тело сильно подпаленным. Пуля вылетела в щеку пониже правого глаза. Обливаясь кровью, убитый наповал Грибоедов упал на мощенную булыжником землю.

Вечером того же дня в усыпальнице Гродненского военного госпиталя, у гроба убиенного, состоялась панихида, которую почтили своим присутствием представители гражданских и военных властей, депутация 102-го Вятского пехотного полка, где Грибоедов начинал военную службу и все, находившиеся в городе его сослуживцы во главе с начальником Гродненского ГЖУ генерал-майором Н.П.Пацевичем, при котором Николай Антонович начинал в Витебске свою службу в жандармском корпусе.

На следующий день из той же усыпальницы в выносе гроба с телом погибшего офицера приняли участие: командир 2-го артиллерийского корпуса генерал-лейтенант Поволоцкий, вице-губернатор Столяров, начальник ГЖУ генерал-майор Пацевич, а также сослуживцы Грибоедова. После постановки гроба на траурную колесницу, похоронная процессия двинулась по заполненным людьми улицам Саперной и Соборной (ныне Держинского и Советской) к Софийскому кафедральному собору, где на следующий день состоялось отпевание покойного, к которому прибыла делегация от Белостокского полицейского управления. На гроб павшего от рук террористов офицера было возложено много венков, в том числе венок от гродненского губернатора, возложенного по распоряжению находившегося в Петербурге генерал-майора Зейна, переданного по телеграфу. Вдовой покойного Н.Ф.Грибоедовой была получена телеграмма соболезнования от Председателя Совета Министров П.А.Столыпина, помнившего покойного со времени нахождения им в 1902 – 1903 годах на посту гродненского губернатора. В телеграмме говорилось: «Глубоко огорчен смертью вашего мужа, о котором сохранил память как о доблестном офицере. Столыпин».

Убитый за свою беззаветную преданность своему служебному долгу Николай Антонович Грибоедов был похоронен на Гродненском православном кладбище по Иерусалимской (ныне Антонова) улице, где на заупокойной службе в 9-й день его кончины снова собрались гражданские и военные чины во главе с губернатором Зейном и депутация 102-го Вятского пехотного полка [3].

В наши дни могила одного из представителей рода Грибоедовых мало кому известна. Но она сохранилась, несмотря на колючие десятилетия неприятия советским обществом всего того, что напоминало о самодержавной власти и ее «прислужниках». Сегодня былая монополия на историческую правду в значительной степени поколеблена и это дает основание людям уважительно относиться к памяти о тех, кто по своему понимал эту правду и не щадя жизни верно служил своему Отечеству. Ему честно служил вольнолюбивый поэт и дипломат А.С.Грибоедов, растерзанный фанатичной толпой в Тегеране, с думой о родине пал от руки террориста в Гродно и один из его потомков – жандармский офицер Н.А.Грибоедов.

Список литературы

1. Букчин, С.В. ...Народ издревне нам родной. Русские писатели и Белоруссия / С.В. Букчин. – Минск: «Народная асвета», 1984. – С. 105 – 106; Черепица, В.Н. «Достигли Немана – и копыя водрузили.....». Русские писатели и Гродненщина в 1812 году / В.Н. Черепица // ...Дай нам руку в непогоду: деятели русской культуры XIX – начала XX веков и Гродненщина / В.Н.Черепица. – Гродно: ГрГУ, 1997. – С. 15 – 16.
2. Черепица, В.Н. Гродненский православный некрополь с древнейших времен до начала XX века / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2001. – 230 с.

3. Книга русской скорби / Изд. Рус. народного союза им. Михаила Архангела. – СПб., 1908. – Вып. IV. – С. 25 – 31.

4. Русская родословная книга. – СПб.: Русская Старина, 1873. – С. 152 – 153; Николаев, Б.П. Из истории семьи Грибоедовых (по архивным материалам) / Б.П.Николаев, Г.Д. Овчинников, Е.В. Цимбал // А.С. Грибоедов: материалы и биографии: сб. науч. трудов. – Л.: Изд-во «Наука», 1989. – С. 76 – 92.

5. Осоргин, М.М. Воспоминания или что я слышал и что я делал в течение моей жизни. 1861 – 1920 / М.М. Осоргин. – М.: «Рос. Фонд Культуры», Студия ТРИТЭ, «Российский Архив». 2008. – С. 630 – 632.

Черепица Валерий Николаевич, кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории славянских государств факультета истории и социологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

УДК 930

С.А. Пивоварчик

«ИНСТРУКЦИЯ ПО РЕКОГНОСЦИРОВКАМ» – ВАЖНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ФОРТИФИКАЦИОННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СССР

В 1939 – 1940 гг. Государственная граница СССР была отодвинута на запад в результате военно-политических действий советского руководства. Согласно секретному протоколу сферы влияния между Германией и СССР прошли по рекам Буг, Нарев, Висла, Сан и большая часть восточных территорий Польши вошла в состав СССР как новые административные единицы БССР и УССР. В стратегическом плане это обстоятельство имело позитивное значение для Советского Союза, так как позволяло снизить угрозу для ряда важнейших промышленных и административных центров страны, выиграть пространство и время для отражения агрессии и ответного удара. Вместе с тем перенос границы вызвал немало осложнений, связанных с необходимостью перестройки всей группировки войск первого стратегического эшелона, прочного укрепления новых границ, оперативного оборудования приобретенных территорий, переработки всех оперативных планов.

Для размещения огромной военной инфраструктуры и подготовки театра военных действий необходимо было провести большие работы: построить новые фортификационные сооружения, аэродромы, убежища, склады, казармы, мосты, дороги, «перешить» старое железнодорожное полотно. В официальных советских документах начала 40-х гг. все эти мероприятия назывались «работы на объектах спецстроительства», «работы на оборонном строительстве», которым партийные, советские и военные власти придавали огромное значение, и для их выполнения было задействовано большое количество трудовых и материальных ресурсов [1].

На территории западных областей СССР возведение укрепленных районов (УР) вдоль новой Государственной границы являлось первоочередной задачей.

Осенью 1939 г. в Генеральном штабе Красной Армии и приграничных округах приступили к разработке плана прикрытия новой линии Государственной границы. Было принято решение о строительстве 23-х УРов на новой границе. «Белостокский выступ» в Западном особом военном округе должны были прикрывать четыре укрепленных района – 62-й Брестский (в полосе 4-й армии), 64-й Замбровский (первоначально в полосе 10-й армии, затем 13-й), 66-й Осовецкий (в полосе 10-й армии) и 68-й Гродненский (в полосе 3-й армии). На Западной Украине в полосе Киевского особого военного округа планировалось возведение Ковельского, Владимир-Волынского, Рава-Русского и Перемышльского укрепрайонов. Только в БССР планировалось построить 37 узлов обороны с 2130 объектами долговременной фортификации [2, с. 28]. Командование округа предложило два варианта возведения УРов – непосредственно по линии новой госграницы и на расстоянии 25–50 км от нее [3, с. 3 – 4].

Более удачным представлялся второй вариант, согласно которому позиции УРов предполагалось разместить на удалении 25 – 50 км от государственной границы. Это позволило бы вести сооружение опорных пунктов скрытно от противника, а при внезапном нападении успеть разместить войска в построенных долговременных и полевых сооружениях. Хотя этот вариант поддерживал Генштаб, однако был принят первый. Проект строительства укрепленных районов был утвержден И.В.Сталиным по докладу К.Е.Ворошилова и Б.М.Шапошникова [4, с. 241]. Директивами Наркома обороны от 26 июня 1940 г. приказывалось начать строительство ряда УРов в Западном и Киевском особых военных округах [3, с. 5].

Опыт начавшейся в Европе Второй мировой войны заставил внести существенные коррективы в систему укрепления границы и военно-инженерной подготовки ТВД в целом. В октябре 1940 г. начальник Главного военно-инженерного управления генерал-майор инженерных войск А.Ф.Хренов представил доклад начальнику Генерального штаба [5, с. 67 – 68].

Предложения Главного военно-инженерного управления были отражены в директиве НКО военным советам приграничных округов от 20 февраля 1941 г. В директиве отмечалось, что при строительстве УРов требуется увеличение их глубины до 30 – 50 км в зависимости от наличия и глубины предполья, а также увеличения толщины железобетонных сооружений и усиления плотности артиллерийско-пулеметного огня. В документе указывалось, что назначение укрепленных районов – надежно прикрывать важнейшие операционные направления или районы и создавать опорные рубежи для действий полевых войск в обороне и наступательных операциях. Оборона УРа должна строиться на уничтожении противника огнем перед

передним краем главной полосы обороны и контрударами полевых войск в случае его вклинивания на советскую территорию. Укрепленные районы имеют свои специальные гарнизоны, численность которых определяется для каждого в отдельности. Полевые войска могут занять УР лишь по специальному приказу командования фронта. Впереди главной полосы предлагалось обязательно строить предполье, состоящее из ряда оборонительных полос полевого типа. Узлы обороны должны иметь надежную круговую систему противотанковых и противопехотных заграждений, возводимых на важнейших направлениях в мирное время, а на остальных – в мобилизационный период [6, л. 12 – 24].

В соответствии с требованиями директивы, Военным советам округов были отданы приказы о продолжении уже начатого в 1940 г. строительства укрепленных районов, а также возведении нескольких новых оборонительных полос вдоль западной границы. В феврале – марте 1941 г. правительство утвердило основной и годовой планы оборонительного строительства. На фортификационное строительство было выделено 1 млрд. 181,4 млн. руб. Из этой суммы Прибалтийскому особому военному округу предназначалось примерно 50%, Западному особому военному округу – 25% и Киевскому особому военному округу – около 9%. Из 4642 фортсооружений по всем рубежам СССР в западных военных округах предстояло возвести 4464 долговременных оборонительных сооружения [7, с. 13].

В конце марта 1941 г. комендант 68-го Гродненского управления УР полковник Иванов получил новый список комиссии по рекогносцировкам укрепленного района, утвержденный Военным советом округа. Одновременно был получен приказ помощника командующего округом по УР генерал-майора Михайлина всему составу комиссии прибыть 5 апреля в штаб 10-й армии для инструктажа, который проводился лично командующим войсками округа. В приказе указывалось, что состав комиссии предварительно должен тщательно проработать новую инструкцию по рекогносцировкам и директиву Наркома № УР/586413сс [8, л. 86]. В соответствии с инструкцией состав комиссии по рекогносцировкам Гродненского укрепрайона был утвержден в следующем составе: председатель комиссии – комендант УР полковник Иванов, члены: начальник штаба УР полковник Каширин, начальник артиллерии полковник Железняк, начальник инженерной службы 47-го СК майор Савостьянов, начальник связи УР подполковник Соколов, начальник 1-го отдела штаба УР майор Тягульский [8, л. 87].

Документ, представленный для публикации, выявлен нами в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации в фонде 2322 – Управление коменданта 68-го Гродненского укрепленного района, опись 1, дело 179. Это как раз новая «Инструкция по рекогносцировкам укрепленных районов и по посадке долговременных боевых сооружений», которая была утверждена начальником Генерального штаба генералом армии Г.К.Жуковым

20 марта 1941 г. [9, л. 88 – 106]. Инструкция представляет собой 20-и страничный документ с очень подробной регламентацией всех работ по рекогносцировкам в укрепрайоне. В инструкции был обобщен и использован более десятилетний опыт строительства, обороны и преодоления укрепрайонов в СССР и других странах. Основные положения данного документа использовались при проведении фортификационных работ в Закавказье и на Дальнем Востоке СССР в конце 60-х гг. XX в.

В начале документа указывалось, что перед началом рекогносцировки Военный совет округа организует инструктирование комиссии, на котором должны быть изучены основные положения, изложенные в директиве Народного Комиссара Оборона от 20 февраля 1941г. за № 584613/сс/ов, настоящая инструкция и существующие штаты пулеметно-артиллерийских батальонов и рот, предназначенных занимать узлы обороны и опорные пункты. Кроме того, комиссия обязательно должна быть ознакомлена с чертежами всех типов сооружений, системой их вооружения, количеством амбразур, углами склонения и возвышения.

Далее отмечалось, что должен был получить председатель комиссии: а) письменное задание на рекогносцировку, к которому прилагается утвержденная Военным советом округа карта со схемой группировки узлов обороны и опорных пунктов укрепленного района. Группировка узлов обороны и опорных пунктов в них должна быть уточнена предварительно на местности командующим армией или командиром стрелкового корпуса (в округах, где армии нет) в полосе которых разворачивается строительство Укрепленного района. В задании указывается тактическая задача, которую, в зависимости от местности должны выполнять каждый узел обороны и каждый опорный пункт в нем; б) прошнурованные и пропечатанные сургучной печатью тетради для записей (выдает штаб округа) вне которых делать какие либо записи воспрещается; в) необходимые инструменты (теодолит, буссоль, рулетка, метр и т.д.); г) карты укрепленного района в масштабе 1:50.000 и 1:25.000 в необходимом качестве. В случае отсутствия карт указанного масштаба, комиссия получает карты 1:100.000 и изготавливает необходимые схемы своими силами в масштабе 1:25.000.

В результате рекогносцировки комиссия обязана отработать до конца следующие вопросы:

а) на основе тщательного всестороннего изучения местности намеченной для строительства укрепленного района, окончательно уточнить группировку узлов обороны и опорных пунктов в соответствии с оперативно-тактическим назначением укрепленного района и тактических задач, поставленных для каждого узла обороны;

б) систему огня узлов обороны и опорных пунктов в точном соответствии с тактической задачей каждого из них и произвести окончательную посадку всех сооружений, в том числе казематированных батарей и открытых

площадок для батарей большой мощности. Определить сопротивляемость и тип каждого сооружения, и какие из сооружений должны быть связаны подземными потернами;

в) систему противотанковых и противопехотных препятствий;

г) систему огня и типы сооружений на позиции боевого охранения, а также систему заграждений перед ней;

д) решение на организацию обороны предполья и заграждений в нем (если по условиям местности или по условиям удаления переднего края Укрепленного района от госграницы оно создается);

е) решение на организацию обороны и заграждений в промежутке между первой и второй полосами укрепленного района, если рекогносцируется вторая полоса;

ж) огневую связь между узлами обороны и опорными пунктами и все мероприятия по обороне промежутков;

з) точно определить места лесовырубок и лесорасчисток их объем, в соответствии с системой огня, учитывая, что неправильно вырубленных лес практически восстановить нельзя;

и) маскировку боевых сооружений опорного пункта, узла обороны и Укрепленного района в целом, а также маскировку предстоящего строительства;

к) строительство и ремонт дорог для обеспечения маневра и подвоза;

л) систему организации управления, расположение и посадку всех командных и наблюдательных пунктов;

м) предполагаемое полевое доусиление и постройку ходов сообщения;

н) выбор места расположения казарменных городков для частей укрепленного района;

о) выбор места складов, в соответствии с Инструкцией по тылу УР и разработать всестороннее решение на организацию тыла как узлов обороны и опорных пунктов, так и укрепленного района в целом.

Большое внимание в инструкции уделялось вопросам посадки долговременных сооружений. Предлагалось при определении количества сооружений в основу брать типовые расчеты, прилагаемые к данной инструкции, составленные на основе директивы № 584613 сс/ов. Выбор типов сооружений зависит в каждом конкретном случае от местности, при этом необходимо отдавать предпочтение косопрямельному к фланговому перекрестному огню из полукапониоров. При определении количества и типов сооружений иметь в виду, что количество артиллерийских и пулеметных амбразур, указанных в типовых расчетах сооружений, должно быть полностью выдержанно и соответствовать штатному расчету артиллерийских и пулеметных взводов в пулеметно-артиллерийских батальонах и ротах, предназначенных для занятия намеченных сооружений. В отдельных случаях допускается посадка капониоров и многоамбразурных пулеметных сооружений,

но при условии, что общее количество амбразур по лимиту будет не превышать количество амбразур данных типов по типовому расчету. Кроме того, в отдельных случаях для прострела мертвых пространств, лощин или резко пересеченной местности допускается дополнительная посадка боевых сооружений упрощенного типа (МС).

В районах, где комиссия определяла строительство подземных групп или где намечалось устройство гидротехнических сооружений для заболачивания и затопления, распоряжением Военным советом округа высылались специальные комиссии детальных гидрогеологических и гидротехнических изысканий. Специалистов гидротехников и гидрогеологов выделяло Инженерное управление округа или Главное военно-инженерное управление Красной Армии по заявке штаба округа.

При расположении и посадке сооружений на местности необходимо было исходить из следующего: а) опорный пункт должен иметь круговую, как противопехотную, так и противотанковую оборону с преимуществом огня перед передним краем, по переднему краю и на флангах, при чем круговая оборона движается главным образом за счет фортификационных сооружений полевого доукомплекта и фланкирующих сооружений (полукапониров), ведущих огонь из крыла в тыл опорного пункта; б) система огня боевых сооружений должна быть построена на косопрямом и фланговом огне, дополняемым фронтальным огнем из глубины или из-за закрытий; в) дать как минимум 2-х, 3-х слойный пулеметный огонь полосе 600 м от переднего края и простреливать местность перед передним краем артиллерийским огнем 45-мм и 76-мм пушек в полосе 1500-3000 м; г) в глубине опорного пункта вся местность должна простреливаться не менее чем двухслойным огнем и только в исключительных случаях однослойным огнем; д) каждое сооружение должно быть поддержано огнем из двух соседних сооружений (поддержку огнем из одного сооружения допускать как исключение); е) пулеметное сооружение должно иметь хороший обзор и обстрел не менее чем на 800 м, сооружения вооруженные 45 м/м пушкой – 1500 м, а вооруженные 76 м/м пушкой – 3000 м; ж) максимально избегать мертвых и ненаблюдаемых пространств, мертвые пространства одного сооружения должны обязательно простреливаться и просматриваться из соседних сооружений; з) сооружение на местности должно быть расположено так, чтобы максимально использовать складки местности для получения лучшей маскировки; и) артиллерийские (АПК), орудийно-пулеметные (ОППК), и пулеметные полукапонеры (ППК) располагать преимущественно за обратными скатами (где они будут всегда лучше замаскированы, невидимы для противника, а отсюда и меньше подвержены поражению), а где местность не позволяет, допускается расположение и на передних скатах, при этом особенно тщательно обращать внимание на пригонку их к местности и возможность хорошей обсыпки напольных стен. Полукапонеры разворачивать в сторону противника так, чтобы лицевая стена (с амбразурами) не была

подвержена прямому поражению артиллеристским огнем артиллерии противника. Разворот полукапониров по отношению к линии переднего края допускать не более 15°.

Отдельно рассматривался вопрос с размещением артиллерийских позиций (казематированных батарей). Места казематированных батарей должны выбираться внутри узла обороны и на удалении не менее двух и не более четырех километров от переднего края, за естественными противотанковыми препятствиями и не иметь вблизи резко выделяющихся местных предметов (ориентиров), облегчающих противнику наблюдение и пристрелку. Батареи располагать за закрытиями, могущими дать самую выгодную высоту укрытия для данного калибра, чтобы скрывать от наземного наблюдения противника блеск и дым при стрельбе из орудий.

Расположение батареи на закрытой позиции должно быть таково, чтобы наименьший прицел допускал возможность ведения огня батареи по целям, появившимся перед передним краем узла обороны. Огневая позиция на четыре орудия и одно-два убежища выбирается в одном районе с интервалами между орудийными казематами (по центрам) 30 – 50 м.

Взвода располагать в уступном порядке. Убежищ для расчета батареи, в зависимости от характера местности намечается или одно на всю батарею, или два – по одному на взвод. Убежища располагать в 30 – 80 м за орудийными казематами, если одно убежище на батарею, то желательно в центре батареи, если же два, то каждое в центре своего взвода. Разработанные варианты долговременных позиций для тяжелых батарей, позволяют ставить в них 152-мм пушку-гаубицу, 122-мм, 107-мм пушки и 76-мм пушку Ф-22.

Огневая позиция батареи должна иметь широкий сектор обстрела – 100°, допускающий возможность маневра огнем батареи и сосредоточение огня нескольких батарей по одной цели, а также давать возможность ведения огня прямой наводкой по целям на ближайших подступах к огневой позиции. Угол возвышения должен браться максимально допускаемый при стрельбе данной системы на полную дальность стрельбы ее и максимально возможный угол склонения, если это требуется по характеру местности.

Для управления огнем батареи намечается один командно-наблюдательный пункт (КНП) командира батареи в месте, откуда можно лучше организовать наблюдение за полем боя и управление огнем батареи. Место посадки КНП должно отвечать требованиям удобства управления огнем и наблюдения за полем боя в пределах сектора стрельбы своей батареи, не находится рядом с резко выдающимися местными предметами (ориентирами), облегчающими противнику нахождение КНП и обстрел его. Связь КНП с ОП телефонная по подземному кабелю как основная и радио – вспомогательное средство связи.

Перед выездом на рекогносцировку комиссия должна тщательно изучить местность укрепленного района по карте и составить на ней наметку системы огня обороны и опорных пунктов. По прибытии на местность, Комиссии рекомендовалось вести работу в следующей последовательности: а) просмотреть весь рубеж, намечаемого укрепленного района для того, чтобы определить на местности общее соответствие наметки узлов обороны и опорных пунктов с поставленными оперативно-тактическими задачами и условиями местности и уточнить их расположение, не меняя, принципиально, общего оперативно-тактического решения. При этом стоит особое внимание обратить на прострел артиллерийским огнем разрывов между соседними укрепленными районами и артиллерийско-пулеметным огнем промежутков между узлами обороны и опорными пунктами; б) просмотреть передний край укрепленного района и его и его глубину со стороны предполагаемого противника, а если это невозможно (из-за близости государственной границы) с переднего края обороны, каждый намечаемый узел обороны и в отдельности опорный пункт, для того, чтобы определить хорошо просматриваемые места и подступы, удобные для противника; в) составить перспективные чертежи переднего края, нанося на них ориентиры и мертвые пространства; г) наметить места противотанковых и противопехотных препятствий и возможные места возведения плотин и перемычек для затопления; д) наметить районы расположения огневых позиций наземных и зенитных батарей; е) сделать наметку организации огневой связи между узлами обороны и опорными пунктами и наметить мероприятия по обороне промежутков: возможность прострела промежутков орудийным фланговым огнем из долговременных сооружений с обоих смежных узлов обороны; возможную дальность огня пулеметов и противотанковых орудий; ж) просмотреть промежутки с фланговых наблюдательных пунктов обоих смежных узлов обороны и определить наблюдение и ненаблюдаемые пространства; з) просмотреть и определить преграды, которые необходимо уничтожить для обеспечения прострела и просмотра промежутков; и) решить расположение искусственных препятствий, которые нужно возвести на промежутках.

Особое внимание в инструкции уделялось размещению на местности долговременных сооружений. После осмотра местности узлов обороны и опорных пунктов рекогносцировочная комиссия приступает к расположению и посадке сооружений в каждом опорном пункте. После выяснения тактической задачи опорного пункта необходимо выбрать такое место, с которого видна вся местность опорного пункта. С этого места уточнить имеющуюся на карте группировку сооружений и соответствие ее с поставленной задачей. При этом учитывать, что это только предварительная разметка желаемой организации системы огня опорного пункта. После этого переходить к посадке каждого сооружения в отдельности. При посадке пользоваться точными и проверенными приборами (теодолит, буссоль). Выбор места посадки и посадку

сооружений необходимо начинать с переднего края и после посадки по переднему краю переходить в глубину опорного пункта. Выбор мест посадки сооружения, а затем и решение системы огня опорного пункта, является важным вопросом рекогносцировки, поэтому к нему надо относиться с особой тщательностью, необходимо помнить, что раз выбранный тип сооружения, посаженный и построенный, в дальнейшем практически не может быть изменен или перенесен на другое место.

После выбора точки посадки сооружения составляется формуляр (карточка посадки). При этом учитывалось следующее: а) левый и правый азимут артогна противника (всевозможные направления выстрелов) решаются по карте, с указанием возможной дистанции стрельбы; азимутом входа в сооружение типа ДОТ является биссектриса угла, составленного крайним левым и крайним правым направлениями артогна противника. По условиям местности могут допускаться отдельные отступления от правила, но такие, чтобы вход в сооружение ни в коем случае не поражаля артогнем противника и был бы прикрыт массивом сооружения. Для полукапонира азимут берется по типовому чертежу под 90° от директрис огня полукапонира. Для групповых сооружений с наземной частью берется вместо азимута входа азимут направления потерны (галереи) от сооружения к убежищу (при этом необходимо взять азимут входа и для наземного сооружения, на случай невозможности вести подземные работы в данном месте). Уровень грунтовых вод берется по данным разведки на воде, проводимой гидрогеологом с партиями бурильщиков; этажность сооружения решается исходя из уровня грунтовых вод и характера грунта; б) применение одноэтажных сооружений допускалось только в том случае, если по условиям уровня грунтовых вод и грунта невозможно строить двухэтажные или когда строятся оголовки к подземным группам. Одноэтажные сооружения более заметны, трудно поддаются маскировке, а отсюда имеют большую вероятность поражения из-за большой площади и трудности маскировки и стоят гораздо дороже двухэтажных сооружений; в) зафиксировать точно центр предполагаемого сооружения (забить кол) ориентировать и описать нахождение сооружения от местных предметов или высот. Обозначить репером нулевую линию сооружения. Дать краткое описание точки, от которой взята нулевая линия, чтобы в случае пропажи репера, его можно было бы восстановить. Каких либо записей на реперах о сооружении не делать, кроме условной цифровой отметки. В заселенных местностях все репера должны быть замаскированы; г) исходя из местных условий и принятого общего маскировочного замысла, указать тип маскировки под который должно быть замаскировано построенное сооружение; д) для лучшей ориентировки при строительстве описать по местным предметам: направление директрисс и крайних направлений каждой амбразуры; мертвые пространства в секторе каждой амбразуры могут ли быть они устранены и какие сооружения простреливают эти мертвые пространства;

какие требуются планировочные работы; размеры лесовырубок и лесорасчисток, необходимые для обеспечения обстрела, и характер их (сплошные, выборочные, очистка нижних ветвей и т.п.); площадь земли, подлежащую отчуждению для постройки сооружения; имеющиеся и необходимые дороги к сооружению.

Ложные сооружения должны располагаться не ближе 100 м от действительных сооружений, применяются к местности такие, как и боевые сооружения, чтобы не бросалась в глаза нелепость их расположения. Командные пункты располагаются, по возможности, в центре опорных пунктов в местах с наилучшим обзором и откуда наиболее надежно может быть осуществлено управление опорным пунктом и узлом обороны в бою. Наблюдательные пункты располагаются в местах, откуда наиболее надежно выполняются задачи по наблюдению перед передним краем, на флангах и в глубине опорных пунктов и узлов обороны.

В результате рекогносцировок комиссией должны быть отработаны следующие документы: схема группировки узлов обороны, опорных пунктов и сооружений в них Укрепленного района на карте масштаба 1:50.000, и схема решения по обороне предполья, с указанием передового рубежа, отсечных и промежуточных позиций, системы препятствий и очередности их строительства; пояснительная записка к схеме, с тактической оценкой свойств местности и вероятных действий противника, с характеристикой узлов обороны, опорных пунктов и поставленными задачами; пояснительная записка к схеме предполья с расчетом сил и средств, необходимых для его обороны и материалов для оборудования; сводная ведомость сооружений по узлам обороны и опорным пунктам; сводная таблица основных данных карточек (формуляров) посадки сооружений по узлам обороны и опорным пунктам; таблица характеристики плотности сооружений, вооружения (пулеметов «Максим» и «ДС», 45-мм и 76-мм орудий отдельно) и огня по УО и ОП; расчет необходимых гарнизонов по каждому опорному пункту, узлу обороны и укрепленному району в целом, в точном соответствии с существующими штатами; схема инженерных препятствий по укрепленному району на карте масштаба 1:50.000, с намеченными противотанковыми и противопехотными препятствиями и системой артиллерийского огня; пояснительная записка к схеме инженерных препятствий; сводная ведомость количества препятствий, ходов сообщений, потребных материалов и механизмов; схема связи укрепленного района на карте масштаба 1:50.000 с нанесением существующей линии связи и проектируемых (подземной и воздушной); схема дорог укрепленного района на карте масштаба 1:50.000 с нанесением существующих и проектируемых дорог (грунтовых, шоссейных, железных дорог); перечень строительных материалов, которые имеются в радиусе 50 км от укрепленного района; схема организации тыла укрепленного района, узлов обороны и опорных пунктов.

Указанные документы отрабатываются в трех экземплярах и подписываются председателем рекогносцировочной комиссии и всеми ее членами. Экземпляры № 1 и № 2 – представляются в штаб округа и экземпляр № 3 – остается у коменданта укрепленного района. Формуляры составляются в двух экземплярах, один из которых остается у коменданта укрепленного района, а второй хранится в отделе УР штаба округа. Командующий армией утверждает посадку каждого сооружения, систему и слойность огня в опорных пунктах и на флангах их и все вышеназванные документы с обязательным выездом на место посадки каждого сооружения.

Материал рекогносцировок рассматривался в штабе округа и на его основе составлялся Генеральный план строительства укрепленного района. Военный совет округа утверждал окончательно уточненную комиссией группировку узлов обороны, опорных пунктов, общую систему огня и все материалы (доклад, титульные списки и расчеты) после предварительной проверки на местности. Генеральный план (в двух экземплярах), утвержденный Советом округа с приложением первого экземпляра всех материалов рекогносцировок представлялся в Генеральный штаб Красной Армии для доклада Народному Комиссару Оборона.

Таким образом «Инструкция по рекогносцировкам укрепленных районов и по посадке долговременных боевых сооружений» имела важное значение для подготовки театра военных действий накануне войны с Германией. Она учитывала опыт ведения боевых действий в ходе начавшейся Второй мировой войны и стала основным руководящим документом для армий, ведших военно-инженерную подготовку территории СССР. Рекогносцировка вторых оборонительных полос приграничных укрепрайонов весной 1941 г., а также планирование новых УРов проводились в строгом соответствии с положениями «Инструкции». Не потерял своего значения данный документ и в послевоенное время, когда в ответ на новые геополитические реалии новые укрепленные районы стали возводиться на Дальнем Востоке, Забайкалье и Закавказье [10].

Список литературы

1. Пивоварчик, С.А. Военно-инженерная подготовка приграничной полосы в Беларуси (1929 – 41 гг.) / С.А. Пивоварчик // Берасцейскі хранограф: зб. навук. прац / Брэсцкі дзярж. ун-т; рэдкал.: А.Ю. Бодак [і інш.]. – Брэст: Выд-ва С. Лаўрова, 2002. – Вып. 3. – С. 140 – 152.
2. Семидетко, В.А. Истоки поражения в Белоруссии (Западный особый военный округ к 22 июня 1941) / В.А. Семидетко // Военно-исторический журнал. – 1989. – № 4. – С. 22 – 31.
3. Сандалов, Л.М. Первые дни войны. Боевые действия 4-й армии 22 июня – 10 июля 1941 / Л.М. Сандалов. – М.: Военное издательство, 1989. – 216 с.
4. Жуков, Г.К. Воспоминания и размышления: в 3-х т. / Г.К. Жуков. – 7-е изд. – М.: Из-во АПН, 1986. – Т. 1. – 303 с.
5. Хренов, А.Ф. Мосты к победе / А.Ф. Хренов. – М.: Воениздат, 1982. – 349 с.

6. Директива НКО Военному Совету ЗапОВО о строительстве укрепленных районов от 20 февраля 1941 г. // Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). – Фонд 2322. – Оп. 1. – Д. 179. – Л. 12 – 24.

7. Чмырев, В.А. Оборонительное строительство в СССР (30-е гг. – 1941): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В.А.Чмырев. – Санкт-Петербург, 1997. – 24 с.

8. Приказ помощника командующего округом по УР генерала-майора Михайлина о проведении рекогносцировки // ЦАМО РФ. – Фонд 2322. – Оп. 1. – Д. 179. – Л. 86 – 87.

9. Инструкция по рекогносцировкам Укрепленных Районов и по посадке долговременных боевых сооружений // ЦАМО РФ. – Фонд 2322. – Оп. 1. – Д. 179. – Л. 88 – 106.

10. Бахарев В. Укрепленные районы: уроки и выводы / В. Бахарев // Военный вестник. – 1992. – № 7. – С. 28 – 33.

Пивоварчик Сергей Аркадьевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой археологии и этнологии факультета истории и социологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

УДК 272 (476) «1941 – 1945»

Э.С. Ярмусик

**КАТОЛИЧЕСКОЕ ДУХОВЕНСТВО БЕЛАРУСИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Великая Отечественная война, с каждым днем отдаляясь во времени, оставляет, однако, немало проблем, которые требуют научного осмысления и оценки с позиций современности. Казалось бы, нет уже неисследованных тем. Советскими, зарубежными, белорусскими историками опубликовано бесчисленное количество исследований, освещающих довольно подробно ход военных операций этой войны, деятельность партизан и подпольщиков, работу тыла, оккупационный режим и многое другое.

Однако, на общем фоне остаются либо малоизученные, либо односторонне трактуемые события, на оценки которых не повлияли ни введенные в научный оборот источники, ни реалии сегодняшнего дня. Отдельные историки по-прежнему остаются в плену догм и стереотипов, сформировавшихся в годы «холодной войны». К числу таковых относится оценка деятельности и поведения католического духовенства в сложных условиях военного лихолетия.

Отрицательное отношение, сформировавшееся в советской стране к католической Церкви со времен Октябрьской революции, не изменилось и в послевоенный период. Более того, до сегодняшнего дня в ходу оценочные суждения, высказанные в свое время В.Г.Докторовым в его работе «Пад

гатычнымі скляпеннямі касцёлаў». Автор делит католическое духовенство по политической ориентации на несколько групп. К первой относит католических священников «агентов германской разведки». Автор утверждает: «Сваю агентуру гітлераўцы вербавалі сярод ксяндзоў-беларусаў, палякаў, літоўцаў. Гэта група займала найбольш варожыя пазіцыі ў адносінах да Савецкай улады, да партызан і асоб, якія змагаліся супраць фашысцкіх акупантаў». Ко второй группе относит духовенство из числа белорусских буржуазных националистов, во главе которой стояли «такія мацёрыя ворагі савецкай улады, як В.Гадлеўскі, П.Татарыновіч і іншыя. Беларускія нацыяналісты з духоўнага каталіцкага асяроддзя прыкладалі ўсе намаганні да таго, каб супрацьпаставіць працоўных Беларусі Савецкай уладзе і Камуністычнай партыі, не дапусціць іх удзелу ва ўсенароднай барацьбе супраць гітлераўскіх захопнікаў». Но наиболее многочисленной группой католического духовенства, согласно В.Г.Докторову, была группа, которая объединяла польских националистов, тесно связанных с польскими реакционными подпольными организациями [2, с. 32 – 36].

В качестве доказательства предательства ксендзов-агентов приводятся два факта: один – в отношении ксендза Ивана Рамейко, настоятеля костела в местечке Лучай Дуниловичского района Витебской области, другой – некоего В.Б. (фамилия и имя не расшифрованы – Э.Я.) из местечка Сопы Сморгонского района. О первом В.Г.Докторов пишет следующее: «Настаяцель касцёла ў мястэчку Лучай Дунілавіцкага раёна Віцебскай вобласці ксёндз Іван Рамейка падтрымліваў сувязь з фашысцкімі карнікамі з органаў СД. Да яго часта заязджалі чыны нямецкага камандавання, у яго доме наладжваліся гулянькі. Рамейка кіраваў паліцэйскім атрадам па барацьбе з партызанамі. Рукі гэтага палача заплямлены крывёю шматлікіх савецкіх патрыётаў. Рамейка выдаў гітлераўцам старшыню Лучайскага сельскага Савета Фадзея Касцюка. Касцюк быў расстраляны. Ксёндз не дазволіў пахаваць старшыню сельсавета на могілках». Ксёндзу прыписывалась такжэ доносительство и на других советских активистов [2, с. 32].

Обвинения, безусловно, тяжелые. И если таковые факты соответствовали действительности, то, безусловно, деятельность ксендза выходит за рамки пастырского служения, которое требует от духовной личности следовать заповеди «Не убий!». Однако автор не ссылается на документы, подтверждающие правомочность таких оценок. Установить же сегодня истинность или ложность их не представляется возможным.

В той же монографии В.Г.Докторов приводит другой факт. Ксёндз Вацлав Нурковский из Гродненской области систематически выступал с проповедями, в которых призывал верующих к борьбе против коммунистов. В январе 1944 года вступил в националистический отряд, который сражался против белорусских партизан. В отряде он выполнял обязанности духовного наставника и судьи. По его приговорам расстреливали советских людей (подчеркнуто мною. – Э.Я.) [2, с. 35].

Изучение следственного дела В.Нурковского показало, что он после войны был осужден Военным Трибуналом Войск МВД БССР на 15 лет каторжных работ в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР с поражением в правах на 5 лет «за измену Родине». И только в 1992 году он был реабилитирован за отсутствием состава преступления [1].

Такие же оценки взяты на вооружение авторами коллективной монографии «Католицизм в Белоруссии: традиционализм и приспособленчество». Однако, они несколько смягчены по сравнению с вышеупомянутой монографией В.Г.Докторова. Касаясь позиции католического духовенства в годы войны, отмечается, что «многие католические священники как патриоты своей родины (подчеркнуто мною. – Э.Я.) во время немецкой оккупации поддерживали связи с белорусскими партизанами, оказывали им помощь, пытались спасти мирное население от репрессий немецко-фашистских извергов. За связь с партизанами несколько ксендзов были расстреляны оккупантами» [3, с. 56]. Однако при этом не приводится ни одного конкретного факта. Также без ссылки на источники и без комментариев авторы далее констатируют: «Часть ксендзов пошла на службу к немецким фашистам (выделено мною. – Э.Я.), часть тайно сотрудничала с формированиями польских националистов – Армией Крайовой, возлагавшим надежду на возрождение буржуазно-помещичьей Польши в границах до 1939 года и проявлявших одинаковую враждебность к советским патриотам и немецким оккупантам» [3, с. 56].

В оценках советских авторов присутствовал упрощенный, схематический подход к анализу сложнейших событий и явлений, имевших место во время войны. Классовый принцип, который был положен в основу таких публикаций, ориентировал на разделение всего и вся на «своих» и «чужих», «наших» и «врагов народа». При этом не принимались в расчет исторические корни того или иного явления, игнорировались причинно-следственные связи, психологический фактор, конкретная обстановка, которая влияла на поведение людей.

Во Второй мировой войне происходило столкновение не просто двух систем. В этой мировой сече теснейшим образом столкнулись, переплелись различные национальные, патриотические, политические силы, каждая из которых, действуя в интересах своего государства, выступая от имени своего народа, становилась носителем определенной идеологии.

Автором данной статьи изучены документы, в большинстве своем немецких спецслужб, а также Белорусской Народной Самопомощи, свидетельствующие о попытках решения религиозного вопроса в округе Белорутения. Немногочисленная часть белорусской интеллигенции, в том числе и ксендзов-белорусов, сотрудничавших с оккупационными властями, пытались при их поддержке ликвидировать польское влияние в католической Церкви и «московское» – в православной. В итоге предполагалось создать

некий вариант самостоятельной белорусской католической Церкви и провозгласить автокефалию православной. Белорусизацией католической Церкви настойчиво занимался ксендз Винцент Годлевский, один из активных деятелей БХД, находящийся в период немецкой оккупации на должности главного инспектора школ в БНС. Пытаясь реализовать эту идею, В. Годлевский стремился заручиться поддержкой папского нунция в Берлине, а также местных оккупационных властей, в первую очередь гауляйтера Вильгельма Кубе. В чем же конкретно заключался смысл реорганизации католической Церкви? Как свидетельствуют документы, предполагалось создать архиепископство с резиденцией в Минске и епископатов в Гродно (возможно в Слониме) и Могилеве и назначить трех белорусских епископов. В Виленской и Белостокской епархиях предлагались белорусские вспомогательные епископы. Были и кандидатуры на эти должности: ксендзы-белорусы Фабиан Абрантович, Андрей Цикота, Иосиф Германович, Петр Татариневич и ряд других, с которыми, очевидно, ксендз Винцент Годлевский поддерживал связь и вместе с ними предполагал реализовать идею создания белорусской католической Церкви.

Показателен, однако, тот факт, что немцы не стремились открывать широкий простор для деятельности ни ксендзам-полякам, ни белорусам. Их воспринимали как носителей христианской идеологии, а польских к тому же – как участников польского антифашистского подполья и польских шовинистов. И то, и другое оккупационными властями жестоко пресекалось. Ряд ксендзов и других духовных лиц (в частности, 11 сестер-назаретанок из Новогрудка), были расстреляны немцами [4].

Что касается ксендза В. Годлевского, то он символизирует собой личность одиозного националиста, в деятельности которого преобладали больше политические, чем религиозные устремления. Написанные его рукой документы свидетельствуют о пособничестве оккупантам в проводимой ими политике. Однако что-то и немцев не устраивало в деятельности ксендза В. Годлевского. В результате он был расстрелян осенью 1943 года возле имения Тростенец начальником минской полиции безопасности и СД Хойзером [5, с. 126, 127].

Изучение автором данной статьи многочисленных архивных материалов, в том числе и следственных дел из архива Управления Комитета государственной безопасности Республики Беларусь по Гродненской области, позволяет обстоятельно выяснить причины и характер деятельности в польском антисоветском движении в западных областях Беларуси католического духовенства.

Еще со времен советско-польской войны 1919 – 1920 годов во II Речи Посполитой стало формироваться воинское пастырство. В армейских подразделениях вводились должности военных капелланов, задачи и обязанности которых определялись рядом приказов Полевого Епископа. В мае

1925 года, после подписания конкордата между Польшей и Апостольской столицей, с санкции правовой конференции Епископата Польши, появился Устав Воинского пастырства, в котором также определялись задачи религиозного воспитания солдат. В нем отмечалось: «В обязанности военного капеллана, осуществляющего пастырскую опеку воинского прихода, входит религиозное просвещение своих прихожан, в частности, рядовых и новобранцев». В межвоенный период в Польше была сформирована структура воинского пастырства, которая распространилась и на территорию Западной Беларуси [5, с. 128, 129].

С начала Второй мировой войны на территории Польши стало формироваться подполье. Деятельность его в западных областях Беларуси носила как антисоветский, так и антифашистский характер и была направлена на восстановление Польши в границах до сентября 1939 года. Католическое духовенство в этих структурах выполняло роль капелланов. Основной обязанностью была организация богослужений, прием присяги от новобранцев, проведение работы по воспитанию солдат в духе польского патриотизма [5, с. 131 – 133; 7].

С возникновением Армии Краёвой полномочия ксендзов-капелланов расширились. В каждом округе АК была создана пастырская служба – от округа до низовой единицы – партизанского отряда. Ксендзы нередко возглавляли Бюро информации и пропаганды (БИП), поддерживали связь с Полевой Курией, получали оттуда указания, инструкции, материальную помощь [7, с. 132 – 135].

После роспуска АК в мае 1945 года в западных областях Беларуси продолжало действовать постаковское подполье. Связь ксендзов с ним выражалась в проведении богослужений, совершении религиозных таинств, похоронах погибших по католическому обряду. Однако и эта деятельность, носившая религиозный характер, была расценена впоследствии как антисоветская. По этой причине значительная часть католического духовенства после войны была репрессирована органами НКВД – МГБ. В ходе следствия от ксендзов упорно добивались признания в сотрудничестве с немецкими оккупантами. Для подтверждения этой связи привлекались многочисленные свидетели, в том числе даже те, кто не проживал в данной местности во время войны – учителя, советские и партийные работники. Последние в своих показаниях ссылались на то, что «где-то, когда-то, от кого-то слышали» о связях ксендза с немцами [6, с. 11 – 134].

Как результат, 102 ксендза были осуждены по статьям Уголовного кодекса БССР (преимущественно 63, 72, 73, 75, 76-й, по которым деятельность ксендзов квалифицировалась как действия, направленные на подрыв советского строя и даже измена Родине). Наказания, выносимые областными судами, Особыми совещаниями войск МВД или Военными Трибуналами, были чрезмерно жестокими и не соответствовали тому «преступлению», которое

приписывалось ксендзам. На сроки от 1 до 5 лет были осуждены 5 ксендзов (4,9%), 6 – 10 лет – 37 (36,2%), 11 – 20 лет – 3 (2,9%), 21 – 25 лет – 49 (48,0%). Их реабилитация началась лишь в конце 1980-х годов. Из числа осужденных, по подсчетам автора, реабилитированы лишь 54 (52,9%), не реабилитированы 9 (8,8%), нет сведений о 39 ксендзах (38,2%) [6, с. 118, 128, 129, 132]. Однако здесь еще рано ставить точку. Необходимо обеспечить доступ к архивным документам, которые, в первую очередь хранятся в архивах КГБ. Только независимое, объективное исследование этих вопросов способно прекратить любые спекуляции и манипуляции этой проблемой, имеющей не только важное политическое, но и международное, а также моральное и правовое значение.

Тут уместно сказать о позиции католической Церкви. Долгое время она отделялась молчанием. Более того, молча сносила все сыпавшиеся на нее обвинения относительно позиции Ватикана в период Второй мировой войны, сотрудничества или пособничества фашизму (особенно в связи с подписанием в 1933 году конкордата между Святым Престолом и Германией) и ряду других. Ответы на эти и другие вопросы были даны в период понтификата папы Иоанна Павла II (1978 – 2005 гг.).

Гитлеровский фашизм, произрастающий на почве человеконенавистничества и неприятия христианских ценностей, так же методически уничтожал католическую Церковь и ее представителей, как и всех остальных, кто выступал против него. Большие потери, прежде всего людские, понесла и католическая Церковь. В память о жертвах нацизма – мучениках Второй мировой войны, 26 января 1992 года в польском городе Влоцлавке начался процесс беатификации (канонизации) 108 «Мучеников за веру» 1939 – 1994 годов. В их числе – епископы, ксендзы, монашествующие, а также люди светские. А 13 июня 1999 года в Варшаве папа Иоанн Павел II объявил их блаженными. Среди них 12 лиц, связанных своей жизнью, деятельностью и мученической смертью с Беларусью. Это Марианна Бернацкая (светская); кс. Мечеслав Богаткевич; о. Юзеф Иннокентий Гуз OFMConv; кс. Генрик Глебович; кс. Ежи Кашира MIC, марианин; кс. Антони Лещевич MIC, марианин; кс. Владислав Мацьковя; сестра Богумила Ева Ноишевская, непоколянка; о. Юзеф Ахиллес Пухала OFMConv; кс. Станислав Пырток; о. Кароль Герман Стэмпень OFMConv; сестра Казимира Марта Воловска, непоколянка. А 5 марта 2000 года в Риме к числу блаженных были причислены еще 11 сестер-назаретанок из Новогрудка [8]. В юбилейной булле *Incarnationis Mysterium* (Мистерия Воплощения) к Великому Юбилею – 2000-летию христианства – папа Иоанн Павел II отметил: «Наше столетие, приближающееся к концу, дало очень много мучеников, которые понесли смерть, прежде всего, как жертвы нацизма и коммунизма, а также расовых и межнациональных конфликтов» [5, с. 165].

В этих словах кроется глубокий смысл. Люди становятся порой заложниками обстоятельств, в которые они попадают не по своей воле. Оценка поступков человека и выносимый ему приговор должны быть взвешенными и

соответствовать тяжести совершенного преступления. В отношении духовенства в основу оценки их деятельности во время войны, а впоследствии выносимых приговоров, был положен идеологический фактор, который советское законодательство приравнивало к уголовному. Идеиные убеждения людей, не соответствующие советской идеологии, отождествлялись с самым тяжким преступлением, сродни преступлению против человечества.

Список литературы

1. Архив Управления КГБ по Гродненской области. – Архивное дело П-15356.
2. Докгараў, У.Г. Пад гатычнымі скляпеннямі касцёлаў: палітыка каталіцызму ў Беларусі / У.Г. Докгараў. – Мінск: Беларусь, 1975. – 72 с.
3. Католицизм в Белоруссии: традиционализм и приспособленчество / К.К.Койта, Е.С. Прокошина, Т.П. Короткая [и др.] – Минск: Наука и техника, 1987. – 240 с.
4. Няхай сведчанне іх веры не забудзецца. Лёс каталіцкага касцёла ў Беларусі ў 1917 – 1953 гадах / Юбіл. кам. Канф. каталіц. біскупаў Беларусі, Каміс. па справах Новых Мучанікаў; [Апрац. Л.Міхайлік; Пер. з пол.: Ж.Паходня, С.Словік; Аўт. прадм. А.Дзямянка]. – Б.м.: Непакалянаў, 2000. – 154 с.
5. Ярмусик, Э.С. Католический Костел в Белоруссии в годы Второй мировой войны (1939 – 1945): монография / Э.С. Ярмусик. – Гродно: ГрГУ, 2002. – 240 с.
6. Ярмусик, Э.С. Католический Костел в Беларуси в 1945 – 1990 годах: монография / Э.С. Ярмусик. – Гродно: ГрГУ, 2006. – 568 с.
7. Płocki, T. Praca duszpasterska kapelanów wojskowych w II wojnie światowej / T.Płocki // Chsześcianin w świecie. – 1994. – № 4. – S. 118 – 143.
8. Świadkowie miłości Boga i człowieka. Błogosławieni męczennicy z Białorusi 1939 – 1945 / Pod. red. Komisji ds. Nowych męczenników Komitetu Jubileuszowego 200 CECB. – Grodno, 2000. – 94 с.

Ярмусик Эдмунд Станиславович, кандидат исторических наук, доцент, декан факультета истории и социологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

УДК 930

С.П. Рамазанов, И.Ю. Михайловский

НОВГОРОДСКАЯ РЕСПУБЛИКА: НАЧАЛО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ? (к историографии вопроса)

Вопрос о политическом строе Великого Новгорода не обошел своим вниманием ни один крупный отечественный историк. Вместе с тем, оценка характера и направленности такого строя на практике почти всегда была обусловлена идейно-теоретической позицией самого историка, а так же его реакцией на социально-политическую ситуацию в современной ему России.

Рационализм Н.М.Карамзина, его неприятие социального насилия и убежденность в том, что самодержавие является наилучшей формой правления для России, несомненно, определили его отношение к новгородской республике. Развитие новгородской республики привело к середине XV века, по словам Карамзина, к тому, что «Новгород не имел ни твердого правления, ни ясной политической системы» [1, с. 428] и ликвидация новгородских вольностей Иваном III явилось благом для государства Российского. «Император Гальба сказал: – писал Карамзин, – «Я был бы достоин восстановить свободу Рима, если бы Рим мог пользоваться ею». «Историк русский, – продолжает Карамзин, – любя и человеческие и государственные добродетели, может сказать: «Иоанн был достоин сокрушить утлую вольность новгородскую, ибо хотел твердого блага всей России» [1, с. 489].

По сути дела, Карамзин негативно оценивал роль вечевого строя в истории Великого Новгорода. Он писал: «Несогласие в делах внутреннего правления, основанного на определениях веча или на общей воле граждан, естественным образом рождало... частые мятежи, бывающие главным злом свободы» [1, с. 333].

«История государства Российского» Н.М.Карамзина наполнена описанием разбоев новгородцев и их мятежей, направленных и против князей, и против посадников, и против московского митрополита, и против новгородского владыки [1, с. 127, 142, 143, 146, 253, 287, 341, 359]. Характерным примером новгородских бунтов, который приводит не только Н.М.Карамзин, но и С.М.Соловьев, и В.О.Ключевский, является следующий. Простой гражданин Стефан схватил боярина Данила Божина и с помощью народа сбросил его с моста. Данила не утонул, а спасшись, заточил Стефана в темницу. Узнав об этом, население Торговой стороны ударило в вечевой колокол, освободило Стефана, разграбило дом боярина, разграбило монастырь. Софийская сторона тоже вооружилась. Все старались занять Большой мост. Примирить народ удалось только архиепископу Симеону [1, с. 408; 7, с. 354 – 355; 3, с. 85 – 86].

Важнейшее значение Великого Новгорода в русской истории Карамзин видит в том, что призывом Рюрика было заложено основание российской монархии [1, с. 41 – 42]. «Новгород, – писал историк, – знаменит бывшею в нем колыбелью монархии» [1, с. 329].

Об отношении С.М.Соловьева к вечевой ориентации новгородцев свидетельствует описанное историком столкновение с ямью в 1228 году. Ямь начала опустошать новгородские владения. Новгородцы, услышав об этом, поплыли по Волхову к Ладоге. Ладожане не стали дожидаться новгородцев и вступили в бой с ямью. К борьбе с ямью подключились и корелы. «Что же делали в это время новгородцы? – спрашивает Соловьев. – Они стояли на Неве да вече творили, хотели убить одного из своих, какого-то Судимира, да

князь скрыл его в своей лодье, потом возвратились домой, ничего не сделавши» [6, с. 622].

Вместе с тем, Соловьев не усматривает изначально специфики в развитии Великого Новгорода. Даже в первой половине и середине XII века, по мнению историка, «мы не имеем права... резко выделять новгородский быт из быта других значительнейших русских городов. Как в других городах, так и в Новгороде вече является с неопределенным характером, неопределенными формами» [7, с. 27].

Обосновывая внутреннее органическое развитие исторического процесса, Соловьев стремился доказать, что особенности в быту Новгорода произошли не вследствие пожалования Ярослава, о котором говорится только в Степной книге, а «мало-помалу, вследствие известных исторических условий» [7, с. 32].

Благоприятными условиями для развития вечевого быта в Великом Новгороде Соловьев считает «частую смену князей и связанное с этим участие народа в решении важных вопросов, большую развитость народа вследствие торговой деятельности, наличие сильных фамилий, стремящихся к самостоятельному участию в правительственных делах, удаленность главной сцены политической жизни» [7, с. 28].

Определяя характер политического строя Великого Новгорода, Соловьев констатировал: «Богатый боярин, имевший средства платить многочисленным вечникам, мог отважиться на все... иногда целые улицы, целые концы враждовали друг с другом, стоя за то или другое лицо, за того или иного чиновника гражданского; сила решала спор» [8, с. 21].

Разделяя точку зрения С.М.Соловьева об исторической обусловленности становления самобытности новгородской жизни [2, с. 200 – 202; 3, 55 – 56, 64], В.О.Ключевский под воздействием позитивистской ориентации еще более усиливает внимание к социально-экономической основе новгородской политической жизни. Ключевский констатирует, что вече не имело законодательной инициативы, а «могло только отвечать на поставленный вопрос, отвечать простым да или нет» [3, с. 68]. Подготовительным и распорядительным учреждением, указывает историк, был Совет господ, который развился из древней боярской думы князя и городских старейшин; в Новгороде Совет господ состоял из княжеского наместника, посадника, тысяцкого, старост кончанских и сотских, старых посадников и тысяцких; в XV веке такой Совет насчитывал более 50 человек [3, с. 68 – 69]. Ключевский делает вывод, что «по характеру социально-политического строя Новгорода этот совет на деле ... состоял из представителей высшего новгородского класса, имевшего могущественное экономическое влияние на весь город ... часто и предрешал вносимые им на вече вопросы, проводя среди граждан подготовленные им самим ответы. В истории политической жизни Новгорода, –

писал Ключевский, – боярский совет имел гораздо больше значения, чем вече, бывшее обыкновенно послушным его орудием» [3, с. 69].

Историк отмечает резкую разницу между политическим и социальным строем Новгорода: если «формы его политического быта носили демократический отпечаток: перед судом были равны лица всех свободных состояний; все свободные обыватели имели место и равные голоса на вече», то «значение каждого класса в новгородской политической жизни зависело от его экономического положения» [3, с. 79 – 80]. Ключевский заключает: «таким образом, новгородская социально-политическая лестница выстроилась соответственно имущественному неравенству состояний. Это соответствие отражалось и в сословно-юридических определениях. Боярство образовало правительственный класс, исключительно монополично комплектовавший по выборам веча личный состав высшего управления... демократическое вече... ни разу, сколько известно, не дало посадничества ни купцу, ни смерду» [3, с. 80].

Отмечая, что на протяжении двух столетий – с конца XII до конца XIV века – посадники выбирались преимущественно из двух знатных фамилий – Михалчиной и Нездиничей, – историк усматривает в новгородской системе «признаки замкнутой правительственной олигархии» и констатирует, что «этот вольный город при демократических формах своего устройства стал аристократической республикой и местное общество ... оставалось в руках немногих знатных фамилий богатых капиталистов» [3, с. 84 – 85]. В другом месте Ключевский называет новгородский порядок «поддельной, фиктивной демократией» [3, с. 92].

По своей же форме, по убеждению историка, вече имело анархический характер. Он говорил: «На вече по самому его составу не могло быть ни правильного обсуждения, ни правильного голосования. Решение составлялось на глаз, лучше сказать на слух, скорее на силе криков, чем по большинству голосов» [3, с. 65].

Таким образом, либеральные позиции и Соловьева, и Ключевского не только не изменили, но и углубили оценку социального характера новгородского политического строя. Принципиальное изменение таковой оценки проявилось у марксистских историков под влиянием учения о классовой борьбе как главной движущей силе прогрессивного исторического развития и решающей роли народных масс в этой борьбе. Так, М.Н.Покровский утверждал, что в Великом Новгороде «патриархальную аристократию сменила не олигархия крупных собственников, а демократия купцов и «черных людей» – мелких торговцев и ремесленников, плебеев, общностью своего плебейского мирозерцания роднившихся с крестьянством» [5, с. 106].

По сути дела, исходя из установки о решающей и самостоятельной роли народных масс в историческом процессе, видный советский историк И.Я.Фроянов так же стремился обосновать развитие демократической

тенденции в политической жизни Великого Новгорода. Он утверждал, что «летописные данные, относящиеся к XI веку, рисуют вече как верховный демократический орган власти, развивающийся наряду с княжеской властью» [9, с. 165]. Он отмечал: «Подобно тому, как в далекие времена народные собрания не обходились без племенной знати, так и в Киевской Руси непрямым их участником были высшие лица: князья, церковные иерархи, бояре, богатые купцы. Нередко они руководили вечевыми собраниями. Но руководить и господствовать не одно и то же. Поэтому наличие лидеров-руководителей ... на вечевых сходах нельзя расценивать в качестве признака, указывающего на отсутствие свободного волеизъявления «вечников». Древнерусская знать не обладала необходимыми средствами для подчинения вече. Саботировать его решения она тоже была не в силах» [9, с. 165 – 166].

Противоположная точка зрения на характер новгородского политического строя, по существу, развивающая трактовку такого характера русской либеральной историографией XIX века, выразил в советской исторической науке наиболее крупный представитель новгородики В.Л.Янин.

В своих трудах он последовательно проводит мысль о том, что «вече фактически подчиненное боярскому правлению было существенной частью боярской республики. Сама идея защиты народных интересов, лежавшая в основе его возникновения, была извращена и преобразована в идею защиты боярской государственности. Именно такое вече бояре защищали от покушений со стороны князей» [10, с. 131]. По его мнению, участниками вече были не все свободные новгородцы, а только «вятские» люди новгородского общества. Они отождествляются исключительно с боярством. «... Связывая «старейших», или «вятских» с боярством, мы в «меньших» должны видеть всю совокупность остальных слоев Новгорода, не располагавших правом участия в высшем государственном органе – посадничестве» [11, с. 85]. То есть вече предстает в его работах как аристократический орган власти, «будучи формой участия народа в государственном управлении он (вечевой строй – *авт.*) в то же время противостоял народу, как одна из форм государственного строя, которые, оставаясь в полном распоряжении господствующей верхушки, могли казаться формами народоправства» [10, с. 4]. Показательно, что в одной из своих последних монографий, где историк, детально прослеживая эволюцию посадничества и боярского правления, практически не обращается к вопросу о вече и его роли, однозначно определяя Новгородскую республику как «боярскую, классовое орудие крупнейших землевладельцев, которые с момента создания собственных государственных органов с особой жадностью принялись расхищать фонд общинных земель, превращая его в феодальные вотчины, лишая свободы массы новгородского населения в деревне, и в городе, все более ужесточая формы его эксплуатации» [11, с. 4].

Вместе с тем, в сентябре 2007 года в своем интервью корреспонденту газеты «Известия» В.Л.Янин определенным образом корректирует свою

позицию: «Не надо забывать, – говорит историк, – что в каждой эпохе своя демократия. И демократия всегда существует для какого-то круга людей, но не для всего общества. Первая-то демократия возникла при рабовладельческом строе в Древней Греции, так что вряд ли сулила всеобщее равноправие. Сегодня одна демократия для депутатов, другая – для олигархов, третья – для пенсионеров» [4]

С учетом такого понимания демократии, В.Л.Янин теперь полагает, что «расцвет демократии в Новгороде пришелся на XIV век, тогда город называли «господином» и «государем». В Новгороде велась активная политическая борьба, действовала многопартийная система» [4].

Однако, при дефиниции новгородской политической системы как демократической, нельзя забывать, что термин «демократия» применительно к Великому Новгороду соединялся в XIX веке с эпитетами: «олигархическая», «аристократическая», «поддельная», «фиктивная», «анархическая».

Список литературы

1. Карамзин, Н.М. История государства Российского / Н.М. Карамзин. – М.: ЭКСМО, 2007. – 1024 с.
2. Ключевский, В.О. Сочинения: в 9 т. / В.О. Ключевский. – М.: Мысль, 1987. – Т. 1. – 430 с.
3. Ключевский, В.О. Сочинения: в 9 т. / В.О. Ключевский. – М.: Мысль, 1988. – Т. 2. – 446 с.
4. Лесков, С. Академик, руководитель Новгородской археологической экспедиции Валентин Янин: «В Новгороде демократию сожрали олигархи» // Известия. – 2007. – 6 сентября. – С. 6.
5. Покровский, М.Н. Русская история с древнейших времен: в 4 т./ М.Н.Покровский; Институт истории Коммунистической академии. – М.: Гос. социально-экон. изд-во, 1933. – Т. I. – 272 с.
6. Соловьев, С.М. Сочинения: в 18 кн. / С.М. Соловьев. – М., Мысль, 1988. – Кн. I. – 798 с.
7. Соловьев, С.М. Сочинения: в 18 кн. / С.М. Соловьев. – М., Мысль, 1988. – Кн. II. – 765 с.
8. Соловьев, С.М. Сочинения: в 18 кн. / С.М. Соловьев. – М., Мысль, 1988. – Кн. III. – 783 с.
9. Фроянов, И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории / И.Я.Фроянов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. – 256 с.
10. Янин, В.Л. Новгородские посадники / В.Л. Янин. – М.: Изд-во Москов. Ун-та, 1962. – 410 с.
11. Янин, В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода / В.Л. Янин. – М.: Языки славянских культур (А.Кошелев), 2008. – 395 с.

Рамазанов Сергей Павлович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии факультета естественных и гуманитарных наук Волжского гуманитарного института (филиала) Волгоградского государственного университета.

Михайловский Игорь Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры исторических и философских дисциплин Волжского института строительства и технологий.

УДК 930.2 (5)

Л. Беленькая, Б. Зингер

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Развал СССР, а с ним и уход в небытие последней автаркии в новейшей истории ознаменовал собой не только завершение эпохи биполярного мира, но и положил начало его глобализации. 90-е гг. XX – начало XXI в. характеризуются интенсификацией миграционных процессов, интегральной частью которых является репатриация (возвращение на родину). В отличие от мигрантов предыдущих поколений у иммигрантов новой волны отсутствует ультимативная установка на интеграцию в общество стран-реципиентов, а их самоидентификация плюралистична: синхронно индивидуальная и коллективная, моно- и полиэтническая [1]. Проживая одновременно в нескольких местах и будучи включенными таким образом в более чем одно сообщество, они создают новые взаимозависимости, развивают и поддерживают множественные семейные, экономические, социальные, политические, организационные и религиозные отношения, пересекающие географические, культурные и политические границы. Возникновение подобного рода социальных сетей способствует трансформации мигрантов в трансмигрантов, а существующим диаспорам придает характер транснациональных сообществ [2], претендующих на место равноправного партнера во внутривнутриполитической и социально-экономической жизни стран прихода.

С начала «большой алии» (осень 1989 г.) и по май 1999 г. из СССР/СНГ в Израиль на постоянное место жительства (далее – ПМЖ) прибыло 790 476 чел., среди которых 240 402 (30,4%) были выходцами из Российской Федерации, 249 103 (31,5%) – из Украины, 127 927 (16%) – из Беларуси, Молдавии, Литвы, Латвии и Эстонии, 154 465 (19,5%) – из республик Средней Азии и Кавказа [3]. Еще около 140 тыс. чел. приехало за период с мая 1999 г. по декабрь 2002 г. [4]. К началу 2003 г. численность репатриантского сообщества выходцев с советского/постсоветского пространства в Израиле составила около 1 млн. чел или 20% его еврейского населения.

Если за период первых двух волн массовой репатриации (середина 1950-х гг. и начало 1970-х гг.) число этнических неевреев (члены смешанных семей) и неевреев по Галахе (потомки по мужской линии от смешанных браков) было на уровне статистической погрешности, то в ходе «третьей»

ситуация меняется коренным образом. Как свидетельствует статистика, в 1989 – 1995 гг. данная категория олим охватывала 17% вновь прибывших, в 1995 – 1998 гг. – 40%, а в 1998 – 2001 гг. – уже 75% [5], всего около 30% от общего числа выходцев из СССР/СНГ. Почти тот час же по прибытии в Израиль внутри «русского» репатриантского сообщества, которое изначально не являлось гомогенным, начали формироваться три доминирующие группы. Первая, условно назовем ее «израильтяне», выражала готовность к «растворению» в местном социуме, но при условии создания собственных независимых общественных организаций, за которыми был бы признан общенациональный статус. Вторая, самоназвание «иммигранты», представленная как евреями, так и неевреями, отстаивала идею «изоляциялизма» или, проще говоря, «русского культурного гетто». Наконец, третья, так называемые «евреи из СССР/СНГ», ратовала за «интеграцию без аккультурации», то есть за приобщение к новой для себя культуре при неременном сохранении своей «русской» идентификации (языка, культуры и традиций) [6].

Настоящие идеи в качестве политических лозунгов впервые были сформулированы накануне очередных 1992 г. выборов в Кнессет. Свое нежелание полностью интегрироваться и ассимилироваться новые граждане объясняли тем, что стремление израильского истеблишмента унифицировать культурное наследие, привезенное с собой олим, в угоду поведенческим стандартам и ценностям уроженцев страны – сабр в современном демократическом обществе не приемлемо, поскольку нарушает одно из базисных прав человека – право на свободу выбора. Фактически это означало, что традиционно проводимая с момента провозглашения независимости государственная политика «плавильного котла» потерпела фиаско.

Как видим, алгоритм поведения репатриантов в эпоху глобализации, несмотря на отсутствие сугубо национальных и религиозных противоречий, а также предоставление им режима наибольшего благоприятствования (автоматическое наделение гражданством, освобождение от уплаты налогов на 5 лет, субсидируемое жилье, социальные пособия, бесплатное обучение азам иврита и т.п.), во многом схож с поведением иммигрантов в других странах.

Для поиска ответов на вызовы времени и с целью формирования соответствующей программы действий в Израиле, подобно другим современным государствам, органы исполнительной и представительной власти, политические партии и объединения прибегают к услугам социологов. Как результат в начале 1990-х гг. появилось значительное число социологических исследований, посвященных выявлению природы, сущности и генезиса так называемого «русского» репатриантского сообщества. Их авторы – адепты различных научных концепций постструктурализма, мультикультурализма и др., применяя, по сути, одинаковые методики и методы, тем не менее, приходят к разным, а порой и взаимоисключающим

выводам. Так, часть из них убеждена, что отделенная от уроженцев страны ментально-культурным комплексом, «русская» улица представляет собой «квазиобщину» [7]. Другие видят в оном субэтнос с присущими ему культурно-этнической автономией, вынужденно изолированной средой общения, собственными формами социальной и культурной жизни [8]. Третьи считают репатриантское сообщество временной, относительно гомогенной структурой, лишенной определенных статусов, ролей и иерархии [9]. С точки зрения четвертых, переселенцы из Азии (Узбекистан, Казахстан, Кавказ и др.) и Европы (Украина, Россия, Белоруссия) – иммигранты [10]. Пятые утверждают, что сплотившиеся под зонтиком русского языка новые граждане страны вовсе не гетерогенная лингво-культурная общность или русскоязычное гетто, а классическое структурное этнообразование, аналогичное существующим в США или Германии – община [11].

В силу специфики своих дисциплин историки и антропологи подключились к изучению данной проблемы несколько позже. Их работы, как правило, основаны на методологии и идеологии исторического континуума. Рассматривая историю Государства Израиль как историю иммиграции, они отводят центральное место в своих исследованиях датировке и интерпретации конкретных событий, а также периодизации проблемы. В качестве критерия используются два показателя: массовый характер переселения и наличие лидерской (лидерских) группы (групп) интеллектуалов-репатриантов, способных выработать стратегию поведения, направленную на защиту экономических и социально-политических интересов дважды соотечественников [12]. Правда, схожесть подходов не сумела обеспечить консенсуса по выше перечисленным вопросам и среди этих авторов.

В нач. 2000-х гг. свет увидел ряд монографий, в которых на основе классических теорий М.Вебера, Э.Дюркгейма, Г.Гадамера, М.Харриса и др., предпринимается попытка обобщить накопленный представителями различных наук о человеке и обществе опыт по изучению проблемы интеграции репатриантов из СССР/СНГ в израильское общество [13]. Настоящие исследования можно считать успешными лишь частично, так как их авторам не удалось преодолеть разногласия при разработке единого понятийного аппарата и с его помощью унифицировать методологический подход к изучению причин, побуждающих новых граждан в стране прихода устанавливать этнические границы.

Неспособность представителей одной отдельной взятой или нескольких родственных дисциплин добиться искомого результата исключительно количественными и социологическими методами подвигла мировое научное сообщество выдвинуть на XIX международном конгрессе исторических наук в Осло (2000 г.) в качестве первоочередной задачу развития и обеспечения взаимного обмена достижениями между всеми науками о человеке и обществе [14]. Тем самым, продолжающийся вот уже более 100 лет знаменитый

Methodenstreit – «спор о методе» официально вступил в свой третий этап. С целью стимулировать изыскания в области методологического взаимодействия наук о природе и наук о духе Европейский Фонд научных исследований (European Science Foundation) объявил о проведении ежегодного конкурса на соискание грантов [15]. Анализ появившихся за истекший период работ позволяет констатировать, что выявление природы, сущности, генезиса сознания и самоидентификации мигрантов на современном этапе ведется по трем магистральным направлениям: 1) основные методологические и гносеологические принципы междисциплинарного подхода к изучению проблемы в долгосрочной перспективе; 2) особенности функционирования сообществ мигрантов как социальной демографической структуры в процессе погружения в иную лингво-культурную среду обитания; 3) эволюция мировидения, личностных и групповых потребностей, установок, отношений, интересов и ценностных ориентаций мигрантов под воздействием микро- и макросреды страны-реципиента в ходе конкретного взаимодействия людей.

Настоящий дискурс проходит между адептами идиографического и номотетического подходов в рамках двух парадигмальных схем: «развитие истории» и «создание истории». Каждая из сторон утверждает, что исчерпывающий ответ на следующие вопросы: должны ли гуманитарные науки строиться по образцам естествознания; есть ли методологическое единство наук с эмпирическим базисом, либо следует автономно развивать исследовательскую методологию в каждой отдельной области, можно получить лишь на основе ею разработанной теоретической базы [16].

Так, известный российский историк Ю.Афанасьев считает, что точкой отсчета при междисциплинарном агрегировании естественных, общественных и культурологических наук является признание несводимости человеческого бытия ни к форме жизни природы, ни к социальному феномену, ни к явлению культуры, поскольку системная целостность человека является трехсторонней – био-социо-культурной. Такого рода сопряжение порождает «новое методологическое системное целое – гуманитарное» и, как результат, ведет к выделению особой группы наук в познавательной деятельности человека – гуманитарных: например, историческая социология, историческая психология, историческая антропология и др. Гуманитарное знание призвано преодолеть односторонне изучение человека только как природного, биологического существа, или как носителя некоей социальной функции, или только как хранителя культурной информации. Гуманитарные науки призваны «схватывать» человека в его целостности [17].

Схожей точки зрения придерживается и социолог А.Черных. Исходя из положения М.Вебера, что в основе деления наук лежат «мысленные» связи проблем, она предлагает стирать грани между отдельными дисциплинами о человеке и обществе на основе учета исторического характера объекта исследования. Это позволит создать специализированную и

высокоинтегрированную «историческую социальную науку», способную интерпретировать, систематизировать, квантифицировать, рассказывать и объяснять [18].

Не трудно заметить, что выше приведенные концепции так или иначе базируются на разработанной еще школой «Анналов» (сегодня ее принято называть «новой исторической наукой») – теории «глобальной истории» [19], охватывающей даже такие сферы жизни общества, которые не имеют или почти не имеют истории, а порой выступают ее тормозом и не осознаются человеком. Речь идет об области слияния мышления с поведением, а именно: традициях, обычаях, нравах, верованиях, привычках, способах мировосприятия, картинах мира, запечатленных во всех созданиях человека и особенно языке, словом, обо всем, что принято называть «народная», преимущественно устная, почти не оставляющая по себе письменных свидетельств, культура. При этом отмечается, что индивидуальное мировидение – только один из вариантов коллективного мировидения, а ментальность имеет определенную функцию движения исторической жизни, образует некую целостность, сложную и противоречивую картину мира и является, прежде всего, категорией исторической науки. В результате такого подхода возник ряд течений в историографии: история ментальностей [20], микроистория [21], историческая антропология [22], историческая демография, а также более узкие – история женщин, старости и т.д. Весь этот конгломерат научных направлений именуют историко-антропологическим и даже современной версией «новой исторической науки», которая претендует на изучение практически всех сфер действительности, но в проекции человеческих представлений, а именно: исторической реальности, предстающей в тех или иных вариантах языковой репрезентации (нарратив). При этом сознание трактуется как совокупность текстов, признается возможность множественной интерпретации каждого текста, а общество и культура видятся единством размытых, дезинтегрированных структур (семья, сообщество и т.д.). Статус определяющего методологического принципа познания индивидуальных и социальных практик нарратив обрел в конце 80 – начале 90-х гг. XX в., что хронологически совпало с началом «большой алии» в Израиль.

Обращение к нарративу для выявления механизма взаимодействия социальных структур с конкретной деятельностью людей на микроисторическом уровне есть ничто иное как идеографический подход к проблеме: перенос интереса с объективных социальных явлений на отдельного человека, его жизненный опыт, привычки, навыки, суеверия, неповторимый взгляд на мир, круг чтения, взаимодействия с другими людьми и т.п. Сбор информации о субъекте исследования (репатрианте) проводится качественными (аналитическими) методами: кейс-стади (case-study), этнографическое исследование, биографический метод (устная история,

история жизни) и др. [23]. Соответственно теоретико-методологической основой создания релевантных баз данных выступают, прежде всего, феноменологический подход и экзистенциальный анализ.

Выявление степени влияния процесса интеграции/абсорбции на сознание, мировидение, мышление и поведение выходцев СССР/СНГ на микроисторическом уровне [24] последние 20 лет проводилось, в основном, с применением биографического метода и представлено в литературе, прежде всего, гендерными исследованиями [25]. Наибольший интерес для авторов представляют данные об утрате социального статуса в результате репатриации и безуспешных попыток адаптации к вновь сложившейся ситуации [26], сексуальности и семейной жизни [27], сексуальных домогательствах [28], семейных кризисах [29], неполных семьях [30], смешанных браках.

В истории Государства Израиль алия 1990-х гг. с советского/постсоветского пространства отнюдь не единственная и далеко не первая. Несмотря на это исследования массовых волн репатриации в другие исторические периоды на микроисторическом (качественном) уровне в литературе, практически, отсутствуют, если не принимать во внимание небольшую по объему статью «Запоздалый сионизм» [31], написанную с применением метода «кейс-стади».

В отличие от сторонников идеографического подхода адепты номотетического считают, что постмодернизм, феминология, герменевтика как, впрочем, и другие антициентистские направления, в плане выявления особенностей формирования и специфики функционирования механизма репатриантского сообщества свой потенциал исчерпали. Наряду с этим они отмечают, что повсеместная значимость логики, обобщений, систематических сравнений, проверки гипотез, стимулирующего характера взаимообмена познавательными методами и средствами говорят в пользу глубокого единства наук с эмпирическим базисом [32]. Контрапунктом спора между идеографией и ее парной категорией номотетикой служит предлагаемое школой «Анналов» понятие «историческое время». Преодолеть существующие методологические разногласия при обращении к номологическому подходу на современном этапе исследователи все чаще пытаются, опираясь на учение М.Вебера об «идеальных типах» [33]. «Идеальный тип» – это мыслительная конструкция, своеобразная теоретическая схема, которая, строго говоря, не извлекается из эмпирической реальности (утопия). В повседневной действительности «идеальный тип» не встречается. Под «идеальным типом» подразумевается некая идеальная модель, характеризующая сущность оптимальных общественных состояний (власть, межличностное общение, индивидуальное и групповое сознание), которая является инструментом для познания исторической реальности и современного мира. Использование «идеального типа» во времени и пространстве (генетический подход) необходимо для

выработки понятийных конструкций, которые помогали бы исследователю ориентироваться в многообразии исторического материала, в то же время не «вгоняя» его в прокрустово ложе предвзятой схемы, а трактуя его с точки зрения того, насколько реальность приближается к идеально-типической модели. «Идеальный тип» не является гипотезой и потому не подлежит эмпирической проверке, выполняя скорее эвристические функции в системе научного поиска. Вместе с тем, он позволяет систематизировать эмпирический материал и интерпретировать актуальное состояние дел с точки зрения его близости или отдаленности от идеально-типического образца. При создании модели «идеального типа» учитываются четыре главных аспекта: политика, хозяйство, религия, положение на международной арене [34].

Попытки применить «идеальный тип» в качестве инструмента научного теоретического познания и понимания феномена иммиграции в эпоху глобализации в литературе предпринимаются вот уже более пятнадцати лет. В ходе развернувшейся дискуссии по таким направлениям как транснационализм и религия, транснационализм и диаспора, двойное гражданство, транснационализм и ассимиляция авторы столкнулись с необходимостью переосмысления доселе казавшееся незыблемых понятий «государство», «нация», «гражданство» [35], а также классической теории диаспоры [36]. Конструируя соответствующий «идеальный тип», исследователи исходят из следующего тезиса: галут 2000 лет являлся символом уникальности исторических судеб еврейского народа, однако «девятый вал» миграции 1990-х гг. смешал обитателей планеты до такой степени, что к началу XXI в. ситуация кардинально изменилась. Сегодня в мире практически нет этноса, хотя бы часть которого не проживала в диаспоре [37]. Аналогичные процессы наблюдаются и на постсоветском пространстве, где с распадом СССР во вновь возникших независимых государствах в 90-х гг. стали формироваться еврейские диаспоры России, Украины, Белоруссии и др. Те же, кто эмигрировали, влились в аналогичные диаспоры США, Германии и др. стран. Высказывается мнение, что даже в Израиле выходцы из СССР/СНГ живут в диаспоре [38].

Действительно, правовая категория «советское еврейство» в конце XX в. канула в лету, и потому на первый взгляд предлагаемый силлогизм с точки зрения формальной логики кажется безупречным. Однако анализ его предиката показывает, что в нем стоит знак равенства между двумя взаимоисключающими понятиями: галут (в переводе с иврита – изгнание) и диаспора (в переводе с греческого – колонизация, переселение), а посему с предлагаемым выводом согласиться нельзя. Подобный софизм отнюдь не безобиден, поскольку извращает социально-историческую действительность и, тем самым, оставляет вне поля зрения исследователя тот факт, что исход евреев с исторической родины 2000 лет назад был продиктован отнюдь не социально-экономическими и демографическими причинами, а утратой

государственности и реальной угрозой истребления. Вот почему алия, пусть даже транснациональных по своей идентификации диаспор (тфуцот), – это вовсе не переезд на новое постоянное место жительства (иммиграция), а процесс собирания колен Израилевых на земле обетованной с целью возрождения национального дома и завершения процесса государственного строительства [39].

Гносеологический срез проблемы сознания, менталитета, мышления, мотивов поведения человека показывает, что существующие в литературе направления, позиции и подходы получить исчерпывающий ответ на поставленные вопросы не позволяют. Именно по этой причине научное сообщество пока не в состоянии преодолеть глубокий концептуальный кризис в сфере изучения миграционных процессов в эпоху глобализации. Наряду с этим, общие соображения относительно повсеместной значимости логики, обобщений, систематических сравнений, проверки гипотез, стимулирующего характера взаимодействия познавательными методами и средствами свидетельствуют о тесной взаимосвязи наук с эмпирическим базисом. Подобный вывод означает, что нет необходимости создания автономных методологий для каждой из наук о человеке и обществе, а выработка единого междисциплинарного подхода – лишь вопрос времени.

На сегодняшний день в распоряжении исследователей уже имеется обширный банк данных, всесторонне отображающий процессы интеграции, ассимиляции, аккультурации иммигрантов/репатриантов в общество стран-реципиентов в конце XX – начало XXI в. Если в силу указанных выше причин написание обобщающих работ на их основе пока преждевременно, то для промежуточных выводов такая возможность существует. Так, например, сообщество мигрантов/репатриантов представляет собой не только социальную, но и ментальную демографическую структуру, непременным условием возникновения которой, будь-то в диаспоре или на исторической родине, является массовое по своим масштабам переселение. Ее формирование всегда происходит в рамках определенного культурного пространства, переставшего быть на современном этапе полностью идентичным пространству национальному или территориальному, т.к. государственные границы более не являются препятствием для проникновения в общество внешних культурных кодов. Таким образом, воспроизводство культурного кода у гражданина, в том числе и в Израиле, в глобальном мире происходит не только на основе национального духовного наследия, моральных идеалов, общественных норм и правил, но и мировых культурных достижений, порой угрожающих целостности национального самосознания. Долг интеллектуала-ученого состоит в том, чтобы постоянно отслеживать ситуацию в данной сфере и, тем самым, предотвращать развитие деструктивных тенденций. Это тем более важно, что человек в XXI в., получив доступ к мультимедийным носителям информации, в том числе и к

социальным сетям в интернете, стал одним из значимых факторов генерирования национально-культурных ценностей, и, тем самым, из потребителя превратился в своего рода творца культурной среды.

Список литературы

1. Transnational Ties and Identities: past and present // Migration and Transcultural Identities. European Science Foundation Standing Committee for the Humanities Forward Look Report 2. – October 2004. – P. 7 – 13.
2. Настоящий термин введен в научный оборот в кн.: Glick, S.N., Bash, L., Blanc-Szanton, C. (eds.). Towards a Transnational Perspective on Migration. Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered. – N-Y.: Annals of the New York Academy of Sciences, 1992. Vol.645, p. ix.
3. Reports of the Jewish Agency. – December 2002. – Jerusalem. – P. 2 – 4; Ханин, В. «Русские» и власть в современном Израиле. Становление общины выходцев из СССР/СНГ и ее роль в политической структуре страны на рубеже XX и XXI веков / В. Ханин. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004.
4. Mid-Year Summary of JAFI Activities in the FSU. January-May 1999. – June 1999. – Jerusalem. – P. 13.
5. Материалы международной научной конференции на тему «Русскоязычное еврейство в современном мире: ассимиляция, интеграция и общинная жизнь» (Центр им. Раппопорта. Университет Бар-Илан. Рамат-Ган. Июнь 2004).
6. Ханин, В. «Русские» и власть в современном Израиле. Становление общины выходцев из СССР/СНГ и ее роль в политической структуре страны на рубеже XX и XXI веков / В. Ханин. – М., Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004. – С. 141 – 146; Ben-Rafael E., Olshtain E., Gejist I. Identity and Language: The Social Insertion of Soviet Jews in Israel. In: Ritterband P., Levin-Epstein N., and Roi Y. (eds.). Russian Jews on Three Continents. Emigration and Resettlement. – London, Frank Cass, 1997. – P. 364 – 388.
7. Kagansky, M. Paper presented at the 2-nd International Conference on Personal Absorption Jewish Immigrants (Repatriates) from the Former USSR. Herzl, November 1999.
8. Фельдман, Э. «Русский» Израиль: между двумя полюсами / Э. Фельдман. – Тель-Авив – Москва: Сити-колледж, 2003. – 536 с.
9. Зильберг, Н. Русско-еврейская интеллигенция в Израиле: поиск новых моделей интеграции / Н. Зильберг // Общество и политика современного Израиля / под ред. А. Эпштейна, А. Федорченко. – Москва-Иерусалим: Мосты культуры, 2002. – С. 200.
10. Lissak, M., Leshem, E. The Russian Intelligentsia in Israel: Between Ghettoization and Integration // Israel Affairs. – № 2 (1 – 2). – 1995. – P. 20 – 36; Kimmerling, B. Haisraelim Hahadashim. Ribui Tarbutot Lelo Ravtarbutiut. Alpaim. Ktav Et Ravthumi Leiun Hagut Vesifrut. Tel Aviv, Am Oved. Kovets 16, 1998. – P. 269, 270, 271 – 272 (Hebrew); Kimmerling, B. Meagrim, Mityashvim, Yeladim. Tel Aviv, Am Oved, 2004 (Hebrew); Lederhendler, E. The Diaspora Factor in Israeli Life. In: Shapira, A. (ed.), Israeli Identity in Transition. Westport, Connecticut, Praeger, 2004. – P. 109 – 135.
11. Markowitz, F. Community Without Organization. City and Society. – 1992. – Vol.6. – № 2. – P. 141 – 155; Leshem, E., Lissak, M. Development and Consolidation of the Russian Community in Israel. In: Weil, S. (ed.), Roots and Routs: Ethnicity and Migration in Global Perspective. – Jerusalem, Magnes Press, 1999. – P. 139.

12. Heitman, S. The Third Soviet Emigration. *Soviet Jewish Affairs*. – Vol. 18. – № 2. 1988; Heitman, S. Soviet Emigration in 1990: A New 'Fourth Wave'? *Soviet Jewish Affairs*. – 1991. – Vol. 21. – № 1; Ro'i, Y., Beker A. (eds.), *Jewish Culture and Identity in the Soviet Union*. N-Y, 1991; Ro'i, Y. (ed.), *Jews and Jewish Life in Russia and the Soviet Union*. Frank Cass, 1995; Lewin-Epstein, N., Ro'i, Y., Rittrband, P. (eds.), *Russian Jews on the Three Continents. Migration and Resettlement*. Cummings Center, 1997 etc.

13. Shapira, A. (ed.), *Israeli Identity in Transition*. Westport, Connecticut, Praeger, 2004; А. Эпштейн, А. Федорченко (ред.). *Общество и политика современного Израиля*. – Москва-Иерусалим: Мосты культуры, 2002.

14. Данное положение впервые было выдвинуто научным сообществом гуманитариев и обществоведов Франции в официальном коллективном издании: *Les sciences de l'homme et de la société en France. Analyse et propositions pour une politique nouvelle*. – P., 1982. – P. 23; Тихвинский, С.Л. *Итоги XIX-го международного конгресса исторических наук в Осло / С.Л. Тихвинский // Новая и новейшая история*. – №1. – 2000.

15. Проводится уже более 15 лет. European Science Foundation. EUROCORES Programme. *Consciousness in a Natural and Cultural Context (CNCC)*. Call for Outline Proposals. www.esf.org/cncc – May, 12, 2006.

16. Розов, Н.С. «Спор о методе», школа «Анналов» и перспективы социально-исторического познания / Н.С. Розов // *Общественные науки и современность*. – 2008. – № 1. – С. 145 – 155.

17. Афанасьев Ю. Западная рационалистическая традиция. Понятие «гуманитарность». *Русская университетская традиция*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – www.yuri-afanasiev.ru/articles/books_1999_11.htm – May, 12, 2006.

18. Черных, А.И. *Историческая социология на Западе (конец XX в.)*. Историческая социология / А.И. Черных. – М., 2002. – С. 91.

19. В ее основу положены идеи географии Видаля де Лаблаша, социологии Э.Дюркгейма, учения К.Г.Юнга о коллективном бессознательном и др.

20. Данное направление получило свое развитие благодаря т.н. третьему поколению школы «Анналов»: Ж.Дюби, Р.Мандру, М.Ферро, Ж. Ле Гофф, А.Бюрджер, Э.Ляруа-Лядюри и др.

21. Основателем данного направления считается итальянский историк Карло Гинзбург, который в качестве метода научного познания выдвинул так называемую «уликовую парадигму».

22. Под несомненным влиянием британской школы культурной антропологии и структурной антропологии К.Леви-Строса.

23. См. подробнее: Костюченко Л.Г. *Методология и методы качественных исследований личности в социологии*. Электронная библиотека Социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – <http://lib.socio.msu.ru> – Дата доступа: 16.06.2012.

24. Amir, D., Remennick, L. and Elimelech, Y. *Educating Lena: Women Immigrants and Integration Policies in Israel: The Politics of Reproduction and Family Planning*. In: Lewin-Epstein, N. (ed.), *Russian Jews on Three Continents*. – London, 1997. – P. 495 – 509; Ben-David, A. and Lavee, Y. *Migration and Marital Distress: The Case of Soviet Immigrants*. – *Journal of Divorce and Remarriage* 21, 3/4 (1994). – P. 133 – 146; Fitzgerald, L.F. *Sexual Harassment: Violence against Women in the Workplace*. – *American Psychologist* 48, 10 (1993). – P. 1070 – 1076; Hartman, H. *Economic and Familial Roles of Women in Israel*. In: Azmon, Y., Izraeli, D.N. (eds.), *Women in Israel: Part II – Women at World*. New Brunswick:

1993. – P. 135 – 146; Israel Women's Network. A Position Paper and Discussion on the Problem of Women Trafficking from Eastern Europe to Israel. Jerusalem: 1997; Hirschberg, P. A Blind Eye to Sexual Harassment // *The Jerusalem Report*. – January 26. – 1995; Naon, D., King, Y. and Habib, J. Resettling Elderly Soviet Immigrants in Israel: Family Ties and the Housing Dilemma. – *Journal of Psychology and Judaism* 17, 4 (1993). – P. 299 – 313; Okun, B.S. Family Planning in the Jewish Population of Israel. – *Studies in Family Planning* 28, 3 (1997). – P. 215 – 227; Rajzman, R. and Semyonov, M. Double Disadvantage and Triple Disadvantage among Recent Immigrant Women in the Israeli Labor Market // *Gender and Society* 11, 1 (1995). – P. 108 – 125; Remennick, L.I., Amir, D., Elimelech, Y., Novikov, Y. Family Planning Practices and Attitudes among former Soviet New Immigrant Women in Israel // *Social Science and Medicine* 41, 4 (1995). – P. 569 – 577; Remennick, L.I. Women with a Russian Accent in Israel: On the Gender Aspects of Immigration // *The European Journal of Women's Studies* 6, 4 (1999). – P. 441 – 461; Remennick, L.I., Segel, R. Socio-Cultural Context and Women's Experiences of Abortion: Israeli Women and Russian Immigrants Compared // *Culture, Health and Sexuality* 3, 1 (2001). – P. 49 – 66; Katsnelson, A. Belated Zionism: The Cinematographic Exiles of Mikhail Kalik. – *Jewish Social Studies – Vol. 14. – No. 3, Spring/Summer. – 2008 (New Series).* – P. 126 – 149.

25. Buckley, M. Victims and Agents: Gender in Post-Soviet States // *Post-Soviet Women: From the Baltic to Central Asia*. – Cambridge, England: 1997. – P. 3 – 16; IMIA – Israel Ministry of Immigrant Absorption. Immigration and Absorption: 1989–1999. Jerusalem: 2000; Tolts, M. The Interrelationship between Emigration and the Socio-Demographic Profile of Russian Jewry // Lewin-Epstein, N. Ro'i, Y., Rittrband, P. (eds.), *Russian Jews on Three Continents*. – London, 1997. – P. 147 – 176.

26. Rajzman, R., Semyonov, M. Double Disadvantage and Triple Disadvantage among Recent Immigrant Women in the Israeli Labor Market // *Gender and Society* 11, 1 (1995). – P. 108 – 125; Lithwick, I., Habib, J. Absorption of Immigrants from the Former Soviet Union into the Labor Force (Hebrew). – Jerusalem, 1996.

27. Hartman, H. Economic and Familial Roles of Women in Israel // Azmon, Y. and Izraeli, D. N. (eds.), *Women in Israel: Part II – Women at World*. – New Brunswick: 1993. – P. 135 – 146; Remennick, L.I. Women with a Russian Accent in Israel: On the Gender Aspects of Immigration // *The European Journal of Women's Studies* 6, 4 (1999). – P. 441 – 461; Okun, B. S. Family Planning in the Jewish Population of Israel. – *Studies in Family Planning* 28, 3 (1997). – P. 215 – 227.

28. Maddock, J.W., Hogan, M.J., Antonov, A.I., and Matskovsky, M.S. (eds.), *Family life before and after Perestroika: Russian and American perspectives*. – New York: Guilford Publications, 1994; Remennick, L.I. and Segel, R. Socio-Cultural Context and Women's Experiences of Abortion: Israeli Women and Russian Immigrants Compared // *Culture, Health and Sexuality* 3, 1 (2001). – P. 49 – 66; Fitzgerald, L.F. Sexual Harassment: Violence against Women in the Workplace. – *American Psychologist* 48, 10 (1993). – P. 1070 – 1076.

29. Ben-David, A. and Lavee, Y. Migration and Marital Distress: The Case of Soviet Immigrants // *Journal of Divorce and Remarriage* 21, 3/4 (1994). – P. 133 – 146; Maddock, J.W., Hogan, M.J., Antonov, A.I., and Matskovsky, M.S. (eds.), *Family life before and after Perestroika: Russian and American perspectives*. – New York: Guilford Publications, 1994.

30. Amir, D., Remennick, L and Elimelech, Y. Educating Lena: Women Immigrants and Integration Policies in Israel: The Politics of Reproduction and Family Planning // Lewin-Epstein, N., Ro'i, Y., Rittrband, P. (eds.), *Russian Jews on Three Continents*. – London: 1997, P. 495 – 509.; Hartman, H. Economic and Familial Roles of Women in Israel // Azmon, Y. and

Izraeli, D. N. (eds.), *Women in Israel: Part II – Women at World*. – New Brunswick, 1993. – P. 135 – 146.

31. Wexler Katsnelson, A. Belated Zionism: The Cinematographic Exiles of Mikhail Kalik. – *Jewish Social Studies*. – Vol.14. – No. 3, Spring/Summer. – 2008 (New Series). – P. 126 – 149.

32. 16. Розов, Н.С. «Спор о методе», школа «Анналов» и перспективы социально-исторического познания / Н.С. Розов // *Общественные науки и современность*. – 2008. – № 1. – С. 154 – 155.

33. Вебер, М. Основные социологические понятия / М. Вебер // *Западноевропейская социология XIX – начала XX веков*. – М.: Междунар. ун-т бизнеса и управления, 1996. – С. 455 – 491.

34. Розов, Н.С. Историческая макросоциология: Становление, основные направления исследований и типы моделей / Н.С. Розов // *Общественные науки и современность*. – 2009. – № 2. – С. 151 – 161; Розов, Н.С. Историческая макросоциология: Методология и методы / Н.С. Розов. – Новосибирск: НГУ, 2009.

35. Carter, E., Donald, J. and Squiers, J. *Space and Place: Theories of Identity and Location*. – London: Lawrence & Wishart, 1993; Buttimer, A., Seamon, D. *The Human Experience of Space and Place*. – New York: St. Martin's Press, 1980; Cornell, S.E. and Hartman, D. *Ethnicity and Race: Making Identities in a Changing World*. – Thousand Oaks, Calif.: Pine Forge Press, 1998; Creswell., G.W. *Research Design: Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approaches* (2nd. ed.). – Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications, 2003; Denzin, N. K. and Lincoln, Y.S. *Strategies of Qualitative Inquiry*. – Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications, 1998; Giddens, A. *The Nation State and Violence*. – Los Angeles, CA: University of California Press, 1991; Giddens, A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. – Stanford, California: Stanford University Press, 1991; Giddens, A. *Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives*. – New York: Routledge, 2000; Servaes, S. and Lie, R. *Media and Politics in Transition: Cultural Identity in the Age of Globalization*. – Leuven: Acco, 2000; Appadurai, A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. – Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1998; Appadurai, A. *Globalization*. – Durham, NC: Duke University Press, 2000; Cohen, R. *Global diasporas*. – London, UCL Press, 1997; Manning, P. *Migration in world history*. – Routledge, 2005; Laitin, D. *Identity in Formation: The Russian-Speaking Population in the Near Abroad*. Ithaca. – NY: Cornell University Press, 1998; Levi, S., Levinsohn, H. and Katz, E. *Beliefs, Observations and Social Interaction Among Israeli Jews*. – Jerusalem: The Louis Guttman Institute, 1993 etc.

36. Anteby-Yemini, L. and Berthomière, W. *Diaspora: A Look Back on a Concept 1*. This paper is a short version of the introduction of the book edited by Lisa Anteby, William Berthomière and Gabriel Sheffer, 2000 ans de diasporas, Rennes : Presses Universitaires de Rennes, 2005

37. From Israeli Hegemony to Diaspora Full Autonomy: the Current State of Ethno-National Diasporism And the Alternatives Facing World Jewry // Troen, I. (ed), *Jewish Centers and Peripheries. European Jewry between America and Israel. Fifty Years after World War II*. – New Brunswick :Transactions, 2002; Cohen, R. *Global Diasporas: An Introduction*. – London :UCL Press, 1997. – P. 29 – 40; Cohen, R. *Diasporas, the Nation-State and Globalization // Global History and Migrations*. – Boulder, Westview Press, 1997; Safran, W. *Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return, Diasporas*. – Vol. 1. – No.1. – 1991; Safran, W. *The Jewish Diaspora in a Comparative and Theoretical Perspective*. – *Israel Studies*. – Vol. 10. – No. 1, Spring. – 2005. – P. 36 – 60; Van Hear, N. *New Diasporas: The*

Mass Exodus, Dispersal and Regrouping of Migrant Communities. – London, UCL Press, 1998 etc.

38. Sheffer, G. Is the Jewish Diaspora Unique? Reflections on the Diaspora's Current Situation. – *Israel Studies* 10 (1, Spring). – P. 1 – 35; Ben-Rafael, E., Lyubanksy, M., Glockner, O., Harris, P., Israel, Y., Jasper W. and Shoeps, J. Building a Diaspora: Russian Jews in Israel, Germany, and the USA. – Leiden, NL, Brill, 2006; Safran, W. The Jewish Diaspora in a Comparative and Theoretical Perspective. – *Israel Studies* – Vol. 10. – No. 1, Spring. – 2005. – P. 36 – 60; Ben-Rafael, E. and Peres, Y. Is Israel One? Religion, Nationalism, and Multiculturalism Confounded. – Leiden, NL, Brill, 2005; Chlenov, M.A. Patterns of Jewish Identity in the Modern World. *Midstream, A Monthly Jewish Review*. September/October. 2000 Feature; Markowitz, F. Israelis with a Russian Accent // *The Jewish Journal of Sociology*. – Vol. 35. – No. 2, December. – 1993. – P. 97 – 114; Markowitz, F. Criss-Crossing Identities: The Russian Jewish Diaspora and the Jewish Diaspora in Russia. – *Diaspora*. – Vol. 4. – No. 2. – 1995. – P. 201 – 210; Бен-Рафаэль, Э. Самоидентификация различных социальных групп в современном израильском обществе / Э. Бен-Рафаэль // *Общество и политика современного Израиля* / под ред. А. Эпштейна и А. Федорченко. – Москва-Иерусалим: Мосты культуры, 2002; Кайзер, М. Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) / М. Кайзер, О. Бредникова // *Миграция и национальное государство* / под ред. Т. Бараулина, О. Карпенко. – СПб.: ЦНСИ, 2004. – С.133 – 134.

39. Goldscheider, C. Creating a new society: immigration, nation-building, and ethnicity in Israel. – *Harvard International Review*. – Sunday, March 22 1998.

Беленькая Лилия Леонидовна, кандидат исторических наук, доцент, Тель-авивский университет.

Зингер Борис, кандидат исторических наук, Тель-авивский университет.

УДК 94 (3)

Г.В. Васюк

ВИЗАНТИЯ И ЗАПАД В X ВЕКЕ

В настоящее время наблюдается повышение внимания научной общественности к истории Византийской империи. Западноевропейское и американское византиноведение после Второй мировой войны отказалось от старых традиций и подходов к истории Византии, которые сформировались в начальный период Нового времени и наиболее ярко представлены в творчестве выдающегося английского историка Э.Гиббона. Негативная оценка истории Византии как застойной и полной религиозного фанатизма сменилась углубленным изучением её богатейшего духовного наследия, очень важного для разработки путей выхода человечества из кризиса.

Значительно в последнее время обновляется и российское византиноведение. В конце 90-х годов XX – начала XXI века российскими исследователями издан ряд важных работ, по-новому объясняющих

византийскую историю, в российскую историческую науку возвращаются незаслуженно забытые имена и труды русских дореволюционных византистов.

Одним из актуальных вопросов, дискутируемым в современном российском византиноведении, является вопрос об отношениях Византийской империи со странами Западной Европы. Данная проблема в современной российской историографии рассматривается в различных ракурсах: военного и внешнеполитического противостояния и сотрудничества, торговли и культурного обмена и т.д. Значительное место в ней занимает цивилизационное столкновение православной Византии, а затем России как её наследницы и латинского Запада. Достаточно вспомнить какой широкий резонанс в различных кругах российского общества и за рубежом имел фильм «Гибель империи. Византийский урок».

Попытка создателей фильма обвинить исключительно Запад в разрушении Византийской империи и её подчинении турками-османами нашла как своих противников, так и сторонников. В дискуссии принял участие один из крупнейших современных византистов России С.П.Карпов. Он, в частности, сказал, что «Запад совсем не приветствовал крах Византии. ... На мой взгляд, Восток повинен в гибели Византии больше, нежели Запад» [5].

В мае 2004 года в Москве прошла XVII Всероссийская сессия византистов под названием «Византия и Запад», посвящённая 950-летию схизмы христианской церкви и 800-летию захвата крестоносцами Константинополя. На сессии с докладами по различным аспектам отношений Византии и Запада выступил широкий круг учёных, представленный тремя центрами византиноведения современной России (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург) [4].

В настоящей статье рассматривается проблема взаимоотношений Византии и Запада в X веке. Данное время не отмечено серьёзным военным противостоянием Западной Европы и Византии. Не было и идеологического противостояния, которое окончилось в IX веке столкновением константинопольского патриарха Фотия с римскими папами. Современный российский исследователь полемических споров между западным и восточным духовенством в IX – XII вв. А.В.Бармин даже дал одной из глав своего труда, посвящённой X-первой половине XI века, название «Долгое затишье» [1, с. 5].

В X веке Византийская империя выходит из кризиса, начинает вести активную внешнюю политику. Расцвет империи связан с правлением Македонской династии. Императорам этой династии удалось обуздать своеволие крупной знати, поднять экономику страны, организовать боеготовую армию, отвоевать важные в стратегическом отношении территории на восточных и северных границах. Достаточно указать, что на востоке византийцы продвинулись в район Верхней Месопотамии, а также в район Сирии и Палестины, создав благоприятные условия для наступления на

Иерусалим. На севере византийский император Василий II Болгаробойца после долгой борьбы в начале XI века разгромил Болгарское царство, и граница империи на Балканах как в старые времена стала снова проходить по Дунаю.

В период Македонской династии достигает расцвета утончённая византийская культура. Культурный подъём в Византии в данный период получил название «македонского возрождения». Термин несколько условный, поскольку на протяжении всей истории Византийской империи античные культурные традиции никогда не угасали.

Таким образом, в X веке Византийская империя вновь становится мощной и влиятельной силой как на Востоке, так и на Западе. Империи стремятся подражать, её помощи и заступничества просят различные страны и народы.

В этот же период «... византийская цивилизация по большинству параметров превосходила западноевропейскую. Философия, общественная и политическая мысль, наука, образование, искусство – это области, где Византия в то время, безусловно «задавала тон» [10, с.107].

Западная Европа в X веке отставала в своём развитии от Византийской империи. В политическом плане, после 843 года здесь фактически прекратила своё существование Империя, созданная Карлом Великим, власть его наследников всё слабела. Как отмечает Ле Гофф: «Благодаря этому магнаты с большой лёгкостью захватывали земли, утверждали своё экономическое могущество и на этом основании присваивали публичную власть» [7, с.51].

Со второй половины IX века в кризисе находится и папство, главный духовный институт Западной Европы. Папы становятся зависимыми от знатных семейств города Рима. В результате на престол попадают недостойные люди, заботящиеся не о пастве, а преследующие собственные выгоды, ведущие светский образ жизни. Как отмечает Ги Бедуэлл: «...Церковь если не формально, то фактически, оказалась в вассальной зависимости от светской власти» [2 с, 85].

В X веке в Западной Европе постепенно угасает импульс Каролингского возрождения. Многие очаги интеллектуальной жизни прекращают своё существование, резко уменьшается количество образованных людей. Интеллектуалов, знающих язык византийской элиты (аттический диалект греческого), в Западной Европе в это время трудно найти.

Определённый подъём в Западной Европе наблюдается лишь со второй половины X века. Связан он с попыткой новой организации западноевропейского христианского мира, предпринятой германскими королями Саксонской династии. Решающий шаг в данном направлении был сделан во время правления в Германии Оттона I. В 962 году он провозгласил создание Священной Римской империи. Данное решение мотивировалось идеей *translatio imperii*, то есть её переноса от народа римлян к народу франков, а затем к народу саксов. Саксы отныне становились имперским народом, на них

как бы переходило величие древних римлян, что хорошо просматривается в «Саксонской истории» Видукинда Корвейского.

Первоначальная реакция Византии на коронацию Оттона I имперским титулом в источниках не прослеживается. Можно предположить, что правитель Германии уступил василевсу. Возможно, по этому вопросу Оттон I провёл переговоры с византийским императором [3, с. 94]. Кроме того, Оттон I «видел в своей империи, как и Карл Великий, лишь империю франков, ограниченную странами, где он признан королём» [7, с. 53]. В таком качестве император Священной Римской империи до определённой степени был терпим византийцами.

Однако признать его равным византийский император не мог. Ещё в V веке византийские писатели начинают формировать идею об исключительности Византийской империи как единственной наследницы древнего Рима. Как указывает А.А.Чекалова, в VI веке «у Прокопия Кесарийского тема *translatio imperii* получает своё завершение. Для него Византия и есть Римская империя, а западное государство – это Италия, романское население которой он называет италийцами. Слово «римляне» в применении к Западу используется Прокопием либо по отношению к жителям города Рима, либо как историческое обозначение римлян до свержения Ромула Августула» [11, с.170].

В середине X века идея об исключительности Византийской империи прослеживается в труде императора Константина Багрянородного «Об управлении империей». Глубокую характеристику данному труду дал известный российский византист Г.Г.Литаврин. Он отмечал, что империя в представлении Константина Багрянородного – «мировой корабль», император – неограниченный повелитель, наделенный высшими добродетелями («Христос среди апостолов»), Константинополь – «царица городов и всего мира». Культ служения империи, единственной и божественной, – главный нравственный принцип, определяющий поведение ромеев, будь они «из повелевающих или из подчиненных». Развиваемые Константином Багрянородным идеи – не только политическая доктрина и учение об императорской власти, но и теория нравственных ценностей верноподданного византийца и катехизис его поведения. Окружающие империю народы с точки зрения этой доктрины рассматриваются лишь как «полезные» или «вредные» для империи [8].

Столкновение Оттона I с Византией первоначально было не из-за принятия им императорского титула, а из опасения византийцев потерять свои владения в Южной Италии. Кроме того, германский король и император стремился породниться с византийскими правителями, чтобы в наследниках Саксонской династии текла порфирородная кровь. С этой целью и было задумано посольство в Константинополь в 968 году, во главе которого был поставлен епископ Кремоны Лиутпрандт.

Кремонский епископ одна из выдающихся личностей X века. Его труды – интереснейший источник по истории Западной Европы, Византии и восточных славян. Лиутпранд был весьма талантливым и образованным человеком. Особенно это бросалось в глаза на фоне общего интеллектуального и духовного кризиса в тогдашней Западной Европе. Епископ Кремоны, непосредственно принимал участие в важных политических событиях. По поручению Оттона I он в 968 году отправился с посольством в Константинополь ко двору императора Никифора Фоки. Целью посольства было сватовство сына правителя Германии Оттона II на византийской принцессе Анне, дочери византийского императора Романа II. Результатом выполнения данного дипломатического поручения стал труд Лиутпрандта «Отчёт о посольстве в Константинополь» [9].

Отношение к этому источнику у историков было неоднозначное. Длительное время «Отчёт о посольстве в Константинополь» считали целиком недостоверным, пасквилем на византийскую действительность. Однако, как отмечается во «Введении» к первому наиболее полному изданию на русском языке трудов Лиутпрандта: «Сегодня исключив грубейшие искажения, учёные дали работе скорее позитивную оценку, благодаря обилию в ней драгоценнейших подробностей» [9, с. 9].

«Отчёт о посольстве в Константинополь» ценен в качестве источника, хорошо показывающего, как византийцы и западноевропейцы воспринимали друг друга в X веке. Посольство Лиутпрандта в Константинополь было неудачным, поскольку император Никифор Фока не мог пойти на передачу Оттону II в качестве приданого византийских южноитальянских владений. Кроме того, византийцы заподозрили посла Священной Римской империи в попытках установить связи с группировкой византийской знати, враждебной Никифору Фоке. В результате Лиутпранд Кремонский был принят весьма холодно и поставлен под жёсткий контроль.

Он пишет, что «нас заперли в доме, довольно большом и открытом, который не защищал ни от холода, ни от жары. Вооружённые воины были поставлены на страже и запрещали моим людям выходить оттуда, а всем остальным туда входить. ... В доме не было воды и только за деньги мы могли купить воду, чтобы утолить жажду» [9, с. 125].

Затем последовал приём посольства сначала у курополата Льва. Первоначально стороны спорили об императорском титуле. Высокий византийский сановник назвал Оттона I королём, что весьма оскорбило Лиутпрандта. Затем последовал приём посольства у императора Никифора Фоки.

Лиутпранд даёт весьма негативную характеристику Никифору Фоке: «... Довольно нелепому человеку, пигмею с тупой головой и маленькими, как у кролика глазками; короткая, широкая и густая с проседью борода, а также шея в палец с высотой уродовали и безобразили его; мохнатый из-за обильно

растущих волос, цветом кожи – эфиоп, «с которым не захочешь повстречаться среди ночи», он имел одутловатый живот и тощий зад; бёдра сравнительно с его малым ростом были слишком длинны, а голени – слишком коротки, пятки и стопы – соразмерной длины; одет он был в роскошное платье, но слишком старое и от долгого употребления зловонное и тусклое, обут в сикионские башмаки; дерзкий на язык, с лисьими повадками, по вероломству и лжи – истинный Улисс» [9, с. 126].

На приёме у Никифора Фоки посольство Оттона I рассмотрело вопрос о византийских владениях в Италии. Правитель Византии обвинил германские войска в насилиях в Риме и стремлении подчинить Южную Италию. Споры продолжились во время пира у византийского императора. Разговор зашёл о воинской доблести византийцев и германцев. Никифор Фока сказал, что воины германского императора «... не умеют ездить верхом, пехота не умеет сражаться, величина щитов, тяжесть доспехов, длина мечей и бремя шлемов не позволяют им вести бой ни тем, ни другим способом». ... «Мешает им также gastrimargia, то есть ненасытность чрева: их – чрево, отвага – хмель, храбрость – пьянство; их пост – слабость, воздержанность – трепет. На море у твоего государя ничтожное количество судов. Только я обладаю сильным флотом...» [9, с. 129]. В конце своей речи император Никифор Фока сказал, что государство Оттона I не являются римским. «Вы не римляне, но лангобарды» [9, с. 130].

Возмущённый Лиутпрандт ответил: «Летопись повествует, что Ромул, братоубийца, от кого и получили римляне своё имя, был порниогенитом, то есть рождённым от разврата; он то и построил себе убежище, куда стал принимать неисправимых должников, беглых рабов, убийц, которые за свои проступки заслуживали смерти. И множество им подобных, и назвал их римлянами; от такого-то благородства и ведет свой род те. Кого вы называете космократорами, то есть императорами. Мы же, то есть лангобарды, саксы, ранки, лотарингцы, бавары, швабы и бургундцы, настолько их презираем, что в гневе зовём наших врагов не иначе как «римляне». Однако этим именем, то есть именем «римляне» мы обозначаем всякую низость, трусость, алчность, изнеженность, лживость, словом любой из пороков» [9, с. 130].

Споры продолжались и в другие дни. Византийские дипломаты потребовали за брачный союз Оттона I с порфирородной принцессой Рим и Равенну с прилегающими территориями, ибо «неслыханное дело, чтобы порфиригенитапорфиригенета, то есть багрянородная дочь багрянородного императора, соединилась браком с чужеземцем» [9, с. 131]. В результате переговоры не привели к положительному результату.

Византийцы также ни с чем оставили и посольства папы Иоанна XIII. Папа в письме просил Никифора «греческого» императора «...установить с его возлюбленным духовным сыном Оттоном, августейшим римским императором, надёжную и крепкую дружбу» [9, с. 141].

Папское послание было встречено весьма холодно. Византийцы возмущались, что папа посмел «...назвать вселенского римского императора, августа, великого, единственного Никифора, греческим императором, а варварского, нищего человека – римским» [9, с. 141].

На обратном пути посольство Оттона I было подвергнуто таможенному досмотру. В результате, как пишет Лиутпрандт: «...Они забрали у меня 5 пурпурных нарядов, заявив, что вы, а также все итальянцы, саксы, франки, бавары, швабы, более того, все народы, украшенные такого рода одеждami, недостойны их носить» [9, с. 143].

Негодование Лиутпрандта не было пределов. Он сообщает в отчёте: «Как это гнусно, как оскорбительно, что эти изнеженные, женоподобные, носящие длинные рукава, тиары и теристры, лжецы, евнухи и праздные создания ходят в пурпуре, а герои, то есть храбрые, знающие военное дело мужи, полные веры и любви, преданные Богу, исполненные достоинств, – нет!» [9, с. 143].

Неудача посольства епископа Кремоны привела к возобновлению военных действий в Южной Италии между войсками Византии и Священной Римской империи. Ситуация приняла новый оборот лишь после кончины в 969 году императора Никифора Фоки. Его преемник Иоанн Цимисхий в силу ряда внутренних и внешних причин был заинтересован в мирных отношениях с Оттоном I.

В 972 году было достигнуто соглашение между восточным и западным императорами. Оттон I отказался в Италии от притязаний на Апулию, но сохранил за собой Капую и Беневенто. Наконец-то был решен и давний вопрос о женитьбе Оттона II на византийской принцессе. Иоанн Цимисхий прислал не порфирородную Анну, а свою племянницу Феофано, которая не была порфирородной. Однако возражений со стороны Оттона I не последовало [3, с. 96]. С этого момента в Священной Римской империи начинает распространяться блестящая византийская культура. «Вторая половина X века в империи Оттонов проходит под знаком усиления византийского культурного влияния» [10, с. 117].

Особенно заметно византийское влияние на разные области жизни этого государства в период правления сына Феофано и Оттона II – Оттона III. Благодаря Феофано к германскому императорскому двору прибыли учёные-греки. Византийцы основали монастырь Буртшайд, греческие учёные и переписчики обосновались в монастыре Рейхенау. Наставником Оттона III был учёный Герберт, впоследствии папа Сильвестр II. Он был знатоком греческой и арабской науки о числах [10, с. 118].

Оттон III во всём подражал византийским императорам. Его двор полностью копировал ритуалы византийского двора. Одежда германского императора создавалась в полном соответствии с одеждami византийского императора. «Корона императоров Священной Римской империи представляла

собой комбинацию двух византийских парадных головных уборов – диадемы, возлагавшейся на восточных императоров у алтаря патриархами Константинополя, и короны, впервые возложенной Константином I Великим на голову его сына Константина II. Коронация германских (а прежде – франкских) императоров, как в Византии, предварялась помазанием на царство» [10, с. 135].

О доминировании византийских политических и культурных традиций в Западной Европе в конце X века пишет и крупнейший современный медиевист Жак Ле Гофф. Он считает, что «византийское влияние было весьма ощутимо при дворе Оттона III, и христианская Европа тысячного года еще не оторвалась от Византии и от греческого православного мира» [6, с. 80].

Таким образом, можно утверждать, что в X веке, несмотря на противоречия в отношениях, негативных стереотипах восприятия Византии и Запад нуждались друг в друге и ощущали единство. Как справедливо отметили В.И.Уколова и О.Р.Бородин: «При всей сложности культурных, конфессиональных и в особенности политических взаимоотношений византийского Востока и латинского Запада они существовали, обогащая друг друга, как две подсистемы – христианской средневековой цивилизации» [10, с. 139].

Список литературы

1. Бармин, А.В. Полемика и схизма. История греко-латинских споров IX – XII веков / А.В. Бармин. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. – 648 с.
2. Бедуелл, Ги. История церкви / Ги Бедуелл. – М.: «Христианская Россия», 1996. – 298 с.
3. Бульст-Тиле, Мария Луиза. Священная Римская империя: эпоха становления / Мария Луиза Бульст-Тиле, Карл Йордан, Йозеф Флекенштейн – СПб: Евразия, 2008. – 480 с.
4. Византия и Запад (950-летие схизмы христианской церкви, 800-летие захвата Константинополя крестоносцами). Тезисы докладов XVII Всероссийской научной сессии византинистов. – М.: ИВИ РАН, 2004. – 176 с.
5. Карпов, С.П. Восток повинен в гибели Византии больше, нежели Запад / С.П.Карпов // Итоги [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://itogi.ru/obsch/2008/9/4062/html>. – Дата доступа: 11.07.2012.
6. Ле Гофф, Жак. Рождение Европы / Жак Ле Гофф. – СПб: ALEXSANDRINA, 2008. – 398 с.
7. Ле Гофф, Жак. Цивилизация средневекового Запада / Жак Ле Гофф. – М.: Издательская группа Прогресс. Прогресс – Академия, 1992. – 376 с.
8. Литаврин, Г.Г. Введение / Г.Г. Литаврин, А.П. Новосельцев // Константин Багрянородный. Об управлении империей // Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. – 2012 – Режим доступа: http://krotov.info/acts/10/porfrog/konst_03.html. – Дата доступа: 06.07.2012.

9. Лиутпранд, Кремонский. Антаподосис; Книга об Оттоне; Отчёт о посольстве в Константинополь / Кремонский Лиутпрандт. – М.: «SPSL» – «Русская панорама», 2006. – 192 с.

10. Уколова, В.И. Византия и Запад: Культурные отношения в VII – XII вв. / В.И. Уколова, О.Р. Бородин // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. – СПб.: Издательство «Аптеция», 1999. – С. 107

11. Чекалова, А.А. Запад и Восток в представлении ранневизантийских авторов / А.А. Чекалова // Византия и Запад (950-летие схизмы христианской церкви, 800-летие захвата Константинополя крестоносцами). Тезисы докладов XVII Всероссийской научной сессии византинистов. – М.: ИВИ РАН, 2004. – С. 168 – 170.

Васюк Геннадий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории факультета истории и социологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

УДК 94 (5)

А.Г. Устогова

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобализация как особая фаза международных отношений стала в XXI в. необратимым процессом, определяющим все остальные тенденции. Ее противоречивые последствия проявляются в регионализации, порождающей создание нескольких конкурирующих и взаимодействующих группировок, определяющих многополюсный характер мировой системы. Как результат раскола мира на крупные сегменты в глобализации появился и геополитический элемент, хотя ранее она воспринималась как аполитичный феномен, нейтральный и ведущий к мирным международным отношениям. Быстрый рост новых глобальных и региональных держав с Китаем и Индией во главе явился результатом и прямым следствием глобализации. Несмотря на кризисы и конфликты, центр мирового экономического и политического развития благодаря демографическим, технологическим и геополитическим сдвигам в ближайшие десятилетия будет медленно, но верно перемещаться с Запада на Восток (в Японию, к «тиграм» Восточной Азии, в Китай и Индию). Тем самым глобализация приобретает отчетливые азиатские черты, а Азия стала рассматриваться как воплощение угрозы.

Трансформации, происходящие в Азии, свидетельствуют о том, что региональная структура там также претерпевает значительные изменения. Здесь складываются два заметных региона, которые заслуживают самостоятельного анализа – Большой Ближний Восток и Большая Восточная Азия, включающая географические регионы Центральной, Южной, Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии [1]. Менее распространенной является

идея Большой Южной Азии, которая подразумевает соединение пространства от Юго-Восточной Азии до Ближнего Востока.

Интеграционные процессы в Восточной Азии начались гораздо позднее других регионов мира. Формирование региона активизировалось с рубежа 1990 – 2000-х годов. Согласно данным Азиатского банка развития, количество интеграционных объединений здесь возросло с 3 в 2000 г. до 54 в 2007 г., из них 40 объединений реально функционируют, еще 78 соглашений находятся в стадии переговорного процесса [2, с. 37]. Наиболее активны в создании региональных интеграционных объединений Сингапур (18 соглашений), Япония (11) и Китай (10). В 2000-е годы экономика Восточной Азии является самой быстрорастущей, а регион превратился в один из ведущих центров мира. Немаловажная роль США в этом процессе состоит в том, что они раскрыли над ним зонтик безопасности, под которым его страны могли сосредоточиться на своем социально-экономическом развитии. Особенностью региона является динамизм нынешней международной обстановки здесь, одновременное проявление как центробежных, так и центростремительных тенденций, что в совокупности формирует состояние подвижности и неустойчивости.

Вокруг южной части этого региона – Юго-Восточной Азии (ЮВА) – концентрируются все интеграционные процессы в Восточной Азии. Ныне здесь энергично идет становление и новой региональной идентичности, цивилизации, что взаимосвязано с глобализацией. Вьетнамцы, тайцы, филиппинцы и другие народы начинают идентифицировать себя не только со своей страной, но и с регионом. Тем самым они противопоставляют себя соседним Китаю и Индии, а также иным цивилизационным общностям. По мнению Д.В.Мосякова, выдвигающего концепцию изначального единства, несмотря на разнообразие народов, языков и религий, в ЮВА есть нечто общее, что связывает все проживающие здесь этносы [3, с. 6]. В 2007 г. в Хартии Ассоциации стран ЮВА (АСЕАН) даже была постулирована амбициозная заявка на формирование региональной идентичности.

Идея создания Восточноазиатского сообщества (ВАС) родилась на волне пережитых странами этого региона последствий валютно-финансового кризиса 1997 – 1998 г. Бездейственными оказались международные организации и региональная структура Форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Восточноазиатские страны рассчитывали с помощью ВАС обрести коллективный инструмент защиты своих национальных интересов.

Подлинным инициатором идеи ВАС была Южная Корея. Ее разделяли Япония, страны АСЕАН (Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд и Филиппины) и Австралия. Поддержал инициативу и Китай. К саммиту 2001 г. «АСЕАН + 3» (с Китаем, Японией и Республикой Корея) были подготовлены конкретные рекомендации по

сотрудничеству в шести областях: экономике, политике, безопасности, финансовой области, экологии, социальной и культурной сферах. Предлагалась поэтапная институционализация новой региональной структуры: эволюция саммита «АСЕАН + 3» в Восточноазиатский саммит (16 государств с Индией, Австралией и Новой Зеландией), а затем образование Восточноазиатского сообщества.

Однако, несмотря на одобрение проекта ВАС в 2002 г., осуществление его затянулось, поскольку обнаружилось отсутствие единства между странами-учредителями по вопросу ее состава. К моменту обсуждения формирования региональной структуры позиция Китая как претендента на роль регионального лидера укрепилась, а положение Японии – ослабело. Это способствовало появлению идеи создания Китаем под собственной эгидой региональной организации, которая была бы закрыта для участия в ней США. Однако у Японии существовал свой проект формирования региональной организации. В январе 2002 г. премьер-министр Японии Дз.Коидзуми провозгласил цель создания «сообщества, которое совместно действует и совместно добивается успеха». Этого предполагалось достичь на пути расширения сотрудничества в формате «АСЕАН + Япония». Членами организации могли стать Австралия и Новая Зеландия. Острое соперничество между Китаем и Японией как претендентами на лидерство в регионе, а также противодействие США, не заинтересованных в создании структуры, в которой их участие не предусматривается, задержало формирование ВАС.

В 2003 г. было принято решение о реализации амбициозного проекта по созданию АСЕАНовского сообщества как трех сообществ – экономического, политического и социокультурного.

К учредительному саммиту «Восточная Азия» обозначились серьезные разногласия между Китаем и Японией. Китайская сторона заявила, что формат ВАС должен рассматриваться внутри «АСЕАН + 3», то есть с участием 13 стран. По сути, он должен быть просто переименован в Восточноазиатский саммит и эти страны должны составить будущее ВАС. Японская сторона настаивала на целесообразности участия в обсуждении трех дополнительных стран (Индии, Австралии и Новой Зеландии), чтобы сделать саммит «Восточная Азия» более представительным, чем «АСЕАН + 3» и менее зависимым от Китая, претендующего на абсолютное лидерство. Наряду с этим Япония предлагала в состав ВАС и представителя США с совещательным голосом. Крайнее обострение китайско-японских отношений позволило провести учредительный саммит «Восточная Азия» лишь в декабре 2005 г. Региональная организация с широкими полномочиями – ВАС – объединила 16 стран (АСЕАН + 6), что было обусловлено высокой степенью их взаимозависимости в сфере торговли и необходимостью переориентации стран на ближайших партнеров в области энергетики.

Обсуждение вопросов формирования ВАС возобновилось в 2007 г. после нормализации отношений. Однако произошла фактическая легитимация сосуществования двух саммитов – «АСЕАН + 3» как промежуточного этапа на пути создания единой общерегиональной зоны свободной торговли и «Восточная Азия», каждый из которых принял свой итоговый документ. С 2011 г. число членов Восточноазиатского саммита увеличилось до 18 за счет присоединения России и США.

Основные документы по формированию на поэтапной основе АСЕАНовского сообщества – Стратегические рамки Инициативы по интеграции в АСЕАН на 2009-2015 гг. и Дорожная карта по формированию Сообщества АСЕАН на 2009 – 2015 гг. За пятилетие реализации Рабочего плана сотрудничества (2007 – 2017 гг.) АСЕАН + 3 превратилась из структуры, продвигающей исключительно финансовое сотрудничество, в объединение с широким кругом направлений деятельности, способное выступить основой для формирования полноценной интеграционной группировки [4, с. 35]. Наиболее перспективной сферой сотрудничества ВАС по-прежнему остается энергетика.

В настоящее время структуры АСЕАН + 3 и ВАС (АСЕАН + 6) функционируют параллельно, они взаимосвязаны и по-разному видят будущее интеграционных процессов в регионе. На первом этапе предполагается формирование Восточноазиатской зоны свободной торговли в составе 13 стран (АСЕАН + 3), на втором – подписание соглашения о сближении экономического партнерства между 16 странами (АСЕАН + 6) ВАС в целях создания Восточноазиатского экономического сообщества. На долю интеграционного объединения АСЕАН + 6 придется 26% мирового ВВП и 49,6% населения мира (3 млрд. чел.).

Ведущей концепцией сегодня считается модель АСЕАН + 3. Но и она, как и другие модели формирования Восточноазиатской зоны свободной торговли, не имеет в качестве основы политику объединения региона Восточной Азии, что было характерно для Европы после Второй мировой войны.

Центром экономической интеграции в Восточной Азии является АСЕАН. Закреплению принципа ее «центральности» способствовало также выдвижение в качестве формально необходимого критерия вступления в Восточноазиатский саммит наличие тесных экономических связей с АСЕАН и подписание Договора о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии. В активизации восточноазиатского регионализма большую роль играют соглашения о зонах свободной торговли (ЗСТ), подписанные АСЕАН с другими государствами региона. Первое соглашение было подписано в 2004 г. между АСЕАН и Китаем о торговле товарами. Соглашение между АСЕАН и Республикой Корея действует с июня 2007 г., для Таиланда – с 2009 г. В 2009 г. состоялось подписание соглашения с Австралией и Новой Зеландией, которое действует с 2010 г. для Австралии, Новой Зеландии и 7 стран АСЕАН (Брунея, Вьетнама, Малайзии, Мьянмы, Сингапура, Таиланда и Филиппин). В 2009 г.

вступило в силу соглашение о ЗСТ между АСЕАН и Японией, подписанное еще в 2003 г. С июня 2010 г. действует соглашение АСЕАН – Индия, пока в усеченном составе для Индии, Сингапура, Малайзии, Таиланда, Вьетнама и Брунея.

Вопрос о создании единой азиатской валюты (АКЮ) впервые стал предметом обсуждения в 2005 г. Мировой финансовый кризис 2008 – 2009 гг., внес в планы серьезные коррективы. АКЮ мыслится пока только как виртуальная валюта, курс которой определяется на базе всей корзины валют. Ее основная задача будет заключаться в том, чтобы обеспечить финансовые власти каждой из стран необходимыми ориентирами для корректировки курса собственной валюты. Потенциально государства региона могут ввести общую расчетную единицу, однако валютный союз Китая, Японии и Южной Кореи – дело не одного года. На пути экономической интеграции существуют многочисленные препятствия.

В последние годы отмечается усиление влияния Китая на интеграционный процесс в регионе, являющемся зоной его традиционных интересов. Он делает упор на углубление и расширение экономического сотрудничества с АСЕАН. Переход к более тесному взаимодействию обусловлен не только их географическим соседством, политическими факторами, историко-культурной общностью, но и взаимодополняемостью экономик. За 2000-2009 гг. товарооборот Китая и АСЕАН увеличился в 5,5 раза и в 2009 г. он впервые стал крупнейшим торговым партнером Ассоциации. В 2010 г. прирост товарооборота Китая со странами АСЕАН составил 40,6%, в 2011 г. – 23,9% [5]. Это превысило темпы роста китайского импорта и экспорта на 1,4% [6]. В апреле 2009 г. Китай объявил о создании Фонда инвестиционного сотрудничества в рамках АСЕАН + Китай. По инициативе Китая, в декабре 2009 г. Китай, Япония, Республика Корея и Гонконг подписали соглашение об учреждении совместного резервного фонда, предназначенного для финансовой поддержки стран, сталкивающихся с проблемами ликвидности.

1 января 2010 г. вступило в силу соглашение о зоне свободной торговли (ЗСТ) Китай – АСЕАН (10 + 1). Это первая для Китая, как и для АСЕАН, ЗСТ, являющаяся крупнейшей в мире по охвату населения – 1,9 млрд. чел. В настоящее время она функционирует для шести государств Ассоциации (Сингапур, Малайзия, Индонезия, Таиланд, Филиппины, Бруней) и Китая, а с 2015 г. данная мера распространится на Вьетнам, Лаос, Камбоджу и Мьянму. Китай и наиболее развитые страны АСЕАН полностью отменили таможенные пошлины во взаимной торговле, остальные страны – на 90% товаров, введены взаимные льготы на рынке услуг и в сфере инвестирования и т.п. Создание этой ЗСТ может способствовать быстрому перемещению китайской экономики на вторую позицию в мире и закреплению за ним статуса регионального лидера [7, с. 50].

Выгода от введения ЗСТ очевидна: Китай открывает свой необъятный рынок для сырья и сельхозпродуктов из стран АСЕАН, поставляя туда свои дешевые промышленные товары. Это – мера по стимулированию экономики Китая и стран АСЕАН, по защите их от глобальных катаклизмов. К тому же, ослабляется зависимость стран соглашения от рынков США и ЕС, обеспечивается большая защищенность от их протекционизма. Создана также предпосылка для постепенного ухода от долларовых расчетов, сделан шаг к превращению юаня в реальную, а в перспективе – в международную валюту. Ожидалось, что создание ЗСТ в формате АСЕАН + 1 придаст мощный импульс экономической интеграции в Восточной Азии, однако «грозы мирового рынка», как предсказывали эксперты, она не стала [8]. Соглашения пока удалось достичь только в сфере регулирования инвестиций.

Продолжается процесс формирования в регионе зон свободной торговли. В апреле 2012 г. принято решение к концу года начать переговоры о создании ЗСТ Япония – АСЕАН. Проект включает в себя все 10 стран АСЕАН и еще 6 стран в качестве противовесов КНР (Австралия, Индия, Китай, Новая Зеландия, Республика Корея, Япония). Одним из инициаторов этого проекта выступает Япония, весьма заинтересованная в расширении сотрудничества со странами АСЕАН, их стремительно развивающемся рынке, обеспечении своего экономического роста в связке с ними. Немаловажным здесь является и стремление не допустить усиления политического влияния Китая. Всего Японией подписано 13 соглашений со странами АТР об экономической интеграции, Китаем – 15.

Государства АСЕАН решают задачу создания к 2015 г. единого экономического Сообщества. Три ЗСТ стран АСЕАН (с Китаем, Японией, Республикой Корея) в дальнейшем смогут объединиться в одну большую, которая может стать основой ВАС в формате «10 + 3».

В XXI в. Восточная Азия вновь выходит на авансцену мировой политики как один из центров развивающейся геополитической борьбы. Именно здесь сегодня намечается процесс нового геополитического раскола мира и бескомпромиссного противостояния великих держав. Конкуренция в борьбе за влияние в регионе охватывает ныне практически все сферы – от военного противостояния и до экономических отношений. При администрации президента США Б.Обамы произошло полномасштабное их возвращение в регион [9, с. 2]. При этом, претендуя на положение господствующей в регионе силы, США больше уповают на традиционные методы – усиление своего военного присутствия и в меньшей степени на развитие многосторонних экономических, политических и культурных связей. Китай в настоящее время в меньшей степени обращает внимание на военную составляющую и больше – на экономическое проникновение и интеграцию, а также на политические и этнокультурные контакты.

Япония в гораздо большей степени, по сравнению с другими ведущими государствами, оказалась в перекрестке новейших тенденций мировой политики и экономики. Изменения в экономическом и стратегическом балансе сил в регионе, происшедшие к началу XXI в., потребовали от нее существенной корректировки своего традиционного подхода к Восточной Азии как к своему «заднему двору» [10, с. 58]. В реализации концепции ВАС под японским руководством и по японской же модели она видит кратчайший и наиболее рациональный путь к достижению своих стратегических целей. Япония традиционно участвует в борьбе за лидерство во всех действующих в регионе структурах экономической и политической интеграции. Исходя из складывающихся здесь новых реалий, она с 2007 г. проявила невиданную ранее активность и может рассматриваться как наступающая сторона [11, с. 33]. Токио проводит курс на укрепление всесторонних отношений со странами региона. Принципиальная позиция Японии, сформулированная в концепции «открытого регионализма», заключается в том, что сотрудничество должно осуществляться в интересах предотвращения регионального сепаратизма, то есть с упором на интересы глобального экономического сотрудничества. Поэтому возможность для восточноазиатской интеграции должна быть предоставлена для самого широкого круга участников, включая «периферийные», с географической точки зрения, страны.

Суть практической политики Японии заключается в том, чтобы активнее формировать в восточноазиатском регионе ЗСТ. Начиная с 2004 г., Япония проводит активный курс на создание ее путем заключения двусторонних, а в перспективе и многосторонних Соглашений о свободной торговле и Соглашений об экономическом партнерстве. Доминирующее положение занимает идея о приоритетном заключении многостороннего соглашения об экономическом партнерстве с АСЕАН, в чем ее, однако, опередил Китай. В 2008 г. японцы нанесли неожиданный удар по китайским планам расширения своего влияния в ЮВА. Токио выдвинул идею создания новой ЗСТ, которая выступила бы конкурентом активно продвигавшейся Пекином ЗСТ Китай-АСЕАН. Японцы предложили очертить границы новой зоны членами организации «Восточноазиатские саммиты». Этот проект поддержали Индия, которая также стремится найти свою нишу для расширения влияния в регионе, и Сингапур. Проводником японской политики в сфере валютно-финансовой интеграции в Восточной Азии выступает Азиатский банк развития.

В целом же роль Японии в Восточной Азии относительно снижается, хотя ее торговля с АСЕАН больше, чем у Китая. В восточноазиатском регионе схема «стаи летящих гусей во главе с Японией», существовавшая до конца 1980-х годов, уже сменилась на двухполюсную модель экономической интеграции с участием Японии и КНР. Причем впервые в истории и Япония, и Китай одновременно выступают как экономически сильные державы. Япония, оставаясь лидером региона в производстве и экспорте товаров с высокой

добавленной стоимостью, последние годы явно уступает Китаю по темпам экономического роста, разрыв в уровне их экономического развития стремительно сокращается. Отсюда и роль Японии в регионе имеет тенденцию к снижению. В результате Япония вынуждена догонять Китай, предлагая свои проекты соглашений с АСЕАН, Республикой Корея, КНР.

От состояния отношений между Китаем и Японией во многом зависит экономическая и политическая стабильность во всей Восточной Азии. В начале XXI в. они не отличались сбалансированностью, развиваясь по сценарию «в экономике – горячо, в политике – холодно» [12, с. 2]. В 2001 г. прервался политический диалог Токио – Пекин, который в 1990-е гг. носил регулярный характер. Разногласия вокруг целого ряда политических проблем обострились до такой степени, что стали угрожать развитию торгово-экономических и других связей. Возвращение отношений в нормальное русло произошло только в 2006 года, когда в отставку ушел кабинет министров во главе с Дз.Койдзуми. Под влиянием процессов глобального масштаба в китайско-японских отношениях обозначились новые тенденции, появились предпосылки для более тесного сотрудничества на региональном уровне. Произошло не только возвращение к диалогу, но впервые была достигнута договоренность о выстраивании «стратегических взаимовыгодных отношений». В мае 2008 г. было подписано Совместное японо-китайское заявление о «Всестороннем развитии взаимовыгодных отношений, основанных на общих стратегических интересах». По значимости этот документ квалифицируется в качестве «политического фундамента» развития двусторонних связей. Активным сторонником создания ВАС был премьер от Демократической партии Ю.Хатояма (2009 – 2010 гг.).

Перспектива преодоления японо-китайских разногласий вокруг формирования ВАС не могла не настораживать США. Эта региональная структура, в которой им не находится места, воспринимается в качестве возможного инструмента усиления позиций Китая в регионе, где у США сохраняются свои интересы. Поэтому японской стороне в 2010 – 2012 гг. приходилось неоднократно уточнять свой подход, ссылаться на неизменную важность союзнических отношений с США, подтверждать свою приверженность принципу «открытости» при создании ВАС. Таким образом, Япония, соглашаясь в принципе на ВАС, вынуждена проводить осторожную политику, лавировать между Китаем и США, фактически должна дать себе ответ на вопрос, кого из них выбирает в союзники. В этих условиях процесс создания ВАС по-прежнему сталкивается с трудностями.

Тем временем Китай, все более утверждаясь в роли регионального лидера, настойчиво стремится формулировать программу комплексного развития Восточной Азии, причем с привлечением Японии к более глубокому и широкому сотрудничеству. ВАС в перспективе должно стать основой китайско-японского сотрудничества. Один из его проектов – Восточноазиатское сообщество безопасности как новый и более широкий механизм для всей

Восточной Азии. С 1 июня 2012 г. обе страны начали прямую торговлю национальными валютами (юанями и иенами). Заключенные соглашения могут стать шагом не только к сближению двух стран, но и к ослаблению влияния США в АТР.

В последние годы Япония становится более зависимой от китайского рынка чем Китай от японского. Для Японии Китай стал главным торговым партнером, на долю которого приходится почти 20% японского внешнеторгового оборота [13]. В то же время в китайской внешней торговле Япония опустилась на третье место, уступив ЕС и США. Заметно растет и инвестиционная привлекательность КНР для Восточной Азии по сравнению с Японией. На восточноазиатские страны приходится две трети объема поступающих в Китай иностранных инвестиций и лишь 5% – в Японии. Экспорт японских инвестиций в страны региона также более чем скромнен и не превышает 20% общего вывоза капитала.

Появлению новых тенденций в отношениях между странами в последние годы способствовали и перемены глобального масштаба. При активном участии Китая вызревают предпосылки для перестройки всей системы международных отношений, что приведет к изменению отношений в геополитическом треугольнике Япония – Китай – США. Япония в целом воспринимает усиление Китая как потенциальную угрозу своим национальным интересам. В то же время она крайне заинтересована в том, чтобы избегать конфликтов со своим усиливающимся соседом. Наметившаяся тенденция постепенного изменения соотношения сил между США и Китаем в пользу последнего ставит перед японским руководством задачу просчитывать на перспективу отношения с каждой из этих двух держав. По-прежнему союзнические отношения с США остаются важнейшим внешнеполитическим приоритетом страны, однако актуальным становится и второй по значимости внешнеполитический приоритет Японии, направленный на тесную связь с возвышающимся Китаем.

Китайская сторона также намерена воспользоваться этой ситуацией в интересах политического сближения с Японией. По сравнению с японо-американским альянсом у них отсутствуют общая идеология и стратегия в сфере обеспечения безопасности, отношения не строятся на принципе «суверен – вассал», они ориентированы не на дружественные чувства, а на более прагматичные и равноправные отношения. Китай начинает целеустремленно выстраивать курс на вовлечение Японии в политическое сотрудничество по широкому кругу вопросов. Политическим подкреплением экономических договоренностей явились схожие их взгляды на северокорейскую проблему. После 2006 г. «стратегические взаимовыгодные интересы» являются переходной стадией к более высокому уровню отношений – стратегическому сотрудничеству. Общая стратегическая цель – способствовать развитию психологической совместимости двух народов,

продвижению двух стран от мирного сосуществования к совместному развитию, от взаимных стратегических интересов к стратегическому сотрудничеству. После предстоящего осенью 2012 г. обновления руководства КПК и КНР ее внешняя политика в Восточной Азии, скорее всего, будет развиваться в условиях дальнейшего роста китайского экономического и политического влияния. Экономическая интеграция Тайваня в КНР, а также развитие региональных интеграционных связей с АСЕАН, Японией и Южной Кореей позволят Китаю вплотную подойти к реализации проекта «Большого Китая» в Азии [14].

С этой же целью значительное внимание уделяется развитию культурных контактов и улучшению имиджа КНР в Японии, растет культурный обмен, направленный на культивирование общей китайско-японской культуры, ее стандартизацию и превращение в базис Восточноазиатского культурного сообщества. Об этом свидетельствует разработанная китайскими учеными программа развития сотрудничества до 2020 г., основанного на общих стратегических интересах.

Однако не исключаются и возможности возникновения по мере наращивания экономического и военного потенциала КНР конфликтов в отношениях между двумя странами. Сохраняющиеся серьезные противоречия как стратегического, так и структурного характера, затрагивают, к примеру, оценку роли Японии во Второй мировой войне и исторического опыта взаимоотношений двух стран, тайваньский фактор, территориальные споры, модернизацию китайских вооруженных сил, проведение ядерных испытаний в КНР и т.д.

В Восточной Азии сохраняется значительное число проблем, поддерживающих потенциальную конфликтность. Среди них старые угрозы – ситуация на Корейском полуострове, проблемы ядерного нераспространения. К экономическим причинам следует отнести процессы, связанные с глобализацией, либерализацией рынков и проникновением крупного западного капитала. Для стран с бурно развивающейся экономикой характерно возникновение внутригосударственных социальных противоречий. Кроме того, динамичное развитие государств региона не является однородным. К прежним вопросам нетрадиционной безопасности причисляют торговлю наркотиками, пиратство, рыхлость и неустойчивость элит, коррупцию, нередко связанную с организованной преступностью.

К новым угрозам, появившимся в регионе в XXI в., исследователи относят рост мусульманского экстремизма, политическую нестабильность, повышение рисков для западных интересов и бизнеса [15, с. 28]. Вооруженные конфликты на региональном уровне (юг Филиппин) являются серьезными вызовами стабильности режимам, способствуют экспансии сюда радикального и политического ислама, чем обеспокоены прежде всего мусульманские страны (Индонезия, Малайзия). Налицо обострение противостояния в регионе

этносов с разными системами культурных и религиозных ценностей. Практически все государства, в особенности Индонезия, Филиппины, Малайзия и Таиланд, сталкиваются с проблемой терроризма. Географическое положение ЮВА на пересечении мировых транспортных путей делает данный регион уязвимым перед угрозой морского терроризма. «Аль-Каида», «Джамаа Исламия», «Исламский фронт освобождения Моро» подозреваются в осуществлении атак на море, другие – используют морские коммуникации для транспортировки оружия и боевиков. Возникает угроза объединения сил террористов на региональном уровне.

Новые аспекты безопасности в регионе – вопросы ресурсобеспечения, в первую очередь, энергетической безопасности, демографические и экологические проблемы, нелегальная миграция, отмывание денег. Они порождаются нарастающими масштабами экономической взаимозависимости, появлением новых субъектов, ставящих под сомнение верховенство государства, а также возникновением новых транснациональных проблем, решение которых требует многостороннего сотрудничества. Еще один серьезный вызов безопасности представляют собой так называемые «несостоявшиеся государства». В Восточной Азии это КНДР и отчасти Мьянма. Исследователи предполагают, что в XXI в. основные угрозы безопасности будут исходить не от межгосударственных конфликтов, а от тех проблем, которые генерируют подобные государства [16, с. 104 – 106]. К середине XXI в. проблемы нетрадиционной безопасности станут наиболее актуальными.

Причины, по которым Восточная Азия оказалась в значительной степени бессильной перед лицом транснациональных угроз, состоят в отсутствии в регионе политической институционализации, необходимой структуры и механизма безопасности, способных обеспечивать минимально необходимый уровень военно-политической стабильности [17]. Главные экономические гиганты оказались неспособными объединиться и, наоборот, допускают обострение двусторонних политических отношений. Немаловажное место среди этих противоречий занимает проблема наследия Второй мировой войны, пересмотреть которое стремится Япония и избавиться от своего статуса побежденного государства. Существенно затрудняет внутрорегиональное сотрудничество и сохраняющаяся приверженность защите национальных суверенитетов таких организаций, как АСЕАН и Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ), в которых не разработан наднациональный механизм противодействия новым угрозам. Развивающийся в регионе подъем национальной идентичности также осложняет налаживание тесного регионального сотрудничества и предопределяет долгосрочное соперничество Китая и Японии за лидерство как в данном регионе, так и в Азии в целом.

Нетрадиционные угрозы безопасности связаны, прежде всего, с ростом экономической и политической мощи Китая, динамизм развития которого делает его, по сути, региональным источником угроз. Китай уже сейчас

признается крупнейшей региональной, а в перспективе – глобальной державой. Он становится державой, с которой все ведущие мировые игроки стремятся выстроить особые отношения. Одним из следствий соперничества США и Китая на глобальном уровне стало то, что все государства Восточной Азии, включая Корейский полуостров и обе стороны Тайваньского пролива, оказались втянутыми в него, став по существу «заложниками» непростых и усложняющихся взаимоотношений между ними. То же относится и к конкуренции за лидерство на региональном уровне между Китаем и Японией. Специфическое положение Восточной Азии во внешнеполитической стратегии США определяется тем, что в этом регионе существует система двусторонних союзов США: с Японией и Южной Кореей на основе договоров; с Таиландом и Тайванем – совместные заявления и законы. Поэтому глобальные тенденции, влияющие на развитие региона, определяются, прежде всего, осью Вашингтон – Пекин, а региональные тенденции – осью Пекин – Токио.

Значительные изменения претерпел внешнеполитический курс Китая. Сформировалась аполитическая его доктрина. Сейчас Китай претендует на то, чтобы стать не только образцом экономического роста, но и автором собственной альтернативной теории развития международных отношений, акцентирующей прагматизм, инновации, социальную сплоченность и самоопределение. 1 декабря 2009 г. КНР отказалась от проекта «группы двух» и подчеркнула приверженность концепции многополярного мира. Защищая свои национальные интересы, Китай одновременно подчеркнуто демонстрирует уважение к принципам многосторонности и международным нормам, активно и творчески использует всевозможные инструменты для повышения своей репутации на мировой арене. Китай активно занялся пропагандой нового имиджа страны. Руководство страны пришло к выводу о необходимости привлечь на свою сторону мировое общественное мнение, пропагандируя тезис о мирном пути развития КНР. Новые политические инициативы, такие как «улыбчивая дипломатия», «публичная дипломатия» и «добрососедская дипломатия», играют важную роль в стремлении Китая влиться в интеграционные процессы и стать неформальным региональным лидером [18].

Акцент на «мягкую силу» во внешней политике представляется полезным как для Китая, так и для его соседей. Однако возможности проведения такой политики у него пока ограничены и недостаточно соотнесены с его действиями и интересами его соседей. В целом в результате активной внешней политики по отношению к странам АСЕАН ему удалось в значительной мере ослабить в них влияние мифа о «китайской угрозе» и добиться заметных успехов в создании в АТР атмосферы многостороннего сотрудничества, основанного на межгосударственном доверии [19].

Китай придает большое значение развитию в регионе сотрудничества и в сфере военной безопасности. В 2004 г. он подписал «Договор о дружбе и

сотрудничестве в Юго-Восточной Азии». Вместе с тем, взяв на вооружение «мягкую силу» и оборонительную военную доктрину, Китай продолжает наращивать свой военный потенциал. В январе 2011 г. министр обороны США Р.Гейтс заявил, что новые разработки КНР в области вооружений «снизили боевую эффективность некоторых систем вооружений США» [20, с. 9]. В 2012 г. Китай не скрывает своих претензий на доминирование в экваториальной и южной части Тихого океана. «Флот Восточного моря» ВМФ НОА, базирующийся в Нинбо, и «Флот Южного моря», стоящий в Чжаньцзяне, все более настойчиво проводят учения в районе спорных Парасельских островов и архипелага Спратли. Очевидно, что наряду с «северокорейской угрозой» «китайская военная угроза» в АТР приходит на смену «советской военной угрозе» периода «холодной войны».

Китай подчеркивает мирный, неконфронтационный характер своего возвышения. Однако в США принимают в расчет совокупную мощь этого государства, одним из главных элементов которой является ее военная составляющая. Они акцентируют внимание на возможности реализации им программы «Большого Китая» и признают, что американо-китайские противоречия в Азии труднопреодолимы, а действия Пекина все больше становятся направленными на ограничение влияния США во всей Восточной Азии. В США подчеркивают скорее не «мирное возвышение», а «подъем Китая» и рассматривают его как принципиальный вызов.

На протяжении последних 20 лет на Тихом океане шло соперничество двух интеграционных проектов. Первый из них – это региональная интеграция в Восточной Азии на основе сближения КНР с АСЕАН, второй проект – Транстихоокеанская интеграция, развивающийся после 1998 г. по инициативе союзников США (Австралии и Новой Зеландии), а с конца 2009 г. – возрожденная в виде привилегированного партнерства США и КНР.

В последние годы в США осуществляется в целом комбинированный подход, призванный учитывать как тесное торгово-экономическое американо-китайское сотрудничество и значительную роль КНР в мировой экономике, так и задачу ограничения его растущей мощи. Это привело к появлению концепции, сочетающей в себе элементы политики «сдерживания» и «вовлечения» Китая, которую называют политикой «пристального наблюдения, предостережения» [21, с. 28]. В ответ на возникновение ЗСТ Китай – АСЕАН США с середины 2010 г. выстраивают обновленную систему «сдерживания Китая». Она включает в себя три компонента: возобновление деятельности замороженного в 1987 г. военно-политического блока АНЗЮС; расширение американского военного присутствия в ЮВА путем базирования в Сингапуре кораблей ВМС США и расширения контактов с Вьетнамом; развитие Транстихоокеанского партнерства [22]. По содержанию она связана не столько со «стратегическим ограничением», сколько с приспособлением, адаптацией к новой международной ситуации.

Более радикальная стратегия приобретает характер «ограживания» или «окружения». Она предусматривает уплотнение системы военных союзов на всем пространстве АТР, а не только по периметру границ Китая. Ключевое место в ней отводится повышению роли Японии. «Китайский фактор» серьезно укрепляет центростремительные силы в японо-американских отношениях в сфере безопасности. Министерство обороны США осуществляет фундаментальную перегруппировку войск и структуры военных баз, выдвигая их ближе к границам Китая. В феврале 2012 г. США вернулись к вопросу о переводе своих баз с ключевого острова Окинава и замедлили этот процесс, поскольку после того как морские пехотинцы будут выведены с базы, западное побережье Тихого океана (Гавайские о-ва и о. Гуам) полностью окажется в зоне влияния китайского флота. Ограничение зоны действия американского флота собственно американскими территориями является главной целью военно-морской доктрины Китая.

В связи с этим Филиппины остаются для США важнейшим рубежом сдерживания китайской экспансии на Тихом океане, о чем свидетельствуют переговоры об усилении здесь американского военного присутствия (январь 2012 г.). Причина пересмотра Филиппинами своей внешнеполитической стратегии, десятилетиями направленной на вытеснение США, – серьезная угроза национальным интересам и территориальной целостности, также исходящая из Китая. Таким образом, обстановка в АТР бесповоротно изменилась, и новая угроза с северо-запада (Китай и КНДР) заставляет забыть о прежней конфронтации между странами региона.

В дополнение к первым двум стратегиям в США в 2005 г. была выдвинута концепция «ответственного акционера» как альтернативный подход к Китаю. Здесь акцент сделан на вовлечение его в существующую систему международных отношений в качестве ее легитимного члена, заинтересованного в сохранении данной системы. Однако от него требуется выполнение ряда условий и принятие правил игры. Китай проявил серьезный интерес к данной доктрине, однако возражает против своей роли здесь «младшего партнера без права решающего голоса». В целом на уровне практической политики руководства США более явными являются действия в духе концепции «ограживания» или «окружения».

В 2006 г. США заявили о себе как «тихоокеанской нации» с всесторонними интересами в Восточной Азии и ЮВА, а АТР провозгласили приоритетной зоной своих интересов. В рамках стратегии «возвращение в Азию» (с 2009 г.) США активизирует курс на укрепление отношений со странами АСЕАН. Госсекретарь Х.Клинтон в 2010 г. сформулировала стратегию для региона под названием «Новый тон», а в 2011 г. заявила, что XXI век станет Тихоокеанским веком Америки [23]. Осенью 2011 г. внесены существенные корректировки во внешнеполитическую стратегию США – об усилении тихоокеанского вектора политики, планах значительного расширения

их присутствия в АТР и ЮВА в особенности, готовности открыто бросить вызов Китаю в этом регионе. В связи с этим курсом из Атлантического океана на Тихий переносится центр активности ВМС США, на постоянной основе нарастают их военные учения и присутствие. Новая военная стратегия США, представленная в январе 2012 г., подчеркивает, что США намерены укреплять свое военное присутствие в АТР.

Демократическая администрация Б. Обамы, эмоционально назвавшего себя в 2011 г. «тихоокеанским президентом», внесла заметные изменения и в экономические отношения со странами региона, стремясь полнее задействовать этот механизм для усиления своих позиций в АТР. Особую роль с 2009 г. США отводят созданию ЗСТ, механизму регулярных саммитов вместо двусторонних отношений, созданию альтернативных интеграционных проектов в регионе – Транстихоокеанское партнерство (12 стран), ослабляющее АСЕАН. Данный торговый блок может стать самым крупным, включающим 39% мирового ВВП. Однако в целом партнерство США и АСЕАН значительно отстает от развития интеграционных процессов между Китаем и АСЕАН. Одной из причин были политические разногласия с существующими там режимами.

Таким образом, в Восточной Азии сложилась крайне сложная и противоречивая ситуация. В число участников региона входят разные по культурно-этническому, религиозному, экономическому, политическому, военному и иным условиям государства с большим разнообразием форм государственного и политического устройства. У этих стран разные скорости развития экономик, разные культуры, языки и интересы. Ситуацию осложняют многочисленные экономические, политические, военно-стратегические противоречия и претензии между странами региона. Многие из них имеют договорные отношения с США, находятся в антагонистических отношениях друг к другу, по-разному относятся и к базовым демократическим ценностям, причем коренные различия в подходах проявляются даже внутри АСЕАН. Вместе с экономическим оживлением на первый план стали выходить неразрешенные старые споры и разногласия между самими странами АСЕАН, имеющие глубокие исторические корни – территориальные проблемы между Японией и Россией, Китаем, Тайванем, Южной и Северной Кореей, Вьетнамом и др., «проблема Ясукуни» и, в целом, проблема границ, исторического наследия Второй мировой войны, а также связанная с ней проблема антияпонских настроений во многих странах региона. Проблемы островов Южно-Китайского моря и Тайваньского пролива вновь обрели актуальность и обостренность, хотя, казалось, уже выработан кодекс поведения и достигнут консенсус [24]. Но вмешательство внешних игроков стало нарушать этот хрупкий баланс.

Важной особенностью современной региональной обстановки является тот факт, что поляризация государств вокруг оси Вашингтон – Пекин приводит к усилению вовлеченности Японии в обновляющиеся союзнические отношения с США, а обе Кореи и некоторые другие страны все более тяготеют к Китаю,

что порождает опасность водораздела в регионе. По одну сторону его остаются материковые страны региона во главе с Китаем, а по другую – все теснее примыкающая к США Япония. Это создает перспективу движения всего Корейского полуострова в сторону Китая и в итоге возможности возврата его в традиционный воссозданный «китаецентричный» мир в Восточной Азии. В свою очередь, США вынуждены пересмотреть свои отношения с Южной Кореей и Японией с перспективой создания антикитайского блока в Северо-Восточной Азии. Действия КНДР в 2010 – 2011 гг., смена власти, испытания ракетносителей, а также привязка Китая ее экономики к своим провинциям, дали США основание затормозить процесс изменения баланса сил в регионе в пользу КНР.

Российские специалисты указывают на усиление националистических настроений во внешней политике всех государств Восточной Азии – не только Японии, но и Южной Кореи, Китая, стран АСЕАН [25, с. 228]. Это имеет историческое объяснение и находит свое выражение в отдельных проблемах двусторонних отношений. С конца 2007 г. усилилась националистическая компонента в идеологии Республики Корея, требования окончательного вывода американских войск (2012 г.) и передачи корейской стороне командования над группировкой, что означает желание РК стать полноправным участником политических отношений в СВА. Доктрина «места вместо баз» поддержана и США.

Новая тенденция последних лет в развитии обстановки в регионе – активизация отношений Российской Федерации со странами-членами АСЕАН (с 2010 г.). Ассоциация одобрила намерение РФ участвовать в Восточноазиатских саммитах, принимая во внимание их открытый характер, в региональных интеграционных процессах, рассматривая их как важный фактор стабильности и устойчивости развития АТР [26]. Тем самым система «АСЕАН + 6» превратилась в «АСЕАН + 8». Участие России в региональных процессах в Восточной Азии, а также мероприятия по реализации Соглашения о сотрудничестве в области экономики и развития и Комплексной программы действий на 2005 – 2015 гг. могут оказать в перспективе позитивное влияние на ситуацию в регионе, сбалансировать расстановку сил. Предстоящий в сентябре 2012 г. саммит АТЭС во Владивостоке должен укрепить позиции России в АТР. Расширение торговых связей благоприятно скажется на экономиках стран Таможенного союза (Россия, Беларусь и Казахстан), который всерьез нацелился на развитие двусторонних отношений с другими региональными ассоциациями для расширения рынков сбыта [27].

Позиция Японии в отношении участия России в ВАС носит крайне противоречивый характер. Япония понимает, что без России интеграция Восточноазиатского региона была бы не полной, поскольку именно она обладает сильным потенциалом поставщика энергетического сырья в регион. При этом она полагается и на поддержку РФ при создании зоны свободной

торговли в АТР к 2020 г. Включение России в так называемую японскую «стратегию нового роста» будет способствовать повышению международного статуса самой Японии и обновлению ее имиджа.

В целом вокруг создания ВАС происходит столкновение влиятельных в регионе сил. Особенно сильное противодействие созданию такого пространства будет со стороны США. Япония, как и США, полностью не отказалась от попыток активно влиять на интеграционный процесс, сохранить свои экономические позиции в странах региона, у которых нет полного доверия к региональной политике КНР. Наиболее прочные связи сложились с Китаем у Мьянмы, Камбоджи и Лаоса, Индонезия и Малайзия не заинтересованы в политическом сближении с ним, а Сингапур и Вьетнам сохраняют при этом широкое сотрудничество с США.

Несмотря на улучшение с начала нового столетия отношений между АСЕАН и КНР, Китай по-прежнему воспринимается странами Ассоциации как сверхдержава, ставящая своей целью включить ЮВА в сферу своего влияния. Поэтому региональные лидеры рассматривают Японию в качестве своего рода противовеса Китаю, который позволяет АСЕАН, с одной стороны, сдерживать Китай, а с другой – играть на соревновании Токио и Пекина за лидерство в отношениях с АСЕАН. Они стали все более энергично выступать за восстановление меняющегося баланса сил и за развитие экономических связей с Японией, расширение американского присутствия в ЮВА. Не случайно, часть этих стран в последние годы проявляет заинтересованность в построении ВАС на основе баланса интересов (Китая, Японии и США), считает целесообразным включение в состав ВАС Индии, Австралии и Новой Зеландии. Страны АСЕАН, прежде всего наиболее развитые, стремятся сплотить региональный блок, чтобы поддерживать многовекторный баланс интересов, сохраняя взаимовыгодные и дружественные отношения как с США и Японией, так и с Китаем [28].

Вместе с тем в асеановских столицах полагают: куда идет Китай, туда пойдет и Япония. Согласно существующему прогнозу после 2020 г. возможно новое ускорение экономического развития Японии и ее успешная кооперация (и одновременно конкуренция) как с США, так и с Китаем [29, с. 16]. Продвижение по двум векторам – «АСЕАН – Китай» и «АСЕАН – Япония» станет реальным направлением углубления интеграционных процессов в Восточной Азии. Поэтапное создание «зоны экономического партнерства» является единственно возможным путем восточноазиатской экономической интеграции. Этот путь долгий и требует больших усилий и компромиссов. Пока все стремления к политическим и экономическим союзам в регионе упираются во взаимное непонимание и недоверие, которые долго будут тормозить здесь все проекты международного сотрудничества, превращая его в зону тлеющих конфликтов. Однако, как отметил известный китайский экономист по делам ЮВА, Сюй Ниннин, несмотря на депрессию глобальной экономики, умножение

факторов неопределенности и возрождение протекционизма, в некоторых странах в рамках Восточной Азии и АСЕАН наблюдается расширение открытости и сотрудничества и ускорение региональной экономической интеграции [30]. В мае 2012 г. представители КНР, Японии и РК договорились о проведении в течение 2012 г. переговоров о создании единого Восточноазиатского пространства свободной торговли и подписали соглашение о трехстороннем регулировании инвестиций, что позволило предположить появление «новой интеграционной тройки» [31]. Сложным остается еще один вопрос: кто станет лидером будущей Восточноазиатской коалиции – Китай или Япония? Для достижения позиции лидера от их правительств потребуется проведение весьма разумной и осмысленной политики в военной и финансовой сферах, а также в области культуры.

Борьба Японии и Китая за лидерство в новой организации ВАС (при пассивности ее членов в лице стран АСЕАН) не позволяет пока создать Сообщество в виде более или менее дееспособной структуры с ясными принципами работы и четкостью поставленных целей. Существующие региональные структуры (АТЭС, АСЕАН + 3, АРФ, ВАС) фокусируют свое внимание на слишком общих вопросах и в силу этого малоэффективны для решения существующих проблем. Кроме того, региональную интеграцию пытаются ускорить в момент, когда ни в одной из стран ЮВА еще не завершено процесс интеграции на национально-государственном уровне [32]. Отсутствие в регионе базисных элементов, без которых формирование Сообщества является невозможным – экономического союза, развитых финансовых и политических институтов, межгосударственного сотрудничества и координации действий, содружества в сфере безопасности, определяет конфронтационность процесса концептуального и организационно-процедурного строительства ВАС. Однако стремление к региональным союзам в мире будет возрастать, поэтому и шансы на возникновение ЗСТ крупнейших экономик азиатского региона тоже будут увеличиваться. Об этом свидетельствуют решения 20-го саммита АСЕАН, прошедшего в апреле 2012 г. под лозунгом «АСЕАН: одно сообщество, одна судьба». Он уделит большое внимание дальнейшему развитию сообщества АСЕАН, укреплению связей между странами-членами Ассоциации и сотрудничеству, с ее партнерами, а также обмену мнениями по региональным и международным вопросам.

Список литературы

1. «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации / под ред. А.Д.Воскресенского. – М.: МГИМ (У) МИД РФ, 2010. – 442 с.
2. Костюнина, Г.М. Регионализация Восточной Азии: истоки и основные модели / Г. М. Костюнина // Вестник МГИМО. – 2011. – № 1. – С. 34 – 42.
3. Мосяков, Д.В. Юго-Восточная Азия: Формирование цивилизационной общности? / Д.В. Мосяков // Восток. – 2008. – № 2. – С. 5 – 10.

4. Арапова, Е.Я. Восточная Азия в поисках интеграции / Е.Я. Арапова // Азия и Африка сегодня. – 2011. – № 10. – С. 33 – 38.
5. Зона свободной торговли Китай – АСЕАН завершает свой первый «рабочий год» // Газета «Жэньминь Жибао» на русском языке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31518/7248389.html>. – Дата доступа: 01.04.2011.
6. Интервью Чэнь Чжанляна, постоянного депутата ВК НПКСК, заместителя председателя Гуанси-Чжуанского автономного района // Международное радио Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.cri.cn/1281/2012/06/18/1s431712.htm>. – Дата доступа: 20.06.2012.
7. Мазырин, В. КАФТА – новый формат экономического взаимодействия в Восточной Азии / В. Мазырин // Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – № 11. – С. 50 – 58.
8. Пономарев, И. АСЕАН: интеграционные интересы России / И. Пономарев // Торгово-промышленные ведомости – 21 мая 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://trp-infom.ru/global/2330.html>. – Дата доступа: 11.06.2012.
9. Лексютина, Я.В. США – КНР: соперничество в Юго-Восточной Азии обостряется / Я.В. Лексютина // Азия и Африка сегодня. – 2012. – № 3. – С. 2 – 9.
10. Стрельцов, Д. Япония и «Восточноазиатское сообщество»: взгляд со стороны / Д. Стрельцов // Мировая экономика и международные отношения. – 2007. – № 2. – С. 57 – 66.
11. Мосяков, Д. ЮВА в поисках консолидации и внешнеполитического равновесия / Д. Мосяков // Азия и Африка сегодня. – 2008. – № 8. – С. 33 – 36.
12. Семин, А.В. Китай – Япония: лед тронулся / А.В. Семин // Азия и Африка сегодня. – 2010. – № 9. – С. 2 – 7.
13. Меркулов, К.А. Анализ развития внешней торговли Японии за последнее десятилетие и перспективы развития в будущем / К.А. Меркулов // Проблемы и перспективы экономики и управления: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, апрель 2012 г.). – СПб.: Реноме, 2012. – С. 213 – 216 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.moluch.ru/conf/econ/archive/15/2217/>. – Дата доступа: 13.05.2012.
14. Лузянин, С. Внешняя политика Китая до 2020 г. Прогностический дискурс / С. Лузянин // Фонд исторической перспективы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/rus/desk/vneshnaja_politika_kitaja_do_2020_g_prognosticheskij_diskurs_2011-11-29.htm. – Дата доступа: 29.11.2011.
15. Ланда, Р.Г. Глобализация и политический ислам / Р.Г. Ланда // Новая и новейшая история. – 2011. – № 2. – С. 24 – 31.
16. Колдунова, Е.В. Американские политологи о новых угрозах безопасности в Восточной Азии / Е.В. Колдунова // США – Канада. Экономика, политика, культура. – 2007. – № 2. – С. 103 – 109.
17. Колдунова, Е. Интеграция без конфликта или конфликт при интеграции? / Е. Колдунова // Международные процессы. – Том 9. – № 3 (27). Сентябрь – декабрь 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/twenty-seventh/12.htm>. – Дата доступа: 22.03.2012.
18. Портяков, В. Внешнеполитический инструментарий Китайской Народной Республики в процессе перемен / В. Портяков // Проблемы Дальнего Востока. – 2011. – № 1. – С. 2 – 21.

19. Гревцова, А.Н. Мягкая сила Китая как способ расширения его политического влияния на страны АСЕАН / А.Н. Гревцова // «Молодой ученый». – 2012. – № 3. – С. 313 – 315 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://www.moluch.ru/archive/38/4392/>. – Дата доступа: 22.03.2012.
20. Русаков, Е.М. «Держа в руках большую дубинку» / Е.М. Русаков // Азия и Африка сегодня. – 2011. – № 3. – С. 2 – 10.
21. Воронцов, А. Основные тенденции современной международной ситуации в Восточной Азии / А. Воронцов // Проблемы Дальнего Востока. – 2007. – № 3. – С. 27 – 40.
22. Фененко, А. Тихоокеанская альтернатива для России / А. Фененко // Независимая газета [Электронный доступ]. – Режим доступа: http://www.ng.ru/courier/2012-05-28/9_alternative.html. – Дата доступа: 28.05.2012.
23. Колдунова, Е. «Азиатские тигры» и стратегический курс США / Е. Колдунова // Деловой саммит АТЭС [Электронный доступ]. – Режим доступа: <http://www.apesc2012ceosummit.ru/analitika/732/>. – Дата доступа: 01.06.2012.
24. Строкань, С. США и Китай делят Азию / С. Строкань // «Коммерсантъ». – №125 (4910), 11.07.2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1978054/print>. – Дата доступа: 12.07.2012.
25. Чургов, С.В. Япония в поисках новой идентичности / С.В. Чургов. – М.: «Восточная литература», РАН, 2010. – 312 с.
26. Локшин, Г.М. Россия – АСЕАН: новые проекты и форматы сотрудничества / Г.М. Локшин // Азия и Африка сегодня. – 2011. – № 2. – С. 2 – 7.
27. Попинако, А. Курс на Юго-Восток. У Таможенного союза и стран АСЕАН может появиться зона свободной торговли / А. Попинако // Новые Известия. – 09.02.2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newizv.ru/economics/2012-02-09/158954-kurs-na-yugo-vostok.html>. – Дата доступа: 14.04.2012.
28. Цветов, А. АСЕАН и США обсуждают баланс сил в Юго-Восточной Азии / А.Цветов // Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/blogs/asiapacific/?id_4=55. – Дата доступа: 09.07.2012.
29. Север – Юг: прогноз социально-экономической и политической динамики / Материалы научного семинара «Современные проблемы развития» // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 2. – С. 13 – 23.
30. Ускоряется региональная экономическая интеграция в рамках АСЕАН и Восточной Азии / Russian.china.org.cn [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russian.china.org.cn/news/tx/2012-06/09/content_25607587.htm. – Дата доступа: 10.06.2012.
31. Китай, Япония и Южная Корея планируют создать ЗСТ до конца года // banker.ua [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://banker.ua/bank_news/govregulations/2012/05/14/1180456123/. – Дата доступа: 14.05.2012.
32. Интервью с Директором Центра АСЕАН при МГИМО В. Сумским // Посольство РФ в Малайзии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.malaysia.mid.ru/press2011/r_007.html. – Дата доступа: 15.06.2012.

Устюгова Анна Георгиевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории факультета истории и социологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

**ОТНОШЕНИЯ ПОЛЬШИ И ВКЛ В ПЕРИОД ОТ КРЕВСКОЙ ДО ЛЮБЛИНСКОЙ
УНИЙ В ОЦЕНКЕ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

Проблема польско-литовской интеграции как своеобразный исторический путь цивилизационного взаимодействия Польши и Великого княжества Литовского с ее русскими православными землями в период от Кревской унии до Люблинской, является одной из важнейших в истории региона Центрально-Восточной Европы в период средневековья. В исторической науке данный вопрос ставился в следующей плоскости: постепенная интеграция, присоединение или обособленное существование?

Данная проблема в такой постановке вопроса рассматривалась в русской историографии XIX – начала XX века: в первой половине XIX века в творчестве Н.М.Карамзина, историографии славянофильской ориентации 30 – 50-х годов XIX века [1 – 12]. В силу ряда известных причин эта тематика больше, чем любая другая из истории Литвы и Польши привлекала внимание русских историков уже второй половины XIX – начала XX века. Причем, что весьма знаменательно, данной проблемой занимались, в основном, историки-отечественники [13 – 28]. Русские историки, занимающиеся всеобщей историей, а наряду с тем и работавшие много и плодотворно в исследовании истории Польши (Н.И.Кареев, Н.Н.Любович, В.А.Бильбасов, А.Л.Погодин и др.) относительно проблем истории тесного взаимодействия Польши и ВКЛ в XIV – XVI веках ограничивались в основном небольшими общими выводами в рамках своих историко-философских концепций или отдельных исследований, посвященных конкретно-историческим проблемам истории ВКЛ данного периода (реформация, общественно-политическое устройство и др.), и следовали в основном общей оценке русской консервативной историографии [29 – 41].

Первоначальная история ВКЛ, до ее соединения с Польшей, в ее связи с русскими землями, в русской историографии второй половины XIX – начала XX века оценивалась как история преимущественно русская [42]. В этих условиях русской историографией утверждалось, что заключение с Польшей Кревской унии в 1385 году являлось нарушением тенденции слияния Литвы и русских земель в единое русское православное государство. По мнению М.О.Кояловича – дело этой унии было простым случаем, основанном на польской невесте для Ягайло, что и предало русское дело в Литве [23, с. 8]. По мнению И.П.Филевича не было никаких предпосылок для этой унии, так как Польшу и Русь разделяла вековая вражда, проявившаяся даже в психологии

русского народа, «недаром русские люди беса представляли в виде ляха» [17, с. 2].

В оценке консервативной историографии Кревская уния обозначала в первую очередь начало насильственного распространения католичества. Типичным является мнение И.П.Филевича, который писал, что Ягеллонская уния открыла латинско-европейскому влиянию свободный путь до Двины и Днепра [17, с. 99]. Единственным исключением среди консервативных историков выступал Ф.М.Уманец. Он рассматривал польское влияние на русские земли Литвы как благотворное влияние западной культуры на восток [24; 56]. Основой этого превосходства Польши, считал историк, была политическая свобода в стране. Как отмечал Ф.М.Уманец, польская свобода имела силу не только присоединять, но и ассимилировать страны. По его мнению, – за сто лет после разделов, Россия не смогла сделать для русификации и десятой части того, что сделали поляки в XV – XVI веках [24, с. 17]. Продолжая развивать данное положение, Ф.М.Уманец, говоря о добровольном присоединении к Польше не только Литвы, но и Пруссии и Ливонии писал, что Польша напомнила доброго помещика, к которому крестьяне несут деньги, чтобы их выкупили [24, с. 77].

Такая постановка исследователем вопроса о польской политической свободе как основе добровольного присоединения Великого Княжества Литовского к Польше весьма редка в русской историографии [57] и весьма близка к позициям польской историографии (И.Лелевель, М.Бобжиньски, Х.Ловмяньски, Е.Охманьски, Ю.Бардах, Я.Мацшевски, Х.Блащик и др.). С близких к Уманцу позиций оценивал процесс вхождения Литвы в польско-литовское государство М.К.Любавский [34 – 37], с определенными оговорками – В.А.Мякотин [39].

Русская либеральная историография в лице Н.И.Кареева, В.А.Мякотина, В.А.Пыпина, а впоследствии и А.Л.Погодина, Н.В.Новодворского, не занимаясь специально данной проблематикой, рассматривали польское влияние в русле западного влияния на Восток, в данном случае посредством Польши на русские земли, входящие в состав Литвы. Н.И.Кареев отмечал, что Польша примкнула к западному миру посредством культурного влияния и количества, а соединение ее с литовско-русскими землями поставило их на рубеж Запада и Востока [33, с.59].

Положение о насильственном присоединении Польшей Литвы является общим для русской историографии как либерального, так и консервативного направления. Только Ф.М.Уманец и М.К.Любавский рассматривали сближение Польши и ВКЛ как процесс культурной ассимиляции [24; 34 – 37; 56]. И что весьма интересно, большинство русских историков, говоря о насильственном присоединении русско-литовских земель к Польше, считали, что Польша в силу своей слабости, не была в состоянии насильно это сделать (И.Д.Беляев, В.Б.Антонович, П.Д.Брянцев, Д.И.Иловайский, И.П.Филевич и др.) Поэтому и

говорили они вполне серьезно о возможности присоединить столь огромное государство как Великое Княжество Литовское – коварством, обманом, упорством в достижении поставленной цели и даже свойствами характера поляков и русских, и т.д. в самых различных вариациях [42, с. 345 – 370]. Ф.Еленев писал, что слияние литовско-русского государства с Польшей и последующее преобладание над западной Русью было осуществлено не превосходством польской цивилизации, не материальной силой Польши, а дальновидностью и необычайной настойчивостью политики польских государственных людей, в особенности высшего духовенства [28, с. 13]. При этом М.О.Коялович, утверждая, что процесс сближения Польши и Литвы был насилием над русским народом, длившимся на протяжении двух веков, видел в этом насильственном сближении соединение двух государств, вплоть до их полного слияния [23, с. 6], в отличие от других консервативных историков – Д.И.Иловайского, П.Д.Брянцева, И.П.Филевича, И.П.Беляева и др., считавших время сближения Польши и Литвы от Крево до Люблина только цепью отдельных событий.

Весьма интересно потом в таком контексте звучали положения тех же историков, что поляки отличаются отсутствием способностей к государственному строительству, управлению, об отсутствии инстинкта самосохранения. Ряд историков (Д.И.Иловайский, М.О.Коялович, П.Д.Брянцев И.П.Филевич и др.) видели даже причину присоединения к Польше в недостатках характера малороссов и белорусов, этой западной ветви русского народа. Положение о том, что малороссы и белорусы являются ветвью единого русского народа, было также общим и для русской историографии второй половины XIX – начала XX в., начиная от М.О.Кояловича и Д.И.Иловайского и заканчивая В.О.Ключевским и Н.И.Кареевым [42].

Согласно П.Д.Брянцеву, малороссы и белорусы, как и все славяне, за исключением великороссов, «москалей» отличались страстной любовью к личной свободе, доходящей до произвола, действовали большей частью под влиянием минутной слабости, страсти, отличаются неподчинением сколь-нибудь выдающемуся авторитету, децентрализацией. [19, с. 119]. В отличие от всех славян, великороссы, по Брянцеву, отличались тем, что действовали по расчету и холодному уму, в централизации и признании высшего авторитета, высшей абсолютной монархической власти, которую они признавали священной и неприкосновенной [19, с. 118]. Данное положение П.Д.Брянцева является весьма характерным для многих консервативных историков.

В данном положении Брянцев видел главную причину феодальной раздробленности западнорусских земель и завоевания их Литвой, как более стройным, крепким организмом [19, с. 118 –121]. И весьма удивительно как в таких условиях Польше, по Брянцеву, коварством, ложью и насилием удалось подчинить себе ВКЛ. Ответа на этот вопрос русская консервативная историография не давала.

Уния в Крево характеризовалась русской историографией как династический союз двух государств. Большинство русских историков не рассматривало вопрос о возможности отношений иного порядка как в силу славянофильских представлений о невозможности соединения двух противоположных начал в одном государстве (католического и православного), так и по причине слабой разработанности данной проблемы, в том числе и в польской историографии. М.К.Любавский первым в русской историографии выдвинул положение о первоначальном намерении инкорпорации Польшей Литвы по унии 1385 года [35]. Впервые это положение в польской историографии было сформулировано А.Левецким [43]. Спор же вокруг этой проблемы в польской науке, заключающийся в способе интерпретации термина – *aplicare*, характеризующего отношения Польши и Литвы, упомянутого в тексте Кревской унии, велся еще в первой половине XIX века, оставался он актуальным и в начале XX века. Объяснял это намерение М.К.Любавский тем, что в ВКЛ великие князья в силу традиций и огромной власти считали государство своей династической собственностью. Неудачу этого намерения он видел в нежелании литовского боярства, роль которого значительно возросла к началу XV века, и на которое удалось опереться Витовту, делится с поляками своей властью и доходами с русских земель [35, с. 23].

В свою очередь И.И.Лаппо, который поддерживал положение о первоначальном намерении инкорпорации Литвы, считал главной причиной неудачи Польши сопротивление именно русского элемента княжества. Это положение И.И.Лаппо было принято и в советской историографии [45, с171]. Современная польская историография в своем большинстве придерживается положения о первоначальном намерении Ягелло полного присоединения Литвы к Польше. Х.Ловмянски доказывал данное положение тем, что в силу существующих традиций Ягелло считал государство своей патримониальной собственностью и пытался ее распорядиться [44, t. 1, s. 67]. Ю.Бардах, как бы подводя итог этой дискуссии, писал, что это была попытка присоединению Литвы к польской Короне, но она оказалась кратким эпизодом. «На счастье, – продолжал польский историк, – так как Польша конца XIV века была не в состоянии поглотить так огромное в национальном и культурном отношении общество. Инкорпорация в то время, – продолжал Бардах, – закончилась бы катастрофой» [46].

По причине такой характеристике подавляющей частью русских историков унии 1385 года как случайного явления, не имеющего глубоких корней, в русской историографии отсутствовал анализ причин такого развития событий. Отчасти только характеризуются выгоды, намерения польской стороны и затем последствия данного акта для дальнейшей истории как русских земель, так и самой Польши.

Русская, в большинстве консервативная, историография рассматривала эту унию как выгодную только для польской стороны, т.к. она, по её мнению, усиливала Польшу за счет Литвы – Руси и главное остановила процесс слияния Литвы с русскими землями (М.О.Коялович, И.Д.Беляев и др.). П.Д.Брянцев утверждал, что это соединение внесло в одряхшие и разрушающиеся члены польского государства жизненные силы, придало им новую энергию. И, таким образом, отстрочило падение его еще на четыре столетия, а главное: «дало полякам более простора для жизни, т.к. они незадолго до этого потеряли свои владения на западе и севере, а впоследствии сего им тесно сделалось жить дома: они задыхались в своей песчаной равнине» [19, с. 208]. И.И.Паппо также считал, что уния спасла Польшу от немецкой опасности. Подробную точку зрения высказал и Ф.Еленев: «Польша до соединения с литовско-русским государством была государственным ничтожеством, не могущим защитить себя не только от литовско-русских полков, но даже от прусских переселенцев» [28, с.13].

По мнению Брянцева, пользу из данной ситуации извлекла также и Москва, как второй центр собирания русских земель, которая в результате принятия Литвой католичества, избавилась от опасного конкурента [19, с.207]. Сделалось невозможным не только дальнейшее завоевание Литвой русских княжеств, но и стало проблематичным их удержание. Вернее как отмечал историк, присоединение их к Москве стало вопросом времени [19, с. 208].

В.О.Ключевский и Ф.М.Уманец особо отмечали тот факт, что уния с Польшей прервала процесс сближения Литвы с русскими землями. Ф.М.Уманец писал, что потомки Гедимин приняли русскую народность, стоявшую на ступенях цивилизации несравненно выше литовской, но, не успев утвердиться в своей новой национальности, подверглись «переработке в польском духе» [24, с. 53]. В данном случае, верно говоря о культурно-цивилизационном влиянии как основе постепенной ассимиляции литовских земель, как русским, так и впоследствии польским элементом, Ф.М.Уманец, следуя традиции русской консервативной историографии считать литовские земли уже принявшими православие, на основании этого модернизируя историю, говорил о принятии Литвой русской народности.

А.С.Трачевский, отмечая, что это был брак по расчету, считал, что негативным следствием его для Польши было ее направление на восток [47, с. XV]. Н.И.Кареев, принимая данное положение, делал акцент на то, что уния положила начало повороту Польши на восток, хотя в ее интересах, по его мнению, – было объединение с государствами центральной Европы – Чехией и Венгрией [29, с. 371].

Следует отметить, что если ряд русских либеральных историков (Н.И.Кареев, В.А.Бильбасов, В.А.Мякотин, А.Л.Погодин, М.К.Любавский), а также представители консервативного направления (Ф.М.Уманец, П.А.Гейсман, Ф.Смит) видели причину поворота польской политики на восток после Кревской

унии в слабости оказываемого здесь сопротивления, то значительная часть историков как консервативной, так и либеральной направленности, видела главную причину в католической экспансии Запада. В данном случае говорилось, что руками поляков направлялась католическая экспансия против русских земель и православной церкви (И.Д.Беляев, П.Д.Брянцев, Д.И.Иловайский, И.П.Филевич, С.М.Соловьев, А.С.Трачевский, Н.Н.Любович и др.).

Русская историография отмечала также и положение о том, что осуществив поворот своей политики на восток, Польша брала на себя ряд проблем Литвы, в том числе и наиболее важную и опасную – соперничество с Москвой. В.О.Ключевский писал, что из этого вышла вековая борьба двух соседних славянских государств – Руси и Польши [15, т. 2, с. 111]. Эта борьба, справедливо утверждал далее русский историк, заставляла обе стороны пренебрегать интересами собственных народов и не давала им возможности организовать борьбу со степью [15, т. 2, с. 198].

Польская историография, традиционно рассматривая причины заключения Кревской унии для Польши и Литвы, видела в числе главных: немецкую опасность для Польши и Литвы и опасность для Литвы ассимиляции преобладающим в численном и культурном отношении русским элементом, а также в желании польской шляхты получить огромные территории на востоке. При этом отмечалась в большинстве случаев большая заинтересованность в союзе собственно Литвы. Причем, если в 20 – 30-е годы XX века в польской историографии, в основном, преобладало мнение как о главной опасности для Литвы, опасности поглощения русским православным элементом, то в 50 – 80-е годы – со стороны немецких крестоносцев. Так, Х.Ловмянски считал, что только принятие Литвой католичества в XIV веке убергло ее от перспективы быть поглощенной огромным русским православным морем [48]. Его ученик Е.Охманьски уже отдавал дань уважения двум названным причинам, как равнозначным [49]. По мнению же М.Космана, – Литву заставила идти на тесный союз с Польшей невозможность дальнейшего сдерживания натиска крестоносцев, войны с которыми уже совершенно ее обессилили к концу XIV века [50].

В связи с тем, что большинство русских историков не считало сближение Польши и Литвы процессом постепенной интеграции двух государств, а цепью случайных договоров, то и отсутствовали, за исключением М.К.Любавского, попытки установить поэтапность данной интеграции. Даже условно трудно назвать попыткой проведения данной работы положение, выдвинутое М.О.Кояловичем. Он отмечал, что за почти двухвековой период насильственного присоединения Литвы к Польше, были периоды большой или меньшей зависимости Литвы [23, с. 6]. По мнению Кояловича, наивно относится с доверием к положению, выдвинутому польской историографией, о добровольном соединении государств, когда все вокруг решалось кровью

[23, с. 7]. И.И.Лаппо говорил о значении ряда договоров, об униях Польши и Литвы 1392, 1432 годов и других, которые, по его мнению, свидетельствуют только о том, когда какая сторона в определенный период была больше заинтересована друг в друге [25, с. 130 – 142]. Эта работа И.И.Лаппо вышла уже после публикации исследования М.К.Любавского о русско-литовском сейме. М.К.Любавский, во многом опираясь на предшествующие исследования польских историков и огромный документальный материал, выдвинул положение о нескольких этапах процесса сближения Польши и Литвы [35, с. 19, 48, 73 и др.]. Он говорил о тесном союзе Польши и Литвы при жизни Ягелло и Витовта, этот период, считал он, – закончился с их смертью и войной в Литве (1432 – 1437 годов) [35, с. 78]. После этих событий, отмечал Любавский, последовал период ослабления унии, иногда даже разрыв, тенденции к новому сближению Польши и Литвы появились снова, по Любавскому, уже в XV веке [35, с. 116].

Эта периодизация интеграции Польши и Литвы в единую Речь Посполитую в основных моментах совпадает, хотя, конечно, и не во всех частностях, с принятой в настоящее время в польской историографии. Х.Ловмянски, с именем которого во многом связан поворот в современной польской литуанистике, выделял три основных этапа образования польско-литовской федерации: первый – до 1440 года, протекающий под знаком инкорпорации; второй – триумф литовского сепаратизма (до 1500 года); третий – закончился Люблинской унией 1569 года [48]. В последующем польская историография внесла определенные поправки в эту схему, указывая на особую важную роль в процессе интеграции Польши и Литвы соглашения Ягайло и Витовта 1392 года, особую роль Городельской унии 1413 года и т.д. Но в главных чертах она является общепринятой в современной польской историографии [55].

Выдвигалось русской историографией и верное положение о значительной обособленности русских земель в составе польско-литовского государства до XVI века. Если В.А.Мякотин, В.А.Бильбасов, Ф.М.Уманец, М.К.Любавский связывали такое положение русских земель со сформировавшимся общественно-государственным устройством еще до вхождения в состав Литвы и весьма слабо проявляющейся в XIV – XVI веках польской культурной ассимиляцией, то М.О.Коялович, И.А.Беляев, П.Д.Брянцев, Д.И.Иловайский, И.П.Филевич связывали это с сопротивлением и непринятием русским элементом польского католического влияния.

По мнению Н.И.Костомарова, русские земли вошли в состав Польши с сохранением своих прав [51, с. 214]. В.А.Мякотин, Ф.М.Уманец, отмечали положение о том, что русским землям была предоставлена возможность самим решать вопросы своего внутреннего устройства и развития. М.К.Любавский связывал это право русских земель с федеративным, по его мнению, характером Великого княжества Литовского [35, с. 75]. При этом

Любавский, в отличие от И.И.Лаппо, М.О.Кояловича, В.Б.Леонтовича, М.В.Довнара-Запольского, считал, что литовские князья преобладали не только в центральных властях Княжества, но и играли главную политическую роль также и в русских княжествах. Но, продолжал М.К.Любавский, исключительно литовское политическое господство могло иметь место только при тесном союзе собственно Литвы с крупной внешней силой, с разделением общественных сил русских областей [35, с. 65]. Этой внешней крупной политической силой, по его мнению, и было польское королевство. А внутренним разделением, считал русский историк, было предоставление политических прав православной шляхте из других русских земель, но имеющей владения в Литовской Руси [35, с. 90]. М.О.Коялович, Ф.И.Леонтович, М.В.Довнар-Запольский считали неверным это положение М.К.Любавского, утверждая, что православные не имели прав занимать никаких официальных должностей в ВКЛ в силу не литовского политического преобладания, а по причине религиозной нетерпимости католической церкви. М.О.Коялович, говоря о К.Острожском, достигшем в ВКЛ высоких постов, писал, что это был просто исключительный случай [22, с. 254].

М.В.Довнар-Запольский поддерживая положение М.О.Кояловича в качестве доказательства, в отличие от М.К.Любавского, ссылающегося на исторические документы, приводил свидетельства неизвестного автора, который, по его словам, весьма хорошо разбирался в тонкостях политической жизни Литвы и Польши [52, с. 20]. Историк также считал доказательством своего положения и то, что литвины были весьма скрупулезны в сохранении прав своего княжества и своих областей и в период существования уже Речи Посполитой. Однако видно Довнар-Запольский не обратил внимания на то, что принимая по аналогии это положение в отношении периода XIV – XVI веков, на этом же основании можно так же рассуждать и о периоде русского культурного преобладания в Литве. А это уже является свидетельством против теории о литовском княжестве, как литовско-русском государстве не только с культурным преобладанием, но и со значительным политическим русским влиянием, сторонником которого являлся и М.В.Довнар-Запольский [52].

Вопрос об ограничении прав русского боярства в Литве польской историографией связывается не с религиозным вопросом, а с политическим: первоначальной попыткой Литвы удержать с помощью Польши русских бояр на второстепенных ролях в государстве (Х.Ловмянски, Е.О.Охманьски, Ю.Бардах и др.). В условиях усиливающейся, в первую очередь, роли литовской шляхты, а также русской, отмечает Е.Охманьски, литовская магнатерия пошла сначала на признание равенства экономических прав православной шляхты, а затем и большинства политических. На практике это означало широкий доступ православной шляхты к большинству должностей в Литве. Окончательная ликвидация оставшихся незначительных ограничений произошла по указу Сигизмунда Августа в рамках подготовки Люблинской унии [49, с. 136]. В ходе

процесса полонизации определился первоначально, как верно отметил Ф.М.Уманец, своеобразный тип шляхты ВКЛ, переходной от русско-литовской к польской: нечто расплывчатое, лишенное характерных признаков своих составных частей [24, с. 74]. Историк имел в виду то обстоятельство, что определенное время существовала часть шляхты, говорящая по-польски, но считающая себя литовской, пишущая свои имена по-польски и по-русски, пишущая по-польски, но с русской транскрипцией и т.д. В польской историографии также отмечается этот переходный тип литовской шляхты (Х.Ловмянски, Е.Опалиньски, М.Косман и др.). Е.Охманьски отмечает, что еще долго литовские магнаты и шляхта, считая своей Отчиной Речь Посполитую, подчеркивали, что они не поляки, а литвины [49, s. 267]. Если Ф.М.Уманец считал, что этот процесс продолжался до порога XVII века, впрочем, историк не исследовал вопрос самосознания литовско-русской шляхты, говорил только о внешних проявлениях полонизации, то в польской историографии считается, что полное отождествление в самосознании шляхты наступило только в XVIII веке [24, с. 127].

И.И.Лаппо в своем противопоставлении русского элемента усиливающейся полонизации доходил до положения о том, что не произошла полонизация русского дворянства. Положение о полонизации русского дворянства и тем самым потере Западной Русью своего высшего сословия являлось общим для русской историографии. И.И.Лаппо вопреки многочисленным фактам утверждал, что даже к середине XVIII века не произошла спайка католической и православной шляхты, на которую рассчитывали поляки [25, с. 110]. Историк считал, что все королевские универсалы о правах шляхты, дающие ей равные сначала экономические, а затем и политические права, не дошли до русской шляхты. По утверждению И.И.Лаппо, русская православная шляхта, составляющая большинство шляхты ВКЛ, не знала даже латинского языка, на котором они были написаны и, главное, они были чужды ей и по своей основной идее. Жизнь литовско-русского государства и после этих уний, утверждал он, продолжала развиваться на своей старой культурной основе [25, с. 112]. Продолжая развивать данное положение, историк считал, что русское общество даже не создало осуществленного раздела на два государства по причине того, что в его внутреннем состоянии не произошло никаких изменений [25, с. 122].

В своем большинстве русская консервативная историография, признавая полонизацию высшего русского дворянства, считала, что Московское царство продолжало играть существенную роль в жизни западнорусского общества, хотя и в основном в духовном плане. По мнению же Д.И.Иловайского, П.Д.Брянцева, Ф.Еленева, – эта роль была преобладающей и в политическом плане.

По мнению П.Д.Брянцева, степень религиозной терпимости в католической Польше и в Литве, а потом и Речи Посполитой, экономические и

политические права православного населения зависели от степени угрозы польской шляхте Москвой. Брянцев писал, что иногда, по-видимому, уравнивались права в Литовском государстве, отмечая, что есть даже оставшиеся документы об этом, но «все это делалось только для отвода глаз грозному соседу – князю московскому, которого поляки боялись больше всех татарских полчищ» [18, с. 354]. Последний такой декрет, продолжал П.Д.Брянцев, уравнивающий, по-видимому, православных с католиками, издан был Сигизмундом Августом перед самой Люблинской унией. Но декрет этот, кроме вышеозначенной цели, по его утверждению, имел еще другую цель – отнять у русского царя предлог для протеста, когда начался сейм об окончательном соединении Литвы с Польшей. И вообще, по мнению П.Д.Брянцева, после соединения Польши и Литвы, государство сделалось очень бессильным в сравнении с Москвой. «И вся его история, продолжал консервативный историк, – это история боязни и мелкой пакости и только заступничество то папы, то Елены Глинской, то еще что-нибудь спасало Польшу» [18, с. 355].

Весьма популярным в русской историографии как консервативного (М.О.Коялович, И.П. Филевич, П.Д.Брянцев, Д.И.Иловайский, Н.Н.Любович, М.В.Довнар-Запольский, В.Б.Антонович и др.), так и либерального направления (С.М.Соловьев, В.Б.Ключевский, А.Л.Погодин, Н.И.Кареев, В.А.Мякотин, В.А.Бильбасов и др.) являлось положением о стремлении западнорусского населения на всем протяжении вхождения в состав сначала литовского, а потом и польско-литовского государства, присоединиться к Московскому государству. Русская историография не принимала в расчет возможности вхождение западнорусских земель в процессе интеграции в единое польско-литовское государство.

Исключением здесь являлась позиция Ф.М.Уманца, признающего право как за Польшей, так и за Россией на объединение славян. Противоречивую позицию занимал Н.И.Костомаров: в одних случаях говорил о невозможности существования католиков и православных в одном государстве по причине католического фанатизма [51], а в другом – о возможности казачества, при условии уравнивания его в правах со шляхтой, наряду с поляками и литвинами, стать третьим народом Речи Посполитой [53].

Если полякам удалось, по-мнению большинства консервативных историков, полонизировать высшее русское сословие, то у народа никто не спрашивал его мнения. Что весьма интересно, русская консервативная историография постоянно апеллировала к мнению народа в случаях невыгодных для России, и совершенно забывала в подобных обстоятельствах о мнении народов Польши, Литвы, Украины и Беларуси. Впрочем, у нее было блестящее положение о народном характере царской власти и русской православной церкви, позволяющее всегда в выгодном для себя русле толковать мнение любого народа. Во всяком случае, для историографии

данного направления характерными являются слова П.Д.Брянцева о том, что «с кем бы не велась война, царская власть всегда стояла на их стороне и льнула к ним. Это очевидно показывает, что русские государи сами глубоко проникнуты любовью к народу и демократическим духом» [19]. Этим же качеством, по М.О.Кояловичу, отличалась и русская православная церковь. Она, в отличие от католической, была народной, не вмешивалась в дела светской власти, была истинной, защитницей простого народа, в решении всех ее главнейших вопросов принимала участие не только иерархия, но и все верующие [22, с. 195]. Идеализация роли православной церкви во многом была характерна и для ряда представителей русской либеральной историографии (С.М.Соловьев, Н.И.Костомаров, А.С.Трачевский). Наиболее реалистическую позицию в этом вопросе занимал В.А.Мякотин. Историк отмечал, что православная церковь во время восстания Б.Хмельницкого обращалась за покровительством и с просьбой об опеке над ее имуществом – то к Хмельницкому, то к польскому королю, то к московскому царю, в зависимости от того, кто брал верх [54, с. 71]. В.А. Мякотин отмечал также тот факт, что во время восстания ожесточение населения было направлено не только против католических храмов, но и против православных церквей и монастырей [54, с. 70].

Русский народ или «русский элемент», как считалось в русской историографии исследуемого периода, оказал всевозможное сопротивление полонизации и последующему соединению с Польшей. Выразителем этих интересов народа, отмечал Антонович, было казачество [26, с. 117]. Такая идеализация казачества присуща была в целом русской консервативной историографии (М.О.Коялович, П.Д.Брянцев, Д.И.Иловайский, И.П.Беляев, И.П.Филевич и др.).

Н.И.Костомаров, С.М.Соловьев, В.О.Ключевский, хотя и поддерживали тезис о казачестве как выразителе интересов русского народа в ВКЛ, во многом идеализируя Запорожское казачество, тем не менее считали, что к исполнению данной важной исторической миссии казачество пришло не сразу. Переломным моментом здесь В.О.Ключевский считал угрозу православию в Малороссии после заключения Брестской церковной унии [15, т. 3, с. 106]. В.А.Мякотин это связывал как с угрозой православию, так и с нарушением польскими властями прав и привилегий казачества как социально-политического сословия [54, с. 13].

Таким образом, рассматривая историю польско-литовского государства в период XIV – XVI веков – от Крево до Люблина – русская историография видела в них, в первую очередь, историю западнорусских земель, или в лучшем случае, литовско-русского государства. При этом русская консервативная историография, рассматривая историю ВКЛ в XIV – XVI веках, исходила из славянофильского тезиса о постоянной борьбе двух враждебных начал: западного католического, воплощенного в польском влиянии, и

восточного православного, воплощенного в Москве, и невозможности их сосуществования в одном государстве.

В разработке данной проблематики в русской историографии, особенно в 60 – 80-е годы, преобладал консервативный подход. Не составляли в этом плане исключения и известные русские либеральные историки С.М.Соловьев, Н.И.Костомаров. Причем, большинство русской консервативной историографии (В.Б.Антонович, И.П.Филевич, М.О.Коялович, Н.Н.Любович, Д.И.Иловайский, Ф.Еленев, П.Д.Брянцев) выступали с прямо полонифобских позиций. Стиль изложения большинства русских консервативных историков не имел ничего общего с академическим изложением, в лучшем случае он носил публицистический характер, порой, особенно это касается П.Д.Брянцева и Д.И.Иловайского, как авторов крупных обобщающих трудов по истории Литвы и России, просто напоминал мифологический эпос, рассказывающий о русских чудо-богатырях. Отход от этой позиции начался уже в творчестве русских либеральных историков, занимающихся вопросами всеобщей истории (Н.И.Кареев, В.А.Бильбасов, А.Л.Погодин), а также и историков-отечественников (В.А.Мякотин, М.К.Любавский). Однако и они ограничивались в основном общими выводами в рамках своих историко-философских концепций или отдельных исследованиях и следовали в основном общей оценке русской консервативной историографии данной тематики.

Список литературы

1. Карамзин, Н.М. История Государства Российского / Н.М. Карамзин. – СПб.: издание И. Эйнерлинга, 1842. – Т. IV.
2. Карамзин, Н.М. История Государства Российского / Н.М. Карамзин. – СПб.: издание И. Эйнерлинга, 1842. – Т. V.
3. Карамзин, Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Н.М. Карамзин // История государства Российского: в 3 кн. / Н.М.Карамзин. – М.: Книга, 1989. – Кн. 3. – Т. 10 – 12. – С. 472 – 530.
4. Устрялов, Н.Г. О Литовском княжестве: исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское?: сочинение Н.Устрялова, читанное на торжественном акте, в Главном педагогическом институте, 30 декабря 1838 / Н.Г. Устрялов. – СПб.: Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1839. – 42 с.
5. Устрялов, Н.Г. Русская история: в 5 т. / Н.Г. Устрялов. – СПб.: Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1837 – 1841. – 5 т.
6. Погодин, М.П. Сочинения: в 5 т. / М.П. Погодин. – М., 1872 – 1876. – 5 т.
7. Погодин, М.П. Польский вопрос: собрание рассуждений, записок и замечаний 1831 – 1867 / М.П. Погодин. – М.: Тип. газ. «Русский», 1867. – 240 с.
8. Смит, Ф. Ключ к разрешению польского вопроса, или почему Польша не может существовать как самостоятельное государство / Ф. Смит. – СПб.: Военная типография, 1864. – 82 с.
9. Смит, Ф. Фридрих II, Екатерина II и падение Польши / Ф. Смит. – СПб, 1838.

10. Самарин, Ю.Ф. Сочинения: в 14 т. / Ю.Ф. Самарин. – М.: Д. Самарин, 1877. – Т. 1. – 402 с.
11. Аксаков, К.С. Полное собрание сочинений / К.С. Аксаков. – М.: Университет. тип. [Катков и К], 1875 – 1889.
12. Полевой, Н.А. История русского народа: в 6 т. / Н.А. Полевой. – М., 1829 – 1833. – Кн. I – II.
13. Соловьёв, С.М. История падения Польши / С.М. Соловьёв. – М.: Тип. Грачева и К°, 1863. – 370 с.
14. Соловьёв, С.М. История России с древнейших времён: в 29 т. / С.М. Соловьёв. – СПб.: Издание Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная польза», 1896. – 29 т.
15. Ключевский, В.О. Сочинения: в 9 т. / В.О. Ключевский. – М.: Мысль, 1987 – 1989. – 9 т.
16. Иловайский, И.Д. История России: в 5 т. / И.Д. Иловайский. – М.: [б.и.], 1876 – 1905. – 5 т.
17. Филевич, И.П. Польша и польский вопрос / И.П. Филевич. – М.: Университетская типография, 1894. – 104 с.
18. Брянцев, П.Д. Очерк истории древней Литвы и Западной России / П.Д.Брянцев. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1891. – 157 с.
19. Брянцев, П.Д. История Литовского государства с древнейших времен / П.Д.Брянцев. – Вильно: Тип. А.Г. Сыркина, 1889. – 659 с.
20. Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах / М.В. Довнар-Запольский. – Киев: Тип. Имп. унив. св.Владимира., 1901. – Т. 1. – 806 с.
21. Коялович, М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М.О. Коялович. – Минск: Лучи Софии, 1997. – 688 с.
22. Коялович, М.О. Лекции по истории Западной России / М.О. Коялович. – СПб.: Тип. Бахметова, 1864. – 393 с.
23. Коялович, М.О. Люблинская уния или последнее соединение Литовского княжества с польским королевством на Люблинском сейме 1569 года / М.О. Коялович. – СПб.: [б.и.], 1863. – 87 с.
24. Уманец, Ф.М. Вырождение Польши: Два года после Ягеллонов / Ф.М. Уманец. – СПб., 1871. – 341 с.
25. Лаппо, И.И. Западная Россия и её соединения с Польшей в их историческом прошлом / И.И. Лаппо. – Прага: Пламя, 1924. – 225 с.
26. Антонович, В.Б. Монографии по истории Юго-Западной России / В.Б.Антонович. – Киев: Тип. Е.Я. Федорова, 1985. – Т.1. – 353 с.
27. Лаппо, И.И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569 – 1586): опыт исследования политического и общественного строя / И.И. Лаппо. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1901. – 760 с.
28. Еленев, Ф. Польская цивилизация и её влияние на Западную Русь / Ф.Еленев. – СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1863. – 83 с.
29. Кареев, Н.И. История Западной Европы в новое время: в 7 т. / Н.И. Кареев. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1892 – 1917. – Т. I. – 558 с.
30. Кареев, Н.И. Общий ход всемирной истории / Н.И. Кареев. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1903. – 303 с.

31. Кареев, Н.И. Исторический очерк истории польского сейма / Н.И. Кареев. – СПб.: [б.и.], 1886. – 163 с.
32. Кареев, Н.И. Падение Польши в исторической литературе / Н.И. Кареев. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1888. – 407 с.
33. Кареев, Н.И. Введение в курс истории нового времени / Н.И. Кареев. – Варшава: Тип. Носковского, 1884. – 119 с.
34. Любавский, М.К. Очерки истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно / М.К. Любавский. – М.: Худож. печатня, 1915. – 401 с.
35. Любавский, М.К. Литовско-Русский сейм: опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства / М.К. Любавский. – М.: Университет. тип., 1900. – 850 с.
36. Любавский, М.К. Исторические судьбы славянства: лекция читан. 26 октября 1914 г. / Комиссия по устройству чтений для учащих вып. класс. сред. учеб. заведений Моск. учеб. округа / М.К. Любавский. – М.: [б.и.], 1915.
37. Любавский, М.К. История западных славян (прибалтийцев, чехов и поляков): лекции, читанные в М. университете и на Высших женских курсах в Москве / М.К. Любавский. – М.: [б.и.], 1918. – 458 с.
38. Погодин, А.Л. Очерк истории Польши / А.Л. Погодин. – М.: Тип. К.П.Меньшова, 1909. – 139 с.
39. Мякотин, В.А. Лекции по русской истории / В.А. Мякотин. – СПб.: Тип. Р.Голике, 1892. – 468 с.
40. Владимирский-Буданов, В.М. Немецкое право в Польше и Литве / В.М. Владимирский-Буданов. – СПб.: [б.и.], 1868. – 304 с.
41. Владимирский-Буданов, В.М. Очерки из истории русско-литовского права / В.М. Владимирский-Буданов. – Киев: Тип. В.И. Завадского, 1889. – 52 с.
42. Кручковский, Т.Т. Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в. / Т.Т. Кручковский // Наш радавод. – Гродно, 1994. – Кн. 6. – Ч. 2. – С. 218 – 417.
43. Lewicki, A. Nieco o Unii Litwy z Polska / A. Lewicki // Przegląd Polski. – 1893/1894. – R. 28. – T. 2. – S. 235 – 280.
44. Lowmiański, H. Studia nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego / H. Lowmiański. – Wilno: Nakład Towarzystwa Przyjaciół Nauk w Wilnie, 1932. – Т. 1 – 2.
45. История Польши: в 3 т. / [Акад. наук СССР. Ин-т славяноведения]; под ред. В.Д. Королюка [и др.]. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954 – 1958. – 3 т.
46. Bardach, J. O dawnej i niedawnej Litwie / J. Bardach. – Poznan: Wyd-wo Uniw. im. A. Mickiewicza, 1988. – 443 s.
47. Трачевский, А.С. Польское бескоролье по прекращению династии Ягеллонов / А.С. Трачевский. – М.: К. Солдатенков, 1869. – 512 с.
48. Lowmianski, H. Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego / Henryk Lowmianski; [redaktor naukowy: Jerzy Ochmanski]. – Poznań, 1983. – 579 с.
49. Ochmanski, J. Historia Litwy / J. Ochmanski. – Wrocław: Ossolineum, 1982. – 413 с.
50. Kosman, M. Historia Białorusi / M. Kosman. – Wrocław: Ossolineum, 1979. – 405 с.
51. Костомаров, Н.И. Борьба казаков с поляками [её отражение в народном творчестве] / Н.И. Костомаров // Русская мысль. – 1883. – № 7. – С. 269 – 307; № 8. – С. 107 – 143.

52. Довнар-Запольский, М.В. Спорные вопросы по истории литовско-русского сейма / М.В. Довнар-Запольский // ЖМНП. – 1901. – № 9. – С. 454 – 498.
53. Костомаров, Н.И. Письмо Н.И. Костомарова к издателю «Колокола» / Н.И. Костомаров. – Женева: Тип. «Громады», 1885.
54. Мякотин, В.А. Очерки социальной истории Украины / В.А. Мякотин. – Прага: Ватага и Пламя, 1924. – 289 с.
55. Błaszczyk, G., Litwa na przełomie średniowiecza i nowożytności. 1492 – 1569 / G. Błaszczyk. – Poznań: Wyd-wo Poznańskie, 2002. – 336 s.
56. Уманец, Ф.М. Русско-литовская партия в Польше / Ф.М. Уманец // ЖМНП. – СПб., 1875. – Ч. CLXXXII. – С. 233 – 269.
57. Кручковский, Т.Т. Уманец Ф.М. как историк Речи Посполитой / Т.Т. Кручковский // Веснік ГрДУ. – 2007. – № 2. – С. 47 – 53.

Кручковский Тадеуш Тадеушевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории факультета истории и социологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

УДК 930

С.В. Заневский

МЕМУАРНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ИХ АНАЛИЗ

(по данным мемуаров высшего сословия конца XVIII – XIX вв.)

Мемуары – бесценный источник для характеристики как отдельного исторического лица, так и целой эпохи, её конкретных явлений и событий. Именно воспоминания современников, непосредственных очевидцев тех или иных событий являются одним из главных источников, к которым обращаются историки, приступая к исследованию интересующей их тематики. По замечанию В.И. Воронова «ни один другой источник не создаёт такой неповторимый колорит своей эпохи, особенности описываемого времени, психологические и политические портреты исторических персон, как это сделано в мемуарах» [3, с. 245]. Мемуарные источники часто выступают хорошим коррективом к документам официального происхождения.

Одной из отличительных черт мемуарного жанра является тесная связь автора с описанными в его труде событиями. Они не просто воспроизводятся механически, но и анализируются (в той или иной степени), почувствуются им самим в качестве современника, очевидца или непосредственного участника. Автор делится с нами своими впечатлениями, выражает личное отношение к описываемым событиям, осмысливает свою роль в их процессе (именно это и является их главной заслугой), как бы придавая объёмность картине происходящего. При этом мемуары (в отличие от дневников) всегда содержат в себе позднейшее изложение событий, т.е. являются отражением некогда ранее пережитого. Хотя временная граница, отделяющая само событие от

описания автором на бумаге своих воспоминаний зачастую бывает достаточно подвижной. Так если Ф.И.Корбелецкий записывает по свежим следам то, что с ним произошло осенью 1812 года, и уже летом следующего года издаёт своё «Краткое повествование о вторжении французов в Москву...», декабрист Н.Н.Муравьёв начинает писать свои воспоминания о войне через три-четыре года после её завершения, то «Рассказы...» дворянина М.М.Петрова (признанные «одним из лучших образцов отечественной мемуаристики первой половины XIX в.») увидели свет спустя многие десятилетия, а М.А.Богданчиков и вовсе записал воспоминания своего дедушки об Отечественной войне в самом начале XX века – то есть спустя целое столетие [1, с. 16, 111; 10; 12, с. 11].

Особая ценность мемуарных источников заключается в том, что они отражают индивидуальное авторское мировосприятие. Источники данного жанра тем ценнее, чем больше это неповторимое личностное восприятие событий выражают. Как справедливо заметила И.В.Григорьева: «Именно постольку, поскольку они передают личный взгляд на вещи, подобные свидетельства помогают историку представить себе изучаемую эпоху не только крупным планом, но и через отдельные человеческие судьбы и характеры, понять мироощущение людей того времени, увидеть их такими, какими они были в своей реальной повседневной жизни» [4, с. 272]. Автор положенных на бумагу воспоминаний позиционирует их от своего имени даже в тех случаях, когда его взгляды полностью совпадают с официальной господствующей точкой зрения. Особенно это заметно на произведениях конца XVIII – XIX вв., когда правительственная цензура строго следила за выпуском всей печатной продукции. В этом отношении интересно сравнить опубликованную мемуарную литературу с той, которая так и осталась ненапечатанной.

Однако, занимая особое место в историческом исследовании, мемуары в определённой мере также творят и «мифы», поскольку субъективны в своей основе. Поэтому так важно придерживаться строгой методики их использования, обладать всеми необходимыми навыками по выявлению содержащейся в них информации, её обработке и интерпретации. Для выявления «исторических мифов», содержащаяся в подобном виде источников информация в первую очередь должна тщательно проверяться с помощью других данных, правдивость которых не вызывает сомнения. Кроме того, существуют и другие способы проверки мемуаров, основанные на определении их авторства (каждый источник подобного жанра имеет свой авторский стиль, выявляющийся с помощью филологического анализа), возраста рукописи (через палеографический анализ). Подлинность рукописи легко определяется при помощи графологической экспертизы.

В основе анализа мемуарного произведения, в первую очередь, должна лежать личность самого автора. Особенно важно определить степень его

участия в описываемых событиях (основаны ли мемуары на собственном опыте, непосредственном наблюдении, либо данные известны мемуаристу из вторых рук), дать психологическую и общественно-политическую характеристику автора. Нередко, личное отношение имеет решающее значение в характере подачи мемуаристом той или иной персоны, события, либо факта. Так, например, на воспоминания и заметки шляхты конца XVIII – XIX вв. прямой отпечаток наложила степень лояльности их автора к царскому самодержавию, место в социальной иерархии российского общества (поскольку шляхетского сословия как такового Империя не знала – его представители должны были пройти процесс «разбора» и пополнить ряды дворянства, либо однодворцев), что являлось для неё наиболее острым вопросом в этот период.

Имея дело с уже опубликованными воспоминаниями, исследователь также должен обратить внимание на тот факт – воспроизведены они целиком, либо некоторые выдержки из рукописи оказались опущенными. При этом немаловажное значение имеет выяснение того круга лиц, которые участвовали в обработке текста и интерпретации авторского замысла.

Большинство из воспоминаний и дневников конца XVIII – XIX вв. (не только представителей шляхетского сословия) остаётся неопубликованным и сегодня. Причинами подобного явления может быть как политическая неблагонадёжность их автора, что в условиях жёсткой цензуры того времени делало такую публикацию невозможным (например дневники и воспоминания представителей крупных магнатских родов, принявших в своё время участие в войне 1812 года на стороне Наполеона), так и воля самого автора. Нередко мемуарист вёл запись своих воспоминаний, рассчитывая сохранить память о себе лишь для узкого семейного круга своих потомков, без расчёта на публикацию (например, для составления семейного родословного архива). В таком случае печать возможна лишь длительное время спустя по требованию эпохи, либо по инициативе специалистов-историков. Кроме того, публикация воспоминаний поощряется активным спросом на этот жанр, особенно в те периоды, когда в обществе идёт процесс осмысления крупных, богатых историческим опытом событий, а также широко отмечается их юбилей, например событий войны 1812 года.

Однако в большинстве случаев произведения такого жанра изначально были рассчитаны на широкую читательскую аудиторию, а значит, и непременную их публикацию. Среди воспоминаний нередко встречаются анонимные произведения, либо авторство которых вызывает сомнение. Нередко мемуаристы, опасаясь последствий своей публикации, намеренно не указывают на ней своё имя, либо прикрываются вымышленным, а иногда и вполне реальным лицом (последнее встречается достаточно редко, поскольку связано с риском публичного разоблачения). Для выяснения причин этого необходимо сопоставить информацию, содержащуюся в мемуарах с

общественно-политической обстановкой, историческими реалиями, в которые данное произведение писалось. К способам установления истинного авторства источника мы уже обращались выше.

Кроме установления авторства мемуарного источника немаловажное значение имеет также определение времени и условий его создания. «Дистанция между событиями и их описанием, – отмечает И.Г. Григорьева, – влияет не только на точность человеческой памяти, но и на оценку мемуаристом фактов прошлого, так как его взгляды с течением времени претерпевают определённую эволюцию, а могут и кардинально измениться» [4, с. 283]. Подобная проблема в меньшей степени свойственна тем воспоминаниям, в которых преобладает тенденция к описательности, простая констатация факта. Однако, как уже было отмечено нами выше, с конца XVIII века мемуаристы всё чаще обращаются к анализу происходящих вокруг них событий, определению своего места и роли в их ходе. Несомненно, такие труды имеют большую ценность, однако требуют по отношению к себе более осторожного подхода и тщательной проверки на достоверность. С усложнением структуры мемуаров, усложняется и процесс их обработки. Специалисту-исследователю важно в таком случае отделить первоначальные представления автора от своеобразного «второго плана», вызванного изменением с течением времени обстановки и позиции автора. Довольно часто мемуарист сам чётко разграничивает эти два пласта, подчёркивая эволюцию своего отношения к событиям прошлого в момент их развития и их переоценки с позиций нового жизненного и исторического опыта (например, А.И. Герцен делает это уже в названии своих мемуаров – «Былое и думы»).

Однако нередко авторы мемуаров, находясь под влиянием запросов эпохи написания своих воспоминаний, изображают себя и свои взгляды в прошлом такими, какими они стали лишь впоследствии. Если подобная ошибка совершалась автором намеренно, то его мемуары не могут передать атмосферу того времени, о событиях которого идёт речь, а к достоверности его данных следует относиться со всей скептичностью. В том случае, когда автор делает эту подмену произвольно, его произведение всё же имеет интерес у историков с точки зрения отражения идейных веяний иной, позднейшей эпохи.

В большинстве случаев автор садится за запись своих воспоминаний о некогда пережитом под влиянием требований времени, необходимости защитить своё имя от посягательств новой эпохи, или стремления внести ясность в события, информация о которых вызывает в обществе бурный интерес. Именно поэтому для историка так важно как можно точнее подойти к датировке источника, чтобы понять, что именно подтолкнуло автора к их написанию, а значит и определить цель написания мемуаров. Иногда о ней сообщает сам автор в предисловии к своему труду, но чаще специалисту самостоятельно приходится решать подобную проблему.

Достоверность сведений автора зависит также и от формы подачи в них информации. Поскольку воспоминания никогда не записывались немедленно, то и в подаче диалогов в мемуарах также присутствуют свои особенности. Они никогда не могут быть подробными и передают лишь общий смысл беседы. В противном случае эти данные не заслуживают особого доверия. При передаче диалогов мемуарист мог вполне опираться на данные других источников, и здесь необходимо выяснить какие именно из них он использовал, и что побудило автора не указывать на подобные заимствования. В большинстве подобных случаев таким способом мемуарист пытался поднять свой авторитет в глазах читателей, отмечая себя как очевидца тех событий, свидетелем которых он не являлся, либо принимал весьма скромное участие. И в том, и в другом случае это не говорит в пользу добросовестности автора, если он не указал тот источник информации, который имел в своём распоряжении при написании мемуаров.

Большую роль в оценке мемуарного труда, выявлении степени его достоверности имеет определение его источниковедческой насыщенности какими-либо иными видами документов, или же автор основывался лишь на собственной памяти. Обычно в самом повествовании присутствуют указания на те заимствования из источников, которые были введены в воспоминания. Однако нередко подобные указания нарочно опускаются. Мемуарист пытался выдать за лично пережитое то, что в действительности он почерпнул из других документов. В подобном случае мемуары уже не могут рассматриваться как данный вид источника. Если же подобный источник мемуаристом указан, исследователю необходимо обратиться к оригиналу и сравнить цитаты с оригиналом. Это важно для определения правильной его интерпретации и объективного толкования.

Уже начиная с середины XVIII столетия, мемуары становятся одним из популярнейших литературных жанров, всё больше вытесняя дневниковые записки [8, с. 13]. С этого времени берёт своё начало один из эпохальных периодов не только в отечественной, но и в русской, украинской, польской и литовской истории. В. Сыракомля замечал: «Столкновение двух эпох – это отличная тема для занимательного произведения, однако, чтобы написать его, необходима рука мастера» [13, с. 128]. Жёсткая борьба между магнатскими группировками за лидирующее положение в государстве во второй трети XVIII в. сменяется тяжкими для агонизирующей страны событиями разделов. Потеря государственной самостоятельности, активная борьба с самодержавием за сохранение старых порядков стали тем своеобразным фоном, наложившим свой отпечаток на мемуары той эпохи. Столкнувшись с новой российской реальностью, представители шляхетства стремились сохранить за собой свои привилегии, при этом органично вписаться в российскую общественную структуру. В условиях существования достаточно консервативной системы мемуарная литература давала их авторам максимум

свободы для самовыражения. С их помощью представители благородного сословия могли не только описать события, свидетелями которых им довелось стать, но и высказать своё отношение к ним, рассказать о наболевшем. Сквозь большинство шляхетских мемуаров проходит мысль о былом величии их польской родины, меланхолические воспоминания о временах её славы.

Ощущая всю значимость эпохи, за перо брались даже те, кто никогда не помышлял о писательстве. Опасаясь утратить остроту переживаний, точность в передаче фактов мемуары ложились на бумагу как правило сразу же по прошествии тех событий, о которых стремился рассказать нам их автор [12, с. 10]. При этом, всё ещё находясь под впечатлением от пережитого и пытаясь как можно ярче и красочнее передать своему читателю атмосферу произошедшего, мемуарист иногда выдаёт желаемое за действительное. Дворянин Н.И.Тургенев, например, отмечая бескрайнее мужество русских солдат в войне 1812 г., заметил: «Завоеватель не встретил в России ни изменников, ни даже льстецов» [12, с. 264]. Между тем, в действительности 25 тысяч представителей местного колонизированного шляхетства, поверив обещаниям Наполеона возродить Речь Посполитую, активно сражались за эту идею на его стороне.

Ещё одной спецификой мемуарной литературы конца XVIII – XIX вв. стало заметное «омолаживание» их авторов. Воспоминания уже не писались преимущественно на склоне лет, пытаясь оставить память о себе для потомков. Молодые люди в расцвете сил, с цепкой памятью, полные воли к действию стремились повлиять на ход событий, придав широкой огласке впечатления от пережитого и поделившись своими размышлениями об их последствиях. Именно поэтому мемуары всё чаще пишутся с расчётом на публикацию.

В иерархии мемуарной литературы можно выделить две ступени, согласно социальному положению автора, а, следовательно, и уровню преподносимой им информации. Нижняя ступень посвящена повседневным будням и предполагает сугубо документальный материал. Такие воспоминания в целом схожи с дневниковыми записями с присущей им точностью воспроизведения отдалённых по времени событий, а также синтетичностью, характерной для воспоминаний (мемуары И.Быковского Х.Скирмунт и др.). Верхняя ступень – дипломатическая, с более значительными уточнениями, изящным и изысканным стилем. Их информация освящена игрой ума и фантазии.

Отдельное положение занимает описание путешествий [14, с. 46]. На рубеже XVIII – XIX вв. в наших краях появляются дипломаты, учёные, исследователи природы (русский минеролог и химик В.М.Севергин, ботаник А.К.Бошняк и др.), которые оставили своим потомкам достаточно подробные научно аргументированные описания увиденного. Эти воспоминания могут служить для нас особым источником информации ещё и потому, что в своё

время формировали в странах Европы представления про наш край, народ и его обычаи. Вместе с тем, к запискам путешественников мы также должны подходить со всей осторожностью, поскольку у иностранцев не было времени детально присмотреться ко всему, что их окружало, изучить исторические источники и сделать обобщения. Некоторые из них и вовсе описывали наш край по чужим рассказам и впечатлениям, никогда не побывав в нашей стране. Правда, такие труды встречаются крайне редко [5, с. 12].

Путешественников тем больше манили белорусские земли, чем меньше они о них знали. Российская общественность и вовсе признавала, что о присоединённых совсем недавно Западных губерниях, которые сама императрица называла «исконно России принадлежавшими», она практически ничего не знала. Дворянин, ботаник Александр Бошняк, совершив в 1815 г. путешествие через Витебскую, Курляндскую, Лифляндскую, Минскую и Киевскую губернии по делам получения наследства, отмечал: «О приобретённых нами землях мы имеем такое поверхностное разумение, что известия о них вынуждены черпать у заграничных писателей; о Литве мы очень мало знаем... На всё смотрел я здесь с особенным вниманием и во всех вещах искал что-нибудь новое или необычное» [2, с. 78; 7, с. 7 – 8]. Тем более оказались затребованными труды авторов местного происхождения, которые были хорошо знакомы с окружающей действительностью. В середине XIX в. описания путешествий «по своим околицам» оставили В.Сыракомля (1853 г.), П.Шпилевский (1854 г.), Ю.Немцевич и др.

В первой половине XIX в. на белорусских землях побывали польские писатели и исследователи Казимеж Контрим (путешествовал по Полесью в 1829 г.), Ян Маяркевич, Теодор Триплин (побывал «на Литве и в Жмуди» в 1856 г.), Эдвард Хлопицки и др. Также из иностранных путешественников наши земли посетили: немецкий дипломат Фредерик Шульц в 1792 г., в составе армии Наполеона через Беларусь прошли англичанин Роберт Джонстон (его «Путешествия через часть Российской империи и Польшу» были опубликованы в Лондоне в 1815 г.), американский поэт и дипломат Уильям Барлоу.

Мемуары этого периода в отличие от воспоминаний предыдущей эпохи выделяются большей аргументированностью, стремлением обосновать и проанализировать происходящее. Известный польский и белорусский поэт XIX века Владислав Сыракомля, например, не ограничивался простым хронологическим описанием событий, а стремился дойти до их первопричин, «исследовать историю, народные обычаи и всё то, что просится на перо,... изучить каждый закуток» [13, с. 10, 21, 41 – 42]. Среди путешественников особо следует выделить аристократов. Кроме вышеназванных В.М.Севергина и А.К.Башняка на белорусских землях побывали и дворянки Е.С.Телепнёва (путешествовала из Тамбовской губернии в Карлсдобр в 1827 г.), фрейлина О.П.Шишкина (1845 г.). Всех их удивляло заметное отличие местного люда от

жителей остальной России, «единым народом которой» называла их официальная пропаганда. В первую очередь это касается высшего сословия. В мемуарных источниках как местных, так и иностранных авторов прослеживается стремление показать эти особенности населения края, охарактеризовать их быт и социальное положение. В.Сыракомля и П.Шпилевский вовсе говорили о белорусах как про особый народ [16, с. 52; 13, с. 6, 24].

Характерной особенностью положения белорусских земель в составе Российской империи, которую подмечали как иностранные путешественники, так и местные мемуаристы, стала социальная неоднородность шляхетского сословия. Общеизвестно, что между русским дворянством и полонизированной местной шляхтой нельзя ставить знак равенства. П.Шпилевский, знакомя российскую общественность с белорусским краем, в своих дорожных заметках отмечал: «Говоря о поселянах, нельзя не сказать об их владельцах, которых можно разделить на три класса, и из которых первые два почти неизвестны в великорусских губерниях. К первому классу отнесу подпанков: – это местное название и довольно верное. Подпанок не что иное, как бедный шляхтич белорусский, который владеет одним или двумя крестьянскими дворами и несколькими клочками земли; случаются и такие подпанки, у которых один мужичок только. Живут они очень бедно, а главное – на старый покррой, как живали их деды и прадеды... Они не знают ничего, что делается в городах; Петербург им вовсе неизвестен. Весь мир подпанка – соседние ярмарки... Ко второму классу причисляю посессоров, т.е. арендаторов, которые берут у богатых обывателей в аренду целое село, половину, малую ферму и нередко самую только землю. Посессоры стоят несколько выше подпанков в финансовом отношении, но немного превосходят их образованием. Это те же подпанки, только разжившиеся в имениях обывателей, прожив там несколько лет экономами, волостными писарями и комиссарами... Дом посессора – смесь старого с новым... Третий класс составляют собственно обыватели-помещики. Это – люди большей частью образованные, которые следят за современными явлениями наук и искусств. Они любят давать балы и приглашают к себе иногда чуть не весь уезд... При встрече с подпанками они исподтишка посмеиваются над их угловатостью и тут же ласкают их, острят и вместе принимают тон покровителей; услышав от них дичь, соглашаются с ними, но незаметно подёргивают плечами» [16, с. 114 – 116]. Таким образом, понятие «шляхта» включало в себя как крупных влиятельных в стране землевладельцев, так и мелких безземельных представителей, которые по своему фактическому положению ничем не отличались от крестьянства.

Проезжая в 1815 г. через белорусские губернии нерехтский предводитель дворянства А.К.Бошняк в своих мемуарах записал: «Шляхта, или беспоместное дворянство, погружено в глубокую неуч и не отличается от крестьян ни нравами, ни положением... И хотя они не платят никаких налогов,

пользуясь при этом принадлежащим им землями, они мало заботятся о земледелии». И далее: «Очень мало кто из них занимает достаточное положение, некоторые нанимаются служить у помещиков, часто на самых низких должностях; а другие поступают на гражданскую или военную службу» [2, с. 73 – 74; 9, с. 89 – 90]. Спустя четырнадцать лет, путешествуя по Полесью К.Контрим был очень удивлён, отметив, что в дымных хатах без камина жили те, кто считал себя представителем высшего сословия [5, с. 121]. Русская фрейлина О.П.Шишкина была изумлена, встретив на своём пути идущих на ярмарку в Гомель шляхтянок: «Мы засмеялись. Эти дворянки шли босые в подкошенных до колен грязных и зашарпанных юбках, и если бы они не прокричали, что они дворянки, никто бы этого не отгадал» [15, с. 53].

Представители мелкого и даже среднего шляхетства, подобно крестьянам, редко покидали свои родные места, предпочитая быть хозяином в своём небольшом имении или доме. Поэт Зенон Фишт (псевдоним Тадеуш Падалица) вспоминал в своих мемуарах: «У нас до сегодняшнего дня выезд из дома является определённым торжественным актом, который регламентирован вплоть до мелочей. Весь дом работает на одну повозку, уже за две недели перед поездкой начинают толстеть люди, отпасываются кони» [5, с. 89 – 90].

Оттого представители мелкой и средней шляхты так гордились своей принадлежностью к высшему сословию и старались доказать официальным властям своё дворянское происхождение. Понятно, что царская администрация со всей строгостью подходила к процессу «разбора» и путём исключения из числа дворянства наиболее мелких её представителей, тех, кто не соответствовал по своему образу жизни и фактическому положению понятию русского дворянина, сократил численность благородного сословия в Западных губерниях. Поскольку местная шляхта являлась наиболее неблагоприятным и взрывоопасным элементом в крае, этот факт вносил существенную коррективу во взаимоотношения с ней правительства. Испытывая ностальгию по временам своего бывшего величия, связанного с существованием Речи Посполитой, полонизированная шляхта постоянно боролась за её возрождение. Она возглавляла восстания 1831 и 1863 гг., она же активно поддерживала Наполеона. Поэтому царизм был очень осторожен по отношению к ней. Английский дипломат Роберт Джонстон отмечал крайнее недоверие к дворянству края со стороны российского самодержавия: «В каждом доме находился шпион, который следил за происходящим в нём. Во всех публичных местах и в компаниях также есть лица, занятые выпытыванием, внимательно следят за словами, которые говорит их собеседник про правительство, законы и т.п. Короче говоря, эти люди являются информаторами и докладывают полиции всё то, что им удалось собрать. Такое жуткое влияние могущественной машины деспотизма, которая владеет этой крупной державой и составляет характерную для неё черту!» [17,

р. 391 – 392]. Понятно, что неблагонадёжные по отношению к самодержавию представители высшего сословия лишались своего титула.

В.Сыракомля с горечью отмечал падение величия и значения шляхетства для края: «Шляхетство Речи Посполитой, которое некогда бурлило политической жизнью своей страны, что оружием, пером и крепкой головой удивляло свет, теперь утратило не только общественное, но и всякое значение и ничего не делает для края, кроме небольших чиншей, кроме экономов для соседних имений... Оно ещё гордится своими привилегиями и готово повторять, что «оно равно воеводе». Однако не упоминается, что в былые времена шляхтич и впрямь был равен воеводе и в силе, и в уме, что воевода считался с ним. Не вспоминается ещё мелкая шляхта, что когда-то была ковчегом законов свободы, которые так заботливо вырабатывались на сеймах..., что право её предков не признавало ни пана, ни мужика, ни мещанина, а только шляхтича, что оно не милостивило даже короля – только шляхту, только шляхта была всем, и всё было для неё. Грустно смотреть на бывших наследников тех могущественных, свободных, овеянных славой шляхтичей-рыцарей..., признавать моральный упадок местной шляхты... Она стала лишь хвалиться оглашённым равенством в шляхетском сословии, которого в действительности уже не было» [13, с. 34 – 35]. Поэт понимал, что дни мелкой и средней шляхты сочтены. Оттого грустные нотки в его мемуарах. Начиная утрачивать шляхетское достоинство ещё со второй половины XVII в., ей ничего не оставалось, как «ещё более мельчать или возродиться в новой форме» (войдя в состав крестьян или горожан) [13, с. 36].

У крупной шляхты сложилось несколько иное положение. Хотя она также часто выступала оппонентом царскому самодержавию, у неё были в наличии все необходимые документы, подтверждающие благородное происхождение. Погоня за титулами и званием, приближающие магнатов к королю и тешащие их тщеславие, были неременной чертой магнатории. В.Сыракомля приводит пример Радзивилов, как одного из знатнейших и влиятельнейших родов в государстве: «Половина Литвы оказалась в их руках, на другую они оказывали своё преимущественное влияние как наивысшие чины Литвы». Обладая и без того столь значительной властью, Радзивилы были удостоены титула князя, и хотя «этот заграничный титул не давал их дому никаких прав, но придавал магнату большой вес и влияние в глазах шляхты» [13, с. 93]. При этом в большинстве мемуаров проходит мысль о чрезвычайной жестокости и насилии магнатов. Барон А.Е.Розен так отзывался о её представителях: «Побывав полтора года в Литве, познакомился я несколько с этою странюю и её жителями. Тогда дворяне или помещики отличались вообще дерзким высокомерием против низших сословий и бедных, и лестью и искательством перед высшим и богатым. Сурово обращались они с крестьянами, как с рабами» [11, с. 28 – 29]. Впрочем, многие из влиятельных шляхетских фамилий, подтвердивших своё дворянство, активно занимались

благотворительностью и являлись настоящим образцом шляхетского достоинства и звания. Тот же А.Е.Розен оговаривался: «За то уж, ежели между ними встретишь образованного, благовоспитанного человека, то такой в любой стране был бы украшением лучшего общества» [11, с. 29]. Основываясь на заметках Хэлены Скирмунт – представительницы одного из древнейших родов, родословная которого насчитывала более шести столетий, Б.Залески отзывался о ней весьма лестно: «Сердечная искренняя скромность при больших способностях и широкой образованности, горячая любовь ко всем высшим шляхетским стремлениям между воли притягивали всех, кто к ней приближался. Её отношения с домашними и со всем деревенским населением были по-настоящему преданными и являлись примером. Имея в сердце глубокое чувство достоинства и обязательств польского шляхетства, сердцем и инстинктом стремилась к сельскому рабочему классу» [6, с. 89 – 90]. Питая столь глубокое уважение и заботу о судьбе своего крестьянства, не могла она не поддержать его во время борьбы за улучшение своего положения в 1863 г., за что, однако, была сослана правительством в Тамбов. В тот суровый и поворотный в своей жизни момент, добираясь из Пинска к месту своего вынужденного поселения, Х.Скирмунт вела дневник своего путешествия, спустя десятилетие обработанный и выданный Б.Залеским [6, с. 169 – 247].

Основываясь на этих мемуарных записках интересно проследить изменение отношения к блистающей былым величием шляхтянке, которая вынуждена была оставить всё своё имущество, близких, и под строгим надзором караула покориться воле верховного правительства. Простые россияне относились к ней с настороженностью и опасением, всячески избегали разговоров особенно на политические темы, «точно зная кем я являюсь, ибо довольно часто из громкого или тихого разговора в соседнем салоне можно было узнать про цель моего путешествия... В самих сопровождающих меня бумагах были предусмотрены внимание и безжалость самые строгие» [6, с. 191, 204]. Интересно, что во внутренних губерниях России отношение со стороны местной власти к ссыльной было намного мягче, нежели в «мятежном крае». «Наиболее испорченное чиновничество – наше собственное», – отметила в своих заметках Х.Скирмунт. Она с горечью описывала, как местная шляхта с опаской прятала польские книги, поскольку их чтение было под строжайшим запретом. Многие получившие утверждение своего дворянского звания не только с охотой исполняли этот указ, но и проникались глубоким презрением к такой шляхте, сами не подозревая о том, что ещё совсем недавно стояли с ней в одном ряду [6, с. 178]. Некоторые из русских уважали её за благородное происхождение, несмотря на то, что по приказу самого правительства она была лишена дворянского звания [6, с. 183]. Местный смотритель в Брянске (сам родом из Могилёвского уезда) высказывал большое сожаление за необходимость сопровождать благородным особ в столь стеснительном положении, которых ему искренне

жаль: «Бедные люди, как же хорошо отблагодарили услужливостью... Мой несмелый смотритель-дозорный очень мило охраняет мой отъезд и незаметно просит у меня позволения поцеловать руку» [6, с. 194 – 195].

Впрочем, отношение к бывшей дворянке было самым различным даже в Центральных губерниях России. И если «на простых деревенских станциях сопровождающих охранников всё чаще принимали за почётную гвардию», то в более крупных поселениях «чернь имела подозрительный брезгливый взгляд» и даже пыталась ограбить повозку [6, с. 201]. Х.Скирмунт с обидой отмечала, как простой почтовый староста злостно ругал всех поляков и угрожал им скорой расправой: «Вот теперь вам надо подчиняться исправникам или полиции». «Какая-то дворянка-россиянка смотрит на меня так злостно, будто хочет разорвать... Почему-то тут все недобрые люди» [6, с. 198, 206]. Поразило её и то, что восстание 1863 г., вызванное стремлением жителей Западных губерний улучшить своё положение, в глазах русских выглядело «слепым своеволием нескольких революционеров» [6, с. 182].

Таким образом, жители более отдалённых от мятежного края губерний не только не были осведомлены о действительном ходе там событий, но и имели самое неоднозначное мнение о её жителях: от злостной ненависти к ссыльным за несогласие с политикой самодержавия, до бескрайнего уважения за былое благородное происхождение.

Список литературы

1. 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. – М.: Мысль, 1991. – 478 с.
2. Бошняк, А.К. Дневные записки путешествия в разные области Западной и Полуденной России в 1815 г. / А.К. Бошняк. – М.: Унив. тип., 1820. – Ч. 1. – 90 с.
3. Воронов, В.І. Джерелознавство історії України / В.І. Воронов. – Дніпропетровськ: Вид-во Дніпропетр. унів-ту, 2003. – 336 с.
4. Григорьева, И.В. Источниковедение новой и новейшей истории стран Европы и Америки / И.В. Григорьева. – М.: Высшая школа, 1984. – 335 с.
5. Грыцкевіч, В.П., Мальдзіс А. Шляхі вялі праз Беларусь / В.П. Грыцкевіч, А.Мальдзіс. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1980. – 272 с.
6. Залескі, Б. З жыцця літвінкі: з лістоў і нататак (1823 – 1874) / Б. Залескі. – Мінск: Выд. В. Хурсік, 2009. – 340 с.
7. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. – Т. 2, ч. 2: 1801 – 1856 гг. / под ред. П.А. Зайончковского. – Москва: Книга, 1978. – 228 с.
8. Мальдзіс, А. Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі. Восень пасярод вясны / А.Мальдзіс. – Мінск: Мастацкая літаратура, 2009. – 479 с.
9. Никитин, С.А. Источниковедение истории СССР. XIX век / С.А. Никитин. – М.: Соцэкгиз, 1940. – Т.2. – 226 с.
10. Петров, М.М. Рассказы полковника М.М. Петрова / М.М. Петров // Воронежское дворянство в Отечественную войну. – М.: Изд. губерн. предводит. дворянства, 1912. – С. 115 – 220.
11. Розен, А.Е. Записки декабриста / А.Е. Розен. – Лейпциг: Дункер и Гумблот, 1870. – 636 с.

12. Русские мемуары: Избранные страницы. 1800 – 1825 гг. / сост. И.И.Подольской. – М.: Правда, 1989. – 624 с.
13. Сыракомля, У. Вандроўкі па маіх былых ваколіцах: успаміны, даслед. гісторыі, звычайў / У. Сыракомля; пер. з пол., прадм., камент. К. Цвіркі. – Мінск: Маст. літаратура, 2002. – 205 с.
14. Ходин, С.Н. История и теория источниковедения: учеб. пособие / С.Н. Ходин, В.П. Грицкевич, С.Б. Каун. – Минск: Изд. центр БГУ, 2008. – 254 с.
15. Шишкина, О.П. Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 г. / О.П. Шишкина. – СПб.: Тип. 2-го отд. собств. е.и.в. канцелярии, 1848. – Т. 1. – 288 с.
16. Шпилевский, П.М. Путешествие по Полесью и белорусскому краю / П.М.Шпилевский. – Минск: Беларусь, 2004. – 251 с.
17. Johnston, R. Travels through part of the Russian Empire and the country of Poland: along the southern shores of the Baltic / R. Johnston. – London: Printed for J.J. Stockdale, 1815. – 460 p.

Заневский Сергей Викторович, кандидат исторических наук, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы.

УДК 930 (947/476) ВКП

Р.Б. Гагуа

ОБРАЗОВАНИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В РОССИЙСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Великое княжество Литовское, возникшее в XIII столетии, на протяжении нескольких столетий являлось одним из крупнейших государственных образований в Европе. Его история тесно связана с историческими судьбами таких государств как Беларусь, Литва, Россия, Польша и Германия. Не удивительно, что вопрос об образовании Великого княжества Литовского нашел отражение в работах историков этих стран. Фундаментальный обзор образования ВКП в историографии поместил в своей монографии, опубликованной в 1959 году, известный советский историк В.Т.Пашуто [21, с. 162 – 248]. Однако его анализ базируется на марксистской методологии, в основе которой лежит классовый подход, что позволяет отнести работу Пашуто к числу устаревших. После В.Т.Пашуто специальных исследований, касающихся образования Великого княжества Литовского, не проводилось. Создавшееся положение привело к тому, что в 2008 году в Казанском университете А.М.Столяровым была защищена диссертация на тему «История Великого княжества Литовского в отечественной историографии XIX – начала XX века» [27]. В указанной диссертации проблеме государственного генезиса в исторических сочинениях отведена лишь небольшая глава, в которой в общих чертах рассмотрены взгляды отдельных российских историков, что

обусловлено предметом и хронологическими рамками данного диссертационного исследования. В связи с этим проведение историографического обзора генезиса ВКЛ продолжает сохранять актуальность.

Целью представленной статьи является рассмотрение взглядов дореволюционных российских историков на указанную проблему, выделение основных подходов к объяснению возникновения государственности у древних литовцев, а также оценка их вклада в решение поставленной исследовательской задачи.

Российская историография образования Великого княжества Литовского достаточно обширна и представлена многими, порой диаметрально противоположными, точками зрения. Уже Н.М.Карамзин считал, что это государство образовалось в результате разбойничьих захватов русских территорий древними литовцами, которые сами не способны были ни к чему, кроме занятия «земледелием и войной» [13, с. 494]. В результате было высказано два ключевых положения, которые до настоящего времени ещё можно встретить в исторической литературе. Во-первых, был выдвинут тезис о завоевании литовцами русских земель, на которых уже существовала государственность. Во-вторых, уровень развития литовских племён в социальной, экономической, культурной сферах, не говоря уже о политической, признавался более низким, чем у славян, проживавших в западнорусских княжествах.

Подобные мысли находим и в трудах других российских историков. Так, С.М.Соловьёв считал древних литовцев не более чем искусными разбойниками, грабившими русские княжества и создавшими государство усилиями Миндовга, который характеризовался как хитрый, жестокий и беспринципный человек [26, с. 203].

Впрочем, такие суждения не были оригинальными, поскольку были высказаны ещё А.Шлёцером, который считал литовцев до создания государства дикарями, которых следует изучать как зверей – не историкам, а натуралистам [29, с. 23]. Он же утверждал, что Великое княжество Литовское было создано князьями путём грабежа [29, с. 39 – 40]. Тот же А.Шлёцер впервые выдвинул положение, которое до настоящего времени продолжает оставаться популярным среди историков – о том, что государственность у литовских племён возникла из-за необходимости противостоять внешней опасности. Он пишет: «Так возникли Новгород и Киев из страха перед норманнами и хазарами; так, кажется, Польша возникла из страха перед франками; так и Литва из опасения перед Польшей и русскими» [29, с. 28].

Против такой трактовки возникновения Великого княжества Литовского решительно выступил российский историк Н.Г.Устрялов. С одной стороны он соглашался с мнением предшественников о крайней отсталости древних литовцев, с другой – шёл ещё дальше, отказывая им вообще в возможности

создать свою государственность. Так, согласно его версии, «Литва..., обитая среди дремучих лесов в бедности, в грубом невежестве, до времён Гедимина с трудом отбивалась от русских князей, от ливонских рыцарей, всегда была народом малочисленным, слабым и тем менее могла взять перевес над соседями в гражданском устройстве, что до исхода XIV столетия она постоянно была погружена в язычество и не имела письменных законов» [28, с. 443 – 444].

Поэтому Н.Г.Устрялов относит образование Великого княжества Литовского не к XIII столетию, а к первой половине XIV века, и связывает его исключительно с деятельностью Гедимина, которому вследствие ума и политического таланта удалось объединить под своей властью русских при помощи русских же. При этом отмечается, что литовские князья по сути своей не являлись балтами, поскольку были рождены от русских княгинь, женаты на русских жёнах и исповедовали православие [28, с. 444]. Сам Гедимин, по версии Н.Г.Устрялова, «гордился именем русского князя» [28, с. 444].

Само Великое княжество Литовское объявлялось русским по характеру и являлось на определённом этапе силой, объединяющей русские земли наряду с Московским государством. Оно до определённого момента «было самостоятельным, имело своих князей из дома Гедиминова, сохраняло все черты русской народности и спорило с Москвою господствовать над всей Русью» [28, с. 445 – 446]. Здесь «всё было русское: вера, язык, гражданские уставы, понятия, нравы, обычаи» [28, с. 444].

Собственно Н.Г.Устрялов является родоначальником теории двух центров собирания русских земель – Литвы и Москвы, широко распространённой до настоящего времени, а также автором тезиса о славянском характере Великого княжества Литовского, в котором балтский элемент признаётся второстепенным, незначительным и не оказывает никакого влияния на государственное развитие.

Позиция Н.Г.Устрялова была частично поддержана И.Д.Беляевым, который вообще утверждал, что в то время, когда литовцы преодолели доисторическую стадию развития и начали выступать в качестве субъекта истории, они уже являлись «более или менее русскими людьми» и существенных отличий от полочан не имели [4, с. 83]. Эта близость, сложившаяся благодаря длительному подчинению литовцев Полоцкой земле, имевших здесь многочисленные колонии, привела к появлению у них политических институтов, схожих на полоцкие – например, княжеской власти и аристократии. Разница заключалась лишь в том, что литовские князья были местного происхождения и богатые, зависимые только от знатных литовских родов, а полоцкие – пришлые и зависимые от местного, чуждого им в этническом плане населения. Именно поэтому после упадка Полоцка «русские города Полоцкого княжества охотно подчинялись литовским князьям» и

впоследствии были объединены в единое государство Гедимином [4, с. 76 – 80].

Так же и у известного представителя западнорусизма М.О.Кояловича находим, по меткому выражению В.Т.Пашуто, «маловразумительную концепцию» возникновения литовской государственности [21, с. 167]. Согласно его рассуждениям Великое княжество Литовское было создано в три этапа.

На первом этапе в результате появления княжений в Западной Руси (под которой М.О.Коялович подразумевал территории современной Беларуси, Литвы и Украины) проживавшие в пограничных областях литовские племена вынуждены были под натиском русских переселяться на север. При этом они воспринимали определённые черты русской культуры и знакомили с ней других балтов [15, с. 49].

Затем походы Батыя на русские княжества привели к их ослаблению, чем не преминули воспользоваться «верхне-литовские» князья, подчинившие себе Полоцкую и Новогрудскую земли – второй этап. Эти земли, в свою очередь, были «даже расположенными признать над собой литовскую власть, чтобы иметь в ней защиту от татар» [15, с. 92]. При этом жители Аукштайтии вскоре «пресоздались» в русских [15, с. 92].

На третьем этапе, теснимые Ливонским орденом жители Жемайтии пришли на земли Западной Руси и слились с местным западнорусским населением. Таким образом, благодаря усилиям жемайтских князей возникло Литовское государство [15, с. 97 – 100].

В результате получилось, что Великое княжество Литовское было образовано на основе западнорусской государственности литовскими князьями вследствие угрозы со стороны монголо-татар и крестоносцев в результате этнических переселений. При этом литовский этнос был «незаметно, легко и безопасно» ассимилирован славянами [15, с. 100].

Концепция добровольного подчинения славянских княжеств литовским князьям, соединившая в себе позицию Н.Г.Устрялова о двух центрах собирания русских земель с тезисом М.О.Кояловича об угрозе западнорусским землям со стороны монголо-татар нашла отражение в работе «Русская история» К.Н.Бестужева-Рюмина. Объясняя успешное включение в Великое княжество Литовское славянских территорий, он писал, что русские княжества были вынуждены принимать у себя литовских князей под натиском Золотой Орды. При этом Миндовг сравнивался с вождём франков Хлодвигом, который лишь при помощи хитрости и коварства захватил власть в Литве, а истинным создателем Великого княжества Литовского объявлялся Гедимин [5, с. 304 – 306].

Довольно необычную, можно сказать даже тавтологичную, версию возникновения Великого княжества Литовского находим в работе представителя официальной имперской историографии П.Н.Батюшкова. Он считал, что борьба с русскими княжествами вынудила объединяться литовские

роды и племена в союзы «для общего действия». В результате Миндовг создал государство, используя литовцев для подчинения русских территорий, а русских для подчинения других литовских князей [3, с. 46, 56].

Указанные работы в той или иной мере оказали влияние на мнение менее предвзятых в своих суждениях представителей российской дореволюционной историографии, создавших специальные исследования, посвященные истории Великого княжества Литовского. Так В.Б.Антонович точно также придерживался версии о том, что литовцы основали государство на нелитовской территории, которая была заселена «родственным» им и «гораздо более цивилизованным племенем» [1, с. 4]. При этом не появились в Прибалтике крестоносцы, которые «с каждым годом подвигались дальше вглубь Литовских земель, опустошали новые волости, насильно крестили жителей, наказывали их сопротивление и отпадение от христианства рабством; покорных же облагали тяжелыми налогами, лишали большей части земель в пользу немецких колонистов и подвергали железным тискам орденов организации» [1, с. 16], они вероятно образовали бы «теократическое государство, которое представляло бы союз более или менее крупных племен и округов, под верховною властью первосвященника» [1, с. 15].

Однако, проигрывая в «неравной борьбе» рыцарям Христа, разрозненные литовские племена осознали необходимость обретения «прочной государственной связи». Вследствие этого «два литовских народа» в поисках защиты от крестоносной агрессии попытались примкнуть к «государствам ближайших соседей»: латыши искали помощи у Полоцкого княжества, а пруссы – у славянских князей Польского поморья. И хотя и одни и другие, в конце концов, были покорены и завоёваны Тевтонским и Ливонским орденами, они дали время для того, чтобы занимавшие более выгодное географическое положение народы «собственно Литвы» и Жемайтии создали «более прочный государственный строй». Этот строй позволил литовцам более успешно вести борьбу против крестоносцев, черпая силы в «новых отношениях» с Русью, которые сложились в XIII столетии [1, с. 17]. Суть этих отношений, согласно видению В.Б.Антоновича, заключалась в том, что литовские племена, воспользовавшись раздробленностью и ослаблением, прежде всего, Полоцких земель, Смоленска, Гродненщины и Полесья, начали совершать на данные территории непрерывные грабительские набеги и завоевательные походы. В результате либо местные властители признавали власть литовских князей, либо литовские князья утверждались в отдельных славянских городах [1, с. 17 – 25].

Окончательно государство было создано в 1235 г. после вокняжения в Новогрудке Миндовга, который, опираясь на «литовское ополчение из своего Керновского удела», приобретал новые силы в Руси для покорения остальных

западнорусских земель и подчинения себе мелких литовских владетелей [1, с. 26].

Однако объединительные усилия Миндовга встретили сопротивление как со стороны славян, так и со стороны балтов, населявших новообразованное государство: славянские области желали выйти из подчинения Миндовга, в чём находили поддержку у посаженных здесь в качестве наместников литовских князей, а мелкие литовские, ятвяжские и племенные вожди не хотели утратить окончательно определённую политическую самостоятельность своих родовых владений [1, с. 25 – 27].

Внутренняя оппозиция Миндовгу находила также внешнюю поддержку со стороны магистров Ливонского ордена, галицко-волынских, а так же мазовецких князей, не желавших образования нового государства в землях, которыми они надеялись постепенно овладеть. Борьба на два фронта – против внутренних противников и внешних врагов – заканчивается гибелью Миндовга [1, с. 27]. Тем не менее, ему удалось «проложить путь» спасения самобытности литовского племени, а также создания государственного центра для разрозненных русских земель, по которому пошли «Гедимин и его последователи» [1, с. 27].

Подводя итоги взглядов В.Б.Антоновича на возникновение Великого княжества Литовского, можно отметить следующее:

– во-первых, историк считал, что основными предпосылками его образования являются выгодное географическое положение начальной территории, позволившее получить отсрочку от агрессивных действий со стороны соседних государств, и ослабление соседних славянских княжеств, позволивших осуществлять в их отношении со стороны Литвы успешную военную и политическую экспансию;

– во-вторых, основателем государства следует признать Миндовга, который черпал силы в Руси для успешного противостояния внешней агрессии, сохраняя, тем не менее, доминирование в княжестве литовского начала;

– в-третьих, особенностью образования Великого Княжества Литовского являлся его биэтнический характер, что представляло определённые трудности, поскольку препятствовало «быстрому сближению» литовцев и славян и их «дружелюбному и вполне солидарному отношению друг к другу». Эти трудности были преодолены при Витене и Гедимине. Их усилиями Великое княжество Литовское превратилось в полноценное государство и стало служить балто-славянским форпостом в противостоянии крестоносной агрессии [1, с. 27, 38].

В том же 1885 году была опубликована работа Н.П.Дашкевича «Заметки по истории Литовско-Русского государства» [9]. Историк признал ряд положений некоторых своих предшественников, например, о «русской сущности» Великого княжества Литовского и о заимствовании литовцами

«государственной идеи» вследствие длительного соседства славянских государств [9, с. 1, 15].

При этом, в позиции Н.П.Дашкевича наблюдается некоторая двойственность: с одной стороны, он соглашается с тем, что Великое княжество Литовское возникло в результате литовского завоевания, с другой – пишет о поддержке со стороны русского народа действий литовских князей по собиранию русских земель [9, с. 1, 93]. Данное противоречие он пытается преодолеть при помощи утверждения об уникальном положении этносов в новом государстве, в котором до Кревской унии отсутствовало не только национальное, политическое, религиозное доминирование одной народности над другой, но даже существовало классовое равенство. Данное обстоятельство определило успех литовских князей в быстром создании сильного и обширного государства [9, с. 92 – 93].

В то же время Н.П.Дашкевич, на что указал уже В.Т.Пашуто, впервые обратил внимание на умаление со стороны исследователей степени развития литовских племён в XIII веке [21, с. 177].

По мнению Н.П.Дашкевича, ко времени образования государства, у литовцев сложился особый «дружинный строй» и начал формироваться достаточный по численности «высший класс», а литовские племена объединились в подобие федерации, включавшую в себя собственно Литву и Жемайтию. В этих условиях для утверждения своей власти во всей Литовской земле Миндовг мог искать опору только за её пределами, то есть в славянских землях [9, с. 11, 16 – 17, 20; 21, с. 177 – 178].

С теорией завоевания категорически не согласились, солидаризируясь, таким образом, в данном вопросе с Н.Г.Устряловым, Ф.М.Леонтович, М.Ф.Владимирский-Буданов и М.В.Довнар-Запольский.

Ф.М.Леонтович в работе «Очерки истории литовско-русского права» сперва принял основные положения В.Б.Антоновича о консолидации Литвы под властью Миндовга вследствие борьбы с Ливонским орденом, чья «завоевательная деятельность... по своим результатам имеет такое же значение, как и монгольский погром в отношении к Руси» [16, с. 84]. Однако сразу же, вслед за М.Ф.Владимирским-Будановым [7, с. 2], поставил вопрос о том, явилось ли причиной образования Великого княжества Литовского завоевание русских земель литовцами.

Становясь в оппозицию к В.Б.Антоновичу, он писал: «Вопрос этот имеет существенное значение в истории не только литовского, но и вообще русского права. Раз будет доказано, что в XIII и XIV столетии Западная и южная Русь... была завоёвана Литвой и сделалась военною добычей литовских князей, распоряжавшихся страной по праву завоевания..., мы должны, по меткому замечанию профессора М.Ф.Владимирского-Буданова, вместе с тем «признать, что в эпоху литовскую история русского права попятилась назад к временам первобытным», или же признать, что так было везде в древней Руси [16, с. 85].

Поставленная проблема решается следующим образом. Сначала Ф.М.Леонтович вслед за В.Б.Антоновичем прослеживает процесс включения в Великое княжество русских земель, однако при этом старается показать, что все свидетельства источников не носят очевидного характера касательно их насильственного присоединения [16, с. 86 – 95]. Отсюда делается вывод, что «о «завоеваниях» может быть речь в начальную пору этого процесса, при первых литовских вождях, ... да в конце процесса – при Витовте, когда к литовским владениям присоединились, путём завоевания такие области, как южные дикая поля и пр.» [16, с. 95]. Что касается периода от «первых литовских вождей» до княжения Витовта, то в этом случае «прибегать к завоеваниям не было никакой надобности», поскольку «гнетущие бытовые условия», вызванные монголо-татарским разорением заставляли «русские земли и русских князей вступать в союз, а затем и добровольно подчиняться власти сильных и энергичных литовских вождей» [16, с. 95].

В свою же очередь литовские князья, «отдавая явное предпочтение русской гражданственности и русским людям, ... неуклонно следовали в объединении русских земель» политике «приязни с населением и «очищения» русских земель от ордынцев и ордынской зависимости» [16, с. 96].

М.В.Довнар-Запольский в первом томе своей монографии «Государственное хозяйство Великого княжества Литовского», увидевшей свет в 1901 году, сделал попытку определить характер взаимоотношений великих князей литовских с управляемыми ими русскими землями, вошедшими в состав государства. Придерживаясь идеи мирного вхождения русских территорий в состав Великого княжества Литовского в качестве своеобразных федеративных единиц по договору, М.В.Довнар-Запольский особо подчёркивал, что только Литву в узком смысле они считали своей родовой вотчиной [11].

Позиция М.В.Довнар-Запольского более конкретно изложена в его рукописи «История Беларуси», завершённой к 1925 году, однако впервые увидевшей свет в переводе на белорусский язык в 1994 году и лишь в 2003 году в первоначальном русском варианте.

Под влиянием В.Б.Антоновича М.В.Довнар-Запольский пишет, что вследствие угрозы со стороны Тевтонского и Ливонского орденов, захвативших Пруссию с латышскими землями, Миндовг начал создание государства для борьбы с врагом, и, захватив соседние русские земли, перенёс свою столицу из Керново в Новогрудок, поскольку «стремился подкрепить себя силами русского населения» [12, с. 54]. Однако «Миндовгу было трудно справиться с галицкими князьями, которые даже устроили против Миндовга сильную коалицию, объединив с собой Ливонский орден и возбудив против Миндовга Товтивила. Тогда Миндовг вошел в сношения с ливонском магистром, принял крещение и даже был коронован королем литовским – папским представителем. Галицийская коалиция разбилась» [12, с. 54].

Здесь, в отличие от своих предшественников, М.В.Довнар-Запольский признаёт, что Миндовг вынужден был «в сильной мере» опираться на поддержку Ордена [12, с. 55], но тут же «идёт на попятную», заявляя, что он «колебался в выборе между крестоносцами и католичеством с их западной культурой и между русскими областями с их восточной культурой» [12, с. 55]. В конце концов «Миндовг, не без влияния своего сына Войшелка, на первый план выдвинул связи с белорусскими землями, чем определилась дальнейшая политика последующих князей» [12, с. 55]. Соответственно роль балтского элемента в образовании Великого княжества Литовского сводилась практически к нулю, так как, по мнению М.В.Довнар-Запольского «малочисленное литовское племя, притом малокультурное, в этом выборе значения не имеет» [12, с. 55].

И как результат: «Ольгерд и Гедимин являются настоящими основателями Литовско-Русского государства. Они положили начала той связи, которая начала объединять Литву и белорусские области. ... Русское население охотно подчинялось власти литовских князей, которые приносили свою защиту от сильных соседей и прекращали междоусобную борьбу. К тому же в обеих западнорусских землях русский княжеский род прекратился (Полоцкая земля), другие же (Турово-Пинская область, северские княжества) так раздробились, что владетельные князья превратились в простых вотчинников, помещиков; княжества их утратили характер государства, превратившись в поместья, иногда очень мелкие. В силу этого литовцы являлись не как завоеватели, но как элемент, вносящий известный прочный правопорядок в народную жизнь. ...Литовские князья не вносили ничего нового в жизнь русских областей. ...Малокультурные литовцы быстро подчинились белорусскому влиянию» [12, с. 56].

Таким образом, М.В.Довнар-Запольский первым из академических историков фактически определил этнический характер Великого княжества, как белорусский.

Во многом взгляды М.В.Довнар-Запольского перекликаются с взглядами представителя украинской (в рамках Российской империи) историографии М.С.Грушевского, хотя в трудах последнего находим весьма существенные отличия от точки зрения своего белорусского коллеги.

С одной стороны, украинский историк соглашается с тезисами о первоначальной отсталости (в сравнении со славянами) литовских племён, немецкой угрозе Литве со стороны Ливонского и Тевтонского «рыцарских братств», а также об опоре Миндовга на Ливонский орден для борьбы с галицко-волынскими князьями. С другой стороны – он одним из первых в исторической науке отмечает, что создание Великого княжества Литовского являлось результатом политического развития балтских племён, чья внутренняя «ферментация» проявилась в «необычном развитии литовских набегов на соседние земли – русские и польские» [8, с. 7]. Впоследствии

данное положение стало одним из исходных в исследовании современного литовского историка Томаса Баранаускаса.

Политическая эволюция литовских племён обрела, по мнению М.С.Грушевского, логическое завершение в создании Миндовгом государства. С этого момента соседние русские территории начинают быстро попадать под влияние литовских князей и ко времени вокняжения Гедимина все кривичские и большая часть дреговичских земель оказались захвачены и включены в состав нового государства. Таким образом, ко времени княжения Гедимина «литовская оккупационная политика в русских землях получила большое развитие» и литовское правительство сознательно вступила на путь собирания русских земель [8, с. 19].

При этом М.С.Грушевский особо отметил, что он не ставил целью специально заниматься проблемой образования «Литовского государства», отмечая, что в его формировании украинские земли и украинский народ играли второстепенную роль, в то время как основу в Великом княжестве Литовском составляли литовский и белорусский этнические элементы [8, с. 8]. Правда тут же М.С.Грушевский добавляет, что Великое княжество Литовское можно в определённой мере считать «державой славянской, наследницей Киевской Руси», что фактически указывает на признание им белорусского характера этого государства [8, с. 8].

Наиболее основательно после В.Б.Антоновича в российской историографии времён империи вопрос об образовании Великого княжества Литовского разработал М.К.Любавский [17]. Он пришёл к заключению, что возникновение государственности у балтских племён стало результатом их экономического, социального, а также политического развития. Так, М.К.Любавский, вопреки распространённому в то время в исторической науке мнению, отметил, что балтские племена достигли значительных успехов в развитии сельского хозяйства – в первую очередь в земледелии [17, с. 7, 8 – 9].

В конце XII – начале XIII века, как показывает М.К.Любавский, «территория литовских племён является поделенною на постоянные округа, носящие свои названия», которые, «по-видимому, развились из родственных союзов» [17, с. 9]. Эти литовские «волости» к этому времени были уже объединениями «чисто политическими», в которых наблюдалось возникновение имущественного и социально-политического неравенства» [17, с. 9].

Данные политические объединения управлялись особой категорией людей, известной по источникам, как «рикасы», «кунигасы», «князья», которые возможно были потомками родовых старейшин, но «чаще всего, по всем признакам, это были вожди, избираемые народом, или навязавшиеся ему силою, крупные землевладельцы, имевшие укрепленные усадьбы с множеством челяди, скота, хозяйственных припасов и оружия» [17, с. 10]. Эти вожди выполняли, прежде всего, военные функции по защите подчинённых

областей, но кроме этого часто командовали, по выражению М.К.Любавского «шайками» во время грабительских военных набегов на соседние польские и русские земли. Данное обстоятельство определило вывод историка о том, что у литовских племён накануне объединения их под властью Миндовга уже существовал «класс, соответствующий германской и славянской дружине» [17, с. 10].

Приступая к непосредственному рассмотрению вопроса об образовании Великого княжества Литовского, русский историк, прежде всего, вразрез с мнением В.Б.Антоновича, отвергает версию о том, что до появления великих литовских князей в балтских землях «верховная власть находилась в руках главного жреца – Криве-Кривейте» [17, с. 11 – 12].

Далее М.К.Любавский исходит из предпосылки, что «до Миндовга на Литве не было государственной власти, распространявшейся на всю территорию литовского племени», а была только власть отдельных вождей, распространявшаяся на относительно небольшие районы балтских территорий [17, с. 12].

Походы против балтских племён, предпринимаемые русскими князьями в XI и XII в., явились толчком к началу объединения литовских кунигасов в военно-политические союзы, сначала для обороны своих территорий, а впоследствии и для совершения набегов в соседние земли – прежде всего – на Русь и Польшу. При этом особо отмечается, что начало литовских набегов «едва ли... можно объяснить только внутренними неурядицами Руси и Польши» [17, с. 12].

Со временем союзы становились всё крупнее и сильнее, причём слабые князья примыкали к наиболее сильным. Уже в первой половине XIII столетия из их среды выделился наиболее сильный, влиятельный и богатый властитель – отец Миндовга, унаследовав владения которого, Миндовг «стал во главе Литовской земли» [17, с. 13].

Однако на первых порах, его верховенство являлось номинальным и сводилось к тому, что Миндовг возглавлял литовских князей во время совместных военных походов, в то время, как другие князья сохраняли политическую независимость. Такое положение сохранялось, по мнению М.К.Любавского до 1248 года [17, с. 13 – 14].

В 1248 году, по словам М.К.Любавского, начинается «новый период» в отношениях Миндовга с другими литовскими князьями: он захватывает их земельные владения и «движимое имущество», присоединяет их к «наследству, полученному от отца» и узурпирует, таким образом, власть во всей Литве. С этого момента «все другие князьки» должны были ему беспрекословно подчиняться. Делая определённый «реверанс» в отношении своих предшественников, М.К.Любавский добавляет, что Миндовг «в переполох и сумятицу, произведённую на Руси татарами,... захватил... Чёрную Русь», в которой черпал «немало сил в борьбе со своими врагами» [17, с. 14].

Политическому сплочению новообразованного государства способствовала постоянная борьба Миндовга против галицко-волинских князей, Польского королевства, Ливонского ордена и внутренней оппозиции. При Миндовге Великое княжество Литовское так укрепилось, что даже после его убийства в результате заговора «не разложилось среди междоусобиц» [17, с. 14 – 15].

Как мы видим, российская историческая наука уже в дореволюционный период проделала значительный путь в постановке и освещении проблемы образования Великого княжества Литовского: от простых упоминаний о появлении нового государства на исторической карте Восточной Европы до серьёзных попыток разобраться в причинах и обстоятельствах его возникновения. Следует оговориться, что в границах Российской империи зародилась также литовская и польская историография, представителей которой мы в данной статье не рассматривали.

Наиболее ранней во временном отношении выступает концепция, рассматривающая образование Великого княжества Литовского как результат завоевания предводителями «диких» литовских племён более развитых славянских земель с последующим заимствованием тех политических и правовых институтов, которые существовали здесь уже несколько столетий. Основателями её можно считать, прежде всего, А.Шлёцера и Н.М.Карамзина. В определённой мере с ней солидаризируются также В.Б.Антонович, Н.П.Дашкевич, М.С.Грушевский и частично М.К.Любавский. Однако последние три автора отмечают, что к моменту появления государственности у литовских племён уже сформировался определённый, достаточно развитый политический строй с выделенным в особую прослойку нобилитетом. Более того, М.К.Любавский вообще представляет образование Великого княжества Литовского как логическое завершение эволюции литовских политических институтов, в то время как завоевание русских территорий лишь облегчило процесс окончательной консолидации федерации литовских князей в единой державе под властью Миндовга.

Таким образом, в концепции возникновения Великого княжества Литовского в результате завоевания балтами соседних земель можно выделить два основных направления – варварско-адаптивное (А.Шлёцер, Н.М.Карамзин) и дружинно-адаптивное (В.Б.Антонович, Н.П.Дашкевич, М.С.Грушевский). Варварско-адаптивная концепция предполагает, что Великое княжество Литовское образовалось в результате завоевания славянских территорий балтскими племенами, находящимися на первобытно-общинной стадии развития, которые восприняли славянские политические институты и были быстро ассимилированы завоеванным населением. С точки зрения дружинно-адаптивной теории, балты находились уже на довольно высокой стадии общественного развития и у них выделилась военно-служилая прослойка, что сделало возможным осуществить захват славянских

территорий. Однако впоследствии захватчики балты были ассимилированы местной славянской знатью.

Противоположной теории завоевания выступает концепция добровольного подчинения славянских территорий литовским князьям, в которой, в свою очередь, можно выделить также несколько направлений. Наиболее радикальной из них является концепция возникновения Великого княжества Литовского в результате политической и культурной ассимиляции литовских племен славянами (Н.Г.Устрялов, И.Д.Беляев). По сути, в указанном случае Великое княжество Литовское представляется результатом объединительных процессов в русских княжествах. Соответственно и далее новое государство выступает как центр собирания русских земель. Менее радикальной является теория, согласно которой славянские земли добровольно подчинялись Литовским князьям, спасаясь от монголо-татарского завоевания (К.Н.Бестужев-Рюмин). В этом варианте ослабленные междоусобицами русские княжества оказавшись между «Сциллой и Харибдой» и, выбирая из двух зол меньше, позволили литовским князьям объединить под своей властью славянские земли.

Наконец, позицию М.О.Кояловича в отношении образования Великого княжества Литовского можно назвать «гибридной», поскольку она содержит черты как теории завоевания, так и добровольного подчинения: с одной стороны литовские князья захватили Полоцк и Новогрудок, с другой – эти земли «были расположены признать их власть», а в результате государство создали вообще жемайтские князья.

Сходную двойственную позицию занял также Н.П.Дашкевич, утверждая, что славянский этнический элемент использовал литовское завоевание для собирания русских земель в едином государстве.

Тем не менее, решить поставленную проблему российским историкам окончательно не удалось. Кроме концептуальных расхождений по поводу процесса генезиса Великого княжества Литовского, среди исследователей отсутствует единство в определении времени возникновения указанного государственного образования. Так, одни историки относят его появление к XIII веку и связывают его создание с личностью Миндовга (П.Н.Батюшков, В.Б.Антонович, Н.П.Дашкевич, М.С.Грушевский, М.К.Любавский), другие считают, что оно было создано в XIV столетии усилиями Витеня и Гедимина (Н.Г.Устрялов, И.Д.Беляев, Ф.М.Леонтович, М.Ф.Владимирский-Буданов, М.В.Довнар-Запольский). Нет единства и в определении национального характера Великого княжества Литовского. Н.Г.Устрялов, И.Д.Беляев, М.О.Коялович, Ф.М.Леонтович, М.Ф.Владимирский-Буданов считали, что это было славянское государство, при этом подразумевали под славянским русское. Исключением является М.В.Довнар-Запольский, который впервые определил характер как белорусский (с ним в какой-то мере солидаризировался Н.С.Грушевский). Н.М.Карамзин, А.Шлёцер, П.Н.Батюшков,

В.Б.Антонович, Н.П.Дашкевич, М.К.Любавский считали Великое княжество Литовское биэтническим государством, однако по-разному определяли роль балтского и славянского этносов в государственном строительстве и функционировании.

Наконец, разными исследователями в качестве основных причин образования Великого княжества Литовского выдвигаются различные факторы.

На наш взгляд, основными недостатками, присущими всей российской дореволюционной историографии в разработке проблемы генезиса государственности у древних литовцев являются: во-первых, её «изолированность» – российские историки не использовали достижения в данном вопросе зарубежных исследователей и, во-вторых, неполнота источникового корпуса – большая часть источников не восточнославянского происхождения ими не была проанализирована. Кроме того, ряд исследователей, прежде всего Н.Г.Устрялов, И.Д.Беляев, П.Н.Батюшков, М.О.Коялович и др. в своих работах были далеки от объективности, довольно вольно интерпретируя свидетельства исторических источников и игнорируя те из них, которые шли вразрез с занимаемой авторами позицией.

Список литературы

1. Антонович, В.Б. Очерк истории великого княжества Литовского до смерти В.К. Ольгерда: в 2 томах / В.Б. Антонович // Монографии по истории западной и юго-западной России. – Киев: Типография Е.Я. Федорова Крещатицкая площ. собствен. домъ, 1885. – Т. 1. – 133 с.
2. Антонович, В.Б. Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия / В.Б. Антонович. – Киев: Въ университетской типографіи, 1878. – В. 1. – 158 с.
3. Батюшковъ, П.Н. Белоруссия и Литва, Историческія судьбы Северо-Западнаго края / П.Н. Батюшков. – СПб.: Типография Товарищества «Общественная Польза», Большая Подъячская, 1890. – 560 с.
4. Беляев, И.Д. История Полотска, или Северо-Западной Руси отъ древнейшихъ временъ до Люблинской уніи / И.Д. Беляев // Рассказы изъ Русской исторіи. – Кн. 4. – М.: Въ Синодальной Типографіи, 1872. – 462 с.
5. Бестужевъ-Рюминъ, К.Н. Русская исторія / К.Н. Бестужевъ-Рюминъ. – СПб.: Типографія А. Траншеля, 1872. – 483 с.
6. Брянцевъ, П.Д. Очеркъ Древней Литвы и Западной Россіи / П.Д. Брянцевъ. – Вильна: Типографія А.Г. Сыркина, 1891. – 157 с.
7. Владимирский-Буданов, М.Ф. Немецкое право в Польше и Литве / М.Ф. Владимирский-Буданов. – СПб.: [б.и.], 1868. – 304 с.
8. Грушевські, М. Історія України – Руси / М. Грушевські. – Т. IV. – Київ – Львів: Друкарня П.Барського, 1907. – 630 с.
9. Дашкевич, Н.П. Заметки по истории Литовско-Русского государства / Н.П. Дашкевич. – Киев, 1885. – 192 с.

10. Дворниченко, А.Ю. Историография Великого княжества Литовского и «Очерк истории Литовско-Русского государства» М.К. Любавского / А.Ю. Дворниченко // Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно / М.К.Любавский. – СПб.: Наука, 2004. – С. 14 – 30.
11. Довнар-Запольский, М.В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах / М.В. Довнар-Запольский. – Киев: Типография Императорского Ун-та св. Владимира Акцион. о-ва печатн. и издат. дела Н.Т. Корчак-Новицкого, 1901. – Т. I. – 807 с.
12. Доўнар-Запольскі, М.В. Гісторыя Беларусі / М.В. Доўнар-Запольскі. – Мінск: Выдавецтва «Беларуская энцыклапедыя» імя Петруся Броўкі, 1994. – 506 с.
13. Карамзин, Н.М. История государства Российского: в 4 т. / Н.М. Карамзин. – Ростов н/Д: Феникс, 1997. – Кн. 1. – Т. III. – 512 с.
14. Костомаров, Н.И. Русские инородцы. Литовское племя и его отношение к русской истории / Н.И. Костомаров // Русское слово, литературно-ученый журнал, издаваемый графом гр. Кушелевым-Безбородко. – СПб.: Типография Рюмина и комп., 1860. – № 5. – С. 1 – 100.
15. Кояловичъ, М.О. Чтенія по исторіи Западной Россіи / М.О. Кояловичъ. – СПб., 1884. – Изд. 4. – 454 с.
16. Леонтовичъ, О.И. Очерки исторіи литовско-русскаго права / О.И. Леонтовичъ // Журналъ министерства народнаго просвещенія. – Ч. 286 (март). – СПб., 1893. – С. 69 – 136.
17. Любавскій, М.К. Очеркъ исторіи Литовско-Русскаго государства до Люблинской унии включительно / М.К. Любавскій. – М.: Московская художественная печатня, 1915. – 407 с.
18. Макарий. Православная и русская народность в Литве / Макарий // Христианское чтение. – Спб., 1851. – Ч. 1. – С. 430 – 497.
19. Михальченко, С.И. Киевская школа в российской историографии (школа западно-русского права) / С.И. Михальченко. – М., Брянск: Изд-во Брян. гос. ун-та, 1996. – 186 с.
20. Михальченко, С.И. Киевская школа в российской историографии (В.Б. Антонович, М.В. Довнар-Запольский и их ученики) / С.И. Михальченко. – М., Брянск: Изд-во Брян. гос. ун-та, 1997. – 228 с.
21. Пашуто, В.Т. Образование Литовского государства / В.Т. Пашуто. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 536 с.
22. Пичета, В.И. Разработка истории белорусско-литовского права XV – XVI вв. в историографии / В.И. Пичета // Белоруссия и Литва XV – XVI вв. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С.413 – 455.
23. Пресняков, А.Е. Лекции по русской истории. Западная Русь и Литовско-Русское государство / А.Е. Пресняков. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. – Т. II. – Вып.1. – 246 с.
24. Погодин, М.П. Начертаніе русской исторіи. Для гимназій, сочиненіе / М.П.Погодин. – М.: Въ Университетской Типографіи, 1837. – Изд. второе, исправленное и умноженное. – 410 с.
25. Полевой, Н.А. Исторія русскаго народа / Н.А. Полевой. – М.: Въ типографіи Августа Семена, при імператорской Мед.-хірург. академіи, 1833. – Т. 5. – 693 с.
26. Соловьёв, С.М. История России с древнейших времён: Соч. в 18 кн. / С.М.Соловьёв. – М.: Голос, 1988. – Кн. 2. – Т. 3 – 4. – 768 с.

27. Столяров, А.М. История Великого княжества Литовского в отечественной историографии XIX и начала XX века: автореф. диссертации ... канд. истор. наук / А.М.Столяров. – Казань, 2008. – 24 с.

28. Устряловъ, Н.Г. Изследование вопроса, какое место въ русской исторіи должно занимать великое княжество Литовское / Н.Г. Устряловъ // Русская исторія. – СПб.: Тип. Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, 1839. – Ч. 1. – 444 с.

29. Schlözer, A.L. Geschichte von Litauen als einem eigenen Groß für Stenthume bis zum J. 1569 / A. L. Schlözer // Geschichte von Littauen, Kurland und Liefland. – Halle: ben Johan Jacob Gebauer, 1785. – S. 1 – 300.

Гагуа Руслан Борисович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук, философии и права Полесского государственного университета.

УДК 930.1 (476)

Т.М. Тохиян

**ПРОБЛЕМА ПОСТРОЕНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
(1917 – 1922 гг.) В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
30-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 50-х гг. XX ВЕКА**

Закономерный переход современной отечественной исторической науки на новый уровень развития делает необходимым обращение к активному творческому осмыслению накопленного опыта. Несомненно, что достижения историографии на прошлых исследовательских этапах напрямую воздействуют на характер современной науки. Но для того, чтобы разобраться в пройденном пути, избежать повторения ошибок прошлого, отечественные историки в первую очередь должны уделить внимание непредвзятой и объективной истории исторической науки Беларуси.

Историография означенной проблемы невелика по объему. Ни в зарубежной, ни в отечественной исторической науке обобщающие работы, где бы комплексно и всесторонне освещались вопросы историографии истории белорусской государственности, не представлялись. Упоминания об изучении отечественными и зарубежными исследователями отдельных вопросов истории построения белорусской государственности встречаются в ряде работ. Но, как правило, они фрагментарны и схематичны, не выделяются из общего контекста историографических обзоров истории Беларуси и несут на себе отпечаток времени. Историографический анализ марксистского подхода и осмысление его влияния на изучении проблемы построения белорусской государственности (1917 – 1922 гг.) в 30-х – первой половине 50-х гг. XX в. с позиций современной науки позволят объективно посмотреть на проблему.

1930 г. стал поворотным для белорусской историографии. В резолюции XIII съезда КП(б)Б (май 1930 г.) отмечалось, что главной опасностью для национальной политики в Беларуси является «национал-демократизм» [6]. В

печати первоначально он представлялся как антинародное движение [7, 8], затем – как течение, имеющее целью реставрировать капитализм в БССР [9, 8, с. 31]. Любое обращение учёных к национальным вопросам партийно-государственной структурой квалифицировалось как проявление национализма. Так постепенно доминирующее положение стала занимать марксистская методология. Все общественные явления стали оцениваться с классовых позиций. Командно-административная система, которая установилась в СССР и БССР, оказывала сильное влияние на тематику исследований. А.Гарунович в своём труде «Супраць нацыянал-дэмакратызма і шовінізмаў розных колераў» [9] выступил с критикой I Всебелорусского съезда, работа которого, по его мнению, была проникнута стремлением «обеспечить власть национально-социалистическим партиям» [9, с. 21]. Автор разделял точку зрения партийной номенклатуры о правильности действий большевиков в декабре 1917 г. и поэтому разгон съезда рассматривал как контрмеру, использованную «для защиты диктатуры пролетариата от замашек со стороны кулацких идеологов» [9, с. 22]. Взгляды А.Гаруновича относительно БНР совпадали с мнениями большинства исследователей начала 30-х гг. XX в., которые считали её буржуазной республикой. А.Гарунович в этой связи заявлял: «БНР была республикой кулаков и буржуазии и её программа была враждебна пролетариату» [9, с. 23].

Ю.Майзель и Л.Майзель [10] подвергли критике правительство БНР, которое «играло в народные республики, в то время как большевики в подполье организовывали массы для борьбы с германскими оккупантами и отечественной контрреволюционной буржуазией» [10, с. 17]. Для подтверждения своих выводов авторы обращались к архивам БНР, что, можно считать одним из положительных моментов. Однако при толковании документов они искажали истину. Соблюдая хронологическую последовательность, Ю.Майзель и Л.Майзель упоминали в работе о провозглашении ССРБ, отводя главную роль в этом событии I съезду КП(б)Б. Одними из первых эти исследователи обосновали причины объединения ССРЛ и ССРБ. Авторы видели их в необходимости создания «единого фронта для борьбы с контрреволюцией и общностью экономических условий» [10, с. 18]. Временем образования республики Ю.Майзель и Л.Майзель считали объединённое заседание ЦИК ССРЛ и ССРБ (февраль 1919 г.), однако дату не указали.

Своей брошюрой «Крывавы шлях беларускай нацдэмакратыі» [11] А.Зюзьков намеревался задать тон идейной направленности публикаций 30-х гг. XX в. и положить начало новому этапу «систематического и подробного изучения истории, основанного на точном использовании всего фактического материала» [11, с. 5]. Особо подчеркивалось, что «без такого изучения затрудняются усилия как во внутрипартийных делах, так и с антисоветскими и контрреволюционными силами» [11, с. 5]. Основная задача публикации

состояла в том, чтобы «показать массовому читателю правдивое лицо национал-демократизма» [11, с. 3]. Национально-возрожденческое движение и провозглашение БНР изображались односторонне, без связи с ходом революционных процессов, что в методологическом отношении было неверно. Инициативу в образовании ССРБ А.Зюзьков отводил рабочим и крестьянам [11, с. 27], а роль белорусской интеллигенции замалчивал. В статье А.Зюзькова «Барацьба беларускіх нацдэмаў супраць Акцябра» [12] критика деятельности партий национально-демократической направленности приняла уродливые формы. Автор использовал эпитеты недопустимые в научной литературе. Представители белорусского национального движения обвинялись им в попытке «продать Беларусь», чтобы она «не стала Советской» [12, с. 54].

Случались ситуации, когда отдельные историки забывали о заявленной теме, стремясь «открыть» истинное лицо «национал-демократов». В монографии А.Сянкевича «За ленинскую лінію ў нацыянальнай палітыцы» [6] получила отражение не ленинская национальная политика, а разоблачительная характеристика деятельности представителей белорусского национального движения. Если в начале работы автор называл их «национал-демократы», то в конце использовал выражение «национал-фашисты», таким образом искажая действительность [6, с. 49]. На основании архивных документов БНР А.Сянкевич пытался доказать, что «национал-демократы хотели установить капиталистический строй» [6, с. 31] в Беларуси.

С.Вольфсон один из официальных большевистских апологетов, разработчиков стратегии и тактики борьбы с «буржуазным национализмом», возрождение независимой Беларуси в лице БНР рассматривал как «реакционный бред» [13, с. 23]. Роль «национал-демократов» в построении белорусской государственности автор, как и названные выше исследователи, оценивал отрицательно: он считал, что «национал-демократы» стремились «заняться возрождением БНР в условиях БССР» [13, с. 23]. С.Агурский, в свою очередь, полагал, что «нацдэмы» стремились «изолироваться от центра пролетарской диктатуры и оторвать Беларусь от Союза Советских республик, подчинить ее империалистическим государствам» [7, с. 33]. Такое разночтение исторических фактов являлось следствием плохого знания исторических событий.

Схематизм, обусловленный слабым знанием теории и фактов истории белорусской государственности, наблюдается также в работе И.Ошеровича «Супраць бундаўскага скажэння гісторыі бальшавізма» [14]. Стремясь написать работу в духе своего времени, И.Ошерович пренебрегал принципом объективности и объединял в одно идеологическое направление «бундизм, меньшевизм, троцкизм», которые, как он считал, «едины в своей борьбе против отечества, мирового пролетариата, против СССР» [14, с. 13].

Одной из актуальных тем в исследованиях 30-х гг. XX в. являлась тема оккупации Беларуси Польшей. Ретроспективное освещение борьбы против

польских оккупантов было начато В.Щербаковым в работе «Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі і беларуская акупацыя» [15], где рассмотрен период от Октябрьской революции до второго провозглашения ССРБ. Исследователем не была нарушена традиция разоблачений, которые касались деятелей белорусского национального движения. В.Щербаков сделал акцент на ошибках правительства БНР, которое «с радостью встречало пилсудчиков, потому что они пообещали не препятствовать созыву Рады» [15, с. 89]. События, связанные с провозглашением ССРБ и объединением её с ССРЛ в монографии лишь упомянуты и не получили освещения.

Работы И.Лочмеля, Ф.Попова, О.Шекуна [16], вышедшие в конце 30-х – начале 40-х гг. XX в., наиболее полно отразили основные политические тенденции. В них излагались официальные оценки событий и лиц. Соответствие духу времени прослеживалось во всех работах И.Лочмеля. Свои обвинения он направил в адрес Д.Жилуновича, который якобы вместе «с замаскировавшимися врагами вёл жёсткую борьбу против решений ЦК, против указаний товарища Сталина и пробовал сорвать провозглашение БССР» [17, с. 54]. Главное место в создании ССРБ автор неправомерно отводил И.Сталину. В борьбе с польской агрессией (1919 – 1920 гг.) ведущая роль отводилась помимо И.Сталина М.Калинину, С.Орджоникидзе, которые, как считал автор, были организаторами обороны ССРБ. При этом исследователь не указывал ни на причастность командования Западного фронта, ни руководства Красной Армии к указанным событиям [18, с. 95 – 98]. И.Лочмель был одним из немногих исследователей, которые обратились к рассмотрению истории создания Литовско-Белорусской республики. Образование республики автор связывал с необходимостью «сплочения сил советских республик против интервентов и белогвардейцев» [18, с. 88] и со стремлением «ЦК обезопасить эти республики от возможности проявления в них национально-шовинистических устремлений» [18, с. 89].

Идентичный подход к обоснованию начального периода становления белорусской государственности присутствовал и в статье О.Шекуна «Создание и героическая оборона Белорусской ССР» [19]. Исследователь, не отходя от традиций, в хронологической последовательности рассмотрел процесс установления советской государственности в период с 1917 по 1919 г. В статье О.Шекуна вслед за И.Лочмелем была продолжена критика представителей белорусского национального движения, которые им обвинялись в «организации кулацких банд» [19, с. 64]. Автор «разоблачал» действия Д.Жилуновича и его группы, которые якобы «требовали независимости белорусского правительства от Центрального бюро Коммунистической партии (большевиков) Беларуси» [19, с. 66]. В статье преувеличивалась роль И.Сталина в создании ССРБ и борьбе белорусского народа против польских оккупантов [19, с. 70].

Великая Отечественная война приостановила разработку проблемы. В

период с 1941 по 1944 г. вышло лишь несколько брошюр [19 – 21]. Научная значимость их была невелика, поскольку авторами не использовались документы и искажался фактический материал. В одной из них, принадлежащей О.Шекуну, была поднята проблема немецкой оккупации Беларуси в 1918 г. в связи с возникновением этой угрозы вновь [19]. Две другие брошюры были опубликованы в 1944 г. в связи с двадцатипятилетием со дня образования ССРБ [20, 21] и представляли позиции Т.Горбунова и П.Пономаренко. По сути изложенного материала они не отличались. Значительную роль в создании белорусской государственности авторы отводили «Ленину – Сталину» [20, с. 9; 21, с. 22], хотя далее в тексте в основном приводились «заслуги» И.Сталина [20, с. 8; 21, с. 23, 24]. Позиции этих авторов являлись доминирующими в науке.

После Великой Отечественной войны научно-исследовательская деятельность белорусских ученых активизировалась. Основное внимание историков было обращено на изучение образования ССРБ. Разработкой темы на монографическом уровне одной из первых занялась Н.Каменская [22 – 24]. Главное внимание в книге «Утварэнне Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі» [24], вышедшей в 1946 г., автор уделила Октябрьской революции и установлению Советской власти. В контексте освещаемых событий Н.Каменская преследовала цель придать большое значение роли И.Сталина в образовании белорусского государства. Некоторые факты, преподнесенные автором, искажали действительность: по мнению Н.Каменской, «белорусские националисты попытались апеллировать к товарищу И.Сталину. Товарищ Сталин принял белорусскую делегацию во главе с националистом Канчером, но в разговоре с ним подверг резкой критике антинародные и раскольнические действия националистов» [24, с. 131]. В своей монографии Н.Каменская, придерживаясь традиций, укоренившихся в 30-е гг. XX в., выступала против «замаскировавшихся врагов советской власти» – национальных деятелей: Д.Жилуновича, А.Червякова, которые, якобы приехав на I Съезд Коммунистической партии, «начали вражескую деятельность и борьбу против А. Мясникова и областного комитета РКП(б)» [24, с. 145]. Искажало действительность и высказывание Н.Каменской о том, что «националисты бросались во все авантюры, чтобы дезорганизовать работу по организации БССР» [24, с. 145].

Стремление соответствовать духу времени, установкам коммунистической партии привело Н.Каменскую к необходимости переработки монографии, изданной в 1946 г. В очередной работе «Образование Белорусского Советского государства» [23] отдельные вопросы приобрели новую трактовку. события I Всебелорусского съезда проанализированы более детально, хотя его деятельность предлагалось рассматривать как «контрреволюционную» [23, с. 36]. Большинство документов, связанных с деятельностью Рады БНР, приводилось в основном с целью её разоблачения.

Автор углубила исследования, связанные с работой Ревкомов по установлению государственной власти. Согласно выводам автора, одной из основных предпосылок создания белорусской государственности являлась необходимость «противопоставить блокаде империалистических государств свою усиленную внутреннюю работу в области государственного строительства» [23, с. 111]. Н.Каменская утверждала, что «Беларусь являлась форпостом, преграждающим путь в Советскую Россию» [23, с. 111]. В 1954 г. в работе «Вялікая Кастрычніцкая Сацыялістычная рэвалюцыя і ўтварэнне БССР» [22] образование ССРБ Н.Каменской связывалось уже с Октябрьской революцией.

Проблема белорусской государственности с марксистско-ленинских позиций была рассмотрена Т.Горбуновым в работах «Воссоединение белорусского народа в едином социалистическом государстве» и «Образование Белорусской Советской Социалистической республики» [25, 26]. Однако это не помешало политическим структурам наложить запрет на использование работ этого автора в библиотеках и уничтожить основной тираж монографии «Воссоединение белорусского народа в едином социалистическом государстве» [25]. В ней Т.Горбунов уделил внимание вопросу объединения ССРБ и ССРЛ, которое было предпринято «с целью создания вооруженной силы, способной отстоять территорию республики от ее врагов» [25, с.34]. Т.Горбуновым была названа дата образования Литовско-Белорусской ССР – 28 февраля 1919 г. [25, с. 35]. Особо следует отметить обоснование автором второго провозглашения ССРБ, к которому исследователи практически не обращались ранее. Однако Т.Горбунов искажил дату принятия Декларации о независимости Белоруссии [25, с. 47]: (была принята 31 июля). Вхождению ССРБ в состав СССР автор придавал большое значение, считая, что ССРБ «навсегда упрочила свое положение как независимое, свободное государство» [25, с. 50]. Наличие недостатков и неточностей в монографии Т.Горбунова скорее можно объяснить требованиями времени. Не отличалась высоким уровнем и работа этого автора, написанная к юбилею образования ССРБ [26], где в образовании ССРБ значительная роль отводилась И.Сталину и В.Ленину.

Юбилейные даты являлись главным основанием для написания многих монографий и статей. К тридцатилетию образования ССРБ были приурочены монография Е.Бугаева «Советская Белоруссия к тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции» [27], материалы для пропагандистов и докладчиков [28], а также статьи Я.Голенченко, Л.Рудицкого и И.Солодкова, П.Саевича [29], опубликованные в журнале «Большевик Беларусі». Авторы, следуя научным установкам времени, приписывали основную роль в создании белорусского государства в 1919 г. либо коммунистической партии, либо Ленину – Сталину. Имя Ленина перестало быть собственным, а стало приставкой к имени Сталина.

Не имели существенных отличий работы, изданные в первой половине 50-х гг. XX в. Н.Каменской [22], С.Маргунского [30]. С.Исаченко [31]. Характерной чертой работы С.Исаченко «Правал амерыкана-англіійскіх агрэсіўных планаў у Беларусі ў 1917 – 1920 гг.» являлся критический подход к деятельности представителей белорусского национального движения, присущий для историографии 30-х гг. XX в. [31, с. 9, 41]. Партию большевиков автор рассматривал как организующую силу, которая «объединила стремления всех Советских республик и способствовала объединению Белорусской и Литовской Советских республик в целях противостояния агрессии» [31, с. 74]. В работе С.Исаченко практически отсутствовали ссылки на данные архивов.

К концу 1940-х – началу 1950-х гг. была предпринята попытка издания документов и материалов, в которых нашли отражение события, происходившие в годы гражданской войны. Материалы партархива ЦК КП(б)Б, связанные с оккупацией Беларуси в 1918 г. войсками кайзеровской Германии, были помещены в сборнике документов и материалов «Крах немецкой оккупации в Белоруссии в 1918 г.» [32].

Как таковая проблема построения белорусской государственности (1917 – 1922 гг.) в историографии 30-х – начала 40-х гг. XX в. не получила всестороннего освещения по ряду причин. Источниковая база исследований оставалась ограниченной из-за невозможности доступа к архивным материалам. Следствием этого явился недостаточно высокий уровень научного анализа и теоретического обобщения поставленных проблем. Большинство публикаций представляло собой лишь общие обзоры политических событий. События, связанные с созывом I Всебелорусского съезда и провозглашением БНР, рассматривались как контрреволюционные, направленные на создание буржуазного государства. Деятели белорусского движения обвинялись в национальном шовинизме. В историографии не были показаны условия, сделавшие возможным и необходимым образование ССРБ. Не освещена достаточно полно в этой связи роль Центрального Комитета РКП(б) и В.Ленина. В указанный период не было уделено внимание второму провозглашению ССРБ, проблеме подписания Рижского мирного договора, образованию СССР.

В начале 40-х гг. XX в. разработка проблемы практически была приостановлена в связи с событиями Великой Отечественной войны и возобновилась лишь во второй половине 1940-х гг. Как и ранее деятельность представителей белорусского национального движения необъективно продолжала рассматриваться как контрреволюционная, антинародная, направленная на установление в Беларуси «капиталистического строя». Большинство авторов преувеличивало роль партии большевиков и И.Сталина в борьбе с немецкой и польской агрессией. В первой половине 50-х гг. XX в. получили освещение такие вопросы национально-государственного строительства, как подготовка и провозглашение ССРБ, I Всебелорусский

съезд Советов, частично затронуты вопросы образования Литовско-Белорусской республики.

Таким образом, анализ историографии 30-х – первой половины 50-х гг. XX в. показал игнорирование исследователями принципов объективности и историзма, узкую источниковую базу. Однако, несмотря на недостатки, следует отметить важность накопленного фактического материала, на основе которого создавалась историография, положившая начало новому этапу исторических исследований.

Список литературы

1. Пичета, В.И. Новейшая история в зарубежной историко-политической литературе / В.И. Пичета // Вестник Наркомпроса Белоруссии. – 1921. – № 1. – С. 29 – 32; Пичета, В.И. Новые работы по истории Белоруссии / В.И. Пичета // Вестник Наркомпроса Белоруссии. – 1922. – № 2. – С. 10 – 13.

2. Данільчык і Карнейчык. Супраць нацыянал-дэмакратычных выпраўленняў гісторыі Савецкай Беларусі / Данільчык, Карнейчык // Бальшавік Беларусі. – 1930. – № 1 – 2. – С. 127 – 144; Карніенка, У. Клясавая барацьба на гістарычным фронце Беларусі / У. Карніенка. – Менск, 1932. – 30 с; Шчарбакоў, В.К. Класавая барацьба і гістарычная навука на Беларусі / В.К.Шчарбакоў. – Мінск: Выд-ва Беларус. акад. навук, 1934. – 104 с.

3. Круталевич, В.А. Рождение Белорусской Советской Республики (На пути к провозглашению республики: окт. 1917 – дек. 1918 г.) / В.А. Круталевич; под ред. А.Ф.Хацкевича, И.А. Юхо. – Минск: Наука и техника, 1975. – 336 с.; Михнюк, В.Н. Становление и развитие исторической науки Советской Белоруссии (1919–1941) / В.Н.Михнюк; под ред. П.Т. Петрикова. – Минск: Наука и техника, 1985. – 286 с.

4. Зенушкина, И.С. Советская национальная политика и буржуазные историки. Становление Советского многонационального государства (1917–1922 гг.) в современной американской историографии / И.С. Зенушкина. – М.: Мысль, 1971. – 285 с.

5. Мальхіна, Л.Ю. Гістарыяграфія Літоўска-Беларускай ССР: дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.09 / Л.Ю. Мальхіна. – Мінск, 2003. – 126 с; Кулевiч, I.Р. Беларускі нацыянальны рух (1902–1925 гг.): гістарыяграфія праблемы: дыс. ... канд. гістар. навук: 07.00.09 / I.Р. Кулевiч. – Мінск, 2004. – 133 с.

6. Сянкевіч, А. За ленінскую лінію ў нацыянальнай палітыцы / А. Сянкевіч. – Мінск: Дзярж. выд-ва Беларусі, 1931. – 56 с.

7. Агурскі, С.Х. Роля дробнабуржуазных партый на Беларусі ў Кастрычніцкай рэвалюцыі (Беларускі рух) / С.Х. Агурскі // Бальшавік Беларусі. – 1927. – № 6. – С. 45 – 49.

8. Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі: зб. успамінаў і артык. / пад рэд. Н.Прусліна. – Менск: Дзярж. выд-ва Беларусі, 1934. – 118 с.

9. Гаруновіч, А. Супраць нацыянал-дэмакратызма і шавінізмаў розных колераў / А.Гаруновіч. – Мінск: БДВ, 1930. – 102 с; Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі: зб. успамінаў і артык. / пад рэд. Н. Прусліна. – Менск: Дзярж. выд-ва Беларусі, 1934. – 118 с.

10. Майзель, Л. Десять лет борьбы и строительства 1920 – 14 июня 1930 / Л.Майзель, Ю. Майзель. – Минск: Центриздат, 1930. – 45 с.

11. Зюзькоў, А. Крывавы шлях беларускай нацдэмакратыі / А. Зюзькоў. – Менск: Беларускае дзяржаўнае выдавецтва, 1931. – 217 с.
12. Зюзькоў, А. Барацьба беларускіх нацдэмаў супраць Акцябра / А. Зюзькоў // Бальшавік Беларусі. – 1934. – № 19. – С. 53 – 63.
13. Вальфсон, С.Я. Навука на службе нацдэмаўскай контррэвалюцыі / С.Я.Вальфсон. – Мінск: АН БССР, Ін-т філасофіі, 1931. – 327 с.
14. Ашаровіч, І.П. Супраць бундаўскага скажэння гісторыі бальшавізма / І.П.Ашаровіч. – Мінск: Дзярж. выд-ва Беларусі, 1934. – 59 с.
14. Шчарбакоў, В.К. Класавая барацьба і гістарычная навука на Беларусі / В.К.Шчарбакоў. – Мінск: Выд-ва Беларус. акад. навук, 1934. – 104 с.
16. Лочмель, І.Ф. Вызваленне Беларусі ад белалопольскіх акупантаў (11 ліпеня 1920 г.): Да дзевятнацатай гадавіны / І.Ф. Лочмель. – Мінск: Дзярж. выд-ва БССР, Рэд. паліт. літ., 1939. – 50 с; Лочмель, І. Барацьба беларускага народа супраць інтэрвентаў: Да 20-й гадавіны вызвалення Беларусі ад белалопольскіх акупантаў / І. Лочмель. – Мінск: Дзярж. выд-ва БССР, Рэд. паліт. літ., 1940. – 114 с; Лочмель, І.Ф. Освобождение Белоруссии от белопольских оккупантов 11 июля 1920 г. / И.Ф.Лочмель. – Минск: Госиздат БССР, 1939. – 52 с; Лочмель, И.Ф. Очерки истории борьбы белорусского народа против польских панов / И.Ф. Лочмель. – М.: Воениздат, 1940. – 163 с; Папоў, Ф. Барацьба беларускага народа з белалопольскімі акупантамі ў 1919–1920 гг. / Ф. Папоў // Бальшавік Беларусі. – 1940. – № 6. – С. 43 – 59; Шекун, О. Отечественная война против немецких захватчиков в 1918 г. в Белоруссии / О. Шекун. – М.: Госполитиздат, 1941. – 16 с.; Шекун, О. Создание и героическая оборона Белорусской ССР / О. Шекун // Историк-марксист. – 1940. – № 1. – С. 63 – 78.
17. Лочмель, І. Барацьба беларускага народа супраць інтэрвентаў: Да 20-й гадавіны вызвалення Беларусі ад белалопольскіх акупантаў / І. Лочмель. – Мінск: Дзярж. выд-ва БССР, Рэд. паліт. літ., 1940. – 114 с.
18. Лочмель, І.Ф. Очерки истории борьбы белорусского народа против польских панов / И.Ф. Лочмель. – М.: Воениздат, 1940. – 163 с.
19. Шекун, О. Отечественная война против немецких захватчиков в 1918 г. в Белоруссии / О. Шекун. – М.: Госполитиздат, 1941. – 16 с.; Шекун, О. Создание и героическая оборона Белорусской ССР / О. Шекун // Историк-марксист. – 1940. – № 1. – С. 63 – 78.
20. Горбунов, Т.С. Советская Белоруссия / Т.С. Горбунов. – Минск: Госполитиздат, 1944. – 28 с.
21. 25 лет Белорусской Советской Социалистической Республики. – М.: Гос. Изд-во полит. лит., 1944. – 95 с.
22. Каменская, Н.В. Вялікая Кастрычніцкая сацыялістычная рэвалюцыя і ўтварэнне БССР / Н.В. Каменская. – Мінск: Выд-ва АН БССР, 1954. – 183 с.
23. Каменская, Н.В. Образование Белорусского Советского государства / Н.В.Каменская. – Минск: Изд-во полит. лит., 1948. – 256 с.
24. Каменская, Н.В. Утварэнне Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі / Н.В. Каменская. – Мінск: Рэд. паліт. літ., Дзярж. выд-ва БССР, Тып. імя І.В. Сталіна, 1946. – 169 с.
25. Горбунов, Т.С. Воссоединение белорусского народа в едином социалистическом государстве / Т.С. Горбунов. – М.: Политиздат, 1948. – 232 с.
26. Горбунов, Т.С. Образование Белорусской Советской Социалистической Республики / Т.С. Горбунов. – М.: Правда, 1949. – 45 с.

27. Бугаев, Е. Советская Белоруссия к тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции / Е. Бугаев. – Минск: Гос. изд-во БССР, Ред. полит. лит., Тип. им. Сталина, 1947. – 79 с.

28. Воссоединение белорусского народа в едином Белорусском Советском государстве. Материалы для пропагандистов и докладчиков. – Минск: Гизбел, 1949. – 31 с.

29. Галенчанка, Я. Ленін – вялікі патрыёт нашай Радзімы / Я. Галенчанка // *Большавік Беларусі*. – 1948. – № 1. – С. 10 – 21; Рудзіцкі, Л. Партыя Леніна – Сталіна – стваральнік Беларускай Савецкай дзяржавы / Л. Рудзіцкі, І. Саладкоў // *Большавік Беларусі*. – 1948. – № 11. – С. 45 – 60; Саевіч, П. Партыя большавікоў – арганізатар і кіраўнік БССР / П. Саевіч // *Большавік Беларусі*. – 1949. – № 2. – С. 33 – 44.

30. Маргунский, С. Государственное строительство Белорусской ССР на первом этапе ее развития / С. Маргунский. – Минск: Изд-во АНН БССР, 1953. – 114 с.

31. Исачанка, С.М. Правал амерыкана-англійскіх агрэсіўных планаў у Беларусі ў 1917 – 1920 гг. / С.М. Исачанка. – Минск: Дзярж. выд-ва БССР, 1954. – 149 с.

32. Крах немецкой оккупации в Белоруссии в 1918 г.: сб. док. партархива ЦК КП(б) Белоруссии. – Минск: Гос. изд-во БССР, 1947. – 199 с.

Тохиян Татьяна Михайловна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры культурологии Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина.

УДК 94:930 (476)

А.П. Минич

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ВЕДУЩИЕ ЦЕНТРЫ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА В БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
(вторая половина 80-х – середина 90-х гг. XX в.)**

Всеобщая история, как предмет исследования и изучения, а также как система подготовки новых научных кадров сформировалась в Беларуси в советское время. Процесс формирования был по известным причинам очень сложным, трудным, а временами драматическим и даже трагическим. Однако, несмотря на это, были и позитивные результаты. Главный из них заключался в том, что всеобщая история стала в Беларуси одной из главных составных частей исторической науки и образования.

Уже в начале 1920-х годов в различных подразделениях научных и учебных заведений начинается изучение истории отдельных зарубежных стран, а также тех или иных проблем международных отношений. Однако систематический подход к преподаванию и исследованию всеобщей истории начал складываться после открытия в 1934 г. исторического факультета БГУ и формирования его кафедр. Постепенно исторический факультет БГУ становится центром изучения всеобщей истории в Беларуси.

В 1934 г. на факультете была создана кафедра истории древнего мира, которую возглавил Н.М.Никольский. Его научная деятельность была связана с исследованием проблем истории народов Древнего Востока и истории религии. Именно Н.М.Никольский стал в Беларуси основоположником школы историков древнего мира. В этой школе постепенно формируются три основных направления: первое – античная история, второе – история народов Древнего Востока, третье – история религии. В разные годы на кафедре работали доктор исторических и доктор философских наук, профессор Г.М.Лившиц – известный специалист в области антиковедения, иудаики; Р.А.Никольская – религиовед, специалист по истории античности; Г.И.Довгяло – хеттолог с мировой известностью. Усилиями академиков Н.М.Никольского и В.Н.Перцева, профессоров Ф.М.Нечая и Г.М.Лившица были созданы белорусские научные школы ориенталистики, антиковедения, христиановедения. Таким образом, за советское время в Беларуси была создана школа исследователей и преподавателей всеобщей истории, сформировалась соответствующая система подготовки научных кадров и педагогов высшей квалификации. Это, безусловно, был значительный шаг вперед, достижение в области исторической науки и исторического образования.

В 1991 – 1995 гг. коллективом ученых кафедры истории древнего мира и средних веков и кафедры новой и новейшей истории БГУ (научные руководители – В.С.Кошелев, В.А.Федосик) в рамках разработки темы «Белорусская историография всеобщей истории» были подведены итоги развития всеобщей истории в БССР и определены перспективные направления дальнейшего развития [1, л. 6].

В первой половине 1990-х гг. ситуация с организацией исследований истории древнего мира в Республике Беларусь не претерпела изменений. По-прежнему основная работа в этом направлении, за редким исключением, была сосредоточена на кафедре истории древнего мира и средних веков БГУ. Эта кафедра являлась единственным учебно-педагогическим и научным центром в республике по изучению истории Древнего Востока, антиковедения и истории религии. Институт истории НАН Беларуси этими проблемами не занимался.

В области древней истории плодотворно работали ученые-историки кафедры истории древнего мира и средних веков БГУ В.А.Федосик, О.И.Ханкевич, М.С.Корзун, О.В.Перзашкевич, А.А.Прохоров, К.А.Ревяко, Г.И.Довгяло. Среди важнейших направлений исследований в этой области можно назвать проблемы социально-политической борьбы в греческих полисах и Риме, Пунических войн, раннего христианства, позднеантичного менталитета и т.д.

Одним из ведущих антиковедов Беларуси является В.А.Федосик. Он руководит созданной в БГУ академиком Н.М.Никольским научной школой по исследованию раннего христианства. Результатом многолетней работы в этом

направлении явились монографии В.А.Федосика «Церковь и государство» (1988) и «Киприан и античное христианство» (1991) [2].

В 1988 г. вышла монография В.А.Федосика «Церковь и государство». В ней автор в русле традиций советской историографии критикует богословские концепции и мысли западных историков по проблеме христианской церкви и ее превращения в государственную религию Римской империи. В монографии и ряде статей В.А.Федосик проследил социальную доктрину и организацию христианской церкви в период кризиса Римской империи. Выводы автора о социальном составе христиан и его изменении подтверждаются свидетельствами источников. Сложные вопросы отношения государственной власти империи к христианству в первой половине III в. ученый освещает на основе произведений античных авторов III – V вв. Также используются материалы государственного законодательства, эпиграфические источники, данные археологии и нумизматики.

Исследователем были выявлены основные тенденции развития организационных структур церкви, которые вели к стабилизации христианства в качестве мировой религии. В итоге это привело в III – начале IV вв. к заключению союза императорской власти и христианской церкви.

У В.А.Федосика своя точка зрения о гонениях на христиан, которая шла вразрез с некоторыми положениями, уже утвердившимися в науке. Ученый считает, что гонения укрепляли христианство, способствовали его централизации.

В монографии «Киприан и античное христианство» на фоне событий III в. исследовано положение христианской церкви, отражена борьба в ней разных течений в период массовых гонений. Также освещен жизненный путь Фасция Цецилия Киприана – от преподавателя риторики до христианского епископа Карфагена – первым удостоенного титула папы. Главным источником исследования христианства и его морали стало эпистолярное наследие Киприана, сохранившееся до наших дней. В советской исторической литературе не было специальных исследований по Киприану, а в мировой историографии они немногочисленны.

В 1992 г. В.А.Федосик защитил докторскую диссертацию «Христианская церковь в Римской империи в III – начале IV в. (становление христианской церкви и религиозная политика императорской власти)» [3].

Традиции кафедры истории древнего мира и средних веков БГУ в исследованиях античного христианства продолжались также И.О.Евтуховым. Он занимался разработкой проблемы, которая связана с концепцией человека поздней античности. Начиная с 1988 г. ученый посвятил этой проблеме ряд статей [4]. Предварительные итоги своей научной работы И.О.Евтухов подвел в кандидатской диссертации «Концепция человека поздней античности (Запад Римской империи, V в. н.э.)» [5]. На широком социально-экономическом и политическом фоне он рассмотрел антропологические системы римских

христианских авторов: Арнобия, Лактация, Киприана, Августина, Касиана – и еретиков: пелагиан и предестинатов. В результате И.О.Евтухов пришел к выводу о наличии специального механизма адаптации человека к условиям жизни в обществе, предлагаемого идеологами общества, – исходной оппозиции, которая выступает как постоянная возобновляемая ситуация выбора. Тема «концепция человека поздней античности» нашла свое отражение и в других публикациях автора, в которых он поднимает ряд проблем, связанных с принципом усыновления в раннеарийской концепции человека и в концепции человека эпохи домината и раннего средневековья [6].

О.И.Ханкевич исследовала политико-правовые аспекты римской истории, римское публичное и частное право, формирование институтов власти и юридической практики, представляющих «плебейский» вклад в становление римской государственности [7]. Интерес у специалистов вызывает ее исследование римских конционов во II в. до н.э., что означает обращаться к народу с речами без голосования. О.И.Ханкевич скрупулезно проанализировала технику созыва конционов. В первой половине 1990-х гг. основное внимание О.И.Ханкевич было сосредоточено на преподавании истории древнего мира в средних школах. Ею были разработаны и опубликованы материалы к урокам под общим названием «Древние цивилизации» [8].

Предметом исследования М.С.Корзуна во второй половине 80-х – первой половине 90-х гг. XX в. стала социально-политическая борьба в греческих полисах, аграрные отношения в Древнем Риме [9]. Особенный интерес вызывает его исследование поэм Гомера и Гесиода, а именно – социальной роли религии в эллинском обществе.

В первой половине 1990-х гг. вышел ряд статей молодого поколения преподавателей кафедры истории древнего мира и средних веков БГУ: О.В.Перзашкевича по истории древней Индии и древних ариев [10] и А.А.Прохорова по истории религии и сравнительной мифологии [11].

Разработкой проблем истории древнего мира занимались ученые-историки кафедры всеобщей истории БГПУ В.И.Горемыкина и Н.И.Миницкий.

В.И.Горемыкина во второй половине 1980-х гг. исследовала ряд проблем переходного этапа античного общества в средневековье, посвятив этому вопросу докторскую диссертацию «Возникновение и развитие первой антагонистической формации в средневековой Европе» (1987) [12].

Проблема переходного этапа античного общества в средневековье нашла отражение и в ее исследовании «В поисках истины о раннем христианстве» (1989) [13], где она в полемической форме с приведением богатого фактического материала высказала свою точку зрения по вопросу зарождения и становления христианства. Ученая особенно внимание уделила выявлению социально-экономической основы раннего христианства, роли и места христианства в раннеклассовых государствах Европы.

Переходный этап от рабовладения к феодализму исследовался В.И.Горемыкиной в работе «Возникновение собственности на землю» (1991). На фактическом материале из истории земледелия и земледельческой общины выявлялась экономическая основа рабовладельческого и феодального обществ, обусловленных формами собственности на землю.

Н.И.Миницкий в 70-х – начале 80-х гг. XX в. занимался разработкой проблем религии раннего Рима. В первой половине 1990-х гг. в некоторых статьях учёного нашли отражение теоретико-методологические и методические вопросы истории древнего мира [14].

Ряд проблем истории и культуры Древней Греции исследовано Б.Б.Виц-Маргулес – в 80 – 90-х гг. XX в. доцентом кафедры общего и славянского языкознания ГрГУ. Научная работа Б.Б.Виц-Маргулес была сконцентрирована на изучении философской мысли древних греков, а именно философского наследия Демокрита, Протогора, Диагора Мелосского [15]. Особый интерес представляют исследования жизни и мировоззрения Диагора Мелосского, почти не известного древнегреческого мыслителя V в. до н.э. Имя этого философа до этого времени отсутствовало в философских энциклопедиях и словарях. Поэтому выход в свет перевода фрагментов Диагора Мелосского с комментариями, с анализом и глубоким исследованием имело большое научное значение.

С начала 1990-х гг. в белорусской исторической науке начались поиски новых методологических опор, причем ярко чувствовалось желание снова принять «единственно-правильную» методологию, выработать новую парадигму истории или присоединиться к такой, которая доминирует в зарубежной исторической науке. В то же время изменения в методологии среди историков-всеобщников, в сравнении с остальными историками, происходили более или менее плавно, без особых потрясений. Это было обусловлено тем, что по своей профессиональной деятельности историки-всеобщники работали преимущественно с зарубежной научной литературой и были хорошо знакомы с процессами, которые происходили в области методологических изысканий в зарубежной историографии. Внезапное для большинства историков «открытие» других методологических подходов, чем марксистский, не было шоком. Более того, еще при господстве марксистской парадигмы истории, ряд советских историков-всеобщников в своих работах успешно использовал совсем другие методологии. Особенно отличились в этом плане медиевисты, например, А.Я.Гуревич, Ю.Л.Бессмертный и другие. Глядя на них, некоторые белорусские историки начали использовать аксиологический, антропологический подходы в научных исследованиях.

Преемственность традиций белорусской школы антиковедения в области методологии наглядно демонстрируют труды по военной истории античности. Центральным исследованием по военной истории античности в БССР являлась монография К.А.Ревяко «Пунические войны» (1988) [16]. В

«Пунических войнах» мы находим подробный анализ, не исключая статистического, причин поражений и побед Рима. Однако не меньшее значение, на наш взгляд, имеет авторский анализ моральной стороны событий, составивших содержание Пунических войн. Автор определенным образом решает вопросы об ответственности сторон за развязывание войны, о ее характере в целом. В итоге он пишет: «Непримиримая борьба двух рабовладельческих хищников – Рима и Карфагена – за господство в Западном и Восточном Средиземноморье окончилась победоносно для Рима. Оба государства вели захватнические войны. Только третья Пуническая война в системе этих войн со стороны Карфагена была справедливой» [16, с. 246].

Морализаторские тенденции исследований К.А.Ревяко нашли свое логическое развитие в кандидатской диссертации его ученика А.Г.Зельского. Проблема справедливости Митридатых войн стала специальным сюжетом его научной работы. Так, он пишет: «Выступление Митридата VI в защиту народов, угнетаемых Римом, – это только средство для расширения границ своего государства. Однако все же объективно, в результате стечения ряда обстоятельств, он оказался во главе антиримского лагеря, в авангарде борьбы с захватнической политикой Рима на Востоке. В этом заключается прогрессивный момент его деятельности».

Следует отметить, что белорусская школа антиковедения в ее военно-исторической составляющей имела известные традиции не только в области методологии, то есть общетеоретических и мировоззренческих подходов, но также в методике научного поиска. В основном он отмечен опорой на, казалось бы, широко известный и многократно апробированный «нарратив», то есть исторические сочинения древних авторов. Это при том, что в мировом антиковедении последние полвека изучение военной истории античности, особенно что касается истории римской армии, опирается чаще на эпиграфические и археологические данные. Преимущественная опора Г.М.Лившица, Ф.М.Нечая, К.А.Ревяко на данные Иосифа Флавия и Тита Ливия не была бы возможна, если бы не глубокие филологические познания названных ученых, позволившие им по-новому интерпретировать данные тексты.

Методологическим проблемам всеобщей истории много внимания уделялось на I Всебелорусской конференции историков в 1993 г. [17]. Прежде всего речь шла о преодолении марксистской парадигмы истории, об отказе от монопольного господства формационного подхода к истории. Предлагалось использовать органическое сочетание лучших черт цивилизационного и формационного подходов. Это было обусловлено характером переходного периода в развитии белорусской исторической науки.

Вместе с тем в 1990-х гг. в белорусской историографии была широко представлена точка зрения о том, что марксистский подход к типизации и периодизации исторического развития на основе выделения общественно-

экономических формаций не только не устарел, но остается основным в познании исторического процесса, так как позволяет выявить объективный и закономерный характер общественно-исторического развития и представить это развитие как сложную саморазвивающуюся систему. При этом отбрасываются жесткие социально-экономические и классовые детерминанты в качестве основных рычагов познания исторического процесса и допускается, что формационный подход оставляет вне поля зрения отдельное конкретное общество, являющееся относительно самостоятельной единицей исторического развития. На этих «либерально-формационных» позициях, не рекламируя это, но руководствуясь этими постулатами в своей исследовательской и педагогической деятельности, стояла подавляющая часть белорусских историков. Но все шире пробивал себе дорогу цивилизационный подход к истории, основанный на разработках Данилевского, Шпенглера, Вебера, Тойнби, Хантингтона и других аналитиков. В его основе лежат более широкие и емкие понятия, охватывающие черты и признаки развития общества, которые представляют собой величины более долговременные, сущностно устойчивые, нежели социально-экономические факторы. Они прежде всего обнимают сферы территориально-природную, языковую, духовно-нравственную, религиозную, этническую. Эти сферы выражают интересы общества в целом и характеризуют его в целом. Причем, это не означает полного отрицания формационного подхода к истории. Факторы, определяющие формацию, могут входить составной частью в характеристику той или иной цивилизации. Эволюция сторонников формационного подхода в сторону отказа от жестких социально-экономических характеристик развития общества порой вела их к сближению со сторонниками цивилизационного подхода к истории.

Сторонники цивилизационного подхода к истории противопоставляли понятию так называемого абстрактного социально-экономического прогресса реальную историческую ценность – человека, личность, ее интересы. В центр понятия «прогресс» ставится критерий совершенствования человека, развитие и становление его общественных и духовных ценностей, которые связаны со становлением свободной, независимой, материально обеспеченной и духовно богатой личности. В рамках формации эти понятия фактически размываются, хотя и декларируются. В условиях цивилизационной оценки они представляют собой реальную историческую величину.

Однако у многих белорусских историков цивилизационный подход вызывал недоумение по той причине, что они хотели видеть в цивилизации конкретно-историческое понятие, в то время как на самом деле она является идеальным типом, мыслительной конструкцией исследователя, требующей сопоставления с исторической действительностью и внесения соответствующих поправок [18, с. 19].

Отказ от марксистской методологии истории и поиски более универсальных методологических подходов (цивилизационного, в частности) привели к коренному переосмыслению критериев периодизации всеобщей истории. В центре дискуссий о периодизации находился вопрос о соотношении формационного и цивилизационного подходов к анализу истории человечества. Внедрение новых критериев периодизации отразилось в содержании учебников по всеобщей истории. В итоге постепенно воспринимается периодизация по стандартам западноевропейской историографической традиции XX в.

Уже на II Всебелорусской конференции историков в 1997 г. было объявлено о том, что произошло становление белорусской концепции всеобщей истории, «в основу которой положено существование нашего независимого государства» [18, с. 11]. Правда, сущность этой концепции не раскрывалась. Показателем наличия этой концепции на практике объявлялось создание первых белорусских учебников и учебных пособий по всем периодам всеобщей истории для школ Беларуси.

В первой половине – середине 1990-х гг. появились исследования по истории античности с использованием аксиологического и антропологического подходов [17, с. 27 – 30; 18, с. 236 – 238, 241 – 242]. Это позволило проводить изучение духовных ценностей эпохи с учетом явлений социальной, политической и других сфер жизни, поставить в центр исследования именно человека в различных проявлениях его жизнедеятельности, во взаимоотношениях с окружающим миром, обществом. Изучение ментальности позволило представить мировосприятие человека эпохи античности, исследовать мотивы его поведения в разных ситуациях (например, исследования античнохристианского менталитета, проведенного В.А.Федосиком) [17, с. 21 – 27]. Формационный и цивилизационный подходы не способствовали исследованию подобной проблематики. Это вело к тому, что история сужалась к изучению главным образом социальных, экономических и политических процессов.

Все более широкое распространение получал информационный подход. Он проявился в проникновении в научно-исследовательскую работу и преподавание компьютерной техники и технологии – исторической информатики, которая стала неотъемлемой частью историографии [14].

Белорусская историческая наука базировалась и на многофакторном подходе к истории [19]. Наряду с социально-экономическим, классовым подходом рассматриваются и иные подходы, иные факторы, которые помогают понять историю той или иной страны: географический и этнический, религиозный и внешнеполитический, фактор взаимовлияния и синтеза различного рода цивилизаций, скажем, древнеримской и европейской, и другие. Эти факторы действовали в разные периоды с различной силой.

Все это воспринимается историками, по-новому трактуется и создает совершенно иную палитру в обрисовке развития истории. Эта палитра характеризуется очень просто: изучается общество в целом, а само понятие общества предполагает все его части: не только рабочие, не только крестьянство, но и духовенство, и верхи общества и другие слои. Сегодня это общепризнанно всеми направлениями в историографии. У историков не может быть классов любимых и классов нелюбимых, нет героев, как прежде, любимых или нелюбимых; они не могут проклинать отдельные периоды истории, как и превозносить другие, они пытаются понять историю в целом.

Большое значение для современной историографии имеет психологически-личностный подход к истории, значимость и роль лиц в истории, их влияние на ход истории. Прежде к этой проблеме был совсем иной подход. По существу, произошла грандиозная переоценка практически всех крупных фигур в истории в сторону объективности, взвешенности, отказа от идеологических стереотипов советского времени.

Практически заново разрабатывается история религии.

Совершенно на новой основе изучается история культуры. Советские историки, как правило, базировались на том, что существуют две антагонистические культуры: культура народная, демократическая и культура элитарная. В первой половине 1990-х гг. возникли большие сомнения в правильности такого жесткого подхода к истории культуры. Оказалось, что история культуры так же, как и другие области истории, не терпит таких сектантских подходов. История культуры богаче, красочней, она наполнена яркими людьми разных общественных направлений. Все это тоже история, история духовности.

На развитие белорусских исследований по истории древнего мира отрицательно влияла слабая профессиональная подготовка специалистов по всеобщей истории – незнание иностранных языков (особенно древних), работ зарубежных коллег, отсутствие профессиональных навыков работы с первоисточниками. Да и количество исследователей всеобщей истории в Беларуси несравнимо меньшее, чем исследователей отечественной истории. Подготовка научных кадров по истории древнего мира велась в аспирантуре и докторантуре БГУ. За редким исключением все кандидаты и доктора наук на Беларуси, специализирующиеся на истории древнего мира были подготовлены именно здесь. Однако туда поступали в основном выпускники БГУ и БГПУ хотя потребность в квалифицированных кадрах региональных вузов наиболее острая.

Распад СССР привел к ослаблению связей белорусских историков-всеобщников с учеными крупных научных центров России и Украины. Правда, появилось больше возможностей для сотрудничества с учеными стран Западной Европы и США. Однако причины финансового характера и языковой барьер существенно ограничили открывшиеся возможности.

Указанные проблемы не могли не отразиться на качестве и количестве изданных работ по истории древнего мира.

В начале 90-х гг. XX в. история древнего мира в школах Беларуси изучалась по советским учебникам [20]. После принятия новой концепции школьного исторического образования над подготовкой учебных пособий работали ученые-историки из БГУ и БГПУ. В 1993/1994 учебному году были подготовлены пособия по всеобщей истории для всех классов школ [21]. Однако форсированная подготовка пособий не могла не отразиться на качестве, в особенности на их методическом уровне. В них отсутствовали такие важные для учебников элементы, как перепечатанные фрагменты документов, хронологические таблицы, списки литературы и источников, иллюстрации, карты, что осложняло восприятие школьниками самого текста.

Отдельной проблемой являлись учебники по истории древнего мира для высших учебных заведений. В 1990-х гг. в учебном процессе чаще всего использовались советские учебники издания 1960 – 1980-х гг., единичные экземпляры закупались в России. Поэтому задача создания учебников и хрестоматий являлась первоочередной. Однако в изучаемый период она не была решена.

Важным аспектом распространения знаний по истории и культуре древнего мира являлось издание произведений античных авторов, исследований по истории античности. В первую очередь были опубликованы труды Иосифа Флавия, ставшие библиографической редкостью. В СССР они не печатались из идеологических соображений. «Иудейская война» и «Иудейские древности» были переизданы соответственно в 1991 и 1994 гг. [22]. Тексты источников адаптированы к современному русскому языку, предисловие, примечания и дополнения написаны и составлены В.А.Федосиком, Г.И.Довгяло и К.А.Ревяко.

И.О.Евтухов и М.С.Корзун подготовили к печати и в 1995 г. издали отдельным томом «Избранные жизнеописания» Плутарха [23] – одного из наиболее популярных античных писателей-историков II в. н.э. К жизнеописаниям Фемистокла, Аристида, Кимана, Перикла, Никия, Алкивиада, Лисандра, Агесилая, Тиберия и Гая Гракхов, Суллы, Марка Красса, Цицерона, Брута, Гая Юлия Цезаря И.О.Евтухов и М.С.Корзун составили подробные примечания. Кроме того, И.О.Евтухов описал жизнь и деятельность Плутарха Херонейского.

Рост общественного интереса к христианству и его истории послужил толчком к изданию забытых за годы Советской власти произведений француза Э.Ренана «Жизнь Иисуса» и «Апостолы» [24].

Рассказы о знаменитых женщинах античности – Медеи, Сапфо, Аспазии, Олимпиаде, Роксане, Динамии, Юлии, Мессалине, Агриппине – белорусские историки издали в сборнике «Женщины-легенды» [25].

Таким образом, во второй половине 80-х – середине 90-х гг. XX в. исследования истории древнего мира белорусскими учеными проводились по традиционным направлениям, выработанным историками-всеобщниками БССР. В условиях методологического кризиса постсоветской исторической науки в исследовательскую практику начинают проникать новые подходы и методы познания прошлого, апробированные в западной историографии: цивилизационный, аксиологический, антропологический, информационный, методология истории ментальности. Это позволило обновить и обогатить тематику исследований, перейти от изучения структур к исследованию человека в различных проявлениях его жизнедеятельности.

Список литературы

1. Архив учреждения образования «Белорусский государственный университет». Фонд 205. – Оп. 8. – Д. 5. – № 4184. Отчеты по НИР факультетов и кафедр за 1991 год. – 246 л.
2. Федосик, В.А. Киприан и античное христианство / В.А. Федосик. – Минск: Университетское, 1991. – 218 с.
3. Федосик, В.А. Христианская церковь в Римской империи в III – начале IV в. (становление христианской церкви и религиозная политика императорской власти). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук в форме научного доклада / В.А. Федосик; БГУ. – Минск: Ротаприант БГУ, 1992. – 50 с.
4. Евтухов, И.О. К вопросу о формировании антропологии Аврелия Августина / В.А. Федосик, И.О. Евтухов // *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У.І.Леніна*. Сер. 3. – 1988. – № 2. – С. 22 – 24; Концепция человека в произведениях Аврелия Августина периода Тагаста (388 – 392) // *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У.І.Леніна*. Сер. 3. – 1989. – № 2. – С. 18 – 20; Формирование христианской концепции человека (антропология Киприана) // *Ленинское теоретическое наследие и культурный прогресс социализма. Тезисы конференции (март 1990)*. – Ровно, 1990. – С. 68 – 69; «Энхиридион» Аврелия Августина и раннесредневековая концепция человека // *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У.І. Леніна*. Сер. 3. – 1991. – № 1. – С. 14 – 17.
5. Евтухов, И.О. Концепция человека поздней античности (запад Римской империи, V в. н. э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / И.О. Евтухов; БГУ. – Минск, 1991. – 19 с.
6. Евтухов, И.О. Формирование христианской концепции человека (западная апологетика) / И.О. Евтухов // *Среда, личность, общество. Доклады конференции*. – М., 1992. – С. 111 – 112; Старанікейская канцэпцыя чалавека (Афанасій Александрыйскі) // *Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: Новыя канцэпцыі і падыходы: У 2 ч. Ч. 2. Сусветная гісторыя*. – Мінск: Універсітэцкае, 1995. – С. 80 – 81; Прынцып уснаўлення ў раннеарыянскай канцэпцыі чалавека // *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта*. Сер. 3. – 1994. – № 1. – С. 21 – 23; Концепция человека поздней античности (пелагиане) // *Античность и средневековье Европы. Межвузовский сборник научных трудов*. – Пермь, 1994. – С. 126 – 133; Канцэпцыя чалавека эпохі даміната (Ямвліх і Афанасій Александрыйскі) // *Гістарычная навука і гістарычная*

адукацыя у Рэспубліцы Беларусь: Новыя канцэпцыі і падыходы: У 2 ч. Ч. 2. Сусветная гісторыя. – Мінск: Універсітэцкае, 1995. – С. 27 – 30.

7. Ханкевич, О.И. К вопросу о характере римских конционес / О.И. Ханкевич // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ў.І. Леніна. Сер. 3. – 1987. – № 2. – С. 33 – 35.

8. Ханкевич, В.І. Старажытныя цывілізацыі Усходу і антычнасці / В.І. Ханкевич // Настаўніцкая газета – 1994. – 13 жн. – С. 4; Ханкевич, В.І. Старажытныя цывілізацыі / В.І. Ханкевич // Беларускі гістарычны часопіс. – 1995. – № 2. – С. 139 – 151, № 3 – С. 157 – 162.

9. Корзун, М.С. Тип хозяйства и политическая позиция Никия / М.С. Корзун // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ў.І. Леніна. Сер. 3. – 1985. – № 1. – С. 23 – 25; Афинское посольство по заключению Никиева мира // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ў.І. Леніна. Сер. 3. – 1985. – № 3. – С. 19 – 22; Корзун, М.С. К вопросу о социальной роли религии в Древней Греции (по поэмам Гомера и Гесиода) / М.С. Корзун // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ў.І. Леніна. Сер. 3. – 1989. – № 2. – С. 16 – 18; Создание государства и аграрная проблема в Древнем Риме // Беларускі гістарычны часопіс. – 1995. – № 3. – С. 18 – 22.

10. Перзашкевич, О.В. К вопросу о древнеиндийских брахманах. Брахмавидья / О.В. Перзашкевич // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: Новыя канцэпцыі і падыходы: У 2 ч. Ч. 2. Сусветная гісторыя. – Мінск: Універсітэцкае, 1995. – С. 63 – 64; Да пытання аб варне брагманаў у постведыйскі перыяд // Крыўя. – 1994. – № 1. – С. 53 – 63.

11. Прохоров, А.А. О некоторых символах царской власти у индоиранцев в свете гипологического культа / А.А. Прохоров // Веснік БДУ. – Серыя 3. – 1991 – № 1. – С. 25 – 31.

12. Горемыкина, В.И. Возникновение и развитие первой антагонистической формации в современной Европе: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / В.И. Горемыкина; ЛГУ. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – 42 с.

13. Горемыкина, В.И. В поисках истины о раннем христианстве / В.И. Горемыкина. – Минск: Университетское, 1989. – 82 с.

14. Мينيцкий, Н.И. Модели представления исторического источника (смена парадигм или новая доминанта) / Н.И. Мينيцкий // Тэзісы міжнароднай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі «Архівазнаўства, крыніцазнаўства, гістарыяграфія Беларусі: стан і перспектывы»: У 2 ч. Ч. 2. – Мн., 1993. – С. 42 – 43; Новые информационные технологии в историческом исследовании и обучении // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: Новыя канцэпцыі і падыходы: У 2 ч. Ч. 2. Сусветная гісторыя. – Мінск: Універсітэцкае, 1995. – С. 226 – 230.

15. Виц-Маргулес, Б.Б. Взгляды Демокрита на социально-политическую организацию общества / Б.Б. Виц-Маргулес // Вестник древней истории. – 1988. – № 2. – С. 143 – 156; Диагор Мелосский (V в. до н.э.). Жизнь и взгляды // X авторско-чит. конференция ВДИ АН СССР. Тезисы докладов. – М., 1987. – С. 43 – 44; Диагор Мелосский. Статья, перевод, комментарий. – Гродно: ГрГУ, 1996. – 104 с.

16. Ревяко, К.А. Пунические войны / К.А. Ревяко. – Минск: Университетское, 1988. – 272 с.

17. Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: Новыя канцэпцыі і падыходы: У 2 ч. Ч. 2. Сусветная гісторыя. – Мінск: Універсітэцкае, 1995. – 232 с.

18. Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: стан і перспектывы развіцця: матэрыялы II Усебеларускай канф. гісторыкаў, Мінск, 10 – 11 крас. 1997 г. – Мінск: БДУ, 1999. – 357 с.
19. Проблемы методологии изучения истории античного мира // Вестник древней истории. – 1994. – № 1. – С. 33 – 45; Смяховіч, М. Гістарычныя даследаванні ў канцы XX ст.: тэарэтыка-метадалагічныя катэгорыі і прынцыпы, тыпалогія / М. Смяховіч // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2007. – № 10. – С. 3 – 10.
20. Коровкин, Ф.П. История древнего мира: учеб. для 5 кл. сред. шк. / Ф.П.Коровкин. – 3-е изд., дораб. – М.: Просвещение, 1988. – 255 с.
21. Гісторыя цывілізацый старажытнага свету: вучэб. дапам. для 5-га кл. / У.С.Кошалеў, В.І.Ханкевіч, Г.В.Даўгяла [і інш.]. – Мінск: Нар.асвета, 1993; Сусветная гісторыя ад старажытных часоў да канца XVIII ст.: вучэб. дапам. для вучняў 10-га кл. / У.С. Кошалеў, В.І. Ханкевіч, Г.В. Даўгяла [і інш.]. – Мінск: Нар. асвета, 1994. – 350 с.
22. Иосиф Флавий. Иудейская война / подгот. текста, предисл. и примеч. К.А.Ревяко, В.А. Федосика. – Мн.: Беларусь, 1991. – 512 с.; Иудейские древности: в 2 т. / подгот. текста, предисл. и примеч. Г.И. Довгяло, К.А. Ревяко, В.А. Федосика. – Минск: Беларусь, 1994.
23. Плутарх. Избранные жизнеописания / предисл. И.О. Евтухова, примеч. И.О.Евтухова, М.С. Корзуна. – Минск: Беларусь, 1995. – 543 с.
24. Ренан, Э. Жизнь Иисуса. Апостолы / Пер. с фр. Е.В. Святловского. / Э.Ренан. – Минск: Беларусь, 1991. – 494 с.
25. Женщины-легенды / сост., науч. ред. и авт. предисл. В.А. Федосик. – Минск: Беларусь, 1993. – 336 с.

Минич Александр Петрович, старший преподаватель кафедры всеобщей истории факультета истории и социологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

УДК 930 (4)

Т.Т. Кручковский, В.А. Хилюта

ОТНОШЕНИЯ ПОЛЬША – РУСЬ В КОНТЕКСТЕ ДОКАТОЛИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ВКЛ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Данная проблема в такой постановке рассматривалась русской исторической наукой как в первой половине XIX века (в творчестве Н.М.Карамзина, М.П.Погодина, особенно Н.Г.Устрялова, историографии славянофильской ориентации 30 – 50-х годов), так и второй половине XIX – начала XX века в трудах историков славянофильской консервативной историографии (М.О.Коялович, Д.И.Иловайский, П.Д.Брянцев, В.Б.Антонович, М.Ф.Владимирский-Буданов, Ф.И.Леонтович, И.Д.Беляев, И.П.Филевич и др.) и историков либерального направления (С.М.Соловьев, В.О.Ключевский, Н.И.Кареев, Н.Н.Любович, В.А.Бильбасов, А.Л.Погодин, М.К.Любавский и др.).

Период истории Польши и ВКЛ в контексте польско-русских отношений XI –XIV веков (до Кревской унии как начала процесса польского преобладания в Западной России согласно терминологии русской историографии XIX – начала XX в.), был хронологическим периодом, привлекающим определенное внимание русской историографии. Это видно, прежде всего, в обобщающих трудах по истории России известных русских историков начиная от Н.М.Карамзина [1] и Н.Полевого [2], и заканчивая В.О.Ключевским [3] и Н.А.Рожковым [4], а также в отдельных трудах по истории Польши, Литвы, Западной России [5 – 7]. При этом в силу ряда известных причин эта тематика истории Руси, Литвы и Польши привлекала внимание русских историков в основном уже второй половины XIX века. Причем, что весьма знаменательно, данной проблематикой продолжали заниматься в основном, историки-отечественники. Русские историки, занимающиеся всеобщей историей, также много и плодотворно работали над историей Польши (Н.И.Кареев [8, 9], А.Л.Погодин [10], М.К.Любавский [11, 12]). Однако в отношении истории Польши и ВКЛ, ограничивались они в основном общими выводами в рамках своих историко-философских концепций или следовали в русле общих оценок основных концептуальных построений истории России С.М.Соловьева [13, 14], В.О.Ключевского [3]. Связано это было с тем, как верно заметил Ф.М.Уманец, что современное общественное мнение России весьма неблагоприятно смотрит на стремление Ягеллонов соединить Польшу и Литву. Вместе с тем, продолжал историк, нельзя осуждать явление только потому, что оно ущербно для русской этнографии [15, с. 51]. Но, к сожалению, в ущерб объективности исторических исследований, такое мнение, особенно в русской историографии славянофильской направленности, почти единственное. Как типичный пример иного подхода к истории западной России можно привести исследования М.О.Кояловича [7].

Одной из фундаментальных позиций исторической концепции Н.М.Карамзина было утверждение о Руси Киевского периода как едином государстве, населенным одним общим народом и о Руси Московской как наследнице Киевской Руси. Согласно его мнению, территориально Россия периода Киевской Руси и Руси Московской не отличались, занимая пространство от берегов Оки до Сана [1, с. 9]. Однако историк признавал, что политически Русь после монгольского нашествия разделилась, и выделял три части: северо-восточную (будущую Московию), северно-западную (Новгородская земля) и Литовскую Русь.

Первоначальную историю ВКЛ до ее соединения с Польшей и в ее связи с русскими землями Н.М.Карамзин оценивал как историю преимущественно русскую. При этом Карамзин даже не пытался объяснить, как это произошло: Литва до этого платила, как он писал, «дань Россиянам и подвергалась периодическим походам киевских князей», продолжая: «В окрестностях Двины и Немана, среди густых лесов, жил народ бедный, дикий и более 200 лет платил

скудную дань Россиянам. [...] Он выучился искусству воинскому и, предводимый некоторыми отважными витязями, в стройном ополчении выступил из лесов на театр мира; не только восстановил свою независимость, но, приняв образ народа Гражданского, основав Державу сильную, захватил и лучшую половину России, т. е. Северная осталась данницею Моголов, а Южная вся отошла к Литве по самую Калугу и реку Угру, Владимир, Суздаль, Тверь [...] Киев, Чернигов, Мценск, Смоленск – городами Литовскими» [16, с. 475 – 476].

Историограф во втором томе, главе седьмой сам неоднократно отмечал весьма однозначно негативное отношение Литвы к России и характер их отношений: «Сей народ ненавидел Россиян как утеснителей, отрекался платить дань и сопротивлением отягчал свою долю». Данное положение историка звучит весьма странно на фоне его последующего тезиса о ВКЛ как российском государстве.

ВКЛ после присоединения русских земель согласно такой интерпретации до унии с Польшей рассматривалась историком как преимущественно русское государство, а, например, Гедимин как незаконный правитель, захвативший русские земли. Пользуясь невзгодой России, писал историк, Литва завладела их странами [1, с. 107 – 108]. По существу, этот взгляд ничем не отличается от точки зрения Татищева, по которому литовские князья некогда повиновались русским, и независимость Литвы явилась следствием отпадения ее от власти России во время княжеских междоусобиц [17, с. 176]. Однако сам Карамзин не рассматривал Татищева и в этом вопросе как своего предшественника [18].

Косвенно, как видим, Карамзин утверждал, что виною этого положения было разорение Руси в результате монголо-татарского нашествия. Историк рисовал мрачную, полную драматизма картину состояния русских земель после пришествия войска хана Батыя: «Состояние России было самое плачевное: казалось, что огненная река промчалась от ее восточных пределов до западных; что язва, землетрясение и все ужасы естественные вместе опустошили их, от берегов Оки до Сана [...] Одним словом, Россия испытала тогда все бедствия, претерпленные Римскою империею от времен Феодосия Великого до седьмого века, когда северные дикие народы громили ее цветущие области. Варвары действуют по одним правилам и разнравствуют между собою только в силе» [1, с. 8 – 9].

В связи с таким подходом Карамзин считал, что любая попытка русских князей сопротивляться игу монголов с опорой на Запад, в том числе и на католические Польшу и Венгрию, была бессмысленной с точки зрения будущих перспектив возрождения великой России. В этом отношении весьма показательны его оценки внешней политики Александра Невского, склонившего голову перед Ордой ценой даже унижений и Даниила Галицкого, бросившего вызов Орде и пытавшегося опереться в этой борьбе на помощь Запада, в том числе и на помощь Польши. Несмотря на все симпатии

историографа к герою Даниилу Галицкому, он отдавал предпочтение политике Александра Невского. Данная точка зрения была подчеркнута историком из московской политической литературы, поддержанная впоследствии православной церковью России. После Карамзина данное положение стало общепринятым в российской историографии исследуемого периода. Интересно заметить, что эта точка зрения получила поддержку также и в советской исторической науке [19; 20]. В настоящее время такой подход принят в основном и в современной российской историографии [21; 22].

И это притом, что согласно мнению Карамзина, – Даниил не просто слепо следовал за Римом, Польшей или Венгрией, но требовал реальной помощи: «Требую войска, а не венца, украшения суетного, пока варвары господствуют над нами», а когда ее не получил, то разорвал отношения с Римом: «но как от безрассудного междоусобия христианских государей сие ополчение не состоялось, то Даниил снял с себя личину, отрекся от связи с Римом и презрел гнев папы» [1, с. 27].

Такой именно исторический путь возрождения России увидел и обосновал Н.М.Карамзин: «Таким образом, история наша представляет новое доказательство двух истин: 1) для твердого самодержавия необходимо Государственное могущество; 2) рабство Политическое не совместимо с гражданскою вольностью. Князья пресмыкались в Орде, но, возвращаясь оттуда с милостивым ярлыком Ханским, повелевали смелее, нежели в дни нашей Государственной независимости. Народ, смиренный игом варваров, думал только о спасении жизни и собственности, мало заботясь о своих правах гражданских. Сим расположением умов, сими обстоятельствами воспользовались Князья Московские, и мало-помалу, истребив все остатки древней республиканской системы, основали истинное самодержавие» [16, с. 476]. Исходя из этого положения, историк и осуждал (хотя по его изложению видны симпатии к новгородскому вечевоу строю) Новгород, когда он сопротивлялся присоединению к Москве, а тем более, когда попытался, защищая свою независимость опереться на польско-литовское государство.

Это положение Карамзина совершенно игнорировало наследие ВКЛ и Речи Посполитой на их православных территориях. Исходя из этого, данное мнение было подвергнуто критике еще И. Лелевелем, приводящим историческую аргументацию и ставящим под сомнение право Москвы на наследие Киевской Руси [23, с. 23]. Таким образом, данная концепция Карамзина была продолжением не только исторической схемы предшествующей историографии, но и московской политической литературы XVI века. Исходя из этого положения, Н.М.Карамзин рассматривал отпадение Литовской Руси и Новгорода от едино русского центра, которым он считал исключительно Москву.

Весьма близкую позицию к точке зрения Карамзина о разделении Руси на несколько частей, но с качественно иным обоснованием, исходя из

специфики развития этих частей, выдвигал его современник – И.Лелевель. Согласно концепции И.Лелевеля Русь эпохи средневековья после распада Киевской Руси распалась на три части: гражданская стихия русского народа с сосредоточением на Севере; царизм отодвинулся на восток за леса к Азии; земское (или славянское) население и боярство расположилось на равнине, у Карпат в соседстве с ляхами. Эти три части, продолжал польский историк, ждало различное будущее, так как царистское начало получило поддержку татарского азиатского начала в его деспотизме и невольничестве. И после ослабления татар, продолжал он, московское самодержавие вышло с триумфом, взяв на себя, его черты. Вторая часть (гражданская) с опорой на инородный польский элемент, писал Лелевель, развилась в ВКЛ, а также частично в Новгороде Великом [23]. Подобная точка зрения была принята в последующей польской историографии – Ф.Конечны [24]. Показательно, что весьма близкую точку зрения о подобных центрах объединения русских земель – альтернативах Москве еще на исходе советской историографии высказал известный историк А.А.Зимин [25].

Первый значительный князь Литвы XIV века – Гедимин оценивался Карамзиным как князь литовско-русский, уважающий русские традиции и православие: «Властвуя над Литвою и завоеванною частью России, он именовал себя великим князем Литовским и Российским; жил в Вильне, им основанной; правил новыми подданными благоразумно, уважая их древние гражданские обыкновения, покровительствуя веру греческую и не мешая народу зависеть в церковных делах от митрополита московского» [1, с. 107]. Отдавая должное Гедимину, как государственному деятелю историк подчеркивал, что: «хитрый Гедымин умел снискать дружбу моголов; по крайней мере, никогда не воевал с ними и не платил им дани» [1, с. 138]. Подобно высокой была у Карамзина также оценка Ольгерда, несмотря на то, что, ведя завоевательные войны с Москвой: «Ольгерд, как лев, свирепствовал в российских владениях: не уступая моголам в жестокости, хватал безоружных в плен, жег города» [1, с. 163].

Именно с данного времени у Карамзина мы видим постановку вопроса о двух естественных врагах России – Орде и Литве, затем соединенной с Польшей, при этом по мере своего повествования историограф все более однозначно высказывается о Польше (соединенной с ВКЛ) как о более опасном сопернике. При этом данная опасность, по его мнению, исходила со стороны не языческого Великого княжества Литовского, а уже соединенного с католической Польшей, которое может претендовать на изменение цивилизационных основ Московии. Этот подход Карамзина к ВКЛ значительно отличался от более позднего славянофильского тезиса (впрочем, основоположником здесь выступил Н.Г.Устрялов [26; 27]) характеризующего княжество как русское государство и после Кривской унии.

Такой подход историографа объяснялся также, согласно нашему мнению, и тем, что он считал опасность со стороны новых соперников – Литвы, Ордена, а затем и Польши, даже большею, чем со стороны Орды. Карамзин, сравнивая эти две опасности для будущего России утверждал, что со стороны Орды она была меньше: «Первые хранили, по крайней мере, свои нравы, – вторые заимствовали и самые обычаи чуждые. Казалось, что Россия погибла на веки» [16, с. 475]; «Ханы ордынские требовали от нас дани: литовцы совершенного подданства» [1, с. 237]. Данное положение историка противоречило его же утверждению о том, что ВКЛ было первоначально по своему характеру русским государством. Совершенно противоположная точка зрения о характере отношений православного населения Руси и образующегося ВКЛ имеется в современной польской [28; 29] и белорусской и украинской историографии [30 – 32].

Эта точка зрения Карамзина о преобладающей угрозе с запада будет впоследствии принята в российской консервативной историографии XIX – начала XX в., стала она популярна и в советской историографии. Показательна популярность данного положения и в современной России: причем не, только в исторической науке, но и в широком общественном мнении. Достаточно вспомнить, что согласно проекту Российского телевидения в 2009 году выбора исторической личности олицетворяющей историю России победу одержал, представляемый тогдашним митрополитом (а ныне патриархом Всея Руси – Кириллом – Т.К.), именно Александр Невский.

На наш взгляд, подход Карамзина основан не только на убеждении в невозможности свержения ига монголов, но и на том основании, что, опираясь на Запад, в том числе и Польшу, восстановлена была бы иная Россия, возможно не самодержавная, а главное не имперская Россия. «На одну седьмую земного шара», – как отмечал историк в «Историческом похвальном слове Екатерине Второй» [33].

Вместе с тем историк также утверждал, что в этот период Польша была общим врагом для ВКЛ и Московии. Историограф, описывая территориальный спор ВКЛ и Польши, писал: «Сие происшествие заставило Ольгерда и братьев его искать дружбы Симеоновой, тем естественнее, что король польский, ободренный успехами, вздумал быть гонителем церкви греческой, теснил духовенство в Польше и православные церкви обращал в латинские» [1, с. 138]. В этих условиях, по Карамзину, русские в ВКЛ, а также православная церковь Литвы вместе с Москвою поддержали литовских князей: «Граждане стенали: утратив государственную независимость, они еще умели крепко стоять за веру отцов и, гнушаясь насилием папистов, славили терпимость литовского правления; а глас народа единокровного громко отзывался в Москве. Нет сомнения, что и митрополит ревностно ходатайствовал за князей литовских – которые не мешали ему повелевать духовенством в Польше – особенно же за Любарта, усердного сына нашей церкви» [1, с. 138].

Карамзин придерживался также мнения, что, несмотря на уже видимые отличия в развитии восточнославянских народов, о существовании единого русского народа и единой России, о чем свидетельствует также и его оценка политических задач западной политики России XV – XVII веков. Было это следствием его исторических взглядов, отражающих понимание народа (нации) в гердеровской интерпретации – единства традиций, веры, языка, территории, а также концепции «большой русской нации» начавшейся формироваться во времена Екатерины II и сложившейся при С.С.Уварове на основе исторической традиции в тесной связи с потребностями внешней и внутренней политики.

Значительно меньше внимания истории ВКЛ, в том числе и в контексте польско-русских отношений уделяли столь разные по своей принадлежности направления историки первой половины XIX века как Н.И.Полевой [2] и М.П.Погодин [36, 37]. В качестве примера рассмотрения истории Польши в контексте теории «официальной народности» следует рассматривать «Русскую историю» Н.Г.Устрялова, профессора Петербургского университета, члена Академии Наук [26, 27], а также профессора Московского университета, члена Академии Наук – М.П.Погодина.

Н.Г.Устрялов в своей работе «Русская история» определенное внимание уделял истории Польши и российско-польским отношениям, причем значительно более пристальное внимание истории взаимоотношений между Россией и ВКЛ с ее православными землями, которые он также считал русскими. В его «Русской истории» отведены целые главы, посвященные истории ВКЛ, включая и конфессиональные отношения. Н.Г.Устрялов показывал в своем труде нескрываемые симпатии к ВКЛ и причиной этому было православие, которое он считал основной конфессией княжества, особенно до польско-литовских уний. Такое же проявление симпатий к ВКЛ до периода польско-литовских уний станет нормой в российской историографии последующего периода – М.О.Коялович, Д.И.Иловайский, П.Д.Брянцев и др. [34]. Она была в определенной степени популярной и в советской историографии [38; 39]. Точка зрения о ВКЛ как не о литовском, а славянско-православном государстве присутствует и в современной белорусской и украинской историографической традиции [30 – 32].

Проблема исторического соперничества Москвы и Литвы за господство над западнорусскими землями, отмеченная и решенная Карамзиным как литовская экспансия с одной стороны и собирание русских земель Москвой – с другой стороны, стала одной из основных в русской историографии XIX – начала XX века. Решалась она преимущественно в ключе, предложенном Н.М.Карамзиным (М.П.Погодин, С.М.Соловьев, В.О.Ключевский и др.) или, если даже ВКЛ признавалась вторым центром собирания русских земель, то в контексте ее как русского государства (М.О.Коялович, П.Д.Брянцев, Д.И.Иловайский и др.) [34].

Согласно концепции Н.Устрялова Польша рассматривалась как враг России наряду с татарами, как это было и у его великого предшественника – Н.Карамзина, а впоследствии у И.Филевича или В.О.Ключевского. Н.Г.Устрялов в рассмотрении данного вопроса пошел далее своего знаменитого предшественника – Н.М.Карамзина. Н.Устрялов В статье «Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское» Н.Устрялов заявлял, что ВКЛ было русским государством: «русское, и вера, и язык, и гражданские уставы; сами князья литовские, рожденные от русских княгинь, женатые на русских княгинях, крещенные в православную веру, казались современникам потомками Владимира Святого» [26, с. 17].

Н.И.Полевой, несмотря на критику общей концепции истории России Н.М.Карамзина в отношении ВКЛ, утверждал вслед за Карамзиным, что княжество Литовское, как русско-литовская государственность, было основано Миндовгом и Тройденом, укреплено Гедимином, возведено Ольгердом, рукою Витовта поставленная в круг сильных политических обществ Европы [2, с. 194].

М.П.Погодин перенял ряд положений Карамзина в исследовании истории Польши, польского вопроса, определения его сущности, содержания и предлагал различные варианты его решения. При этом, как видно из его основных работ по исторической полонистике, оценки историка по основным проблемам польской истории [36; 37], не только повторяли основные подходы и оценки Карамзина, но и в ряде случаев заостряли их, звучали часто с открыто полонифобских позиций.

Согласно М.П.Погодину, западнорусские земли – это «русская земля, заселенная русскими людьми, не имеющими никакой иной истории кроме русской» [36, с. 279]. Таким образом, он отказывал в праве самостоятельного существования ВКЛ, так как считал, что это княжество основано на русских землях, которые должны были быть возвращены Москве. Последнюю, он, рассматривал единственным возможным центром собирания русских православных земель.

Истории Польши и ВКЛ в контексте польско-русских отношений XI – XIV веков (до Кревской унии) продолжала быть в спектре внимания русской историографии второй половины XIX – начала XX веков. При этом особенно заметно при рассмотрении данной проблематики влияние консервативной историографии славянофильской направленности на либеральных историков, которые в этой тематике в основном следовали концептуальным построениям первых. С.М.Соловьев, В.О.Ключевский, П.Д.Брянцев, Д.И.Иловайский в определенной степени касаются данной проблемы как в своих обобщающих трудах по истории России и ВКЛ, так и более конкретных исторических исследованиях.

Наиболее фундаментальное исследование в русской исторической науке

исследуемого периода, не потерявшее значение и до сих пор, посвященное истории ВКЛ, рассматривающее ее как процесс интеграции литовско-русского государства с Польшей, развитию внутренних предпосылок этого сложного и уникального для тогдашней Европы процесса объединения столь различных государств, а также в некоторой степени и ВКЛ до ее уний с Польшей, принадлежит известному русскому историку М.К.Любавскому [12]. Написано оно с позиции противоположных уже упомянутому М.О.Кояловичу, известному историку русской православной церкви. На наш взгляд, «Литовско-русский сейм» М.К.Любавского является своеобразной вершиной русской дооктябрьской историографии и исследования проблем истории представительной власти в ВКЛ, а также истории почти двухсотлетней интеграции земель Польши, Литвы и Руси в многонациональную федеративную Речь Посполитую.

ВКЛ XI – конца XIV века большей частью русских историков второй половины века продолжал считаться если не полностью русским, то преимущественно русским государством в силу культурного и территориального преобладания над собственно Литвою. На этой точке зрения стояли историки славянофильской ориентации – И.П.Филевич, М.Ф.Владимирский-Буданов, И.Д.Беляев, Д.И.Иловайский, Ф.И.Леонтович, М.О.Коялович и др. М.О.Коялович отмечал, что положение литовцев на занятых русских землях было схожим с положением варягов на Руси во времена Владимира и Ярослава, вследствие чего, считал историк, княжество было больше русским, чем литовским [41, с. 5]. По мнению П.Д.Брянцева, ВКЛ уже было почти русским государством и совсем мало оставалось до его полного слияния с русскими землями [6, с. 100]. Доказывая правильность своего положения, исследователь говорил о том, что большинство простого народа, не считая высший класс в собственно Литве, говорило по-русски, что православие стало религией уже большинства литовского народа, об отличии русской православной колонизации от католической, не прибегающей никогда к мечу и огню [6, с. 80]. Что весьма интересно, говоря затем о насильственном введении Ягайло католичества в Литве, Брянцев никак не объяснял, как и почему ему удалось проделать с народом, по его словам, в своем большинстве уже православным и русским.

М.В.Владимирский-Буданов, стремясь доказать русский характер ВКЛ, выдвигал положение о том, что власть великих князей в отношении русских удельных княжеств оставалось чисто номинальной. Историк также считал, что не было завоевания Литвой коренных русских земель, и ставил даже под сомнение сведения летописей о походах Гедимина на русские земли. По его мнению, литовская династия сменила Рюриковичей постепенно и большей частью с согласия населения [42, с. 3]. Ф.И.Леонтович и М.В.Довнор-Запольский отмечая русское влияние на Литву, утверждали в противовес М.К.Любавскому, что даже образовавшейся впоследствии сейм ВКЛ испытал

влияние вечевых традиций Новгорода и Пскова, а не польского сейма [43, с. 2].

В тоже время, либеральные историки – В.А.Мякотин, В.О.Ключевский, Н.И.Кареев, М.К.Любавский, а также такие историки консервативной направленности – П.А.Гейсман, Ф.М.Уманец, подчеркивая значительность русского влияния в Литве, считали, что в политическом плане, однако, преобладал литовский элемент [34]. П.А.Гейсман обосновывал это завоеванием в значительной степени Руси Литвой [43, с. 7]. В.А.Мякотин и В.О.Ключевский подчеркивали, что по мере занятия Литвой русских земель и увеличения православного элемента, завоевания было еще больше облегчено. М.К.Любавский в связи с этим утверждал, что последующее формирование литовско-русского сейма с преобладающей ролью литовского этнического элемента, также является доказательством политического господства Литвы над русскими землями и в период до ее объединения с Польшей. Он также считал, что своему развитию литовско-русский сейм обязан польско-литовский унии [12].

Несмотря на это довольно существенное отличие, как консервативная, так и либеральная русская историография едины в определении Литвы как второго центра, наряду с Москвой, собирания русских земель. Но если В.О.Ключевский, В.А.Мякотин Н.И.Кареев выводили данное положение из политической обстановки русских земель в XIV – XV веках, то П.Д.Брянцев, Д.И.Иловайский считали это возможным из положения о том, что и московские, литовские русские князья объединяли свою отчину. По мнению П.Д.Брянцева, – православным русским князем был уже Миндовг, не говоря уже о Гедимине и Ольгерде. Историк рассказывал, даже с симпатией к этим князьям, об их попытках подчинить все русские земли и их борьбе с Москвой [6, с. 100, 138].

Эти симпатии объясняются мнением, господствующим в русской консервативной историографии, о принятии православия в этот период большинством населения собственно Литвы. И это православие влияние, как считал М.О.Коялович, – сделало литвинов народом по своему духовному складу весьма близким к русским. А несчастье тех же поляков, по мнению И.П.Филевича, что Польшу не коснулись в свое время просветительская деятельность Кирилла и Мефодия, что поляки не поняли великого значения народной славянской церкви [5, с. 19] (имеется ввиду православие – Т.К.). В соответствии с еще романтической традицией 30 – 40-х годов (Ю.И.Венелина – Р.Л.Морошкина) П.Д.Брянцев говорил даже о долитовском населении Литвы и Гродненщины как о русском, выводя это положение из русских, по его мнению, топонимических названий.

Следует отметить, что положение о преобладающем русском политическом влиянии в докатолической Литве не получило поддержки ни в литовской (Я.Жмудинас, Я.Якштас и др.), ни польской (Х.Ловмянски, Е.Охмански, Х.Блащик и др.) историографиях.

Положение о том, что малороссы и белорусы являются ветвью единого русского народа является общим для русской историографии второй половины XIX – начала XX в., начиная от М.О.Кояловича и Д.И.Иловайского и заканчивая В.О.Ключевским и Н.И.Кареевым.

Согласно П.Д.Брянцеву, малороссы и белорусы, как и все славяне, за исключением великороссов, «москалей», отличались страстной любовью к личной свободе, доходящей до произвола, действовали большей частью под влиянием минутной слабости, страсти, отличаются неподчинением сколь угодно выдающемуся авторитету, децентрализацией. [6, с. 119]. В отличие от всех славян, великороссы, по Брянцеву, отличались тем, что действовали по расчету и холодному уму, в централизации и признании высшего авторитета, высшей абсолютной монархической власти, которую они признавали священной и неприкосновенной [6, с. 112]. Данное положение П.Д.Брянцева является весьма характерным для многих консервативных историков.

В данном положении и видел Брянцев главную причину феодальной раздробленности западнорусских земель и завоевания их Литвой, более стройным, крепким организмом [6, с. 119]. И весьма удивительно как в таких условиях Польше, по Брянцеву, коварством, ложью и насильем удалось подчинить себе ВКЛ. Ответа на этот вопрос П.Д.Брянцев и русская консервативная историография в целом не давали.

В.О.Ключевский и Ф.М.Уманец отмечали особо факт, что уния с Польшей прервала процесс сближения Литвы с русскими землями. Ф.М.Уманец писал, что потомки Гедимина приняли русскую народность, стоявшую на ступенях цивилизации несравненно выше литовской, но, не успев утвердиться в своей новой национальности, подвергались переработке в польском духе [15]. В данном случае, верно говоря о культурно-цивилизационном влиянии как основе постепенной ассимиляции литовских земель, как русским, так и впоследствии польским элементом, Ф.М.Уманец, следуя традиции русской консервативной историографии считать литовские земли уже принявшими православие, на основании этого модернизируя историю, говорил о принятии докатолической Литвой русской народности.

Причем, большинство историков русской консервативной историографии (В.Б.Антонович, И.П.Филевич, М.О.Коялович, Н.Н.Любович, Д.И.Иловайский, Ф.Еленев, П.Д.Брянцев) выступали с прямо полонифобских позиций. Стиль изложения большинства русских консервативных историков не имеют ничего общего с академическим, в лучшем случае он носил публицистический характер. Часто же (особенно это касается П.Д.Брянцева и Д.И.Иловайского, как авторов крупных обобщающих трудов по истории Литвы и России) просто напоминал порой мифологический эпос, рассказывающий о русских чудо богатырях. Отход от этой позиции начался уже в творчестве русских либеральных историков, занимающихся вопросами всеобщей истории

(Н.И.Кареев, В.А.Бильбасов, А.Л.Погодин), а также и историков-отечественников (В.А.Мякотин, М.К.Любавский) [34].

Таким образом, первоначальная история ВКЛ в русской историографии первой половины XIX века оценивалась как история преимущественно русская [40]. Этот подход Карамзина к начальной истории ВКЛ во многом как российского государства и его возможности на основании этого слиться с Москвой, впоследствии скорректированный Н.Г.Устряловым, был принят в русской историографии второй половины XIX – начала XX веков. Особое развитие данная точка зрения получила в русской консервативной историографии в трудах, посвященных истории России, ВКЛ, Западной России (Д.И.Иловайский, П.Д.Брянцев, М.О.Коялович) [34]. Данное положение в настоящее время высказывается и в современной российской науке. В частности отмечается возможность объединения двух частей, на которые оказались разделены русские земли, когда литовский князь Ягайло смог в 1380 году, приняв православие, жениться на дочери Дмитрия Донского, и эта возможность считается вполне реальной [35].

Список литературы

1. Карамзин, Н.М. История Государства Российского / Н.М. Карамзин. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1842. – Кн. II. – 178 с.
2. Полевой, Н. История русского народа: в 3 т. / Н.Полевой. – М.: Вече, 1997. – 3 т.
3. Ключевский, В.О. Сочинения: в 9 т. / В.О. Ключевский. – М.: Мысль, 1988. – Т. 2. – Ч. 2: Курс русской истории. – 446 с.
4. Рожков, Н.А. Обзор русской истории с социологической точки зрения / Н.А.Рожков. – М.: Изд. И. К. Шамова, 1905. – 173 с.
5. Филевич, И.П. Польша и польский вопрос / И.П. Филевич. – М.: Университет. типография, 1894. – 104 с.
6. Брянцев, П.Д. Очерк древней Литвы и Западной России / П.Д. Брянцев. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1891. – 157 с.
7. Коялович, М.О. Лекции по истории Западной России / М.О. Коялович. – СПб.: Тип. Бахметова, 1864. – 393 с.
8. Кареев, Н.И. История Западной Европы в новое время: в 7 т. / Н.И. Кареев. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1892 – 1917. – Т. 1 – 4.
9. Кареев, Н.И. Падение Польши в исторической литературе / Н.И. Кареев. – СПб.: Типография В.С. Балашева, 1888. – 407 с.
10. Погодин А.Л. Очерк истории Польши / А.Л. Погодин. – М.: Тип. К.Л. Меншова, 1909. – 139 с.
11. Любавский, М.К. История Западных славян, [прибалтийских, чехов и поляков]: лекции, читанные в М. Университете и на Высших Женских Курсах в Москве / М.К.Любавский. – М.: [б.и.], 1918. – 458 с.
12. Любавский, М.К. Литовско-русский сейм: опыт по истории учреждений в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства / М.К. Любавский. – М.: Университет. тип., 1900. – 850 с.

13. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён: в 29 т. / С.М. Соловьёв. – СПб.: Издание Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная польза», 1896. – 29 т.
14. Соловьёв, С.М. История падения Польши / С.М. Соловьёв. – М. Тип. Грачева и К°, 1863. – 370 с.
15. Уманец, Ф.М. Вырождение Польши: Два года после Ягеллонов / Ф.М. Уманец. – СПб., 1871. – 341 с.
16. Карамзин, Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Н.М. Карамзин // История государства Российского / Н.М. Карамзин. – М., 1989. – Т. 10 – 12. – С. 472 – 530.
17. Милюков, П.Н. Главные течения русской исторической мысли / П.Н. Милюков. – М.: Изд. М. В. Аверьянова, 1913. – 342 с.
18. Рыбаков, С.В. В.Н.Татищев в зеркале русской историографии / С.В. Рыбаков // Вопросы истории. – 2007. – № 4. – С. 161 – 167.
19. Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV – XVI вв. / И.Б. Греков. – М.: Изд. вост. лит., 1963. – 374 с.
20. Пашуто, В.Т. Возрождение Великороссии и судьбы восточных славян. / В.Т.Пашуто, Б.Н. Флоря, А.Л. Хорошкевич // Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. – М.: Наука, 1982. – 263 с.
21. История внешней политики России. Конец XV – XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны). – М.: Международные отношения, 1999. – 447 с.
22. Кривошеев, Ю.В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII – XV вв. / Ю. В. Кривошеев. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2003. – 468 с.
23. Lowmiański, H. Lelewel jako historyk Litwy i Rusi / H. Lowmiański // Lelewel, J. Dzieła. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe, 1964. – Т. I. – s. 3 – 48.
24. Kopieczny, F. Dzieje spolszczenia się Litwy / F. Kopieczny. – Wilno, 1929.
25. Зимин, А.А. Витязь на распутье: феодальная война в России XV в. / А.А.Зимин. – М. Мысль, 1991. – 288 с.
26. Устрялов, Н.Г. О Литовском княжестве: исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское?: сочинение Н.Устрялова, читанное на торжественном акте, в Главном педагогическом институте, 30 декабря 1838 / Н.Г. Устрялов. – СПб.: в Типографии Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1839. – 42 с.
27. Устрялов, Н.Г. Русская история в 5 т. / Н.Г. Устрялов. – СПб.: Типография Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1837 – 1841. – 5 т.
28. Ochmanski, J. Historia Litwy / J. Ochmanski. – Wrocław: Ossolineum, 1982. – 13 с.
29. Błaszczyk, G., Litwa na przełomie średniowiecza i nowożytności. 1492 – 1569 / G.Błaszczyk. – Poznań: Wyd-wo Poznańskie, 2002. – 336 s.
30. Сагановіч, Г. Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII ст. / Г.Сагановіч. – Мінск: Энцыклапедыкс, 2001. – 411 с.
31. Szybieka, Z. Historia Białorusi / Z. Szybieka. – Lublin: Inst. Europy Środkowo-Wschodniej, 2002. – 571 с.
32. Jakowenko, N. Historia Ukrainy od czasów najdawniejszych do końca XVIII wieku / N. Jakowenko. – Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2000. – 397 s.
33. Карамзин, Н. Историческое похвальное слово Екатерине Второй / Н.Карамзин. – М.: Университетск. тип. у Любля, Гария и Попова, 1802. – 187 с.

34. Кручковский, Т.Т. Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в. / Т.Т. Кручковский // Наш радавод. – Гродно, 1994. – Кн. 6. – Ч. 2. – С. 218 – 417.
35. Карацуба, И.В. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от Рюриковичей до олигархов / И.В. Карацуба, И.В. Курукин, Н.П. Соколов. – М.: КоЛибри, 2006. – 639 с.
36. Погодин, М.П. Польский вопрос: собрание рассуждений, записок и замечаний 1831 – 1867 / М.П. Погодин. – М.: Тип. газ. «Русский», 1867. – 240 с.
37. Погодин, М.П. Сочинения в 5 т. / М.П. Погодин. – М., 1872 - 1876. – 5 т.
38. Зимин, А. А. В канун грозных потрясений / А.А. Зимин. – М.: Мысль, 1986. – 331 с.
39. Скрынников, Р.Г. Борис Годунов / Р.Г. Скрынников. – М.: Наука, 1983. – 190 с.
40. Кручковский, Т.Т. Польская проблематика в русской историографии первой половины XIX века: историческая тематика и польский вопрос / Т.Т. Кручковский. – Гродно: ЮрСаПринт, 2011. – 420 с.
41. Коялович, М.О. Люблинская уния или последнее соединение Литовского княжества с польским королевством на Люблинском сейме 1569 года / М.О. Коялович. – СПб.: [б.и.], 1863. – 87 с.
42. Владимирский-Буданов, М.В. Очерки из истории русско-литовского права / М.В. Владимирский-Буданов. – Киев: Тип. В.И. Завадского, 1889. – 52 с.
43. Гейсман, П.А. Начало конца Польши и Суворов / П.А. Гейсман. – СПб.: Типография Военно-книжн. магаз. Н.В. Васильева, 1898. – 286 с.

Кручковский Тадеуш Тадеушевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории факультета истории и социологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

Хилюта Владимир Андреевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории факультета истории и социологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

УДК 930 (=16)

А.В. Литвинский

ЭТНОГЕНЕЗ СЛАВЯН: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ ИСТОЧНИКОВ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ

Этногенез славян является интереснейшей научной проблемой, вот уже несколько столетий привлекающей внимание ученых различных стран и различной научной специализации. В определенном смысле слова происхождение славян до сих пор представляет собой научную загадку или, если угодно, задачу со многими неизвестными.

Вообще говоря, происхождение народов всегда трудно для изучения. Процесс возникновения этноса имеет тенденцию к латентности протекания, «размыт» во времени и не всегда очерчен в пространстве. Как правило, виден

конечный результат этногенеза, но вот то, что привело к такому результату, труднее поддается исследованию, поскольку не всегда существует как феномен. Исторические источники различных видов (письменные, вещественные, лингвистические, фольклорные, этнографические) в рассматриваемом случае почти никогда не предоставляют непосредственной, «готовой к научному употреблению» информации, однако фактически всегда нуждаются в интерпретации, которой присущ неизбежный и, по нашему мнению, неизбывный субъективизм со стороны исследователей.

Изучение процессов и событий, приведших к «рождению славян», вдобавок к сказанному выше затруднено еще и тем обстоятельством, что сам характер появления славян на исторической арене весьма своеобразен. Действительно, поражает факт внезапности появления данного этноса как в историческом времени и пространстве, так и на страницах письменных источников нарративного характера. Ведь до VI в. о славянах-склавинах, а также об антах, которые, скорее всего, также были славяноязычным этносом, позднеантичным авторам, строго говоря, не было известно практически ничего. И вот народ, доселе неизвестный цивилизованному миру, за временной промежуток в несколько поколений широко распространился на территории Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы.

Естественно, славянский этнос не мог взяться из ниоткуда, однако о славянском этногенезе письменные источники сообщают до обидного мало. Византийские, готские, сирийские авторы интересовались настоящим славян, а вовсе не их прошлым [11, с. 86 – 28]. Попытки историков «выжать» из античных и раннесредневековых источников что-нибудь относящееся к этногенезу славян не очень-то продуктивны. И коль письменные свидетельства о его предыстории скудны и неоднозначны, исследователь просто обязан искать доказательства существования славян (или праславян, что более корректно в терминологическом смысле), привлекая и интерпретируя информацию не только, и даже не столько письменных источников, сколько источников других видов, прежде всего, вещественных (археологических) и лингвистических.

Рассмотрению вопроса о соотношении информации различных видов источников по проблеме славянского этногенеза посвящена данная статья. Разумеется, ее автор ни в коей мере не претендует на то, что он обладает какими-то универсальными рецептами решения данного вопроса и тем более не собирается кого бы то ни было по-менторски учить, однако и не считает нужным отказываться от обнародования собственной позиции. Следует также заметить, что формат статьи вынуждает отказаться от полномасштабного историографического обзора и позволяет лишь очертить основные направления научного поиска в русле анализируемой тематики. Больше внимание уделено взглядам тех ученых, прежде всего, археологов, в научном

творчестве которых нашли предметное выражение принципиальные позиции по рассматриваемой проблеме.

Вещественные источники, добываемые в ходе археологических раскопок, именно в силу своей вещественности репрезентативны и, если можно так выразиться, убедительны. Иными словами, материальная культура того или иного этноса является неопровержимым доказательством существования данного этноса в истории (здесь термин «история» употребляется в широком смысле этого слова, включающим в себя и дописьменный период развития того или иного человеческого сообщества). Кроме того, эта группа источников имеет солидные «резервы роста», ибо далеко не всё еще открыто и изучено специалистами в области археологии.

Неоспоримы заслуги археологов в установлении относительной и, что особенно важно, абсолютной хронологии изучаемых ими явлений. Вся проблема, однако, заключается в том, что определить этническую принадлежность археологической культуры не так легко, поскольку этнический ареал далеко не всегда совпадает с территорией распространения однотипных памятников материальной культуры. Даже если абстрагироваться от этого факта, то всё равно следует признать, что с достаточной уверенностью высказать мнение о представителях определенного этноса являющихся носителями определенной культуры, можно, на наш взгляд, только в случае если данный тезис подкрепляется информацией синхронных письменных источников. А это не всегда возможно по причине отсутствия таковых источников либо их малой информативности. Вот почему сами археологи зачастую с достаточной степенью осторожности высказываются по данному вопросу. К примеру, А.А.Егорейченко, отрицая праславянскую составляющую культуры штрихованной керамики, фактически воздерживается от утверждений об этнической принадлежности исследуемой им культуры. «Сведения о племенах лесной зоны Восточной Европы крайне скудны. Нередко они обрастали фантастическими подробностями, что нашло свое отражение в трудах античных авторов. В силу этого соотношение их данных с конкретными археологическими культурами при современном уровне развития знаний весьма проблематично», – констатирует ученый [2, с. 117]. Впрочем, наблюдаются случаи, когда специалисты берут на себя смелость гораздо более определенно высказываться по поводу этнокультурного содержания групп археологических памятников [10, с. 105 – 114].

Актуальной остается проблема этнической атрибуции археологических культур железного века, существовавших на территории Беларуси: милоградской, днепро-двинской, поморской, штрихованной керамики, юхновской, зарубинецкой, вельбаржской, киевской, колочинской, тушемлинской, банцеровичской, длинных курганов. Среди белорусских археологов и историков преобладает мнение о балтском или преимущественно балтском характере большинства из этих культур.

В случае со славянами в качестве наиболее ранней из принадлежавших им археологических культур признана пражская культура. Однако это, по большому счету, единственный случай, когда археологи достигли консенсуса по праславянской и раннеславянской проблематике.

Характерно, что структурные особенности и происхождение пражской культуры специалисты в области археологии объясняют по-разному. Дело в том, что данная культура выглядит непрезентабельно по сравнению с предшествующими пшеворской и черняховской культурами. В.В.Седов, выведивший пражскую (пражско-корчакскую) культуру из пшеворской и из черняховской культур, объяснял деградацию последних и, соответственно, непритязательную простоту Праги-Корчака довольно убедительно описанным автором гунским погромом, приведшим к запустению провинциально-римских ремесленных центров [9, с. 310, 311, 324].

Несогласие с подобной позицией выражал М.Б.Щукин. «Если бы большая часть черняховского и пшеворского населения продолжала жить на своих прежних местах вплоть до VI в., трудно себе представить, чтобы даже в условиях жесточайшего кризиса оно полностью утратило все навыки и традиции», – утверждал оппонент В.В.Седова, отрицавший присутствие славян или их непосредственных предков в составе населения пшеворской и черняховской культур [12].

Приведенный выше пример показывает, сколь различной может быть интерпретация установленных археологическим путем исторических фактов. Разумеется, несовпадение исходных для ретроспективного анализа позиций приводит к различным вариантам ретроспекции и исторической реконструкции. В варианте, отстаиваемом В.В.Седовым, пражскую культуру создали, условно говоря, автохтоны, согласно же построениям М.Б.Щукина, ее создателями явились мигранты. Подобное расхождение позиций приводит к тому, что линии славянского этногенеза, показывающие преемственность археологических культур, не совпадут и даже не пересекутся.

Интересно отметить, что и В.В.Седов, и М.Б.Щукин, при всём несходстве их позиций по конкретным вопросам славянского этногенеза, руководствуются практически одним и тем же методологическим принципом, определяющим относительную автономность по отношению друг к другу археологических, лингвистических, собственно исторических и иных исследований. По мнению М.Б.Щукина, «в каждой из научных областей исследование должно вестись самостоятельно, без оглядки на данные иных наук, сопоставляться, для чистоты эксперимента, должны лишь результаты исследований. К случаям совпадения, очевидно, следует внимательно прислушаться, случаям несоответствия (а они неизбежны, потому что каждая из наук изучает особую сферу и совпадение их отнюдь не обязательно) нужно искать свое объяснение, поскольку исторический процесс так или иначе един» [12].

В.В.Седов утверждал: «Археология в этногенетических изысканиях должна решать вопросы самостоятельно, собственными методами, независимо от данных и результатов лингвистики и других наук» [9, с. 36].

Однако осуществим ли данный принцип во всей его чистоте и непорочности? Смеем усомниться в этом. На наш взгляд, ученый, изучающий этногенетические процессы, не может быть полностью независимым от восприятия результатов исследований в рамках других научных дисциплин хотя бы потому, что, прежде чем самому приступить к научному поиску, он обязательно знакомится с достижениями предшественников. Абстрагироваться от приобретенного знания фактически невозможно. Стало быть, у него вырабатываются определенные пристрастия, иногда, к сожалению, стереотипы, которые оказывают на него влияние. И с каким бы скепсисом ни относились археологи к той же лингвистике, мягко укоряя ее за невозможность четкой пространственно-временной конкретизации сведений, полученных языковедами, всё равно они вынуждены в той или иной степени соотносить свои выводы с результатами лингвистических и иных исследований.

Разумеется, сказанное выше относится и к языковедам. В качестве удачного примера лингвистического исследования, в котором был соблюден принцип дисциплинарной автономности, следует привести ставший уже классическим труд Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванова [1]. В соответствующих его разделах излагается, прежде всего, информация о языке древних индоевропейцев, а затем уже выводы авторов подкрепляются, по мере возможности, данными фольклористики, этнографии, археологии, антропологической науки [1, с. 890 – 894, 955 – 958]. Кстати говоря, в данной работе приведены убедительные, по нашему мнению, доказательства существования языковой общности, которую с некоторой долей условности можно назвать балто-праславянской. Создание такого же капитального труда, в котором осуществлялась бы полномасштабная реконструкция праславянского языка и протокультуры, является делом будущего.

Если же вести речь о том вкладе, который вносит лингвистика в исследование славянского этногенеза, то необходимо отметить, что она, пожалуй, имеет преимущество перед археологией в отношении таких аспектов рассматриваемой проблематики, как определение среды обитания праславян (как показывает анализ праславянской лексики, праславяне жили среди лесов и болот, вдали от морей и высоких гор), установление характера и степени интенсивности их межэтнических контактов с носителями других языков, выяснение семантического содержания культуры праславян и первых славян.

Впрочем, следует согласиться и с тем, что сравнительно-историческому языкознанию не подвластно определение абсолютной хронологии глоттогенеза, и это существенно снижает научно-исторический потенциал компаративистики. В самом деле, если считать разговорный язык главным этнообразующим фактором (а в этом сомневаться, пожалуй, не приходится) то

без ответа на вопрос, когда же представители того или иного народа заговорили на языке, существенно отличном от языка соседей, невозможно определить и период возникновения этноса. Специалисты в области языкознания иногда возлагают надежды на действенность глоттохронологического метода, позволяющего, как считается, определить время расхождения когда-то близкородственных языков, но и критиков этого метода среди лингвистов немало.

Языковеды не всегда могут дать ответы на вопросы, находящиеся в их исключительной компетенции. Например, не наблюдается единства взглядов по вопросу об этимологии этнонима «славяне». Без особого успеха соперничают несколько версий происхождения и значения данного этнонима. Из них предпочтительной является версия, согласно которой славяне – это «словене», т. е. «понимающие слово», «говорящие понятно», «владеющие словом», хотя далеко не все лингвисты согласны с этим [4, с. 7 – 11]. В данном случае показателен сам факт наличия различных трактовок этого этнонима, что свидетельствует об ограниченности возможностей сравнительно-исторической лингвистики.

Этими факторами объясняется критическое отношение, которое иногда историки проявляют по отношению к лингвистам. Так, В.Л.Носевич, споря с языковедами, доказывающими преимущественно балтскую принадлежность гидронимии Беларуси и прилегающих к ней территорий, утверждает: «Характерно, что гидронимия, имеющая прямые аналогии в Литве и Латвии, в последние десятилетия выявлена практически на всех территориях, где некогда были распространены культуры шнуровой керамики: не только в верхнем Поднепровье, но и на верхнем Дону, в бассейнах Оки, Вислы и Одера, а также по всей Новгородской земле, где о присутствии балтов в железном веке говорить уж никак не приходится. Продолжая по инерции именовать эту гидронимию «балтской», лингвисты путаются сами и запутывают читателей. Она оставлена носителями древних вымерших языков, остатки которых сохранились (в качестве заимствований) прежде всего в современных балтских языках, но частично также в финских. Именно этот заимствованный лексический пласт определяет специфику литовского и латвийского языков, отличая их от других потомков древнеевропейской языковой общности» [5].

Таким образом, историк фактически отрицает устоявшийся тезис о балтской принадлежности населения культур, явившихся продолжением культуры шнуровой керамики и считает, что они были оставлены, условно говоря, «народами между балтами и финнами», которые сами по себе не являлись балтами, но сыграли роль субстрата для последних. Аналогичным образом исследователь объясняет наличие на территории Беларуси гидронимии, традиционно считающейся балтской [5]. Происхождение собственно балтов он связывает с культурой западнобалтской керамики и ее позднейшими продолжениями.

Впрочем, лингвисты в данном случае могут ответить примерно таким образом: гидронимия является балтской, поскольку гидронимы этимологически выводятся из слов балтской лексики, имеющих параллели в других индоевропейских языках.

«Гидронимическая» тема в рассматриваемом нами контексте была затронута не случайно. Дело в том, что наличие на определенной территории значительного количества водных объектов, названия которых происходят их одного языка или группы близкородственных диалектов, иногда рассматривается как в качестве основание для признания этой территории в качестве прародины некоего этноса. Не всё, однако, так просто. Здесь можно согласиться с В.В.Седовым, который заметил, что «чистота» славянских названий вод обычно свойственна вновь освоенным регионам и никак не может свидетельствовать о древности заселения славянами такой территории» [9, с. 30].

В связи с этим представляет интерес дискуссия об этнической принадлежности носителей киевской археологической культуры, которая в последнее время всё чаще предлагается в качестве первоосновы для последующих славянских культур: в большей мере – для пеньковской, в меньшей – для пражской [8, с. 241, 271, 272]. Неоднократно уже упомянутый В.В.Седов уверенно относил киевскую культуру, как и ее продолжение – колочинскую культуру к балтским, причем аргументировал этот тезис наличием западнобалтских гидронимов [9, с. 140, 141]. Историки и археологи, усматривавшие в киевской культуре истоки славянства, разумеется, не могли солидаризироваться с этим тезисом. Об оригинальной и заслуживающей внимания позиции В.Л.Носевича уже было сказано выше [5].

Был, однако, предложен и другой путь к признанию праславянского характера киевской культуры – путь «в обход» факта наличия в Верхнем Поднепровье балтской гидронимии. Характеризуя процесс славянского этногенеза, М.Б.Щукин обратил внимание на то, что бурные события первых веков нашей эры привели к преобразованию балто-славянского диалектного континуума. «В результате возникшего круговорота событий и начались, возможно, процессы перераспределения изоглоссных областей в балто-славянском континууме диалектов, приведшие к выделению тех из них, которым через некоторое время предстояло стать славянскими. Существенную роль при этом могли сыграть потомки бастарнов, носителей неизвестного нам, несохранившегося языка, сходного, быть может, в равной степени и с кельтскими, и с германскими, принесшим в балто-славянскую среду тот кентумный элемент, который отличает балтские языки от славянских ... Волей случая балто-славянский континуум в целом получил от соседних народов имя венетов. Зачатки же собственного славянского самосознания могли зародиться, скорее всего, в рамках того социального единства, которое нашло

свое археологическое выражение в виде киевской культуры», – констатировал исследователь [12].

Таким образом, факт сохранения на территории киевской культуры балтской гидронимии несколько не противоречит тезису о славянском характере киевской культуры, поскольку, как следует понимать, днепровские балты явились предками славян. Ареал киевской культуры сыграл роль своеобразного «венетского котла» (выражение М.Б.Щукина), в котором и выплавился новый и молодой, славянский этнос.

Похожие взгляды, хотя и в несколько ином оформлении, отстаивает в своем труде С.Е.Рассадин [8, с. 232, 271, 272, 277, 281, 282]. Основным тезисом автора в контексте рассматриваемой нами проблемы представляется следующий: «Итак, уже надо бы ставить вопрос о причинах и механизме выделения славян из единой балто-славянской общности, или, точнее, отделения от единого древнебалтийского массива той его части, из которой потом развилось славянство» [8, с. 232]. Иными словами, ученый придерживается позиции, суть которой состоит в признании асинхронности процессов формирования прабалтского и праславянского этносов. А поскольку он относит формирование славян к первым векам нашей эры, то из этого с необходимостью следует признание преимущественно балтского характера ранее сложившихся милоградской, днепро-двинской, юхновской культур, а также культуры штрихованной керамики. Важную роль в «славяногенезе» он также отводит бастарнам.

Начало славянскому этногенезу, по мнению С.Рассадина, было положено в процессе взаимодействия носителей археологической культуры постзарубинецкого типа Горошков – Чаплин с балтами – носителями юхновской культуры, результатом которого стало возникновение киевской культуры [8, с. 247, 271 – 272]. Последних он отождествляет с испытанным скифское влияние этносом, известным в древнерусских источниках под именем «голядь», а в позднеантичных источниках под именем «Goltascytha» [8, с. 277, 280 – 282].

Источники других видов значительно уступают по степени информативности вещественным и лингвистическим источникам. Увы, исследователям не повезло с общеславянским аутентичным фольклором, поскольку он, как таковой, просто-напросто не сохранился. Не дошли до нас ни славянские мифологические тексты, ни произведения общеславянского героического эпоса. Очень мала вероятность обнаружения таковых текстов. Признаемся, что она стремится к нулю.

Можно, конечно, реконструировать фрагменты общеславянских мифологических текстов на основе более поздних форм фольклора, которые составляют духовное наследие уже отдельных народов. Примером подобной реконструкции стала весьма интересная, насыщенная информацией и не утратившая до сих пор научной актуальности работа В.В.Иванова и

В.Н.Топорова, написанная, в значительной мере, по итогам изучения белорусского материала [3]. Из ее содержания следует, что архаические сюжеты славянского фольклора (естественно, реконструируемые) наиболее близки по своей структуре к соответствующим сюжетам балтского фольклора, что, в определенной степени, может свидетельствовать в пользу постулата о когда-то существовавшем единстве балтов и предков славян. Возможна, впрочем, и иная интерпретация полученных данных (в контексте вопроса о балтском факторе в этногенезе белорусов).

Если же и можно рассматривать определенные фольклорные тексты в качестве смутных отголосков этнической истории славян, то следует заметить, что эти тексты нуждаются в весьма корректной интерпретации. И здесь нельзя обойти вниманием «дунайскую тему» славянского фольклора. Автору данной статьи наиболее импонирует тезис, согласно которому Дунай приобрел сакральное значение в фольклоре славянских народов в результате своеобразного культурного шока, который испытали славяне, выйдя в конце V – начале VI в. на левый берег этой могучей европейской реки [7, с. 153 – 155].

В последнее время стремительно нарастает объем информации о генофонде как отдельных народов, так и их групп. Можно даже утверждать, что использование данных генетики в процессе изучения происхождения этносов, в том числе и славянских, приобрело характер некоей интеллектуальной моды. Посетители интернет-форумов оживленно оперируют терминами «генотип», «доминантность», «рецессивность», «гаплогруппа» и т.д., и т.п. Такой всплеск интереса связан с надеждой, возможно, иллюзорной, на то, что эта наука уж точно обеспечит объективность результатов исследования этногенеза, в данном случае, славянского.

Прибегают к помощи генетики и профессиональные историки, изучающие происхождение славян. По мнению В.Л.Носевича, «очевидно, что генофонд белорусского этноса в целом очень близок к исходному генофонду ранних славян – настолько, что говорить о белорусах как об «ославяненных днепровских балтах» нет никаких оснований» [6]. Однако, если согласиться с довольно обоснованным тезисом С.Е.Рассадины о днепровских балтах как предках ранних славян, то приведенный В.Л.Носевичем «генетический» аргумент теряет свою силу.

Кстати, этот пример показывает некоторую наивность упований на генетику как на «истину в последней инстанции». Дело в том, что вполне могут возникать ситуации, при которых различные этносы имеют почти одинаковую структуру генофонда. В таких случаях абсолютизация генетического фактора с неизбежностью приведет к ложным выводам.

На наш взгляд, использовать информацию, которой генетика снабжает исторические науки, следует осторожно, поскольку еще не определено место этого рода знаний в системе гуманитарных наук, а в подобной ситуации возможны самые различные интерпретации полученных данных. Можно, к

примеру, доказывать автохтонность балтов на территории Беларуси, а можно с такой же степенью уверенности отрицать это. Такое манипулирование генетической информацией, конечно же, небезобидно. Если граждане, вместо того, чтобы оценивать себя, исходя из масштабов собственной личности, начнут проявлять рвение при ответе на вопрос, «арийская» ли у них гаплогруппа или какая-нибудь другая, то это может даже привести к весьма негативным последствиям для общества.

Подводя итоги рассмотрению темы, вынесенной в заголовок статьи, необходимо заметить, что проблема славянского этногенеза весьма многогранна. Успех в данной области научного знания достигим только на пути интенсификации комплексных исследований междисциплинарного характера. Только в этом случае возможно преодоление своеобразной однобокости различных научных дисциплин.

Проблема происхождения славян на постсоветском пространстве в силу многих причин, рассмотрение которых заслуживает отдельной научной статьи, еще долго будет актуальной, как в научном, так и в общественном смысле этого слова. Отметим лишь, что для белорусов, русских и украинцев рассмотрение этой проблемы очень важно в плане этнической самоидентификации и развития исторического самосознания. Хотелось, чтобы на пути познания истории и археологи, фольклористы и антропологи, языковеды и генетики проявляли максимум компетентности, объективности и корректности.

Список литературы

1. Гамкрелидзе, Т.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры / Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванов. – Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1984. – 1330 с.
2. Егорейченко, А.А. Культуры штрихованой керамики / А.А. Егорейченко. – Минск: БГУ, 2006. – 207 с.
3. Иванов, В.В. Исследования в области славянских древностей / В.В. Иванов, В.Н. Топоров. – М.: Наука, 1974. – 342 с.
4. Кобычев, В.П. В поисках прародины славян / В.П. Кобычев. – М.: Наука, 1973. – 106 с.
5. Носевич, В. Истоки славянства / В. Носевич // Основные вехи этногенеза белорусов [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://vln.by/node/176>. – Дата доступа: 26.02.2012.
6. Носевич, В. Славяне и субстрат / В. Носевич // Основные вехи этногенеза белорусов [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://vln.by/node/181> – Дата доступа: 26.02.2012.
7. Петрухин, В.Я. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье / В.Я. Петрухин, Д.С. Раевский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Знак, 2004. – 416 с.

8. Рассадин, С.Е. Первые славяне. Славяногенез / С.Е. Рассадин. – Минск: Белорусский экзархат, 2008. – 288 с.
9. Седов, В.В. Славяне: историко-археологическое исследование / В.В. Седов. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 624 с.: ил.
10. Славяне. Этногенез и этническая история (междисциплинарные исследования): межвузовский сб. науч. статей / науч. ред. А.С. Герд, Г.С. Лебедев. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989. – 177 с.
11. Хрестоматия по истории южных и западных славян: в 3 т. / отв. ред. М.М.Фрейденберг. – Минск: Издательство «Университетское», 1987. – Т. 1: Эпоха феодализма. – 272 с.
12. Щукин, М. Рождение славян. Из истории вопроса. Два пути ретроспективного поиска / М. Щукин // Стратум. Структуры и катастрофы [Электронный ресурс]. – 1997. – Режим доступа: http://krotov.info/lib_sec/25_sch/uk/in_1997.htm – Дата доступа: 22.07.2012.

Литвинский Александр Владимирович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин факультета педагогики и психологии Барановичского государственного университета.

УДК 930

Е.И. Мелешко

КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ БЕЛАРУСИ В БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ 30-х – 80-х гг. XX ВЕКА

XX век стал периодом мучительного рождения белорусской национальной историографии. Этот процесс можно разделить на несколько этапов. Первая треть XX века стала периодом создания комплексных работ по истории белорусских земель, моментом апробации национальных концепций в историографии. Данный период в белорусской историографии обозначен как время возникновения и развития «национально-демократического» направления. «Нацдемы» впервые комплексно разработали и ввели в научный оборот трактовку прошлого белорусов с точки зрения самих белорусов, тем самым убедительно потеснив с арены официальной историографии «западно-русистское» направление и польскую историографию, которые ранее, каждая со своих научных и политических позиций, претендовали на истину в понимании исторического прошлого белорусского народа.

1930-е – 1950-е гг. стали периодом физической и научной ликвидации старой «нацдемовской школы» и господства новой «марксистско-ленинской», формировавшейся под влиянием и контролем молодой советской власти. Это были наиболее трагические годы в истории белорусской исторической науки, дискуссия быстро перешла из сферы научных аргументов в сферу

репрессивных мер, в результате чего национальная историография лишилась ученых, на смену которым пришли политико-идеологические функционеры.

Следующий период в развитии белорусской историографии – 60-е – 80-е гг. XX века – время безальтернативного господства марксистской методологии в науке. В это время в белорусской историографии были окончательно утверждены и проиллюстрированы на местном историческом материале принципы советской историографии – формационный подход, классовая борьба, партийность, интернационализм, на основе интерпретации которых и трактовалась национальная история.

Последний период – конец 80-х гг. XX – конец XX века – стал этапом революционных изменений в практической и теоретической сферах исторической науки Беларуси. Благодаря либерализации политической сферы наука вышла из-под жесткого контроля государства. Марксистская методология быстро потеряла статус единственно истинного мировоззрения. В кризисный период пересмотра подходов к национальной истории в отечественной историографии наблюдался закономерный плюрализм концепций. Вновь, как и в 20-е гг. XX века, на волне белоруссизации, «национально-демократическое» направление в исторической науке заняло почетное место первопроходцев в создании национальной историографии. Основатели «нацдемовской» школы были полностью реабилитированы как ученые, научно доказана ошибочность аргументов их оппонентов, переизданы труды «нацдемов», исследованы их биографии, наконец, созданы новые концептуальные исследования по истории Беларуси, которые во многом были согласованы с «нацдемовскими» концепциями, но путь к признанию научной объективности в белорусской исторической науке был долг и тернист.

В 20-е гг. XX века «нацдемовская» школа, сложившаяся из профессиональных историков дореволюционной России (В.И.Пичета, В.М.Игнатовский, В.Ю.Ластовский, А.И.Цвикивич), провела большую исследовательскую работу и в итоге разработала концепцию истории белорусских земель, аккумулирующую национальные интересы белорусов. Основные положения этой концепции были следующие: 1) белорусская история – это история постоянной борьбы народа с агрессивными соседями за свою независимость; 2) исторически белорусские земли были ориентированы на западноевропейскую цивилизацию, откуда пришли христианство, книгопечатание, реформация, демократичность политической культуры; 3) белорусские земли имели с IX века свои национальные государственные образования – Полоцкое княжество и Великое княжество Литовское; 4) в культурной, политической и экономической сферах белорусские земли в средневековый период стояли гораздо выше Московской Руси и являлись связующим звеном между цивилизациями Западной и Восточной Европы; 5) по своему этногенезу, языку, традициям и культуре белорусы имеют историческое право на политическую независимость; 6) Российская империя использовала

белорусские земли как аграрный придаток и способствовала их экономическому и политическому упадку; 7) белорусы прошли уникальный исторический путь и их история не может быть использована под потребности другой нации, здесь не сложились капиталистические отношения, рабочий класс не имел социально-экономического превосходства и соответственно не выражал волю народа, поэтому для диктатуры пролетариата здесь не сложилось объективных предпосылок.

Эта концепция практически с первых лет существования советской власти в Белоруссии противоречила официальной идеологии, направленной на унификацию наций бывшей Российской империи. Но в 20-е гг. XX века политическая власть еще не владела научными аргументами, которые могли бы противопоставить идеалам «свядомай» интеллигенции. Школа историков-марксистов, не просто уступивших воле властей, а искренне разделявших официальную национальную политику еще только формировалась. Поэтому до начала 30-х гг. XX века в белорусской историографии наблюдалось почти бесконфликтное сосуществование «старого» и «нового» поколений историков [24, с. 147 – 181].

В 1928 г. руководящие партийные и государственные органы СССР начинают кампанию официального осуждения «национал-демократизма» [31, с. 138]. Официальная идеология трактовала течение как буржуазное, шовинистическое, противоречащее интересам рабочих и крестьян [27].

На Октябрьском Пленуме ЦК КП(б)Б 1931 года было принято решение о ликвидации «национал-демократизма» в пределах республики. В рамках кампании протеста и в связи с делом «нацдемов» были арестованы и осуждены за «контрреволюционную» политическую деятельность многие ведущие белорусские историки, в том числе – академики В.И.Пичета, В.Ластовский, В.И.Игнатовский, Д.Ф.Жилунович. Репрессии 1930 – 1931 гг. среди белорусских ученых не только ликвидировали возможности национального развития белорусской историографии, но и ознаменовали ликвидацию либерализации в сфере национальной политики, установление политического контроля над исторической наукой [32].

Под угрозой физической расправы многие «нацдемовские» историки пишут «покаянные» письма в ЦК КП(б)Б, и отказываются от собственных научных концепций, публично раскритиковав себя за ошибочность [31, с. 142].

Школа молодых историков-марксистов становится единственно легитимной в историографии. Историки-марксисты получили статус официальных идеологов и пропагандистов курса партии, им выдали карт-бланш на переписывание белорусской истории в соответствии с целями советской политики.

Очень быстро – в 1931 – 1933 годы – появляется ряд историко-пропагандистских произведений, которые с позиции партийно-классовых ценностей критиковали теоретические наработки «нацдемовской»

историографии [2, 3, 5, 13, 20, 35, 36, 38]. Эти труды были слабы по части фактологической аргументации, построения сквозных исторических концепций, источниковой базы. Они опирались в основном на партийно-революционную терминологию, обвиняли «нацдемов» в «идейной связи с русской буржуазно-помещичьей историографией», в желании оторвать Белоруссию от социалистического строительства и тем «сыграть на руку западным капиталистам», в «фальсификации истории большевизма в Белоруссии», который здесь якобы исторически имел всенародную поддержку [10, с. 3 – 7]. Десятилетнее господство «нацдемов» в науке пропагандисты трактовали как умелое использование националистами объективной ситуации: в молодой республике не имелось соответствующих кадров, а националисты приехали, «замаскировались» под сочувствующих советской власти и использовали свое положение для антисоветской, контрреволюционной пропаганды [33, с. 457 – 458].

Лидирующий статус в науке пропагандистскому направлению был определен в «Постановлении о преподавании гражданской истории» 1934 года, подписанном Сталиным и Молотовым [27]. С этого момента сфера историографии становится «политическим фронтом», где ведется борьба не просто за объективность концепций, а между идеологическими системами капитализма и социализма. Историки становятся не просто элитой среди ученых, а идейной элитой среди политиков.

В 1934 году в БГУ открывается исторический факультет. В том же году выходит в свет первое синтезированное исследование по истории Белоруссии, написанное на основе марксистско-ленинской методологии [39]. Этот «Нарыс гісторыі Беларусі» под авторством академика Щербакова В.К. включал лишь дореволюционную историю страны, был настолько незавершен концептуально, что сразу же подвергся критике со стороны коллег и членов партии [24, с. 297 – 298]. Несмотря на это, данный очерк долгое время (до середины 50-х гг. XX века) являлся единственным трудом, претендующим на роль вузовского учебника по одноименному курсу, и на его основе с 1940 года курс «История Белоруссии» вводится во всех вузах республики. Все труды, созданные в период господства «нацдемовской» историографии, были запрещены в научном обороте. Историографический вакуум заполнялся марксистской концепцией. Основными узловыми проблемами новой советской историографии декларировались:

- исторически закономерная политическая, экономическая и культурная связь белорусского народа с русским;
- постоянная цивилизационная ориентация белорусских земель на Россию, и заимствование оттуда политических, экономических и культурных институтов;

– к культурно-экономическим связям с Западной Европой стремились лишь эксплуататорские классы (князья, бояре, шляхта) и это стремление противоречило интересам народа (крестьянам и рабочим);

– этногенез белорусов берет свое начало в древнерусской народности – «общей колыбели трех братских народов – русских, украинцев и белорусов», распаду этой народности поспособствовала феодальная раздробленность XI – XIII веков в восточнославянских землях и последующие завоевания польских и литовских феодалов, но «народные массы трех братских народов всегда стремились к единению»;

– история Белоруссии освещалась через формационный подход и классовую борьбу, соответственно в национальной истории выделялись сменявшие друг друга периоды «первобытного коммунизма, феодализма, капитализма и социализма»;

– социалистическая революция в Белоруссии была исторически закономерна и подготовлена борьбой рабочего класса против помещиков и буржуазии;

– вся дореволюционная история Белоруссии свидетельствует о тяжелой доле белорусов, которые с периода раннего феодализма до ликвидации капитализма подвергались жестокой эксплуатации в пользу феодалов, польских панов и литовской шляхты. Говорить о прогрессе в области культуры с точки зрения марксистской историографии было ненаучно, так как условия для развития имела лишь «феодальная, помещичье-буржуазная» культура, по характеру своему «антинародная» [4, 7 – 9, 19, 21, 28, 39].

Таким образом, господствующие тенденции в белорусской историографии в 30-е гг. XX века переместили ее из сферы науки в сферу идеологии. В эти годы впервые апробированы постулаты сталинской идеологии на белорусской истории. Резко обозначился поворот интересов национальной историографии: нацдемовская школа большое внимание уделяла периоду феодализма и, особенно, истории ВКЛ, марксистская школа на первое место в научной актуальности поставила историю социалистических преобразований в Белоруссии.

Все концептуальные положения марксистской историографии были нацелены на унификацию самобытности белорусов, и в данной позиции советские историки повторили идеи «западно-русистской» имперской историографии. Они не могли не заметить этого сходства и попытались разделить приоритеты, сделав упор на «имперско-шовинистический» характер дореволюционной школы и «пролетарско-прогрессивное» значение советской историографии. В 30-е гг. XX века были купированы в исследованиях все намеки на историческую связь белорусских земель с Западной Европой.

Несмотря на полное соответствие концептуальных положений историографии официальной идеологии партии, репрессивная система продолжала работать, ликвидируя уже не инакомыслящих, а просто

мыслящих. Новая волна репрессий 1937 – 1938 годов по сути дела стала акцией геноцида против белорусского народа. В ходе этой расправы было полностью ликвидировано «прослойка» национальной интеллигенции. Белорусская историческая наука окончательно потеряла таких своих представителей как А.И.Цвикевич, А.И.Луцкевич, В.Ю.Ластовский, К.И.Кернажицкий, Д.Ф.Жилунович, Н.И.Касперович, не вернулся в Белоруссию В.И.Пичета. Репрессивная машина не пожалела своих инициаторов и вдохновителей – историков новой марксистской школы, пришедших в науку из политики. Был расстрелян глава марксистской белорусской историографии В.К.Щербак, а вслед за ним «пролетарские академики» от истории М.А.Поташ, В.Г.Кнорин, П.О.Горин, С.Х.Агурский, С.Ю.Матулайтис, В.А.Сербента [22, 24, 31, 32].

Потребовалась жизнь целого поколения, чтобы вновь создать школу отечественной историографии. Следующее синтезированное исследование по истории Белоруссии было опубликовано лишь в 1954 году [24, с. 327 – 340]. В свою очередь, вновь созданной после войны марксистской школе потребовалось почти столетие для того, чтобы вырастить в своих недрах собственных оппонентов, претендующих на создание национальной историографии.

Потрясение от событий 30-х гг. XX века было так велико, что единично выжившие в ссылке «нацдемы» и допущенные впоследствии к научной деятельности публикуют труды, полностью опровергавшие их бывшие воззрения. Например, В.И.Пичета в 1924 году на многочисленных источниках опубликовал фундаментальную «Историю Беларуси» [29], основной темой которой было высокое политическое, экономическое и духовное развитие белорусских земель в рамках национального государства. В 1939 году тот же автор с мировым именем ограничился брошюрой для агитаторов, в которой единственным национальным институтом до революции декларировалась белорусская деревня, «бывшая районом смерти, а не жизни», в которой только после прихода советской власти «исчезли печаль, горе и страдания» [30]. Таким образом, репрессивная машина заменила научную объективность ученого на идеологические штампы заложника системы.

В связи с политическими событиями 1939 года – подписанием пакта Рибентроппа – Молотова и присоединением Западной Белоруссии, – главной темой белорусской историографии становится обоснование исторической закономерности присоединения. Быстро увеличивается количество историко-пропагандистской литературы, посвященной этому событию. Именно в ней возвращается в научный оборот один из любимых «мифов» западно-русистской историографии – положение об исторической враждебности польского народа белорусскому [1, 4, 7 – 12, 15].

Вхождение белорусских земель в Речь Посполитую трактовалось как акт «превращения их в полуконию», вхождение в состав Российской империи

после разделов Речи Посполитой – как «восстановление исторической связи Западной Руси с великим русским народом». Отсюда закономерной являлась оценка похода Красной Армии в 1939 году как «освободительного», выполнившего «чаяния и надежды» белорусов [18, 23, 25, 26, 30].

Последующие события Великой Отечественной войны привели историческую науку в состояние полного упадка. Ослабленный репрессиями кадровый состав ученых затерялся на фронтах и в эвакуации. В 1944 году в Минске была восстановлена работа исторического факультета БГУ и Института истории Академии наук. Но уроки научной и политической полемики 30-х гг. XX века долго еще давали о себе знать. Если в Москве уже давно прошли акты «помилования» «раскаявшихся буржуазных специалистов», то в Минске верноподданная борьба против бывших уже воззрений Пичеты (в то время академика СССР) продолжалась до его смерти и впоследствии – до периода «оттепели» [24, с. 310 – 313]. В 1946 г. при Институте истории была основана аспирантура, что позволило эффективнее пополнять цех ученых-историков молодым поколением. Оно активно и искренне впитало марксистские идеологические догмы и продолжило штамповку трудов, в которых научная дискуссия сводилась к классовой борьбе.

Верноподданные позиции белорусской историографии оформились в синтезированную «Историю БССР» «от древнейших времен до наших дней», где были сформулированы ставшие уже классическими тезисы по отечественной истории и выделены новые акценты, ставшие впоследствии узловыми темами в содержании исследований 1950-х – 1980-х гг.: 1) история эксплуатации белорусов польскими панями и литовской шляхтой; 2) национально-религиозное угнетение белорусов в Речи Посполитой; 3) предательство феодальной элиты Белоруссии интересам своего народа; 4) положительная роль православия в борьбе против католицизма и колонизации; 5) «рост симпатий народных масс» к Московской державе; 6) «прогрессивная роль России в деле освобождения Белоруссии от гнета Литвы и Польши»; 7) связь национально-освободительной борьбы белорусов с борьбой против экономической эксплуатации; 8) отождествление национального движения в БССР с национализмом; 9) трактовка партизанского движения в Белоруссии как движения «за социалистический образ жизни и неразрывную связь с великим русским народом» [18].

Таким образом, были окончательно утверждены в белорусской историографии принципы марксистской методологии. До конца 80-х гг. XX века данные мифы продолжали господствовать в издаваемых монографиях и учебниках, и в свою очередь продуцировали новые идеологизмы. С середины 60-х гг. XX века, в период, объявленный как «эпоха развитого социализма и перехода к коммунизму», в исторических текстах вообще исключалась национальная терминология. «Белорусский народ» как субъект исторического

процесса трансформировался в «советский народ» – «общество высшего порядка» [24, с. 369 – 374].

Несмотря на то, что все теоретические и идеологические противники сторонников марксистской идеологии давно были устранены из сферы официальной науки, жанр политических пропагандистских памфлетов в исторической литературе сохранялся весь советский период. В годы «холодной войны» авторы учебников и монографий по истории Белоруссии доказывали постоянную необходимость разоблачения «псевдонаучных фальсификаций» и «несостоятельность клеветнических вымыслов буржуазной историографии».

В этот период борьба шла против узкой группы зарубежных ученых – белорусских эмигрантов (Я.Станкевич, П.Рогач, П.Урбан) и американских историков-славистов (Н.Вакар, И.Любачко, М.Пап, Р.Пайпс, Р.Конкест) [6, 16, 17]. Эта узкая группа западных белорусоведов продолжала отстаивать научные принципы «нацдемковской историографии», популяризировала концепции о «золотом веке» белорусской государственности и «бесклассовом развитии» белорусской нации. Ими был разработан тезис «о формальном характере марксистского принципа права белорусов на самоопределение» [14, 34, 36, 37]. К сожалению, в данный период это были единственные работы, определяющие уникальность и самобытность исторического пути белорусов, но из-за своей недоступности в границах БССР они почти не влияли на развитие внутренней белорусской историографии.

С течением времени марксистская историография совершенствовала методы научного исследования, в 70-е гг. XX века ее представителями были интерпретированы многие источники по истории Белоруссии, освоены научный категориальный аппарат, историография постепенно возвращалась из области пропаганды в область научной аргументации. Новое поколение марксистских историков (Л.С.Абещадарский, А.П.Игнатенко, В.М.Михнюк, Я.И.Трещенок) на основе историографической практики продолжали тезисы, разработанные ещё в период господства сталинской идеологии.

Эта же историографическая практика создала предпосылки для рождения в недрах марксистской историографии новой национальной школы. Основываясь на исторических документах и археологических данных ряд белорусских и российских исследователей сделали значительный вклад в объективное отражение исторического прошлого белорусов. Предтечами воссоздания национальной историографии в 70-х – 80-х гг. XX века были Н.Н.Улащик, Г.Я.Голенченко, И.А.Юхо, В.В.Круталевич, В.В.Седов, Л.В.Алексеев. Их работы на новейшей и обширнейшей источниковой базе вновь возвращали в научный оборот идею национального развития белорусов. Но до конца 80-х годов, благодаря идеологическому диктату политической системы марксистская методология и ее влияние на интерпретацию белорусской истории сохраняли свои господствующие позиции в

историографии. Ее необъективность, тенденциозность, анахроничность и искусственность были доказаны самой историей.

При ликвидации административно-тоталитарной системы правления и ведущей идеологической роли коммунистической партии в 1991 году марксистская историография сдала свои лидирующие позиции, уступив их ряду иных методологических и концептуальных направлений.

Список литературы

1. Абецедарскі, Л.С. Барацьба ўкраінскага і беларускага народаў за ўз'яднанне з Расіяй ў сярэдзіне XVII ст. / Л.С.Абецедарскі. – Мінск: Дзяржвыдавецтва, 1954. – 67 с.
2. Супроць буржуазнай мэтодологіі ў вывучэнні гісторыі Беларусі // Савецкая краіна. – 1931. – № 2. – С. 54 – 57.
3. Бабровіч, Л. Супроць контррэвалюцыйных нацэмаўскіх тэорый у этнаграфіі / Л. Бабровіч, І. Шпілеўскі // Савецкая краіна. – 1931. – № 1 – 2. – С. 42 – 55.
4. Базилевич, К.В. Борьба украинского и белорусского народов против польского владычества / К.В. Базилевич. – М., 1940. – 34 с.
5. Бочаров, Ю. Задачи преподавания истории / Ю. Бочаров // Историк-марксист. – 1934. – № 37. – С. 85 – 92.
6. Вопросы социально-экономического и культурного развития Белоруссии. Сб. ст. – Минск: МГПИ, 1989. – 92 с.
7. Горбунов, Т. Освобожденная Западная Белоруссия / Т. Горбунов. – Минск: Гос. изд-во полит. лит., 1940. – 38 с.
8. Горбунов, Т.С. Героическое прошлое белорусского народа. (Сокр. стеногр. секретаря ЦК КП(б)Б по пропаганде тов. Горбунова Т.С., прочит. 18 июня 1945 г. в Доме парт. просвещения г. Минска) / Т. Горбунов. – Минск: Госиздат БССР, 1945. – 68 с.
9. Горбунов, Т.С. Советская Белоруссия / Т.С. Горбунов. – [М.]: Госполитиздат, 1944. – 29 с.
10. Горцаў, В.М. Аб эканамічным становішчы беларускага сялянства ў складзе Рэчы Паспалітай / В.М. Горцаў // Весці АН БССР. Сер. грам. навук. – 1958. – № 3. – С. 64 – 78.
11. Горцаў, В.М. Уз'яднанне Беларусі з Расіяй у перыяд падзелу Рэчы / В.М.Горцаў // Весці АН БССР. Сер. грам. навук. – 1958. – № 4. – С. 111 – 136.
12. Горцаў, В.М. Барацьба народных мас Беларусі за сваё сацыяльнае і нацыянальнае вызваленне ў XVIII ст. / В.М. Горцаў // Весці АН БССР. Сер. грам. навук. – 1962. – № 1. – С. 66 – 77.
13. Горын, П. Да пытання аб бліжэйшых задачах Беларускай Акадэміі Навук / П.Горын // Савецкая краіна. – 1931. – № 2. – С. 3 – 6.
14. За Дзяржаўную Незалежнасць Беларусі: дакументы і матэрыялы, сабраныя і падрыхтаваныя для публікацыі І. Касяком, прагледжаныя і апрабаваныя для друку камісіяй Беларускай Цэнтральнай Рады пад кіраўніцтвам Р.Астроўскага. – Лондан: Выданне Беларускай Цэнтральнай Рады, 1960. – 197 с.
15. За стварэнне марксістка-ленінскай гісторыі Беларусі // Бальшавік Беларусі. – 1949. – № 1. – С. 59 – 65.
16. Иванов, Н.Я. Критика фальсификации истории социалистического строительства в БССР / Н.Я. Иванов. – Минск: Наука и техника, 1980. – 176 с.

17. Игнатенко, А.П. Введение в историю БССР / А.П. Игнатенко. – Минск: Высш. школа, 1965. – 48 с.
18. История Белорусской ССР: в 2 т. / Акад. наук БССР, Ин-т истории; под общ. ред. Л.С. Абецдарского [и др.]. – Минск: Изд-во АН БССР, 1961. – 2 т.
19. Канстанцінаў, Ф. Аб паходжанні беларускага народа / Ф. Канстанцінаў. – Минск: Дзяржвыдавецтва, 1946. – 6 с.
20. Карніенка, В. Класавая барацьба на гістарычным фронце Беларусі / В.Карніенка. – Минск, 1932. – 30 с.
21. Кернажыцкі, К.І. Гаспадарка прыгоннікаў на Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. / К.І. Кернажыцкі. – Минск: Выд-ва Бел. акад. навук, 1935. – 272 с.
22. Костюк, М.П. Большевистская система власти в Беларуси / М.П. Костюк. – М.: ИРИ, 2002. – 340 с.
23. Крючок, Ф.Ф. Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией: автореф. дис... канд. ист. наук / Ф.Ф.Крючок. – Минск, 1955.
24. Лінднэр, Р. Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX-XX ст. / пер. з ням. Л.Баршчэўскага / Р. Лінднэр. – СПб.: Неўскі прасцяг, 2003. – 540 с.
25. Лочмель, И.Ф. Очерк истории борьбы белорусского народа против польских панов / И.Ф. Лочмель. – М.: Воен. изд-во нар. комиссариата обороны Союза ССР, 1940. – 162 с.
26. Михнюк, В.Н. Социалистические преобразования в западных областях БССР (сент. 1939 – июнь 1941 гг.): историограф. очерк / Ин-т истории партии при ЦК КПБ – фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС / В.Н. Михнюк. – Минск: Наука и техника, 1979. – 60 с.
27. О преподавании гражданской истории в школах СССР // Историк-марксист. – 1934. – № 3. – С. 83 – 84.
28. Пичета, В. Воссоединение белорусского народа в едином Белорусском Советском государстве / В. Пичета // Большевик. – 1944. – № 12. – С. 30 – 38.
29. Пичета, В. Исторические судьбы Западной Украины и Западной Белоруссии / В. Пичета. – М.: Московский рабочий, 1939. – 40 с.
30. Пичета, В.И. Институт холопства в Великом княжестве Литовском в XV – XVI в. / В.И. Пичета // Исторические записки. – 1946. – № 20. – С. 38 – 65.
31. Платонов, Р.П. Беларусь в межвоенный период / Р.П. Платонов. – Минск, 2001. БелНДИДАС. – 282 с.
32. Протыко, Т.С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917 – 1941 гг.) / Т.С. Протыко. – Минск: Тесей, 2002. – 686 с.
33. Пьянков, А. Основные этапы в развитии белорусской историографии за 30 лет / А. Пьянков // Наука в БССР за 30 лет. – Минск: АН БССР. – С. 456 – 472.
34. Рогач, П. Кароткі агляд гісторыі Беларусі: Для беларус. дап. шк. / улажыў П.Рагач / П. Рогач. – Кліўленд: Беларус. Шк.. – Нью-Йорк, 1968. – 90 с.
35. Садоўскі, Ф.П. За актыўнае змаганне з вялікадзяржаўным шавінізмам / Ф.П.Садоўскі // Савецкая краіна. – 1931. – № 4. – С. 3 – 11.
36. Станкевіч, Я. Савецкае хвальшаванне гісторыі Беларусі / Я. Станкевіч. – Мюнхэн, 1956. – 185 с.
37. Урбан, П. У святле гістарычных фактаў: У сувязі з брашурай Л.С.Абецдарскага / Беларус. ін-т навукі і мастацтва / П. Урбан. – Мюнхен. – Нью-Йорк: Коштам Фундацыі ім. П. Крычэўскага. – Мюнхен, 1972. – 129 с.

38. Шчарбакоў, В.К. Класавая барацьба і гістарычная навука на Беларусі / В.К.Шчарбакоў. – Мінск: Выд-ва Беларус. акад. навук, 1934. – 106 с.

39. Шчарбакоў, В.К. Нарыс гісторыі Беларусі / В.К. Шчарбакоў.– Мінск: Выд-ва Беларус. акад. навук, 1934. – Ч. 1. – 238 с.

Мелешко Елена Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории факультета истории и социологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

УДК 930

В.Н. Бутько

COLUMBIA CENTER FOR ORAL HISTORY: ПЕРВЫЕ ПРОЕКТЫ ПО УСТНОЙ ИСТОРИИ

Для исторической науки XX века были характерны поиски новых универсальных методов исследования. В итоге появилось множество новых направлений, одним из которых и стала устная история (Oral History). Использование устных источников информации для историков было не ново, что дает основания ряду исследователей, прежде всего из числа самих устных историков, вслед за Пол Томпсоном и Дэвидом Дунавэем считать, что устная история является ровесницей истории вообще, т.к. данная форма сбора информации о прошлом использовалась еще «отцом истории» Геродотом, который активно расспрашивал очевидцев описываемых им событий греко-персидских войн [1, с. 137]. Однако фактически устная история, как она понимается в современной историографии, появилась лишь в 1930 – 1940-х гг. Решающая роль в этом принадлежала американскому историку Алану Невинсу, который основал первый центр устной истории – Исследовательский центр по изучению устной истории в Колумбийском университете (Oral History Research Office) (в 2010 г. он был переименован в Columbia Center for Oral History – В.Б.). Работа данного Центра стала «главным шагом в развитии современного устно-исторического движения» и была «в течение как минимум двух десятилетий синонимом устной истории в Америке» [2, с. 71 – 72].

История первого центра по устной истории началась сразу после окончания Второй Мировой войны. Невинс убедил своего друга Фредерика Бэнкрофта (Frederic Bancroft, 1860 – 1945), библиотекаря Колумбийской университетской библиотеки, обладавшего значительным семейным состоянием, пожертвовать университету 1,5 миллиона долларов для «развития исторических исследований». Частично используя эти средства, а также за счет личных сбережений, Алан Невинс в 1948 г. основал Исследовательский центр по изучению устной истории в Колумбийском университете (Oral History Research Office). Основной задачей данного Центра было проведение и

хранение «интервью с непосредственными участниками новейшей истории с целью дополнения письменных исторических источников» [15, p. 19].

Первоначально данная инициатива держалась лишь на энтузиазме самого А.Невинса, так как не получила никакой поддержки со стороны его коллег по университету, даже чаще рассматривалась как бесполезная трата средств и времени, очередная прихоть историка-непрофессионала. Штат Центра состоял только из самого А.Невинса и его аспирантов – Дина Альбертсона и Оуэна Бомбарда (Owen Bombard) [16, p. 445]. Это, безусловно, негативно сказывалось на статусе устной истории в глазах исторического сообщества США и не способствовало распространению указанной идеи за пределы Колумбийского университета. Однако, с другой стороны, это давало возможность Невинсу на практике реализовать исключительно собственную концепцию подобного центра, которая заключалась в том, чтобы собрать как можно больше воспоминаний «людей, повлиявших на ход истории» [8, p. 12], в подразумевая, первую очередь, представителей политической и экономической элиты США. Примечательно, что в каталоге воспоминаний, собранных за 1949 г., только четверо интервьюированных не были связаны напрямую с политикой (всего за этот год было собрано более 50 интервью. – В.Б.) [10].

Если круг интервьюированных был довольно четко определен, то техническая сторона создания архива воспоминаний очевидцев и участников событий прошлого обдумывалась параллельно с проведением первых интервью. У А.Невинса не было какого-то конкретного исследовательского плана, порой изменения вносились непосредственно по ходу работы Центра, в перерывах между проведением интервью.

В начале интервью проводил сам Невинс, а Д.Альбертсон или О.Бомбард все записывали от руки, стараясь успеть дословно передать на бумаге ход беседы, ибо первоначально в Центре не было звукозаписывающей аппаратуры. После интервью помощник Невинса перепечатывал свой конспект. На следующий день машинописный текст предоставляли собеседнику для просмотра и, при желании, вносились определенные правки в напечатанный материал, и только после этого отредактированный текст помещался во вновь созданный архив при Исследовательском центре по изучению устной истории [16, p. 446].

Опыт первых интервью, которые записывались ассистентами, показал, что подобная технология сбора воспоминаний не дает возможности сохранить все детали рассказа очевидца, что было основной идеей концепции А.Невинса. По этой причине постоянно продолжались поиски усовершенствования процесса интервьюирования и его записи. С этой целью в конце 1948 г. был приобретен проволочный магнитофон (специальное устройство для записи на проволоку). Впервые его применили 21 января 1949 г. для записи интервью с судьёй Лэндом Хэндом (Learned Hand. – В.Б.) [16, p. 446]. Несмотря на то, что

данное устройство имело ограничение по времени записи (максимум 30 минут), однако уже оно стало прорывом в технологии сбора воспоминаний.

Алгоритм действий команды Невинса оставался прежним. Конечным результатом была, как и раньше, напечатанная беседа, которая редактировалась интервьюированным. Применение нового оборудования только значительно усложнило сам процесс, т.к. звукозапись необходимо было транскрибировать, и она, в отличие от используемых ранее стенограмм бесед, сохраняла все нюансы разговора. Это делало процесс транскрибирования очень трудоемким и занимающим много времени. При ограниченном штате сотрудников это значительно снижало темпы формирования архива воспоминаний при Исследовательском центре по изучению устной истории.

Беседы, проводимые сотрудниками Центра, в том числе и самим А.Невинсом, главным образом фокусировали внимание на вехах биографии интервьюируемых, их профессиональной деятельности. В принципе, данные интервью сопоставимы по своему стилю с современным видом интервью, широко распространенным среди устных историков – *life story*.

Весомым недостатком методики первых устных историков было также и то, что все интервью проводились без определенной подготовки. В результате их качество часто зависело непосредственно от умения интервьюера задавать вопросы. Исследователи практически не готовились к интервью. Не было принято составлять какой-либо вопросник и опираться на него. Вопросы задавались спонтанно, а если рассказчик сам не останавливался, тот вопросов вообще могло не быть. Это было связано с тем, что роль историка виделась лишь в уточнении, при необходимости, моментов прошлого, которые вспоминал собеседник. Вопросы, если они и были, то не сохранялись на транскрипции, которая печаталась в виде монолога, и присутствие исследователя в беседе, таким образом, вообще не было видно. В итоге транскрипции получались неравноценными как по своему содержанию (своей фактологической наполняемости и, как итог, дальнейшей полезности), так и по своему объёму, что свидетельствует о разной продолжительности интервью. В результате транскрипции интервью, собранных в 1949 г., значительно отличаются по количеству листов – от 7 до 299 [12, 13].

А.Невинс понимал необходимость дальнейшего усовершенствования своей концепции, создания архива воспоминаний. Стало понятно, что отдельно взятое интервью, без определенной цели, не поможет восполнить «белые пятна» прошлого. Для этого было необходимо проведение целой серии бесед, посвященных одной теме. В виду того, что Невинс видел потенциал устной истории, прежде всего, в создании источниковой базы для написания биографий выдающихся личностей, то ряд интервью могли быть объединены также одним человеком. Понимание этого стало важным шагом на пути развития устной истории.

Первая попытка проведения целого комплекса интервью, посвященных одной теме, была предпринята на рубеже 1949 – 1950 гг., когда в Исследовательском центре по изучению устной истории открылся проект, посвященный Герберту Лехману (Herbert H. Lehman project). Его реализация значительно расширила рамки работы сотрудников Центра. Было принято решение дополнять собираемые воспоминаниями традиционными архивными материалами. В результате в рамках проекта было собрано 22 интервью (в том числе интервью с самим Лехманом) [6], а также сформирована коллекция документов личного происхождения. Эти материалы составили фонд Г.Лехмана [7]. В отличие от первых разрозненных интервью, проект позволил собрать значительную источниковую базу о жизни и деятельности политика, что стало основой для написания его биографии (автор – сам А.Невинс). Книга «Герберт Лехман и его эпоха» (Herbert H. Lehman and his era) была опубликована в 1963 г., в год смерти политика [9].

В начале 1950-х гг. популярность устной истории постепенно росла. Прежде всего, ей заинтересовались представители различных организаций, желавшие написать свою историю не посредством сохранения тысяч документов, а при помощи создания коллекций воспоминаний. В виду того, что в это время единственными специалистами по организации и проведению проектов по устной истории были сотрудники Центра при Колумбийском университете, все заказы на осуществление подобного рода исследований стали поступать к ним.

А.Невинс с коллегами начали практически одновременно в 50-е гг. XX в. сразу несколько проектов. Все они были тем или иным образом связаны с созданием коллекций воспоминаний о корпоративной истории той или иной компании. Первым такого рода проектом стал – Radio Pioneers Project, начатый на рубеже 1949 и 1950 гг. Он был посвящен истории становления радиовещания в США и охватывал главным образом 20 – 30-е гг. XX в. Возглавил проект давний друг Невинса Фрэнк Хилл (Frank Ernest Hill) – журналист, поэт, писатель, рьяный сторонник устной истории. Инициатором проведения проекта был непосредственно Клуб пионеров радиовещания США (Broadcasting Pioneers Club), которые сами разработали план исследования [17, с. 78]. В соответствии с ним первые беседы проводились с наиболее заслуженными членами данного клуба, которые и заложили основу коллекции воспоминаний. Однако позже было собрано огромное количество воспоминаний, начиная от директоров некоторых радиостанций, исполнительных редакторов популярных радиопрограмм и до инженеров, занимающихся техническим обеспечением радиовещания. Данная работа позволила собрать огромное количество информации о разных аспектах первых десятилетий распространения радиовещания на территории США. Все интервью собирались в специальном фонде в архиве Центра, где и хранятся

до сих пор. Стоит отметить, что на сегодняшний день он насчитывает 4 795 страниц [11].

Успешное начало и проведение Radio Pioneers Project способствовало популяризации устной истории, прежде всего среди работников архивов, что привело к тому, что архивный вектор её развития отчетливо стал доминировать в данный период становления устной истории. Именно работа в этом направлении позволила частично поднять её статус среди академических историков США.

Наиболее удачным и крупномасштабным стал Проект устной истории Автомобильной кампании Форда (Ford Motor Company Oral History Project). Его можно считать новым шагом на пути развития теории и практики устной истории.

В 1950 г. в Автомобильной кампании Форда начались приготовления к празднованию пятидесятилетия со дня основания её Генри Фордом, которое было запланировано на 1953 г. К этому времени планировалось издать биографию Г.Форда (написать биографию предложили все тому же А.Невинсу. – В.Б.), а также рассматривалась возможность создание корпоративного архива.

К созданию архива в компании Форда подходили очень серьезно. Для этой работы пригласили Роберта Бахмэра (Robert Bahmer), ведущего специалиста по архивному делу в США. После тщательного анализа существующей документации, он предоставил свой вариант организации архива. Р.Бахмэр указал, что часть документов утеряна и заполнение «белых пятен» о прошлом компании возможно при помощи сбора воспоминаний посредством устной истории. Это положило начало проведению настолько крупномасштабного проекта по устной истории, который стал частью работы по созданию Архива автомобильной компании Форда (Ford Motor Company Archives) [5, с. 100].

За помощью в проведении устно-исторического проекта обратились к специалистам из Исследовательского центра по изучению устной истории Колумбийского университета. Сам Невинс не мог возглавить проект, поэтому по его рекомендации им был назначен его аспирант О.Бомбард. Однако штат Центра не позволял реализовать столь крупный проект, поэтому в компании приняли решения нанять группу опытных репортеров, которые прошли краткое обучение азам устной истории в Центре и начали работу по сбору воспоминаний. Объектами для интервью избирались все, кто работал на предприятии и знал Г.Форда, начиная от членов семьи и заканчивая рабочими сборочной линии. В архиве автомобильной компании Форда была создана специальная секция устной истории, в которой аккумулировался весь собранный материал. Директор архива Генри Эдмунс (Henry E. Edmunds) высоко ценил роль устной истории, т.к. она была «нацелена на увеличение количества и качества исторических источников, сохраняя информацию,

найденную в человеческой памяти» [5, с. 103]. Сами сотрудники секции имели практически не ограниченные возможности для развития материально-технической базы. Один из современников отмечал: «Их проект по устной истории под руководством Оуэна Бомбарда был предметом зависти для всех историков бизнеса. У них было все, в чем они нуждались и чего только хотели. Семья Форда была у них в руках, и только небо было пределом» [3, с. 15].

Работа была проделана колоссальная. Уже менее чем за два первых года было проведено 131 интервью, что составило 270 часов записей на магнитной ленте, из которых 230 были расшифрованы на более чем 7 000 страниц машинописи [5, с. 104]. За все время существования проекта (до середины 60-х гг. XX в.) было записано около 400 воспоминаний [14, с. 354].

Наиболее значимыми результатами данного проекта, однако, было то, что произошли изменения как в методике проведения интервью, так и в практике хранения собранного материала. В виду того, что при сборе материалов интервьюеров интересовали лишь воспоминания тем или иным образом связанные с Г.Фордом и его компанией и из-за довольно сжатого графика проведения большого количества интервью, они не могли выслушивать полностью биографию человека, как делалось еще в Radio Pioneers Project. Поэтому, чтобы добиться четкости в проведении беседы, они начали использовать, по свидетельству Генри Эдмунса, направленные интервью, в котором интервьюер задает заранее подготовленный набор вопросов [5, с. 103]. Скорее всего, вопросник был подготовлен О.Бомбардом. К сожалению, точно содержание вопросов не сохранилось – осталась лишь транскрипция тех интервью, которая составлена в форме монолога и в ней задаваемые вопросы отсутствуют. Однако большинство воспоминаний соответствуют определенному плану: когда человек пришел работать в автомобильную компанию Форда, когда и при каких обстоятельствах познакомился с Г.Фордом, кем работал в компании, какие события из ранней истории компании особенно запомнились респонденту. Интервью с родственниками и близкими друзьями несколько отличались и носили биографический характер [4, с. 5].

Как и прежде, все собранные интервью превращали в машинописную транскрипцию, а затем она предоставлялась интервьюируемому для внесения исправлений и редактирования, и лишь потом отправлялась в архив. Именно на этом этапе и начинались нововведения. До этого все интервью хранились непосредственно в архиве Исследовательского центра по изучению устной истории в Колумбийском университете, где в штате сотрудников не было профессиональных архивистов, поэтому систематизацией собранного материала и его индексированием, для упрощения его использования при проведении исследований в будущем, первоначально никто специально не занимался. В архиве автомобильной компании Форда работали лучшие архивисты, поэтому транскрипции интервью дополнялись фотографией

респондента и его подписью. Каждой транскрипции присваивался свой индекс, составлялся именной указатель собранных воспоминаний [14, с. 354].

В 50-е гг. XX в. при участии Исследовательского центра по изучению устной истории Колумбийского университета был проведен еще целый ряд подобных проектов, посвященных созданию корпоративной устной истории различных компаний [14, с. 354]. Однако не один не был сопоставим по своим масштабам и качеству проделанной работы с проектом по устной истории компании Форда, который стал на долгое время эталоном организации и проведения подобных исследований для всех центров устной истории.

Деятельность Исследовательского центра по изучению устной истории в Колумбийском университете стала первой попыткой создания организации, которая бы занималась систематическим сбором и хранением нового вида исторических источников – аудиозаписей интервью. Главная заслуга Центра – выработка первой теории и методики проведения проектов по устной истории, а также её популяризация среди других исследовательских центров. На примере своей деятельности сотрудники Центра наглядно показали степень полезности сбора воспоминаний для реконструкции прошлого. До сегодняшнего дня Центр устной истории в Колумбийском университете продолжает свою работу и является одним из лидеров в реализации проектов по устной истории.

Список литературы

1. Орлов, И.Б. Устная история: генезис и перспективы развития / И.Б. Орлов // Отечественная история. – 2006. – № 2. – С. 136 – 148.
2. Томпсон П. Голос прошлого. Устная история / П. Томпсон. – М.: Издательство «Весь Мир», 2003. – 368 с.
3. Adkins, E.W. A History of the Ford Motor Company Archives, with Reflections on Archival Documentation of Ford of Europe's History / E.W. Adkins. [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: https://docs.google.com/a/tut.by/viewer?a=v&q=cache:TwOy0mP_rt4J:bentley.umich.edu/academic/practicum/docs/fordhistory.doc+History+of+the+Ford+Motor+Company+Archives,+with+Reflections+on+Archival+Documentation+of+Ford+of+Europe's+History&hl=ru&gl=pl&pid=bl&srcid=ADGEEShBNVn7MasaLnHaMB5jXpIRgc9w-igF5u7qdxwQs4uCESfJFM0CBgQd0mnc5RSmeOqyWxny667hzma0EjSvqXJscKn95Ydg9pOlizeEwX6yjdq1npVwgUd0FHrWEdEISJFdnH&sig=AHIEtbQ4qKaeC0ydr5OprL5GJmF9bmROQ&pli=1 – Дата доступа: 17.09.2011. – 37 п.
4. Bombard, O.W. Speaking of yesterday: an explanation of the Ford Motor Company Archives Oral History Project / O.W. Bombard. – Derbon: The Ford Motor Company Archives, 1952. – 8 п.
5. Edmunds, H.E. The Ford Motor Company Archives / H.E. Edmunds // American Archivist. – Vol. 15. – № 2. – April, 1952. – P. 99 – 104.
6. Herbert, H. Lehman project. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://oralhistoryportal.cul.columbia.edu/results.php?component_text=%22Lehman%2C+Herb

ert+H+(Herbert+Henry)%2C+18781963.%22&limit_subject_t=on&oralhist=true&repository_code=&advanced=on – Дата доступа: 10.08.2011.

7. Herbert Lehman: Papers. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.columbia.edu/cu/web/eresources/archives/rbm/Lehman,H/> – Дата доступа: 01.09.2011.

8. Nevins, A. Grover Cleveland: A Study in Courage / A. Nevins. – New York: Dodd, Mead & Company, 1932. – 832 p.

9. Nevins, A. Herbert H. Lehman and his era / A. Nevins. – New York: Charles Scribner's Sons, 1963. – 456 p.

10. Oral history in Columbia university library online catalog. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://clio.cul.columbia.edu:7018/vwebv/search?searchArg=Reminiscences+oral+history%2C+1949.&searchCode=GKEY%5E*&searchType=1&recCount=25 – Дата доступа: 17.10.2011.

11. Radio Pioneers Project. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://clio.cul.columbia.edu:7018/vwebv/holdingsInfo?searchId=4944&recCount=25&recPointer=0&bibId=4072581> – Дата доступа: 17.08.2011.

12. Reminiscences of Harry Uviller: oral history, 1949. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://clio.cul.columbia.edu:7018/vwebv/holdingsInfo?searchId=4914&recCount=25&recPointer=0&bibId=4076068> – Дата доступа: 17.07.2011.

13. Reminiscences of Lawrence Veiller: oral history, 1949. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://clio.cul.columbia.edu:7018/vwebv/holdingsInfo?searchId=4914&recCount=25&recPointer=0&bibId=4076068> – Дата доступа: 17.07.2011.

14. Saretzky, G.D. Oral History in American Business Archives / G.D. Saretzky // American Archivist. – Vol. 44. – № 4. – Fall, 1981. – P. 353 – 355.

15. Sharpless, R. The History Of Oral history / R. Sharpless // History Of Oral history: foundations and methodology / Edition T.L. Charlton, L.E. Myers, R. Sharpless. – Rowman: Altamira, 2007. – P. 9 – 32.

16. Starr, L. Oral History / L. Starr // Encyclopedia of Library and Information Science / Edition J.E. Daily. – Nigeria: Libraries in to Oregon State University Library, 1977. – Vol. 20. – P. 440 – 463.

17. Van Cour, S.G. The sounds of «radio»: Aesthetic formations of 1920s American broadcasting / S.G. Van Cour. – Madison: The University of Wisconsin, 2008. – 527 p.

Бутько Владимир Николаевич, аспирант кафедры всеобщей истории факультета истории и социологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

УДК 37.016 : 94

Н.В. Козловская

УЧЕБНИКИ ПО ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ В КОНТЕКСТЕ ШКОЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Становление системы школьного исторического образования Республики Беларусь напрямую связано с системными трансформациями в республиках

бывшего СССР в начале 90-х гг. XX в. Кардинальные перемены, охватившие общество, поставили историков перед необходимостью серьезного пересмотра давно устоявшихся исторических догм и представлений. Сложность ситуации, связанной с преподаванием истории, усугублялась еще и тем, что кардинальный пересмотр исторических категорий шел на всех уровнях одновременно – в средней и высшей школе, а также и в академической науке.

Реформирование системы преподавания истории в средней школе было естественным результатом происходивших перемен и являлось неотъемлемой частью становления новой образовательной модели Республики Беларусь, в развитии которой можно выделить несколько ключевых этапов. Первый этап – 1991 – 1996 гг. Второй этап приходится на 1996 – 2008 гг. – период подготовки и проведения реформы общеобразовательной школы. Третий этап – период дальнейшего совершенствования содержания общего среднего образования, оптимизации процесса обучения (с 2008 г. – по настоящее время).

На первом этапе в Республике Беларусь проходил процесс формирования нормативно-правовой базы, которая бы регулировала механизмы функционирования системы образования с учетом новых реалий. Изменения, которые произошли с распадом Советского Союза, актуализировали необходимость разработки стратегии развития общего среднего образования в условиях становления белорусской государственности.

Приоритетность образования отражена в принятии закона Республики Беларусь «Об образовании в Республике Беларусь», в разработке, подготовке и принятии законов «О высшем образовании», «О профессионально-техническом образовании», «О специальном образовании в Республике Беларусь», а также в организации планомерной работы по подготовке нормативных актов, разработке и принятии образовательных стандартов всех уровней, создании базы нормативных документов, регламентирующих деятельность системы образования.

Законом Республики Беларусь «Об образовании» (№1202-XII от 29 октября 1991 г.) устанавливалось обязательное десятилетнее образование на базе 4-летней начальной школы (подготовительный, I – III классы, с 6 до 10 лет) и 6-летней основной школы (IV – IX классы, с 10 до 16 лет), а также общесреднее образование на базе лицейских классов общеобразовательных школ, гимназий, лицеев (X – XI классы, 17 – 18 лет), профессионально-технических и средних специальных заведений.

В преподавании истории в рассматриваемое время четко обозначились тенденции распада прежней, существовавшей в СССР системы исторического образования.

Каркас советской школы в своей основе был заложен в 1930-е годы: обучение начиналось с 8 лет, начальная школа – 1 – 4 классы, неполная средняя школа – 1 – 7 классы, средняя школа – 1 – 10 классы [1, с. 6].

Преподавание истории в школе осуществлялось на основании Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР». В качестве самостоятельных курсов восстанавливались курсы истории древнего мира, истории средних веков, новой истории, истории СССР, новой истории зависимых и колониальных стран, возобновлялась деятельность исторических факультетов Московского и Ленинградского университетов [2].

В советской школе преобладал линейный принцип построения школьного исторического образования.

Линейная структура подачи исторического материала в рамках школьного курса истории, предполагающая изучение последовательных этапов истории человечества с древнейших времен на протяжении всего школьного курса – (каждый этап один раз), имела ряд положительных моментов. Преимущества линейного построения в том, что оно соответствует структуре исторической науки. Расположение материала естественно – учащиеся, заканчивающие среднюю школу, получают полное представление об историческом развитии человечества. При экономии времени линейный принцип позволяет избежать повторений. Изучение нового материала поддерживает интерес учащихся к предмету. Такая структура позволяет придерживаться требований последовательности, историзма, систематичности, доступности. Она дает возможность формировать понятия, выявлять причинно-следственные связи, ярко и живо излагать исторические факты, вносить изменения в содержание исторического образования. Общее содержание учебного исторического материала легко поддается корректировке. В советской школе неоднократно пересматривался объем исторических фактов и понятий, сокращалось время на изучение ранних периодов истории ради углубленного изучения новейших фактов.

Вместе с тем у такой структуры есть и серьезные недостатки. Прежде всего, история древнего мира и средних веков, которые изучались в младших классах, усваиваются на элементарном уровне. Возможности вернуться к данным периодам на более высоком теоретическом уровне нет. При линейной структуре обучение растягивается на несколько лет и носит экстенсивный характер, при этом часто нарушается синхронизация отечественной и зарубежной истории.

В связи с введением в СССР в 1959 г. всеобщего восьмилетнего образования и переходом на 11-летнее образование произошла перестройка преподавания истории. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О некоторых изменениях в преподавании истории в школах» от 8 октября 1959 г. было определено, что в 4 классе изучаются эпизодические рассказы из истории СССР, в 5 – 6-х классах – элементарный курс истории древнего мира и средних веков, в 7 – 8-х классах – элементарный курс истории СССР, в 9 – 11-х

классах – систематические курсы СССР, новой и новейшей истории зарубежных стран [3].

Таким образом, учащиеся, заканчивая восьмилетнюю школу, должны были иметь представление об истории своей страны и зарубежных стран с древнейших времен до современности. Этой структурой устранялись главные недостатки прежнего линейного построения: исчезла перегрузка учащихся, открылась возможность более широкого применения активных методов и организации самостоятельной работы учащихся. Вместе с тем не был проведен достаточно продуманный отбор содержания и соответствующих приемов изложения программного материала в каждом из концентров. Например, история СССР XIX и XX вв., новая и новейшая история излагались в учебниках для старших классов конкретнее, чем в 8-м классе, курсы в 9 – 11-х классах были сильно перегружены фактическим материалом.

Концентрическая структура школьного исторического образования имеет свои преимущества и предполагает возвращение к изучаемому ранее материалу. Один и тот же вопрос рассматривается несколько раз в разных классах, причем его содержание постепенно расширяется, обогащается новыми сведениями, связями и зависимостями. На первых ступенях обучения даются элементарные представления, которые по мере накопления знаний и роста познавательных возможностей углубляются и расширяются. В этом случае в обучение истории вводится предваряющий (пропедевтический) курс. Такая структура позволяет изучать историю человечества с одинаковой глубиной.

Принцип концентризма, кроме перечисленных достоинств позволяет, во-первых, интенсифицировать процесс изучения истории; во-вторых, более четко синхронизировать курсы отечественной и всеобщей истории; в-третьих, учесть возможность «во втором круге» систематизировать и обобщать весь исторический материал на основе формационного, цивилизационного, культурологического и других подходов; от событийно-хронологического принципа изучения прошлого перейти к проблемному, межпредметному, тематическому; активно использовать разнообразные методы исторического исследования в работе с аутентичными текстами. В-четвертых, становится возможным введение профильного и модульного обучения, ориентированного на интересы и профориентацию учащихся старших классов.

14 мая 1965 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совет Министров СССР «Об изменении порядка преподавания истории в школе» (с 1966/1967 учебного года школа вновь переходила на 10-летку). Система преподавания вернулись в основном к линейной структуре: вместо элементарного курса истории СССР в 7 – 8-м классе и систематического курса в 9 – 11-м классах история СССР стала изучаться последовательно с 7-го по 10-й класс, а курс новой и новейшей истории с 8-го по 10-й класс.

Переход к линейному принципу обучения истории в средней школе в середине 60-х гг., конечно, не был простым возвращением к историческому образованию 30 – 50-х гг. XX в. Это был качественно иной период развития советской образовательной системы. Произошли изменения в содержании и направленности исторических курсов; увеличился объём и удельный вес учебного материала, имеющего определяющее значение для формирования мировоззрения, интернационально-патриотического и трудового воспитания школьников. Курсы пополнились сведениями о культуре народов Советского Союза, а также зарубежных стран, больше места в программах стало уделяться истории Китая, Индии, Японии, народов арабского Востока и Латинской Америки. Изучение истории СССР строилось по принципу концентризма, а всеобщей истории, за небольшим исключением, – на основе линейности.

В школах союзных республик в соответствии с постановлением от 8 декабря 1959 г. и решениями республиканских партийных и советских органов (кроме РСФСР) утвердилось изучение истории своего края как неотъемлемой составной части истории всей страны – СССР. (Постановление ЦК Компартии Белоруссии и Совета Министров БССР от 26 мая 1965 г. N 261 «Об изменении порядка преподавания истории в школах»).

Сложившаяся к 1967 г. структура школьного исторического образования сохранялась в своих основных чертах до 1993 года. На всей территории СССР существовал единый учебный план, программа, которые определяли содержание преподавания истории, национальные, региональные и исторические особенности отдельных республик и областей учитывались весьма мало.

Модернизация содержания школьного исторического образования 60-х – 80-х гг. была завершена реформой 1984 г. (постановление Верховного Совета СССР от 12 апреля 1984 г. «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы») [4]. Вновь вводилась структура одиннадцатилетней школы, устанавливалось обучение детей с шестилетнего возраста, пересматривались программы в плане повышения их научного уровня.

Направленность реформы школы 1984 г. на дидактические приемы, активизировавшие самостоятельность школьников в учебном процессе, повышающих воспитательную роль обучения, интенсифицирующих урок, вводящих в образовательный процесс эффективные методики, создавало прочную базу для развивающего обучения. Были подготовлены усовершенствованные программы. По структуре отдельных разделов и тем, главным образом по дидактической оснащённости, они принципиально отличались от предшествовавших. Если раньше программы включали в себя лишь содержательную часть – номенклатуру вопросов, предназначенных для изучения, и в отдельные годы – списки литературы для учителя, то теперь в

них в качестве органической части выделялись узловые понятия, подлежащие усвоению, включались перечни основных умений, определялись межкурсовые и межпредметные связи. Это нововведение стало возможным благодаря совместной работе психологов, дидактов, методистов.

Таким образом, постепенно совершенствовалась определенная система исторического образования, где, взаимно дополняя друг друга, следуют три ступени: пропедевтика (начальное обучение истории – общественно-исторический материал объяснительного чтения в 1 – 3-х классах и эпизодические рассказы из истории СССР в 4-м классе); элементарные курсы всеобщей истории и истории СССР в 5 – 8-х классах; систематические курсы истории СССР, новой и новейшей истории зарубежных стран, обществоведения.

В конце 1980-х гг. по всемирной истории был подготовлен ряд новых учебников: «Новая история» (часть 1) под редакцией А.Л.Нарочницкого и «Новая история» (часть 2) под редакцией И.М.Кривогуза, доработаны учебники «Новейшая история» для 10-го и 11-го классов под редакцией В.К.Фураева. Излагаемый в них материал во многом был освобожден от идеологических стереотипов и упрощенных схем. Тексты в значительной степени избавлены от одностороннего и тенденциозно-пропагандистского освещения, факты и оценки отдельных личностей излагаются с диалектических позиций.

В 1990 – 1991 г. вышли учебники «Новейшая история (1917 – 1939)» «Новейшая история, 1939 – 1990. Материалы к учебнику для 11-го класса средней школы», под редакцией профессора В.К.Фураева (в 1991 году были переведены на белорусский язык). Эти учебные книги объединяет переосмысление прежних взглядов на многие события новейшей истории с позиций современного исторического мышления, преодоление классового подхода к интерпретации событий и фактов.

Первый параграф учебника «Новейшая история, 1917 – 1939» – «Сучасная эпоха сучаснай гісторыі». Новейшая история определяется как «гісторыя развіцця чалавечага грамадства ў эпоху, пачатак якой паклала Вялікая Кастрычніцкая сацыялістычная рэвалюцыя ў Расіі» [5, с. 3]. Соответственно первый период новейшей истории берёт своё начало с 1917 года и продолжается до 1945, второй этап – с 1945 и до нашего времени (начало 90-х гг. XX в. – Н.К.) [5, с. 8].

В оценках Октябрьской революции авторы не согласны с утверждениями, что это было «ошибочное» и «случайное» явление в истории [5, с. 5].

В характеристике капитализма наблюдается определённая двойственность подходов. С одной стороны, отмечается, что как мировая система капитализм себя не исчерпал, и, будучи поставлен в условия соперничества двух систем, он постоянно находил импульсы к совершенствованию [5, с. 6]. С другой стороны, по мнению авторов учебника, сохраняются его антагонистическая и антигуманная сущность, что проявляется в

обострении старых и создании новых противоречий между капитализмом и социализмом [5, с. 9].

Последние параграфы учебника посвящены системе международных отношений в 1930-е годы, при этом материал о советско-германском пакте о ненападении 1939 г. отсутствует.

Новые акценты звучат в материалах к учебнику «Новейшая история, 1989 – 1990», где авторы отмечают, что «канец XX стагоддзя з’яўляецца ў жыцці чалавецтва пераломным этапам, які адзначаны пераходам ад канфрантацыі і ядзернага супрацьстаяння дзяржаў дзвюх сацыяльных сістэм да супрацоўніцтва і партнёрства ўсіх краін сусветнай садружнасці. Унутраныя працэсы ў многіх дзяржавах звязаны з развіццём дэмакратызацыі грамадства, ажыццяўлення на практыцы правоў чалавека, радыкальнымі зрухамі ў эканоміцы...» [6, с. 3], а поэтому данные изменения требуют серьёзного размышления над их причинами, содержанием и результатами. В этом цель пособия. Ещё одна задача, которую видел авторский коллектив – дополнить имеющиеся в распоряжении учащихся учебники историческими событиями 1989 – 1990 годов [6, с. 3].

В первом разделе рассматриваются отдельные вопросы Второй мировой войны, а именно советско-германский договор о ненападении и анализируются уроки войны [6, с. 4 – 8].

Второй раздел посвящён рассмотрению основных тенденций социально-экономического и политического развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы на рубеже 80-90-х годов XX в., проанализированы основные результаты революционных преобразований данного периода.

Были предложены новые оценки современного капитализма. Признавалось, что капитализм не исчерпал свой потенциал и способен гибко приспосабливаться к изменяющимся обстоятельствам, «стварае перадумовы, забяспечваючы захаванне і развіццё агульначалавечых каштоўнасцей, прагрэсу сусветнай цывілізацыі» [6, с. 64].

С принятием ключевых документов, регламентирующих систему образования Республик Беларусь в начале 90-х гг. XX столетия, остро стала задача подготовки собственно белорусских учебников по всем школьным предметам, включая и историю.

В 1991 г. по инициативе Министерства образования Республики Беларусь группой белорусских учёных-историков под руководством доктора исторических наук М.Бича (в 1991 г. – заместитель директора Института истории АН Беларуси) был разработан и опубликован проект новой концепции исторического образования в средней школе Беларуси (Настаўніцкая газета, 1991, 30 ноября) [7, с. 15].

В соответствии с данной концепцией курс истории СССР – основной курс по истории в советское время – упразднился и включался в состав курса всемирной истории. Курс истории Беларуси с 1992 г. получил статус

самостоятельной учебной дисциплины, при этом количество часов, выделенных на его изучение, существенно увеличилась. Таким образом, в системе школьного образования чётко обозначились два основных курса – истории Беларуси и всемирной истории.

В целом изучение истории в школе планировалось на трёх уровнях, без начальной школы – на двух. [8, с. 5]. Первый уровень – ознакомительный курс в начальной школе (4-й класс), который давал общие сведения и представления по отечественной истории (интегрированный курс «Мая Радзіма – Беларусь»). Второй уровень – базовый (5 – 9-й классы), который обеспечивал систематическое изучение истории с древнейших времён и до настоящего времени. Третий уровень – курс истории для средней школы (10 – 11-й классы), в рамках которого предполагалось изучение истории с древнейших и до настоящего времени, но уже на уровне проблемно-теоретическом.

В 1992 г. Министерством образования были созданы авторские коллективы по разработке в соответствии с концепцией базовых программ по курсам всемирной истории и истории Беларуси для 5 – 11-х классов средней школы. В состав коллектива вошли профессор и доценты БГУ, БГПУ им. М.Танка, сотрудники Института Истории АН Беларуси, Белорусского научно-исследовательского института образования, Белорусской энциклопедии – всего 21 человек во главе с М.Бичом. В течение полугода происходила разработка и обсуждение программ.

В соответствии с новыми подходами предусматривался следующий порядок преподавания истории: 5 класс – история цивилизаций древнего мира, древнейшая история Беларуси (до конца V в. н.э.); 6 класс – история средневековой цивилизации, история Беларуси средних веков (конец V – XV вв.); 7 класс – всемирная история нового времени, история Беларуси нового времени (XVI – конец XVIII в.); 8 класс – всемирная история нового времени, история Беларуси нового времени (конец XVIII – 1918); 9 класс – всемирная история новейшего времени, история Беларуси новейшего времени (с 1918 и до настоящего времени); 10 класс – всемирная история от древнейшего времени до конца XVIII в., история Беларуси с древнейших времён и до конца XVIII в.; 11 класс – всемирная история XIX – XX в., история Беларуси с конца XVIII в. и до настоящего времени [7, с. 22 – 23].

Новые программы должны были обеспечить параллельность и синхронность в изучении курсов всемирной истории и истории отечественной. Провозглашался отказ от идеологических установок и штампов, догм марксистско-ленинской методологии. Подчёркивалось, что основные приоритеты – это гуманизация всех курсов истории, плюралистичность, ориентация на изучение не абстрактных, надуманных схем и догматов, а человека, его жизни и деятельности в разных регионах, исторических эпохах и аспектах – семейно-бытовых, культурных, общественно-политических и т.д.

В основу программ курсов всемирной истории и истории Беларуси была положена идея поступательного и противоречивого развития общества. Структура, периодизация курсов истории, отбор и систематизация материала осуществлялись на основе сочетания цивилизационного и формационного подходов. Сочетание данных подходов, с точки зрения авторов концепции, создаёт максимальные возможности для выявления общих закономерностей и специфики социально-экономического, политического и культурного развития человечества, отдельных стран и регионов, всемирной и отечественной истории. Данный подход позволяет максимально полно отразить место культуры и религии в истории человечества.

Была пересмотрена и периодизация всемирной истории. Отсчёт новой истории начинался с XVI века, а Французская буржуазная революция XVIII в. определялась как рубеж, который делит историю нового времени на два периода.

Параллельно с работой по подготовке новых программ велась работа и по подготовке учебников по истории для средней школы.

В 1993 г. были изданы учебники по истории Беларуси для 4 – 9-х классов и по всемирной истории для 5 – 8-х классов, в 1992 – 1995 гг. для 10-го класса по истории Беларуси (часть 1), по всемирной истории для 10-го класса и для 11-го класса (часть 1) [8, с. 10].

В 1993 г. вышел учебник по всемирной истории новейшего времени (в 2-х книгах) в авторской редакции Г.А.Космача, Г.Г.Лазько, В.Н.Сидорцова.

История новейшего времени делится на два периода: первый – от окончания первой мировой войны до завершения Второй мировой войны (1918 – 1945); второй – современный этап развития мира (с 1945).

Новейшее время в учебнике охарактеризовано как период «борьбы тоталитарных и демократических тенденций в истории человечества, национально-освободительных революций, научно-технического прогресса и научно-технической революции, формирования постиндустриального общества, сближения и тесного взаимодействия цивилизаций мира, поиска новых путей социального развития и решения глобальных проблем современности» [9, с. 3].

В основу учебника положен цивилизационный подход, а цивилизация понимается как «устойчивое культурно-историческое сообщество людей, которому присущи общность духовных и нравственных ценностей и традиций, единство культурного процесса, сходные условия материального производства и социально-политического развития, специфический образ жизни и тип личности, как правило, наличие общих этнических признаков и определённых географических рамок» [9, с. 3]. Новейшее время, по мнению авторов, представлено западной, восточноевропейской, мусульманской, индийской, китайской, японской и латиноамериканской цивилизациями [9, с. 3 – 4].

Главными тенденциями в истории новейшего времени в межвоенный период авторы выделяют борьбу «демократических, прогрессивных сил против фашизма и сталинизма», которые олицетворяли собой тоталитарные режимы [9, с. 4].

В характеристике послевоенного периода исследователи акцентируют внимание на природе капитализма, который эволюционировал в постиндустриальное общество (определение данного общества при этом авторы не приводят – *Н.К.*), где «на первом месте стоит не увеличение объёма производства, а наиболее полное удовлетворение потребностей человека» [9, с. 5]. Советский Союз в целом оказался не готовым к новым вызовам. С 1991 г. народы Восточной Европы, включая и республики бывшего СССР, становятся на демократический путь развития [9, с. 5].

Структура учебника включает в себя три раздела. Первый раздел – «Западная цивилизация между двумя мировыми войнами». Второй раздел – «История советского общества (1917 – 1941)». Третий раздел – «Восточные цивилизации между двумя мировыми войнами».

Методический инструментарий учебник включает в себя только вопросы и задания в конце каждого параграфа. Иллюстрации, карты, тексты источников, глоссарий не представлены.

Слабый методический уровень был характерен для учебников первой половины 1990-х годов как по всемирной истории, так и по истории Беларуси. Во многом это объясняется сжатыми сроками их подготовки. Свою роль, по мнению автора статьи, сыграл и тот факт, что параллельно с созданием учебников шёл поиск собственно самих концептуальных основ, на которых эти учебники должны были строиться. И.В. Оржеховский, доктор исторических наук, профессор БГУ в частности отмечал, что «наиболее больное место – это стиль изложения материала, ... длинноты, стилистические погрешности, повторы, излишне усложнённый для понимания стиль...». [10, с. 19].

Развитие общего среднего образования в Республике Беларусь на втором этапе осуществлялось в соответствии с общей стратегией преобразований в стране.

В январе 1996 г. после принятия распоряжения Президента Республики Беларусь «О подготовке и проведении в Республике Беларусь реформы общеобразовательной школы» начался новый этап в развитии школьного образования. Были разработаны Концепция реформы общеобразовательной школы (утверждена Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 21.08.1996., № 554) и Программа ее реализации.

В Концепции отмечалось, что в основе реформирования общеобразовательной школы «лежит видение Республики Беларусь как технологически развитого демократического государства, в рамках которого система образования призвана играть приоритетную роль, служить гарантом стабильности и источником социально-экономического развития» [11].

Констатировалось, что для современной белорусской школы характерны как сильные, так и слабые стороны. В частности к положительным сторонам относятся, прежде всего, объем и качество знаний, предоставляемых ученикам. Главные отрицательные черты – учебная перегрузка, рост заболеваемости детей в результате аварии на Чернобыльской АЭС, низкий уровень усвоения учебных программ, недостаточно возможностей для учета индивидуальных наклонностей и способностей учащихся.

В результате реформирования школы вводилось обязательное десятилетнее базовое образование, а сроки получения общего среднего образования повышались до 12 лет. Одновременно ставились задачи обновления содержания образования, укоренения современных технологий обучения, обеспечения разноуровневого и вариативного обучения с учетом индивидуальных особенностей и возможностей учеников и др.

В структуре 12-летнего общего образования начальная школа охватывала 1 – 4-е классы (с 6 до 10 лет), базовая (основная) средняя школа – 5 – 10-е классы (с 10 до 16 лет). Успешное окончание 10-летней школы и прохождение государственной аттестации позволяло продолжить обучение в лицейских или гимназических классах, либо в ПТУ или среднем специальном учебном заведении. Срок обучения в лицейских и гимназических классах – 2 года.

На протяжении 1996 – 1997 г. осуществлялась доработка и подготовка новых учебников. В состав авторских коллективов были включены опытные методисты, учителя, определены ведущие научные редакторы из числа учёных, а также созданы новые авторские коллективы по подготовке параллельных учебников. Новые учебники принципиально отличались от предыдущих как по содержанию, дидактических подходах, так и по художественному оформлению [12, с. 4].

В 1998 г. учебник вышел в свет учебник по всемирной истории новейшего времени для 9-го класса общеобразовательных школ республики. Авторский коллектив: Г.А.Космач, Г.Г.Лазько, С.В.Панов, В.Н.Сидорцов, В.В.Тугай, под общей редакцией профессора Г.А.Космача [13].

В учебнике по-новому определялись хронологические границы курса. За отсчёт всемирной истории новейшего времени был взят 1918 год, то есть год окончания Первой мировой войны. Заканчивался период 1945 годом. Соответственно современный этап развития мира начинался с 1945 г. [13, с. 4].

Содержание первого этапа, по мнению авторов, определяет борьба прогрессивных, демократических сил против фашизма [13, с. 4]. Послевоенный период отмечен попытками реформирования капитализма, завершившимися становлением постиндустриального общества. Авторы вводят понятие информационное общество, формирование которого происходит на Западе и Японии с середины 70-х годов XX в. и где ключевую роль занимает микроэлектроника, биотехнологии, компьютеризация, развитие сферы услуг и

досуга [13, с. 5]. В качестве основных тенденций второго этапа также отмечаются распад СССР, крах режимов «социалистической ориентации», распад колониальной системы и др.

Материал учебника сгруппирован по трём разделам: первый раздел – страны мира с 1918 по 1939 гг., второй раздел – история Второй мировой войны и Великой Отечественной войны, третий раздел – страны мира после второй мировой войны.

Помимо основного авторского текста в учебнике также представлены:

- дополнительные материалы: сведения об исторических событиях и деятелях, биографические справки и т.д. Оформлены в виде отдельных рубрик/подрубрик и имеют самостоятельные заголовки, например, «Исторический факт», «Штрихи к историческому портрету»;

- пояснительные тексты: примечания, объяснения значений исторических понятий и терминов;

- система вопросов и заданий;

- иллюстративный материал, исторические карты.

С 1 сентября 2008 г. вступил в силу подписанный Президентом Республики Беларусь Декрет № 15 от 17 июля 2008 г. «Об отдельных вопросах общего среднего образования» [14].

Декретом устанавливались следующие сроки получения образования: 9 лет для общего базового образования; 11 лет для общего среднего образования. Переход на новые сроки получения образования осуществлялся с 2008/2009 учебного года.

В 2009 г. в Республике Беларусь были утверждены концепция [15] и образовательный стандарт учебного предмета «Всемирная история. История Беларуси» (5–11 классы) [16].

В Концепции отмечалось, что история как учебный предмет является органичной частью современного образовательного пространства, а её изучение базируется на сочетании формационного и цивилизационного подходов с использованием хронологического, страноведческого и проблемного принципов. В документе были чётко обозначены цели, задачи, функции и исходные принципы исторического образования (принцип методологического плюрализма, принцип историзма, научной объективности, принцип междисциплинарности и др.). Структурирование содержания образования возможно как в соответствии с линейным, так и концентрическим принципами.

В соответствии с линейным принципом обучения историческое образование структурировалось следующим образом: IV класс – содержательный блок «Мая Радзіма – Беларусь»; V класс – история древнего мира (до V в. н. э.); VI класс – история средних веков (V – XIII вв.), история Беларуси (с древнейших времён до середины XIII в.); VII класс – история средних веков (XIV – XV вв.), история Беларуси (вторая половина XIII – первая

половина XVI в.); VIII класс – всемирная история нового времени (XVI – XVIII вв.), история Беларуси (вторая половина XVI – XVIII в.); IX класс – всемирная история нового времени (конец XVIII – начало XX в.), история Беларуси (конец XVIII – начало XX в.); X класс – всемирная история новейшего времени (1918 – 1945 гг.), история Беларуси (1917–1945 гг.); XI класс – всемирная история новейшего времени (вторая половина 40-х гг. XX – начало XXI в.), история Беларуси (вторая половина 40-х гг. XX – начало XXI в.).

Концентрический принцип структурирования исторического образования предполагал неоднократное изучение одного и того же учебного материала в нарастающем объёме и с большей глубиной.

Таким образом, на II ступени общего среднего образования (V – IX классы) учащиеся овладевали учебными знаниями по истории с древнейших времён до начала XX в., на III ступени общего среднего образования (X – XI классы) происходило усвоение исторического материала на событийно-хронологическом и проблемно-теоретическом уровнях. Повышенный уровень изучения истории должен был реализовываться в классах обществоведческого направления гимназий и лицеев.

Образовательный стандарт учебного предмета «Всемирная история. История Беларуси» (5 – 11 классы) был утверждён Постановлением Министерства образования Республики Беларусь № 32 от 29.05.2009 г. [16]. В документе закреплялись требования к уровню подготовки учащихся на II и III ступени общего среднего образования. Третий раздел стандарта включал требования по содержанию образования по предмету.

В настоящее время преподавание всемирной истории новейшего времени в системе среднего образования осуществляется по следующим учебным пособиям: «Всемирная история новейшего времени, 1945 – 2005 гг.», 10 класс, авторский коллектив – Г.А.Космач, Г.Г.Лазько, В.В.Тугай [17]; «Всемирная история XIX–XX вв.», 11 класс, авторский коллектив В.С.Кошелев, В.И.Синица, И.В.Оржеховский, В.И.Лукьянов, В.В.Тугай, И.А.Авдеев, Г.А.Космач [18]; «Всемирная история: XIX – начало XXI в.», 11 класс, под редакцией В.С. Кошелева [19].

Подводя итог вышесказанному, следует признать, что становление школьного исторического образования в Республике Беларусь, было процессом длительным, сложным и далеко неоднозначным. Сегодня система исторического образования является личностноориентированной, плюралистичной и многообразной.

Список литературы

1. Стражев, В.И. Пять реформ советской школы / В.И. Стражев // Народная асвета. – 2004. – № 7. – С. 3 – 11.

2. О преподавании гражданской истории в школах СССР. Постановление СНК СССР ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 года // Библиотека нормативно-правовых актов СССР

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3989.htm – Дата доступа: 20.08.2012.

3. Кочева, О.А. Этапы становления и развития школьного начального исторического курса / О.А. Кочева // Историческая наука и историческое образование на рубеже XX – XXI столетий. Четвертые всероссийские историко-педагогические чтения. – Екатеринбург: УрГПУ, Банк культурной информации, 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ahey.narod.ru/sborniki/pch4/pch4-kocheva.htm> – Дата доступа: 20.08.2012.

4. Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы. Постановление Верховного Совета СССР от 12 апреля 1984 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_12023.htm – Дата доступа: 20.08.2012.

5. Навейшая гісторыя (1917 – 1939): падруч. для 10-га класа сярэд. шк. / А.Я.Манусевіч, С.М. Стэцкевіч, В.К. Фураеў, А.Е. Хейфец; пад. рэд. В.К. Фураева. – 3-е выд., перапрац. і дап. – Мінск: Нар. асвета, 1991. – 141 с.

6. Навейшая гісторыя (1989 – 1990): матэрыялы да падруч. для 11-га класа сярэд. шк. / Г.Р.Левін, А.І. Папова, С.М. Стэцкевіч, В.К. Фураеў; пад. рэд. В.К. Фураева. – 3-у выд., перапрац. і дап. – Мінск: Нар. асвета, 1991. – 96 с.

7. Біч, М. Аб нацыянальна канцэпцыі гісторыі і гістарычнай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь / М. Біч // Беларускі гістарычны часопіс. – 1993. – № 1. – С. 15 – 24.

8. Дылян, Г. Праблемы гістарычнай адукацыі ў агульнаадукацыйных школах Рэспублікі Беларусь / Г. Дылян // Беларускі гістарычны часопіс. – 1996. – № 3. – С. 5 – 13.

9. Всемирная история новейшего времени: учеб. пособие для учащихся 9-го кл.: в 2 кн. / Г.А.Космач, Г.Г. Лазько, В.Н. Сидорцов. – Минск: Нар. асвета, 1993. – Кн. 1. – 254 с.

10. Якім быць падручніку па гісторыі (завочны «крулы стол» БГЧ і Настаўніцкай газеты) // Беларускі гістарычны часопіс. – 1995. – № 4. – С. 5 – 29.

11. О концепции реформы общеобразовательной школы в Республике Беларусь. Постановление Кабинета Министров Республики Беларусь от 21 августа 1996 г. № 554 // Правовой портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby09/sbor78/text78185.htm> – Дата доступа: 20.08.2012.

12. Ганушчанка, Н. Актуальныя пытанні выкладання гісторыі ў агульнаадукацыйных школах / Н. Ганушчанка // Гісторыя: праблемы выкладання. – 1999. – № 3. – С. 3 – 5.

13. Всемирная история новейшего времени: учеб. пособие для 9-го кл. общеобразоват. учреждений с рус. яз. обучения / Г.А. Космач, Г.Г. Лазько, С.В. Панов [и др.]; под. ред. Г.А.Космача. – 3-е изд. – Минск: Нар. асвета, 1998. – 304 с.

14. Об отдельных вопросах общего среднего образования. Декрет № 15 от 17 июля 2008 г. // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.president.gov.by/press58595.html> – Дата доступа: 20.08.2012.

15. Концепция учебного предмета «Всемирная история. История Беларуси» // Научно-методическое учреждение «Национальный институт образования» Министерства образования Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.adu.by/index.php/uchitelu/kontseptsii-uchebnykh-predmetov> – Дата доступа: 20.08.2012.

16. Образовательный стандарт учебного предмета «Всемирная история. История Беларуси» (5 – 11 классы) // Научно-методическое учреждение «Национальный институт образования» Министерства образования Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.adu.by/index.php/uchitelu/obrazovatelnye-standarty> – Дата доступа: 20.08.2012.

17. Космач, Г. А. Всемирная история новейшего времени, 1945 – 2005 гг. 10 класс: учебное пособие / Г.А. Космач, Г.Г. Лазько, В.В.Тугай; под ред. Г.А. Космача. – Минск: Изд. центр БГУ, 2006. – 239 с.

18. Всемирная история XIX – XX вв. Учебник для 11-го класса общеобразовательной школы с рус. языком обучения / В.С. Кошелев, И.В. Оржеховский, В.И. Синицаи др.; под ред. В.С. Кошелева. Мн.: Народная асвета, 2002. – 448 с.

19. Всемирная история, XIX – начало XXI в.: учеб. пособие для 11-го кл. общеобразоват. учреждений с рус. яз. обучения / В.С. Кошелев; метод. обеспечение М.А. Красновой. – Минск: Изд. центр БГУ, 2009. – 240 с.

Козловская Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории факультета истории и социологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ НАУЧНЫХ ТРУДОВ ПРОФЕССОРА
АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА НЕЧУХРИНА,
опубликованных в 1973 – 2011 гг.**

1973

1. Нечухрин, А.Н. О специфике исторического познания / А.Н. Нечухрин // Материалы XI научной студенческой конференции, посвященной памяти В.И. Ленина: История. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1973. – С. 4 – 50.

1975

2. Нечухрин, А.Н. Р.Ю.Виппер о влиянии современности на историю / А.Н. Нечухрин // Сборник научных студенческих работ. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1975. – С. 71 – 72.

1977

3. Нечухрин, А.Н. Проблема специфики исторического познания в русской либеральной историографии конца XIX – начала XX в. / А.Н. Нечухрин // Молодые ученые и специалисты народному хозяйству: материалы региональной научно-практической конференции. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1977. – С. 30 – 32.

1979

4. Нечухрин, А.Н. Н.И.Кареев о классификации социальных наук / А.Н.Нечухрин // Вопросы всеобщей истории и историографии: сб. статей / ред. Б.Г.Могильницкий, Б.С.Жигалов. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1979. – С. 181 – 194.

5. Нечухрин, А.Н. Проблема специфики исторического познания в творчестве Н.И.Кареева // Методологические и историографические вопросы исторической науки: сб. статей / Томский государственный университет; А.Н.Нечухрин. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1979. – Вып. 13. – С. 59 – 72.

6. Нечухрин, А.Н. [Рецензия] / А.Н. Нечухрин, Б.Г. Могильницкий // Философские науки. – 1979. – № 3. – С. 142 – 144. – Рец. на кн.: Б.Г.Сафронов. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 221 с.

1980

7. Нечухрин, А.Н. Проблема соотношения истории и современности в трактовке В.П. Бузескула / А.Н. Нечухрин // Вопросы методологии, историографии и источниковедения: сб. статей. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1980. – С. 165 – 169.

8. Нечухрин, А.Н. К вопросу о сущности кризиса русской либеральной историографии конца XIX – начала XX в. / А.Н. Нечухрин // Исследования ученых – на службу пятилетке: тезисы докладов науч.-практ. конф. – Гродно, 1980. – Ч. II. – С. 116 – 118.

1982

9. Задания и методические указания по выполнению курсовых работ по курсу «История древнего мира» для студентов 1 – 2 курсов заочной формы обучения / А.Н. Нечухрин. – Гродно, 1982. – 20 с.

10. Нечухрин, А.Н. Конференция по методологии, историографии, источниковедению / А.Н. Нечухрин, С.П. Рамазанов // Вопросы истории. – 1982. – № 10. – С. 111 – 114.

11. Нечухрин, А.Н. Е.В.Тарле о связи исторической науки и современности / А.Н. Нечухрин // Связь науки с практикой – важный фактор повышения эффективности общественного производства: тезисы докладов науч.-практ. конф. – Гродно, 1982. – Ч. III. – С. 11 – 13.

1984

12. Основы методологии истории для студентов специальности 20.08 / А.Н. Нечухрин, С.П. Рамазанов. – Гродно: Гроднен. университет, 1984. – 19 с.

13. Нечухрин, А.Н. Проблема кризиса исторической науки конца XIX – нач. XX вв. в творчестве русских либеральных историков / А.Н. Нечухрин // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения: [сб. ст.; под ред. д-ров ист. наук: Л.И. Боженко, Б.Г. Могильницкого, М.Е. Плотниковой; рец. – д-р ист. наук, проф. М. С. Кузнецов]. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. – С. 167 – 168.

1985

14. Нечухрин, А.Н. В.П.Бузескул как историограф / А.Н. Нечухрин // Вопросы развития историографических исследований в свете решений XXVI съезда КПСС: материалы всесоюзной научной конференции [10 – 12 окт. 1984 / редкол.: Н.П. Ковальский (отв. ред.) и др.]. – Днепропетровск: ДГУ, 1985. – С. 73 – 74.

15. Основы методологии истории для студентов специальности 20.08. / А.Н.Нечухрин, В.А.Хилюта. – Гродно, 1985. – 35 с.

1987

16. Нечухрин, А.Н. Характерные черты кризиса буржуазной историографии / А.Н. Нечухрин // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения: сб. статей. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1987. – С. 142 – 144.

1988

17. Нечухрин, А.Н. Методические указания к практическим занятиям по истории древнего мира: для студентов по специальности 20.08. / А.Н.Нечухрин, В.А. Хилюта. – Гродно: ГрГУ, 1988. – 50 с.

18. Нечухрин, А.Н. Н.И.Кареев как историк Польши / А.Н. Нечухрин, Т.Т.Кручковский // Великий Октябрь и зарубежные славянские страны: XI Всесоюз. науч. конф. историков-славистов, 27 – 29 янв.1988 г.: тез. докл. и сообщ. / под ред. Э.М. Загоруйского, Д.Б. Мельцера. – Минск: Университетское, 1988. – С. 237 – 238.

19. Нечухрин, А.Н. Конференция «Историческая наука и перестройка» / А.Н. Нечухрин, А.Г. Тимошенко // Вопросы истории. – 1988. – № 12. – С. 164 – 166.

1989

20. Нечухрин, А.Н. Историческая наука и перестройка / А.Н. Нечухрин, С.П. Рамазанов // История СССР. – 1989. – № 3. – С. 208 – 214.

21. Нечухрин, А.Н. Отечественные историки – уроженцы Гродненщины / А.Н. Нечухрин // Развитие исторического краеведения в вузах БССР в свете перестройки высшего образования: материалы Респ. науч.-метод. конф., г. Гродно 18 – 20 окт. 1988 г. / сост. Я.Н.Мараш. – Гродно, 1989. – С. 11 – 13.

22. Нечухрин, А.Н. Краеведческие аспекты в преподавании курса истории южных и западных славян (на материалах БССР) / А.Н.Нечухрин, Т.А.Бадюкова, Е.Е.Станкевич // IV Республіканська наукова конференція з історичного краєзнавства: тези доповідей і повідомлень. – Київ, 1989. – С. 386 – 387.

23. Нечухрин, А.Н. Историки Гродненщины / А.Н. Нечухрин. – Гродно, 1989. – 26 с.

24. Нечухрин, А.Н. Идея прогресса в отечественной философско-исторической мысли конца XIX – начала XX вв. / А.Н. Нечухрин // Противоречия современного общественного прогресса: тезисы республ. межвуз. научной

конференции; Гродно, 14 – 16 декабря 1989 г. – Ч. II. – Гродно: Гродненский университет, 1989. – С. 170 – 173.

25. Nieczuchrin, A.N. Ubywa swietosci, pszybywa znaków zapytania / A.N.Nieczuchrin // Kurier Podlaski. – Białystok. – 27.XII.1989. – S. 1 – 2.

26. Нечухрин, А.Н. Концепция социокультурной обусловленности исторического знания Р.Ю.Виппера / А.Н. Нечухрин, С.В. Синяков // *Формы и методы социального познания: сб. науч. трудов.* – Калинин: КГУ, 1989. – С. 124 – 134.

27. Нечухрин, А.Н. Об отношении к эмигрантской историографии / А.Н.Нечухрин // *Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы* / отв. ред. А.О.Чубарьян, В.В. Согрин. – М.: Наука, 1989. – Вып. 1. – С. 175 – 183.

1990

28. Методология истории для студентов специальности 02.07 / А.Н.Нечухрин, С.П. Рамазанов. – Гродно, Гродненский ун-т, 1990. – 10 с.

29. Нечухрин, А.Н. Е.Ф.Орловский как краевед / А.Н. Нечухрин // *Музей і развіццё гістарычнага краязнаўства: матэрыялы рэспубл. навук.-практ. канф., прысвеч. 70-годдзю Гродз. дзярж. гісторыка-археалаг. музея, 8 – 9 кастрычніка 1990 г. / адказны рэд. Я.Н.Мараш.* – Гродно, 1990. – С. 95 – 96.

30. Нечухрин, А.Н. Некоторые задачи исторического краеведения / А.Н.Нечухрин // *Научно-исследовательский кружок и историческое краеведение: сб. ст.: материалы VI науч.-практ. конф., посвящен. 35-летию ист.-краевед. кружка при каф. истории БССР Гродн. гос. ун-та им. Я.Купалы, сост. 27 апр. 1990 г. / сост.: Я.Н.Мараш.* – Гродно, 1990. – С. 45 – 47.

1991

31. Нечухрин, А.Н. Взаимодействие истории литературы в формировании исторического самосознания общества / А.Н. Нечухрин // *Историк – художественная литература и публицистика: тезисы докладов и сообщений.* – Орел: ОГПИ, 1991. – С. 48 – 50.

32. Нечухрин, А.Н. Творческая биография В.В.Латышева / А.Н. Нечухрин // *Наш Радавод: материалы международной научной конференции по региональной истории Восточной Европы «Культура народов Великого княжества Литовского и Белоруссии. XIII – нач. XX вв.»; Гродно, 22 – 24 октября 1991: [сб. докл.] / Белорус. фонд культуры, Гродненское обл. отд-ние; отв. ред. и сост. Д. Карев.* – Гродно, 1991. – Кн. 3. – Ч. 1. *Историография и источниковедение.* – С. 141 – 145.

33. Нечухрин, А.Н. Мировоззренческие основы теоретико-познавательных концепций истории. К постановке проблемы в русской либеральной историографии начала XX века / А.Н. Нечухрин, С.В. Синяков //

Социальная динамика и духовная культура: сб. научных трудов / Государственный комитет РСФСР по делам науки и высшей школы, Тверской государственный университет; [редкол.: В.Н. Расторгуев (ответственный редактор) и др.]. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 1991. – С. 61 – 71.

1992

34. Нечухрин, А.Н. Смена парадигм в русской историографии всеобщей истории (90-е гг. XIX в. – 1917 г.) / А.Н. Нечухрин. – Гродно: ГрГУ, 1992. – 232 с. Рукопись деп. в ИНИОН РАН 22.02.1993 № 47748.

35. Нечухрин, А.Н. Участие русской историографии в формировании общественных ценностей в конце XIX – начале XX вв. / А.Н. Нечухрин // Духовно-ценностные ориентиры массовых действий людей: тезисы докладов респуб. межвуз. науч. конф.; Гродно, 19 – 21 мая 1992 г. / редкол.: Ч.С.Кирвель [и др.]. – Гродно, 1992. – Ч. 1. – С. 194 – 195.

36. Нечухрин, А.Н. Вклад воспитанников православной церкви в разработку краеведческих вопросов истории Беларуси (вторая половина XIX – начало XX вв.) / А.Н. Нечухрин // Наш Радавонд: матэрыялы міжнар. навук. канф. «Царква і культура народаў Вялікага княства Літоўскага і Беларусі XIII – пач. XX стст.» (Гродна, 28 верасня – 1 кастрычніка 1992 г.) / Беларус. дзярж. музей гіст. рэлігіі, Гродзенскі гар. выканкам нар. дэп., аддз. культуры, кафедра ўсеагульнай гісторыі, ГрДУ імя Я.Купалы; адк. рэд. і ўкл. Д.Караў. – Кн. 4. – Ч. I. – Гродно, 1992. – С. 89 – 116.

1993

37. Нечухрин, А.Н. Попытки обоснования цивилизационного подхода к истории в русской науке начала XX века / А.Н. Нечухрин // Гістарычная навукa і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: (Новыя канцэпцыі і падыходы): тэзісы дакладаў і паведамленняў. Усебеларус. канф. гісторыкаў; Мінск, 3 – 5 лютага 1993 г. – Мінск: Універсітэцкае, 1993. – Частка II. Сусветная гісторыя. – С. 20 – 22.

38. Нечухрин, А.Н. Историки Западной Беларуси XIX – начала XX вв. (Очерки) / А.Н. Нечухрин // Наш Радавонд: матэрыялы міжнар. навук. канф. «Царква і культура народаў Вялікага княства Літоўскага і Беларусі. XIII – пач. XX стст.»; Гродна, 28 верасня – 1 кастрычніка, 1993 г. / Беларус. дзярж. музей гіст. рэлігіі, Гродзенскі гарвыканкам нар. дэпутатаў, Аддз. культуры, каф. усеагульнай гіст. ГрДУ імя Я.Купалы; адказ. рэд. і ўклад. Д. Караў. – Кн. 5. – Ч. II. – Гродна, 1993. – С. 394 – 442.

1994

39. Нечухрин, А.Н. Социальные функции истории и задачи исторического краеведения / А.Н. Нечухрин // Гістарычнае краязнаўства – дзейны фактар інтэнсіфікацыі навучальнага працэса ў школе і ВНУ: тэзісы рэспубліканскай навукова-метадычнай канферэнцыі; г. Гродна 27 – 28 кастрычніка 1994 г. – Гродна, 1994. – С. 10 – 14.

40. Нечухрин, А.Н. Основные элементы позитивистской парадигмы истории (на материалах отечественной историографии) / А.Н. Нечухрин // Методологические и историографические вопросы исторической науки: сб. статей / Томский государственный университет. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1994. – Вып. 21. – С. 159 – 184.

41. Нечухрин, А.Н. Социальная ответственность историка / А.Н. Нечухрин // Социальные действия: цели и результаты. Межгосударственная научная конференция «Богдановские чтения». – Гродно, 1994. – С. 108 – 110.

42. Нечухрын, А.М. Будзіловіч Антон Сямёнавіч / А.М. Нечухрын // Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: Бел. энцыкл., 1994. – Т. 2. – С. 113.

43. Нечухрин, А.Н. Методологические основы российской историографии в 80-е гг. XIX в. – 1917 г. (смена парадигм): учебное пособие / А.Н. Нечухрин // Наш Радавод: матэрыялы міжнар. навук. канф. «Царква і культура народаў Вялікага княства Літоўскага і Беларусі. XIII – пач. XX стст.»; г. Гродна, 28 верасня – 1 кастрычніка, 1993 г. / Беларус. дзярж. музей гіст. рэлігіі, Гродзенскі гарвыканкам нар. дэпутатаў, Аддз. культуры, каф. усеагульнай гіст. ГрДУ імя Я.Купалы; адказ. рэд. і ўклад. Д. Караў. – Кн. 6. – Ч. 1. – Гродна, 1994. – С. 22 – 189.

1995

44. Кручковский, Т.Т. Польская проблематика в творчестве Н.И.Кареева / Т.Т. Кручковский, А.Н. Нечухрин // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: Новыя канцэпцыі і падыходы: у 2 ч. / навук. рэд. У.С.Кошалеў. – Мінск: Універсітэцкае, 1995. – Ч. 2. Сусветная гісторыя. – С. 116 – 123.

45. Нечухрин, А.Н. Теоретико-методологические поиски российских историков в конце XIX – первой четверти XX в. / А.Н. Нечухрин // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: Новыя канцэпцыі і падыходы: у 2 ч. / навук. рэд. У.С.Кошалеў. – Мінск: Універсітэцкае, 1995. – Ч. 2. Сусветная гісторыя – С. 130 – 135.

46. Нечухрин, А.Н. Основные элементы позитивистской парадигмы истории (на материалах российской историографии) [Podstawowe elementy

pozytywistycznego paradygmatu historii (na materialach rosyjskiej historiografii) / А.Н. Нечухрин // *Studia Podlaskie*. – Białystok, 1995. – Т. V. – С. 49 – 76.

47. Метадычныя ўказанні да семінарскіх заняткаў па гісторыі «Старажытнага Усходу» для студ. спец. 0506. «Гісторыя» / А.М. Нечухрын, М.У.Марцён. – Гродна, 1995. – 20 с.

48. Метадалогія гісторыі: Праграма па аднайменнаму курсу для студэнтаў вышэйшых навучальных устаноў Рэспублікі Беларусь па спецыяльнасці Г 05.01.00. «Гісторыя» / А.М. Нечухрын, У.Н.Сідарцоў, М.І. Мініцкі, В.М. Шутава. – Мінск: Белдзяржуніверсітэт, 1995. – 21 с.

1996

49. Нечухрин, А.Н. Философско-исторические воззрения Н.И.Кареева / А.Н. Нечухрин // Наш Радавод: 500 гадавіне надавання Гродна Магдэбург. права прысвяч. / Захад.-бел. гуманітар. цэнтр даслед. Усход. Еўропы, Гродзен. дзярж. ун-т імя Янкі Купалы. Каф. усеагул. гісторыі, Бел. дзярж. музей гісторыі рэлігіі; [Адк. рэд. і ўклад. Д.Караў; Маст. А. Золтан]; матэрыялы міжнар. навук. канф. «Гістарычная памяць народаў Вялікага княства Літоўскага і Беларусі XIII – XX ст.» (Гродна, 3 – 5 ліпеня 1996 г.). – Кн. 7. – Гродна, 1996. – С. 48 – 96.

50. Методология истории: учебное пособие для студентов вузов. Гуманитарно-экономический негосуд. ин-т Республики Беларусь; Белорус. ветвь Ассоц. «История и компьютер»; А.Н. Нечухрин, В.С. Сидорцов, О.М. Шутава и др. / под ред. А.Н.Алкеева [и др.]. – Минск: НТОО «ТетраСистемс», 1996. – 240 с.

51. Нечухрин, А.Н. Мир абсолютных ценностей: Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский / А.Н. Нечухрин, С.П. Рамазанов // *Историки России XVIII – начало XX века* / отв. ред.: член-корр. РАН А.Н.Сахаров. – М.: Скрипторий, 1996. – С. 512 – 537.

52. Нечухрин, А.Н. К вопросу о «правильном» понимании истории / А.Н.Нечухрин // *Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер»*. – № 19. – М.: Изд-во Московск. ун-та, 1996. – С. 174 – 175.

1997

53. Нечухрин, А.Н. Воспитательная функция истории в непрерывном развитии личности / А.Н. Нечухрин // *Технообраз'97: Технологии непрерывного педагогического образования и творческого саморазвития учителя*. – Гродно: ГрГУ, 1997. – С. 60 – 63.

54. Нечухрин, А.Н. К вопросу о «правильном» понимании истории / А.Н.Нечухрин // *Новая и новейшая история*. – 1997. – № 5. – С. 104.

1998

55. Программа курса «Историография всеобщей истории (конец XVIII – начало XX в.)» / А.Н. Нечухрин. – Гродно, 1998. – 19 с.

56. Нечухрин, А.М. Этнасацыяльныя і палітычныя працэсы ў заходнім рэгіёне Беларусі ў 1921 – 1939 г. / А.М. Нечухрын, Г.У. Васюк, М.М. Ганчароў, Д.У. Караў, І.І. Коўкель, Т.Т. Кручкоўскі, І.А. Фёдараў // Этнасацыяльныя і культурныя працэсы ў заходнім рэгіёне Беларусі: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы рэспуб. навук. канф.; г. Гродна, 5 – 6 снежня 1997 г. / пад рэд. І.П.Крэня. – Гродна: ГрДУ, 1998. – С. 74 – 88.

57. Нечухрин, А.Н. Проблема субъективного фактора истории в русской исторической мысли конца XIX – начала XX в. / А.Н. Нечухрин // Субъективные притязания и объективная логика общества переходного типа: материалы международной научной конференции 26 – 27 ноября 1998 года, Гродно, Республика Беларусь. – Гродно: ГрГУ, 1998. – С. 207 – 211.

58. Нечухрин, А.Н. Проблема художественного в историческом познании / А.Н. Нечухрин // Адам Міцкевіч і сусветная культура: матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі; 12 – 17 мая 1997 г., Гродна – Навагрудак: у 5 кн. – Гродна: Выд. Грод. дзярж. ун-та, 1998. – Кн. 5. – С. 72 – 78.

1999

59. Нечухрин, А.Н. Революционные Франция и Россия глазами русских историков / А.Н. Нечухрин // Французская рэвалюцыя і лёсы свету: матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., прысвеч. гадавіне Фр. рэвалюцыі (1789 – 1799 гг.), 21 – 22 крас. 1999 г., Мінск / рэдкал: У.С. Кошалеў (адк. рэд.) [и др.]. – Мінск: БДУ, 1999. – С. 142 – 146.

60. Нечухрин, А.Н. Общие тенденции в развитии исторической науки в Республике Беларусь / А.Н. Нечухрин // Экономика и право переходного периода в Республике Беларусь: материалы III-й международной научной конференции / отв. ред. И.В. Шутова. – Гродно: Изд-во Гродн. филиала ИСЗ, 1999. – С. 169 – 171.

61. Нечухрин, А.Н. Проблема кризиса исторической науки / А.Н. Нечухрин, С.П. Рамазанов // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 1. – 1999. – № 2. – С. 14 – 22.

62. Программа курса «История общественных движений и политических партий» / А.Н. Нечухрин. – Гродно: Гродненский филиал ИСЗ, 1999. – 24 с.

63. Нечухрин, А.Н. Деятельность политических партий и объединений в Западной Беларуси (Историографический обзор) / А.Н. Нечухрин // Granica I pogranicza: Historia codzienności I doświadczeń / pod red. M.Liedke, J.Sadowskiej, J.Trynkowskiego. – Т. II. – Białystok: Instytut Historii Uniwersytetu w Białymstoku, 1999. – S. 56 – 61.

2000

64. Нечухрин, А.Н. Развитие исторических исследований в Республике Беларусь: общие тенденции / А.Н. Нечухрин, Д.В. Карев // *Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы*. Сер.1. – 2000. – № 1(3). – Гродна. – С. 14 – 25.

65. Нечухрин, А.Н. Экономическая и этносоциальная политика II Речи Посполитой в отношении Западной Беларуси в 1921-1939 г. / А.Н. Нечухрин // *Наш Радавод*. «Беларусы і палякі: дыялог народаў і культур. X – XX ст.»; матэрыялы міжнар. круглага стала; г. Гродна, 28 – 30 верасня 1999 г. – Гродна (Беласток), 1999 (2000). – Кн. 8 – С. 404 – 419.

66. Нечухрин, А.Н. О границах исторического понимания / А.Н. Нечухрин // *Теоретико-методологические проблемы исторического познания: материалы к междунар. науч. конф.*; Минск, 1 – 2 февраля 2001 г.: в 2 т. / под ред. В.Н. Сидорцова, В.С. Кошелева, Я.С. Яскевич. – Минск: РИВШ БГУ, 2000. – Т. 1 – С. 94 – 96.

2001

67. Нечухрин, А.М. Метадалогія даследавання гісторыі / А.М. Нечухрын, О.У. Капуста // *Беларускі гістарычны часопіс*. – 2001. – № 3. – С. 93 – 94.

68. Нечухрин, А.Н. Проблема исторического источника в российской историографии конца XIX – начала XX в. / А.Н. Нечухрин // *Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы*. Сер. 1. – 2001. – 2 (7). – С. 3 – 9.

2002

69. Нечухрин, А.Н. Современная белорусская историография: общие тенденции / А.Н. Нечухрин // *Studia Podlaskie*. – Т. XII. – Białystok, 2002. – S. 5 – 22.

70. Постижение истории: онтологический и гносеологический подходы: учебное пособие для студентов магистратуры, аспирантуры, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений / Я.С. Яскевич, В.Н. Сидорцов, А.Н. Нечухрин [и др.]; под ред. В.Н. Сидорцова, О.А. Яновского, Я.С. Яскевич. – Минск: БГУ, 2002. – 291 с.

71. Метадалогія гісторыі. Праграма па аднайменнаму курсу для студэнтаў вышэйшых устаноў / складальнікі: У.Н. Сідарцоў, А.М. Нечухрын, В.М. Шустава // *Постижение истории: онтологический и гносеологический подходы: учебное пособие для студентов магистратуры, аспирантуры, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений* / Я.С. Яскевич, В.Н. Сидорцов, А.Н. Нечухрин [и др.]; под ред. В.Н. Сидорцова, О.А. Яновского, Я.С. Яскевич. – Минск: БГУ, 2002. – С. 262 – 278.

2003

72. Информационное обеспечение исторического образования: сб. ст. / под ред. В.Н. Сидорцова, А.Н. Нечухрина, Г.Н. Балыкиной. – Минск: БГУ, Гродно: ГрГУ, 2003 – Вып. 3. Педагогические аспекты исторической информатики. – С. 3 – 4.

73. Нечухрин, А.Н. Развитие методологической базы исторических исследований в Республике Беларусь / А.Н. Нечухрин // Актуальные проблемы истории Беларуси: стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця; матэрыялы рэспуб. навук. канф.: у 4 ч. / пад рэд. І.П. Крэня, У.І. Навіцкага, І.А.Змітровіча. – Гродна: ГрДУ, 2003. – Ч. 1. – С. 36 – 48.

74. Нечухрин, А.Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. – 1917 г.): монография / А.Н.Нечухрин. – Гродно: ГрГУ, 2003. – 349 с.

75. Нечухрын, А.М. Метадалагічныя патрабаванні да гістарычнага даследавання / А.М. Нечухрын // Вялікае княства Літоўскае: Метадалогія і метады даследавання. – СПб.: Неўскі прасцяг, 2003. – С. 5 – 27.

2004

76. Нечухрин, А.Н. Актуальные проблемы теоретической подготовки специалистов историков на историческом факультете Гродненского государственного университета имени Янки Купалы / А.Н. Нечухрин // 60-летие образования Гродненской области: материалы междунар. науч. конф., 3 – 4 марта 2004 г., Гродно / отв. ред. В.А. Белозорович. – Гродно: ГрГУ, 2004. – С. 390 – 394.

77. Нечухрин, А.Н. Актуальные проблемы теоретической подготовки специалистов историков: Аннотация / XX век: Актуальные проблемы исторической науки / А.Н. Нечухрин // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2004. – № 5 (35). – С. 16

78. Нечухрин, А.Н. Виктор Николаевич Ватыль. К 50-летию со дня рождения / А.Н. Нечухрин, В.В. Авгеев, Т.И. Адуло, И.И. Акенчиц // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 1. – 2004. – № 3 (27) – С. 3 – 5.

79. Паспорт специальности 24.00.01 – теория и история культуры, истор. Решение коллегии ВАК от 21 июня 2004 г. № 6/13 / А.Н. Нечухрин // Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vak.org.by/index.php?go=Box&in=view&id=235> – Дата доступа: 20.08.2012.

2005

80. Нечухрин, А.Н. Валерий Николаевич Черепица. К 60-летию со дня рождения / А.Н. Нечухрин // *Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы*. Сер. 1. – 2005. – № 1 (30) – С. 3 – 4.

81. Нечухрин, А.Н. Творческий путь Я.Н.Мараша / А.Н. Нечухрин, Т.Ю.Ложечник // *Подготовка педагогических и научных кадров историков и развитие исторической науки в Беларуси: материалы республиканской научно-практической конференции, 30 сентября 2004 г., Гродно / под ред.Е.А. Ровбы, А.Н. Нечухрина, И.П. Крени*. – Гродно: ГрГУ, 2005. – С. 81 – 87.

2006

82. Нечухрин, А.Н. Природа исторического творчества: субъектно-объектные отношения / А.Н. Нечухрин // *Методологические проблемы истории: учеб. пособие для студентов, магистрантов и аспирантов ист. и филос. специальностей учреждений, обеспечивающих получение высш. образования / В.Н. Сидорцов [и др.]; под общей редакцией В.Н. Сидорцова*. – Минск: НТООО «ТетраСистемс», 2006. – С. 118 – 151.

83. Нечухрин, А.Н. Социальные функции исторической науки / А.Н.Нечухрин // *Методологические проблемы истории: учеб. пособие для студентов, магистрантов и аспирантов ист. и филос. специальностей учреждений, обеспечивающих получение высш. образования / В.Н. Сидорцов [и др.]; под общей редакцией В.Н. Сидорцова*. – Минск: НТООО «ТетраСистемс», 2006. – С. 138 – 151.

84. Нечухрин, А.Н. Исторический факт и историческое суждение: проблемы верификации и интерпретации / А.Н. Нечухрин // *Методологические проблемы истории: учеб. пособие для студентов, магистрантов и аспирантов ист. и филос. специальностей учреждений, обеспечивающих получение высш. образования / В.Н. Сидорцов [и др.]; под общей редакцией В.Н. Сидорцова*. – Минск: НТООО «ТетраСистемс», 2006. – С. 165 – 183.

85. Нечухрин, А.Н. Принципы исторического познания / А.Н. Нечухрин // *Методологические проблемы истории: учеб. пособие для студентов, магистрантов и аспирантов ист. и филос. специальностей учреждений, обеспечивающих получение высш. образования / В.Н. Сидорцов [и др.]; под общей редакцией В.Н. Сидорцова*. – Минск: НТООО «ТетраСистемс», 2006. – С. 193 – 208.

86. Нечухрин, А.Н. Специфика языка исторической науки / А.Н. Нечухрин // *Методологические проблемы истории: учеб. пособие для студентов, магистрантов и аспирантов ист. и филос. специальностей учреждений,*

обеспечивающих получение высш. образования / В.Н. Сидорцов [и др.]; под общей редакцией В.Н. Сидорцова. – Минск: НТООО «ТетраСистемс», 2006. – С. 230 – 234.

2007

87. Нечухрин, А.Н. Учитель, философ, гражданин. К 80-летию со дня рождения А.В. Бодакова / А.Н. Нечухрин, Е.А. Ровба, С.А. Ануфрик, Т.А.Бадюкова // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 1. – 2007. – № 1 (36) – С. 3 – 4.

88. Нечухрын, А.М. Настаўнік, педагог, вучоны. Да 70-годдзя з дня нараджэння І.П. Крэня / А.М. Нечухрын, Э.С. Ярмусік, І.І. Коўкель, В.А.Белазаровіч // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 1. – 2007. – № 1 (47) – С. 3 – 6.

89. Нечухрин, А.Н. Цивилизационный подход в российской историографии рубежа XIX – начала XX в. / А.Н. Нечухрин, В.Н. Предко // Problemy cywilizacyjnego rozwoju Białorusi, Polski, Rosji i Ukrainy od końca XVIII do XXI wieku: zb. nauk. art. / pod red. P.Franaszka i A.N.Nieczuchrina. – Wydanie I. – Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2007. – С.11 – 18.

90. Программа-минимум кандидатского экзамена по специальности 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования. Приказ высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 7 июня 2007 г. № 108 / А.Н. Нечухрин, Д.В. Карев // Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vak.org.by/index.php?go=Box&in=view&id=472> – Дата доступа: 20.08.2012.

91. Нечухрин, А.Н. Содержание понятия «кризис историографии» / А.Н.Нечухрин, С.П. Рамазанов // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 3. / рэдкал.: У.Н. Сідарцоў, С.М. Ходзін (адк. рэдактары) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2007. – С. 35 – 46.

92. Нечухрин, А.Н. Наука идет в регионы / А.Н. Нечухрин // Веды. – 2/15.10.2007/№ 41(2145).

2008

93. Nieczuchrin, A. N. Przeszłość, realia i marzenia / A. N. Nieczuchrin // Kurier poranny. Magazyn. – 14 marca 2008. – S. 16.

94. Нечухрин, А.Н. Приветствие / А.Н. Нечухрин // Мелодии, краски, запахи «малой родины» Адама Мицкевича: сб. науч. работ / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: С.Ф. Мусиенко [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2008. – С. 10 – 11.

95. Програма-минимум кандидатского экзамена по специальности 07.00.03 – всеобщая история. Приказ Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 31 марта 2008 г. № 77 / А.Н. Нечухрин, В.С. Кошелев, И.Р. Чикалова [и др.] // Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vak.org.by/index.php?go=Box&in=view&id=712> – Дата доступа: 20.08.2012.

96. Нечухрин, А.Н. Предисловие / А.Н. Нечухрин // Состояние и развитие методологических исследований в исторической науке Республики Беларусь и Российской Федерации: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я.Купалы; редкол.: А.Н.Нечухрин (отв. ред.) [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2008. – С.3 – 4.

97. Козловская, Н.В. Актуальные методологические проблемы российской и белорусской исторической науки в историографии конца XX – начала XXI вв. / Н.В. Козловская, А.Н. Нечухрин // Состояние и развитие методологических исследований в исторической науке Республики Беларусь и Российской Федерации: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я.Купалы; редкол.: А.Н.Нечухрин (отв. ред.) [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2008. – С. 214 – 225.

98. Нечухрин, А.Н. Социально-идентификационные и социокультурные процессы в Гродненском регионе в контексте восприятия расширения ЕС населением приграничья / А.Н. Нечухрин, А.Н. Данилов, Г.В. Васюк, Н.В.Козловская // ЕС и восточнославянский мир (конец XX – начало XXI в.): материалы междунар. науч. конф. – Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2008. – С. 4 – 22.

2009

99. Нечухрин, А.Н. Специфика и проблемы в подготовке магистра истории в университетах Республики Беларусь / А.Н. Нечухрин // V Всероссийское научно-методическое совещание деканов и заведующих кафедрами исторических факультетов классических университетов и педагогических вузов; 31 марта – 1 апреля 2009 г. // тезисы / отв. ред. М.С.Бобкова. – М.: ИВИ РАН, 2009 – С. 35 – 39.

100. Нечухрин, А.Н. Проблемы подготовки кадров высшей научной квалификации в региональном вузе / А.Н. Нечухрин, Г.А. Хацкевич // Материалы международной научно-практической конференции «Подготовка научных кадров высшей квалификации в условиях инновационного развития общества» / под ред. И.В. Войтова. – Минск: ГУ «БелИСА», 2009. – С. 189 – 190.

101. Паспорт специальности 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования. Приказ Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 31 декабря 2009 г. № 227 / А.Н. Нечухрин, Д.В. Карев // Высшая аттестационная комиссия Республики

Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vak.org.by/index.php?go=Box&in=view&id=170> – Дата доступа: 20.08.2012.

102. Нечухрин, А.Н. Б.А. Тураев как православный ученый / А.Н.Нечухрин // Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа: зб. навук. арт. у 2 ч. / ГрДУ імя Я. Купалы; рэдкал.: С.В. Марозава [і інш.]. – Гродна: ГрДУ, 2009. – Ч. 1 – С. 35 – 40.

2010

103. Нечухрин, А.Н. Карев Дмитрий Владимирович. К 60-летию со дня рождения / А.Н. Нечухрин, Е.А. Ровба, В.Н. Горбузов // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 1. – 2010. – № 1 (91) – С. 9 – 11.

104. Нечухрин, А.Н. Материалы о работе научного семинара «Актуальные проблемы исторической науки» факультета истории и социологии ГрГУ имени Я. Купалы в 2009 г. / А.Н. Нечухрин // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 1. – 2010. – № 2 (95) – С. 113 – 114.

105. Нечухрин, А.Н. В.Н.Черепица как историограф / А.Н. Нечухрин // Через прошлое – к настоящему и будущему. Сборник научных статей (К 65-летию профессора В.Н.Черепицы) / под общ. ред. Э.С. Ярмусика. – Гродно: ГрГУ, 2010. – С. 88 – 93.

106. Нечухрин, А.Н. Валерий Николаевич Черепица. К 60-летию со дня рождения / А.Н. Нечухрин // Через прошлое – к настоящему и будущему: сборник научных статей (К 65-летию профессора В.Н.Черепицы) / под общ. ред. Э.С. Ярмусика. – Гродно: ГрГУ, 2010. – С. 119 – 122.

2011

107. Нечухрин, А.Н. Павел Осипович Бобровский: ученый, реформатор, педагог / А.Н. Нечухрин, Е.А. Мелешко // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Специальный выпуск: Интеллектуальная культура и учёные сообщества Европы в Новое время. – М.: ИВИ РАН, 2011. – Вып. 36. – С. 344 – 376.

108. Программа-минимум кандидатского экзамена по специальности 24.00.01 – теория и история культуры, ист. Приказ Председателя Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь 17 июня 2011 г. № 126 / А.Н.Нечухрин, Д.В. Карев, С.В. Морозова // Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vak.org.by/index.php?go=Box&in=view&id=539> – Дата доступа: 20.08.2012.

109. Нечухрин, А.Н. Предисловие / А.Н. Нечухрин // Развитие методологических исследований и подготовка кадров историков в Республике Беларусь, Российской Федерации и Республике Польша: сборник научных статей; под науч. ред. проф. А.Н. Нечухрина. – Гродно: ГрГУ, 2011. – С. 3.

110. Нечухрин, А.Н. Формирование центра историографических исследований в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы / А.Н. Нечухрин // Развитие методологических исследований и подготовка кадров историков в Республике Беларусь, Российской Федерации и Республике Польша: сборник научных статей; под науч. ред. проф. А.Н.Нечухрина. – Гродно: ГрГУ, 2011. – С. 76 – 84.

**ДОКТОРСКИЕ, КАНДИДАТСКИЕ И МАГИСТЕРСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ,
ЗАЩИЩЁННЫЕ ПОД РУКОВОДСТВОМ ПРОФЕССОРА А.Н. НЕЧУХРИНА
В 2001 – 2012 гг.**

Докторские диссертации

Научный руководитель, консультант:

1. ***Лепешко Борис Михайлович.*** Эвристическая роль аналогии в историческом познании.

Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического (Минск, БГУ, 22.03.2001).

Кандидатские диссертации

1. ***Мелешко Елена Ивановна.*** Исторические взгляды П.О.Бобровского.

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования (Минск, БГУ, 2002).

2. ***Русь Эвелина Викторовна.*** Германский вопрос во второй половине XX века в исторической мысли ФРГ и ГДР.

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования (Минск, БГУ, 2005).

3. ***Тохиян Татьяна Михайловна.*** Становление белорусской государственности в 1917 – 1922 гг. в оценке отечественной историографии.

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования (Минск, БГУ, 2007).

4. ***Гагуа Руслан Борисович.*** Великая война с Тевтонским орденом (1409 – 1411): источники и историография.

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования (Минск, Институт истории НАНБ, 2008).

5. ***Демидович Анатолий Викторович.*** Культура эпохи Возрождения в Великом княжестве Литовском в российской и белорусской историографии второй половины XIX – начала XX вв.

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования (Гродно, ГрГУ им. Я. Купалы, 2009).

6. ***Курстак Юрий Исифович.*** История славянства в творчестве А.С.Будиловича (1846 – 1908 гг.).

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования (Гродно, ГрГУ им. Я. Купалы, 2010).

7. **Заневский Сергей Викторович.** Вхождение шляхетского сословия белорусско-украинских земель в состав российского дворянства источниковедение и историография проблемы (вторая половина XIX – начало XX вв.).

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования (Гродно, ГрГУ им. Я. Купалы, 2011).

Магистерские диссертации

1. **Каспорская Екатерина Анатольевна.** Социальные функции истории в белорусской и российской историографии (вторая половина XX – XXI начала вв.).

Диссертация на соискание академической степени магистра гуманитарных наук (Гродно, ГрГУ им. Я. Купалы, 2007).

2. **Сидор Ольга Евгеньевна.** Историко-теоретические воззрения М.Н.Петрова.

Диссертация на соискание академической степени магистра исторических наук по специальности 1 – 21 80 15 Всеобщая история (Гродно, ГрГУ им. Я. Купалы, 2008).

3. **Бутько Владимир Николаевич.** А.С.Трачевский как исследователь международных отношений.

Диссертация на соискание академической степени магистра исторических наук по специальности 1 – 21 80 15 Всеобщая история (Гродно, ГрГУ им. Я. Купалы, 2009).

4. **Гончар Сергей Александрович.** История православных монастырей Беларуси в трудах краеведов второй половины XIX – начала XX вв.

Диссертация на соискание академической степени магистра исторических наук по специальности 1 – 21 80 15 Всеобщая история (Гродно, ГрГУ им. Я. Купалы 2009).

5. **Беняш Андрей Владимирович.** Развитие идеи собственности в российской общественной мысли второй половины XIX в. – 1917 г.

Диссертация на соискание академической степени магистра исторических наук по специальности 1 – 21 80 15 Всеобщая история (Гродно, ГрГУ им. Я. Купалы 2010).

6. **Кузьмицкая Вера Генриховна.** Развитие гендерных исследований в российской историографии (80-е гг. XX – начало XXI вв.).

Диссертация на соискание академической степени магистра исторических наук по специальности 1 – 21 80 15 Всеобщая история (Гродно, ГрГУ им. Я. Купалы 2010).

7. **Валюлик Валерий Вацлавович.** Теоретико-методологические воззрения Ежи Топольского.

Диссертация на соискание академической степени магистра исторических наук по специальности 1 – 21 80 15 Всеобщая история (Гродно, ГрГУ им. Я. Купалы 2011).

8. **Дорошкевич Елена Казимировна.** Философия истории русских народников (середина XIX – начало XX вв.).

Диссертация на соискание академической степени магистра исторических наук по специальности 1 – 21 80 15 Всеобщая история (Гродно, ГрГУ им. Я. Купалы, 2012).

9. **Ван Цзяньган.** Социально-экономическое развитие Синьцзян-Уйгурского автономного района (1912 – 1949 гг.).

Диссертация на соискание академической степени магистра исторических наук по специальности 1 – 21 80 15 Всеобщая история (Гродно, ГрГУ им. Я. Купалы, 2012).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Мартен М.В.</i> Постигание истории через теоретическое осмысление (к 60-летию профессора А.Н.Нечухрина)	5
<i>Габрусевич С.А.</i> Профессор Александр Николаевич Нечухрин (штрихи к портрету)	14
<i>Бадюкова Т.А.</i> Александр Николаевич Нечухрин	18
<i>Нечухрин А.Н., Рамазанов С.П.</i> Мир абсолютных ценностей: Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский	21
<i>Релина Л.П.</i> История историографии в пространстве современного гуманитарного знания	45
<i>Синяков С.В.</i> Идеальная компонента в структуре экономической деятельности	53
<i>Лелешко Б.М.</i> О возможности этического смысла истории	65
<i>Сидорцов В.Н.</i> Научный язык историка как проблема	75
<i>Чикалова И.Р.</i> Реальное и воображаемое сообщество англоведов из Беларуси в императорской России	84
<i>Карев Д.В.</i> Белорусская историография и историческое сознание белорусского общества в 1930 – 1941 гг. (основные тенденции развития)	100
<i>Черелица В.Н.</i> Из рода Грибоедовых	106
<i>Пивоварчик С.А.</i> «Инструкция по рекогносцировкам» – важный источник по истории фортификационного строительства в СССР	112
<i>Ярмусик Э.С.</i> Католическое духовенство Беларуси в годы Великой Отечественной войны: к вопросу об оценке политической позиции и деятельности	123
<i>Рамазанов С.П., Михайловский И.Ю.</i> Новгородская республика: начало отечественной демократии? (к историографии вопроса)	129
<i>Беленькая Л., Зингер Б.</i> Основные тенденции развития методологии изучения миграционных процессов в эпоху глобализации	135
<i>Васюк Г.В.</i> Византия и Запад в X веке	147
<i>Устюгова А.Г.</i> Восточная Азия: тенденции и перспективы развития в эпоху глобализации	155
<i>Кручковский Т.Т.</i> Отношения Польши и Великого княжества Литовского в период от Кревской до Люблинской уний в оценке русской историографии второй половины XIX – начала XX века	175

<i>Заневский С.В.</i> Мемуарные источники и их анализ (по данным мемуаров высшего сословия конца XVIII – XIX вв.)	189
<i>Гагуа Р.Б.</i> Образование Великого княжества Литовского в российской дореволюционной историографии	201
<i>Тохиян Т.М.</i> Проблема построения белорусской государственности (1917 – 1922 гг.) в отечественной историографии 30-х – первой половины 50-х гг. XX в.	216
<i>Минич А.П.</i> Основные направления и ведущие центры исследований истории древнего мира в белорусской историографии (вторая половина 80-х – середина 90-х гг. XX в.)	225
<i>Кручковский Т.Т., Хилкота В.А.</i> Отношения Польша – Русь в контексте докатолической истории Великого княжества Литовского в интерпретации русской историографии XIX – начала XX века	237
<i>Литвинский А.В.</i> Этногенез славян: проблема соотношения информации источников различных видов	250
<i>Мелешко Е.И.</i> Концепции национального развития Беларуси в белорусской исторической мысли 30-х – 80-х гг. XX века	260
<i>Бутько В.Н.</i> Columbia Center for Oral History: первые проекты по устной истории	270
<i>Козловская Н.В.</i> Учебники по всемирной истории новейшего времени в контексте школьного исторического образования Республики Беларусь	277
Библиографический указатель научных трудов профессора Александра Николаевича Нечухрина, опубликованных в 1973 – 2011 гг.	292
Докторские, кандидатские и магистерские диссертации, защищенные под руководством профессора А.Н. Нечухрина в 2001 – 2012 гг.	307